А. И. ПОКРЫШКИН

НЕБО ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

За время Великой Отечественной войны А.И. Покрышкин провел 156 воздушных боев и сбил 59 самолетов противника. Рассказывая о себе, автор старается раскрыть источники героизма летчиков, прослеживает рост их мастерства.

- Александр Иванович Покрышкин
  - 1. Вступление
  - 2. Первые испытания
  - 3. Навстречу грозе
  - 4. Подвиг требует мысли
  - 5. Днестр остается в дыму
  - 6. Море и девушки
  - 7. Ой, Днипро, Днипро!..
  - 8. Самолет на дорогах
  - 9. Низкое небо
  - 10. Зима больших надежд
  - 11. Лето, отданное врагу
  - 12. Край войны
  - 13. Формула грозы
  - 14. Над «Голубой линией»
  - 15. Молодые крылья
  - 16. Знакомые маршруты
  - 17. Жизнь с нами
  - 18. Москва близко
  - 19. Возвращение
  - 20. Граница уже позади
  - 21. Земля сибирская
  - 22. Затишье перед бурей
  - 23. Под нами Германия
  - 24. Последний бой
  - 25. Во имя мира

Александр Иванович Покрышкин
Небо войны

1. Вступление

— Эй, извозчик!

Пока тот, понукая лошадь, приближался к нам, я мысленно переносил себя из одного века в другой. Мы полгода жили по ту сторону Днестра, учились там на курсах командиров звеньев и только что возвратились в Бельцы, в свой полк. «Эй, извозчик!» — зычно брошенное Костей Мироновым, гулкий стук копыт по мостовой, вид пролетки, знакомой по иллюстрациям к старым рассказам, — все было снова необычным. Костя Миронов спешит занять местечко поудобнее.

— Аэродром!

Но извозчик и сам понимает, куда нам надо. Он безразлично посмотрел на щуплого Миронова и остановил взгляд на нас четверых. Выдержала бы его ветхая, любовно выкрашенная черным лаком пролетка. Дернув за вожжи, он лихо прикрикнул на лошадь:

— Атя-вьё!

Навстречу поплыли знакомые дома главной улицы. С ней, с Бельцами у нас связано важное событие прошлого года — воссоединение Бессарабии с Советским Союзом. Мы тогда готовились к воздушным боям, а все кончилось очень мирно: наш полк в парадном строю перелетел границу и приземлился на аэродроме в Бельцах. Знакомство с городом началось, конечно, с главной улицы. По ней мы прогуливались каждый вечер.

— А всю Европу на такой таратайке можно объехать? Костя

Миронов блаженно щурится от яркого южного солнца,

— Нашел где путешествовать, — отозвался Панкратов. — Теперь все бегут оттуда.

Извозчик обернулся к нам, мы переглянулись. О чем он подумал? Мы вспомнили, как несколько дней тому назад на аэродроме приземлился югославский бомбардировщик «савойя». Его экипаж чудом вырвался из фашистской неволи. Суровые лица югославских летчиков выражали отчаянную решимость…

— А я бы с удовольствием проехался по Венскому Лесу под мелодию «Большого вальса»…

Коляска остановилась у штабного барака. Извозчик хорошо знал сюда дорогу: летчики, опоздав на автомашину, забирающую их по утрам из города, часто прибегают к помощи ранних извозчиков. Правда, наша троица — Миронов, Панкратов и я в одно время была независима от грузовика и пролеток. У нас была своя легковая машина. Приобрели мы ее случайно и вот каким образом.

…В первые дни жизни в Бельцах нас, советских командиров, постоянно осаждали уличные мальчишки, просившие «двадцать копеек» («Дядя, мы вас двадцать лет ждали, дайте двадцать копеек»), и местные маклеры.

Маклеры наперебой предлагали свои услуги:

— Что пан офицер хочет купить?

— Пароход! — пошутил кто-то.

— Можно и пароход. Но зачем же пароход — лучше машину.

— Гони машину!

На второй день к дому, где мы жили, подкатил какой-то старомодный легковой автомобиль. Увидев за рулем знакомого маклера, мы опешили: «Что делать?» Сначала хотели просто не выходить на странные гудки, да показалось неудобным. Пусть прокатит на этом драндулете.

— «Испано-суиза»!.. Гоночный вариант! — отрекомендовал маклер машину, указывая на фирменный знак.

Мы не без улыбки ощупывали ее деревянную двухместную кабину, деревянные колеса, обтянутые гусматиком. Затем, облепив «антилопу-гну», с «шиком» проехались по городу. И хотя трескотня мотора оглушала встречных, нам казалось, что «испано-суиза» — полный «комфорт».

На этой машине мы целой гурьбой подкатывали по утрам к штабу, а в свободное время гоняли с «ветерком» по хорошим дорогам. Отъезд на курсы прервал автомобильные развлечения. Сейчас наша «испано-суиза», наверно, валяется уже где-нибудь на свалке, ибо за минувший год жизнь Советской Бессарабии круто изменилась.

В штабе полка мы застали только дежурного — младшего командира. Он сообщил, что летчики и технический состав на днях перебрались в летний лагерь, расположенный у села Маяки, под Котовском.

— Но командир здесь, добавил дежурный. — Он где-то на аэродроме.

Аэродром оказался основательно изрытым. Между кучами развороченной земли сновали грузовики, сосредоточенно работали лопатами бессарабские парни.

— Братцы, что здесь происходит?! — воскликнул Костя Миронов. — Кажется, тыловики всерьез задумали упрятать под землю бензобак. Это же цель номер один.

— Давно пора, — отозвался Мочалов. — Такой объект можно увидеть даже из стратосферы.

— Зачем же тогда белить огромный бак?

— Спокойно! Мы, наверно, скоро будем взлетать с бетонированной полосы.

— Это дело! Много слышали о бетоне, только вот под колесами ни разу его не чувствовали.

— Настоящий муравейник.

— Темпы наши, советские.

Самолетов на аэродроме не было. Лишь в самом его конце, подступавшем к речушке, виднелись какие-то продолговатые белые ящики. Увидев возле них командира полка Иванова и инженера Шолоховича, мы направились туда.

Виктор Петрович Иванов обрадовался нашему приезду. Когда я, как старший группы, доложил о прибытии с курсов, он с улыбкой пожал нам руки и сказал:

— Поздравляю вас всех с окончанием. А тебя, Покрышкин, и с новой должностью.

Мы переглянулись. Стоявший рядом Миронов не выдержал:

— Я же говорил, что начальник курсов не простит тебе «крючков» в полетах. С переводом тебя в рядовые летчики!

Широкое, полное лицо Иванова светилось улыбкой, крупные черные глаза ласково щурились.

— О его «крючках» мы знаем. Вот сядет на МИГ, пилотировать на нем посложнее, чем на И-16, пусть и разгибает свои «крючки». Покрышкин назначен заместителем командира эскадрильи.

«Крючками» товарищи в шутку называли придуманные или как-то измененные мной фигуры высшего пилотажа, которые я применял в учебных воздушных боях. Начальник курсов, заместитель командира нашего полка Жизневский, был сторонником пилотирования «академичного», спокойненького и

настороженно относился ко всяким новшествам. Он сам летал без «огонька» и у других всячески старался его погасить.

«Сядет на МИГ…» Что это значит? Ах, вот оно что! Из огромных белых ящиков вылупливались, как из скорлупы цыплята, новенькие, чистенькие светло-зеленые истребители.

Что говорить, появление на аэродроме самолетов новой конструкции — незаурядное событие в жизни летчиков. Мы бросились к ящикам.

В это время в небе послышался прерывистый гул. Все запрокинули головы.

Незнакомый самолет шел на большой высоте.

— Немецкий разведчик!

— «Юнкере»!

— Да он не один! С ним «мессершмитты»!

Действительно, вокруг двухмоторного бомбардировщика с ромбовидными крыльями кружилась четверка истребителей. Все они возвращались на запад с нашей территории строго через Бельцы,

«Юнкере»… Это слово я впервые услышал, когда был еще мальчиком. Теперь, когда мы все смотрели вверх, где был виден в синеве «юнкерс», мне вспомнилась первая встреча с ним…

В один из сентябрьских дней в небе над Новосибирском вдруг появился самолет. Изумляя старых и малых, он сделал несколько кругов и приземлился на военном плацу. Весь город повалил туда. Мы, мальчишки, обладая таким преимуществом перед взрослыми, как быстрые босые ноги, примчались к плацу первыми и, хотя у самолета уже стояла охрана, кое-как протиснулись к нему. Я робко притронулся к холодному крылу машины и вдохнул незнакомый теплый маслянистый запах, струившийся от мотора. Как знать, может быть, именно ощущения тех счастливых минут предопределили мое будущее. На митинге, состоявшемся возле самолета, люди говорили о создании советского воздушного флота, о защите Родины. Тогда-то и услышал я слово «юнкерс». Оказалось, что стоявшая перед нами машина была куплена в Германии на средства, собранные сибиряками, у фирмы «Юнкере» и совершала агитрейс по нашим городам. Слово «юнкерс» звучало тогда для меня загадочно и приятно, оно звало к знаниям. Самолет, носивший это название, зародил во мне крылатую мечту. Я старался хорошо учиться в школе, в фабзавуче, усиленно занимался спортом, чтобы поступить в авиашколу… Захваченный романтикой героической профессии, я, как и тысячи моих ровесников, взлетел в бескрайнее манящее небо. Теперь, в майский день 1941 года, я увидел силуэт «юнкерса» — вражеского бомбардировщика. Его прерывистый

тяжелый гул, от которого родное небо вдруг словно стало чужим, заставил меня сжать кулаки.

— Это фашистский, товарищ майор? — спросил посерьезневший Костя Миронов.

— А чей же! — ответил командир полка. — Уже не первый. Ведут разведку, фотографируют.

«Почему же нет сигнала тревоги? — подумал я. — Почему наши не преследуют его?» А вслух сказал:

— Был бы здесь самолет, я бы его, гада, сейчас сфотографировал!

— Он уже над Прутом, — со вздохом отозвался Иванов. — Чтобы перехватить такого, нужен самолет порезвее И-16. Да и не разрешают их сбивать.

Последние слова командира вызвали у нас недоумение.

— Как же так? Почему не имеем права сбивать, если они летают над нашей территорией?

— Не может быть этого!

— Средь бела дня фотографирует, и нельзя его пугнуть по-настоящему?

Мы возбужденно смотрели на командира, словно это он завел такой порядок в пограничной полосе и сам мог его изменить.

— Таково указание свыше, — с грустью в голосе пояснил Виктор Петрович. — Дипломатия… Гонишься за таким подлецом, а сам на карту посматриваешь: как бы, чего доброго, не проскочить границу!

Сознавая эту несправедливость, мы искали ей оправдания и не находили. По всему чувствовалось, что участившиеся полеты фашистов над нашей территорией предвещают что-то страшное. Мы стояли среди разрытой земли, у несобранных самолетов и думали о том разведчике, который в это время приземлялся где-то в Румынии или Венгрии на аэродроме, забитом самолетами. Каждый в эти минуты вспоминал, что фашистская Германия вероломно попрала границы почти всех западноевропейских государств, что в эти дни ее армия хлынула на Балканы. С горечью подумалось: как мало знаем мы, летчики, об аэродромах, скрытых за пограничными холмами!

Техники под руководством инженера снова занялись сборкой самолетов. Командир полка подходил то к одному из них, то к другому, отдавая какие-то распоряжения. Потом он энергичным взмахом руки позвал нас к себе. Мы подошли к МИГу, поставленному на шасси. Его крылья уже были прикреплены к фюзеляжу и сверкали в лучах солнца.

— Чего стоите? Залезайте в кабину! — сказал Иванов, а сам направился к ящику, который только что начали вскрывать.

Мы по очереди поднимались в кабину нового истребителя и знакомились с ее оборудованием. Наше занятие прервал голос Иванова:

— Ну как, нравится машина?

Все промолчали, не решаясь дать оценку МИГу после столь короткого знакомства.

— Красивый, — осторожно заметил я. — И мотор, наверно, мощный. Но оружие, кажется, слабовато.

— Слабовато? — удивился майор. — Крупнокалиберные пулеметы БС, два «шкаса». Разве этого мало?

— Пушку бы надо установить на него, товарищ командир. «Юнкерса» не так-то просто сбить.

— Просто и рубаху не наденешь, — отпарировал Иванов. — Надо уметь. Если на МИГах пойдем на перехват, «юнкерсам» несдобровать. А может быть, на «ишачках» будем летать? — с улыбкой спросил он.

Мы все одобрительно заговорили о МИГах.

— То-то! — Командир удовлетворенно прошелся перед нами. — Сегодня же направляйтесь в Маяки. Там есть уже два МИГа. Время, видите, какое? Тучи нависают. Надо ускоренно переучиваться. Ловить будем бандитов. Обязательно! — Он сам начал подавать болты механику, стоявшему на подставке у крыла. — Вот соберем машины для одной эскадрильи, и ты, Покрышкин, сразу перегонишь их в Маяки. Там переучим эскадрилью и вернемся сюда.

Командир искал в работе успокоения. Мы ждали, что он и нам прикажет взяться за сборку. Но майор снова заговорил о переучивании, о том, что сейчас необходимо дорожить каждой минутой.

— Прихватите свои вещички и уезжайте! Мы поспешно ушли готовиться к отъезду.

Поезд на Котовск через Тирасполь отходил вечером. В нашем распоряжении оставалось полдня. Условились встретиться на вокзале и разошлись по квартирам.

По пути домой Костя Миронов встретил на улице нашу молоденькую соседку Флорию и отстал. О чем он с ней говорил, не знаю, но догнал повеселевший.

Мы снимали комнату у бывшего крупного торговца. Свои два больших дома он сдавал внаем жильцам. Хозяев мы видели редко. Об их появлении в доме напоминали острые запахи, доносившиеся из кухни в коридор. Их прислуга по-прежнему старательно убирала и нашу комнату.

Возвратившись домой, я хотел заняться укладкой вещей в дорогу, как в дверь постучали. Вошел хозяин. Сегодня старик

бодрее, чем всегда. Он остановился передо мной в решительной позе и, ткнув пальцем в потолок, спросил:

— Видели их?

— Кого? — пожал я плечами, хотя сразу понял, о чем идет речь.

— И ваши ничего им не могут сделать. Ничего! — горячо продолжал хозяин. — Как-то в разговоре с вами, господин офицер, я наугад сказал, что через год немец будет здесь. И не ошибся. Год прошел — и вот он появился.

— Что ж, — притворно вздохнул я, — все складывается по-вашему. Может быть, и магазин вам скоро вернут.

— Не шутите, господин офицер. Я всегда считал вас серьезным человеком. О них, — он снова указал в небо, туда, где недавно пролетел немецкий авиаразведчик, — мы, евреи, кое-что знаем. Немец мне возвратит магазин? Ай, зачем вы это говорите!.. Я старый человек и готов дожить свой век при какой угодно власти, только не при Гитлере.

— Но вы же рады тому, что немцы пролетают над Бельцами?

— Кто вам сказал, что я рад?

— По вас вижу.

— Зачем так говорить? Я думаю о Румынии. Там остались мои братья, сестра. Раньше я виделся с ними каждое воскресенье, а теперь… О, Букурешт! Увидели бы вы, какой это город!

— Когда-нибудь его увижу, — ответил я убежденно. Хозяин широко раскрыл глаза, ожидая, что я скажу дальше.

Надо было менять тему разговора.

— Плату за комнату вы получите сегодня. Хозяин, не дослушав меня, повернулся и вышел.

Я вытащил из-под кровати чемодан, в котором хранил холостяцкие пожитки, и начал отбирать самое необходимое для жизни в лагере. Коверкотовая гимнастерка… Нужно взять. Новые брюки — тоже. Белье, платочки, полотенце. Альбом для рисования — обязательно. Книжонка. А это что? Ай-ай, какой же я растяпа! До сих пор не отослал сестре отрезы, купленные еще зимой. А ведь готовил подарок к весне. Как бы она обрадовалась белому шелку с набивными цветами! Да и черный с белыми штрихами крепдешин ей понравился бы не меньше.

Мария моложе меня на два года. Она единственная сестра у нас, пятерых братьев. В детстве ей жилось труднее, чем нам: слишком рано легли на ее плечи домашние заботы, и в школу надо было поспевать. Все братья любили Марию, готовы были защитить ее от обидчиков, но она никогда ни на кого не жаловалась — такой уж у нее характер.

Мысли о сестре перенесли меня в Новосибирск. Далекий, но

близкий сердцу город! Вот наш домик на берегу Каменки. Последний раз я побывал в нем в 1937 году, а потом все никак не удавалось выбраться. Стихия летной жизни захватила меня. Долго и трудно шел я к ней, словно поднимался на высокий крутой перевал. И вот взошел на него и никак не нагляжусь на открывшийся простор.

Я люблю летать. Стремлюсь быть в числе лучших. Опыт летчиков-истребителей, воевавших на Халхин-Голе и на Карельском перешейке, заставляет больше думать и настойчивее тренироваться. Все добытое ими кровью надо осмыслить, понять, усвоить. Только об этом все мои заботы. Я избегаю увлечений девушками, будучи уверен, что семья не позволяет летчику целиком отдаваться своему трудному делу…

Как же быть с отрезами? Забрать с собой? Но в лагере будет, конечно, не до посылок. Эх, сестренка, потерпи еще немного — ведь больше ждала обещанного. Вот перегоню МИГи, выберу свободный часок и отправлю тебе подарок. Уложив отрезы на дно походного чемодана, я засунул его под кровать.

В ожидании Миронова еще раз вернулся в мыслях к событиям дня. А ведь сегодня в моей жизни произошло что-то большое, значительное. Командир полка назначил меня заместителем комэска! Жизневский, конечно, не знает об этом. Если бы Иванов предварительно советовался с ним, тот бы не согласился с этим выдвижением. Он знает, что я не люблю его как летчика, и поэтому не терпит меня. А я не умею скрывать своих чувств, не могу идти на компромиссы, когда речь идет о мастерстве пилотирования, о тактике.

Зато в Иванове я, как говорится, души не чаю. Он покорил меня с первой встречи. Осенью 1939 года, окончив Качинскую авиашколу, я прибыл в полк. В штабе мне сказали, что командир на полетах. На аэродром я пришел в момент взлета очередного истребителя. Меня удивило, что И-16, взмыв над землей, резко, что называется на одном крыле, развернулся. И-16 — машина очень строгая, с ней я познакомился в школе и знал, что в таком крутом вираже на небольшой высоте она может наказать — рухнуть вниз. Но летчик так искусно и молниеносно развернул своего «ишачка», что я изумился. Истребители понимают, как важен такой резкий, неожиданный маневр самолета во время воздушного боя.

— Кто взлетел? — спросил я у стоявшего рядом летчика.

— Командира не узнаешь? — удивился тот.

— Командир полка?!

— Конечно! — с гордостью подтвердил летчик.

Я с завистью смотрел на пилотов, наблюдавших за своим

командиром. Хорошо учиться у такого мастера! А на второй день и я вылетел с Ивановым на двухместном УТИ-4.

Летчик-истребитель овладевает искусством высшего пилотажа, следуя в основном какому-то образцу. Мне и моим товарищам повезло: у нас таким образцом был сам командир. Он летал в пилотажной пятерке на авиационном празднике в Москве. Его любили, ему доверяли и во всем подражали. И наш сегодняшний разговор с ним, его энергичное требование — немедленно переучиваться на новые машины — были для нас чем-то очень важным.

Немецкий бомбардировщик, пролетевший над Бельцами, оставил в душе грустный след. На меня опять словно давило небо, в памяти оживал запомнившийся гул чужого самолета.

Миронов не появлялся. Досадуя, я уже собирался идти на вокзал один, как в дверях неожиданно выросла его фигура.

— Извини, Саша, задержался, — сказал он и начал укладывать свои вещи. И вдруг выпалил: — Надеюсь, в Тирасполе мы остановимся на денек? У меня там знакомых девчат — хоть отбавляй!

— Целый день тратить на такой пустяк?

— Пустяк? — удивился Костя.

— Для тебя — безусловно.

Улыбка исчезла с лица Миронова. Видимо, не часто приходилось ему слышать откровенные суждения о себе. Он вспылил:

— Ах да, я забыл, что ты теперь начальник. Будешь читать нам мораль?

— Я прежде всего друг тебе!

— Мои личные дела тебя не касаются, — пробормотал смущенный Миронов.

— Какие там к черту дела! Вчера какую-то студентку заставил плакать, сегодня, наверно, Флорику. Разве это по-человечески?

— Мало ты, Саша, понимаешь в этом деле.

— О да! Ведь это такое сложное дело — крутить головы девчатам… Не забудь прихватить побольше носовых платков. В Тирасполе мы не задержимся.

Миронов догонял меня уже на улице.

Дорога от Бельцев до Котовска нам порядочно наскучила — на самолетах мы не раз облетывали весь этот район за полчаса, а по земле ползем целые сутки.

До Маяков легко добрались на попутных машинах, доставлявших бензин, продовольствие, боеприпасы.

Маяки — один из тех аэродромов, которые десятилетиями

обозначались на секретных картах в штабах, а использовались колхозами для сенокосов и выпаса скота. Их много было разбросано по степной Украине, на них годами не приземлялся ни один самолет, и кое-кому могло показаться, что они вообще не нужны. Но пришло время, когда военной авиации понадобилось это поле, покрытое молодым клевером. Словно рой пчел, приземлился на нем наш полк. В воздухе, не утихая, стоял гул моторов.

Штаб полка размещался на аэродроме, в большом фанерном ящике из-под МИ Га, поставленном в густой зелени лесной полосы. Начальник штаба майор Матвеев Александр Никандрович, как всегда занятый телефонными разговорами, бумагами, распоряжениями, увидев нас, вышел навстречу.

— Ну как, пофокусничал на курсах? — весело обратился он ко мне. — Жизневский жаловался на тебя.

— Если пилотаж для него только фокусы, пусть жалуется.

— Вот как! — Начальник штаба посмотрел на меня одобрительно, но ответил уклончиво: — Конечно, если это был настоящий пилотаж, на МИГе он здорово пригодится. Смотри, какая парочка! Говорят, строгая машина. Не вздумай только цирк устраивать, шею свернешь.

— Ничего… Скорее бы вылететь.

— О, сразу и вылететь? Храбрец! Идите устраивайтесь. Не на один день приехали.

Устраивались недолго. Оставили чемоданы, сдали аттестаты, осмотрели достопримечательности — вот и все. Спать будем на втором этаже в просторном классе, питаться в столовой этажом ниже, купаться — в пруду, наполовину заросшем камышом. Костя Миронов поинтересовался у «старожилов», где можно «развеять холостяцкую тоску». Ему ответили, что в деревне, расположенной в пяти километрах отсюда, есть клуб, там иногда бывает кино.

Кончились наши двухдневные каникулы. Мы, «курсачи», пришли на летное поле со шлемофонами у ремней и планшетами через плечо — никто не приказывал брать их, но вдруг понадобятся, — и будничная, напряженная, настоящая жизнь захватила нас в свой стремительный водоворот.

Аэродром… Его летное поле всегда истоптано до пыли на старте и выветрено на полосах взлета и посадки. С этого небольшого квадрата земли мы взлетаем, чтобы отработать какие-то элементы пилотажа, сюда возвращаемся со своей маленькой победой или неудачей. Куда ни летим, как ни безотчетно, кажется, парим в небе, но аэродром следит за нами как учитель и как зритель, и перед ним мы отчитываемся, насколько разумно использовали дорогое время, не понапрасну

ли потратили бензин, патроны, снаряды. Этот квадрат земли отдан во власть самолетов. Только они имеют право пробегать по нему, взмывая в небо или возвращаясь с высот домой.

Когда летчик приходит на аэродром, то он становится уже наполовину «неземным». Его чувства и мысли — в небе, с теми, кто летает, ибо если один в воздухе, все с ним. Но что происходит на нашем аэродроме сегодня? Почему допускаются такие нарушения уставных положений? Почему не взлетают над полем предупредительные ракеты? Самолеты ведь заходят на посадку на необычно высоких скоростях… Командир нашей эскадрильи старший лейтенант Анатолий Соколов, участник боев на Халхин-Голе, с орденом Красного Знамени на гимнастерке и следами ожогов на лице, сам стоит на старте с флажками в руках.

Исхлестанный струями воздуха, сливающимися с горячим весенним ветром, загоревший, он руководит полетами. Перед тем как выпустить самолет в зону, он о чем-то напоминает пилоту жестами, иногда, показывая что-то, приседает, разводя руками, как наседка крыльями. Он встречает самолеты, подруливающие к нему после посадки. Взбирается на крыло и, придерживаясь за фонарь, нагибается в кабину, что-то кричит. Струя воздуха от винта обтекает его, готовая столкнуть с плоскости. Гимнастерка на его спине раздувается, а лицо от напряжения становится кумачово-красным.

И на сей раз командир снова отправляет летчика в зону. Вот фонарь закрыт. Еще один взгляд, еще одно напоминание, и мотор взревел, самолет понесся.

— Товарищ старший лейтенант, явился в ваше распоряжение.

— Почему так официально? — улыбнулся Соколов.

— Назначен к вам замкомэска.

— Поздравляю. Очень кстати. Атрашкевичу как раз такой заместитель нужен.

— Меня к вам направили.

— Я уезжаю завтра в Кировоград на курсы. Будете с Атрашкевичем переучивать эскадрилью. Вот видишь: заходит на посадку, забыв все, что говорено ему десять раз. Голос порвал… Не гаси скорости! Ниже подпускай к земле! Ниже! Иначе на МИГе сразу плюхнешься. Ну, давай, подбирай ручку. Так, отлично!

Наблюдая, как Соколов, не имея с летчиком радиосвязи, командует им, я невольно засмеялся.

Соколов оборачивается ко мне.

— Чего хохочешь?

— Смешно получается, товарищ командир.

— Завтра сам будешь не меньше моего переживать. Учить надо!

Я рассказал ему о немецком разведчике, пролетевшем над Бельцами. Он достал папиросу, закурил. Вижу, от волнения не подберет слов для выражения своих мыслей.

— Жечь стервятников надо! Жечь! Дипломатическими нотами их не отпугнешь.

— МИГами!

— Верно! Вот они, полюбуйся!

Переучивание — процесс скоротечный, но сложный. Летчикам надо перенести свои навыки, приобретенные в полетах, с одной машины на другую. Перенести лишь то, что необходимо, и одновременно обогатить себя чем-то новым.

Истребитель МИГ-3, на котором наш полк встретил вражеские самолеты 22 июня, потребовал от летчика немало новых навыков, дополнительных усилий в обучении. Эта машина мне понравилась сразу. Ее можно было сравнить со строгим, горячим скакуном: в руках волевого наездника он мчит стрелой; потерявший над ним власть окажется у него под копытами. Конструкторам вообще редко удается с одинаковым эффектом воплотить свои мысли в летные и огневые качества самолета. В любой конструкции обязательно найдется какое-либо слабое место. Но в каждом новом истребителе тех лет мы видели наши технические и творческие победы.

Отличные боевые качества МИГ-3 были как бы скрыты за некоторыми его недостатками. Достоинства этой машины становились доступными только для тех летчиков, которые владели умением находить их и использовать.

С переучиванием мы торопились. Чувствовалось, что на западных границах назревают грозные события. Немецкие разведчики все чаще и чаще вторгались в наше воздушное пространство. В начале июня командование дивизии выдвинуло к самой границе первое переучившееся звено.

Командир звена лейтенант Валентин Фигичев, смуглый, высокий, с большими черными бакенбардами, так не похожий на жителя Урала, откуда он родом, с гордостью принял ответственную вахту на самом краю нашей земли, у Прута. В нашем лексиконе появилось слово «Пырлица» — место расположения аэродрома подскока (с него можно было идти на перехват внезапно, как из засады).

На мою долю в эти дни тоже выпало сложное задание. Наше звено — теперь в обновленном составе: лейтенанты Дьяченко, Довбня и я — должно было испытывать собранные в Бельцах новые машины и перегонять на аэродром Маяки.

Почти ежедневные перелеты из Бельцев за Днестр немало способствовали мне и моим друзьям в овладении новой машиной.

МИГ-3 легко пикировал, набирая скорость свыше пятисот километров, делая после этого горку в шестьсот-семьсот метров. (И-16 мог дать горку значительно меньшую.) Такая большая вертикаль — это высота, а высота — это запас скорости. Мне полюбилась эта машина, качества и рисунок которой как бы подтверждали ее назначение: атака!

Поднимаясь на таком истребителе в воздух, летчик чувствовал себя сильным, уверенным. Отрабатывая фигуры высшего пилотажа, я думал о новых приемах воздушного боя, о том неожиданном для противника маневре, который ставит тебя в выгодное по отношению к нему положение. Ведь только это может принести победу в поединке. Когда в руках есть скоростная, хорошо вооруженная машина, мысль проникает в более сложные детали пилотирования, маневра, боя, ищет чего-то нового в нашем искусстве.

В эти дни я где-то вычитал о том, что человеку, чтобы среагировать на какое-то явление, нужно полсекунды времени. Хорошо обученный, натренированный летчик реагирует еще быстрее. Но у летчиков реакция тоже не у всех одинаковая. Чем она острее и точнее, тем неожиданней твои действия для противника. Чтобы выработать в себе это качество, надо в тренировочных полетах, рассуждал я, не бояться напряжения, чувствовать всегда, что ты идешь в настоящий бой.

Это было главной отличительной особенностью моей летной практики. Я любил пилотировать резко, любил предельные скорости и высоты, стремился довести до автоматизма координацию движений рулями управления, особенно на вертикальных фигурах и выходе из пикирования. Тот, кого пугало это, называл мои резкости «крючками». Но одно дело — рассудительная предосторожность, и совсем другое — недооценка возможностей самолета. Явно ошибались товарищи, считая, что воздушные бои с врагом будут происходить точно так же, как учебные над аэродромом, — строго по схеме и только в составе группы.

Адъютант нашей эскадрильи Овчинников, которого мне пришлось в эти дни обучать на МИГ-3, тоже нередко спорил со мной.

— Нельзя так обращаться с машиной, — возмущался он, — заставлять ее совершать не свойственные ей эволюции! Это к добру не приведет!..

— Почему несвойственные? — возражал я ему. — Если она подчиняется моей воле, значит может подчиняться и твоей! Но прежде надо самому стремиться сделать это движение.

— Что же я, по-твоему, бесчувственная болванка, посаженная

в кабину?

— Да нет, между тобой и болванкой есть некоторая разница. Ее нельзя расстрелять, а тебя или меня, если мы будем так пилотировать, как ты, могут свалить на землю в первом бою.

— Брось стращать. У меня есть свое чувство машины.

— Правильно! — понравилась мне его мысль. — Но чувство нужно развивать — оно ведь тоже не терпит застоя и ограниченности. Смело иди на перегрузку, ищи пределы возможности для маневра и скорости.

Для примера я рассказал Овчинникову о том, как мне удалось применением нового способа прицеливания при воздушной стрельбе по движущейся цели добиться высоких попаданий. Я делал по сорок пробоин в конусе вместо двенадцати, предусмотренных оценкой «отлично».

— Но ведь тебя все буксировщики боялись! Даже отказывались возить конус. «Постреляет нас», — говорили они.

— Это излишняя боязнь и чрезмерная предосторожность.

— Предосторожность никогда не помешает. Зато боязнь, учти, может привести к беде. Так мы с Овчинниковым и не пришли к согласию. Но такие дискуссии во время разбора полетов заставляли сосредоточиться на главном. Надо было по-настоящему готовиться к воздушным боям. Каждому в отдельности и всем вместе.

По земле шел благодатный июнь. Зеленые холмы мягко очерчены, сады мелькают ровными строчками быстро перевернутых страниц, речушки и пруды взблескивают и тут же гаснут. Но вот широкие поля созревающих хлебов расстилаются сизым разводьем, тронутым зыбью. И взгляд задерживается на них…

Во время полета у самой земли, или, как мы выражаемся, на бреющем, внимание фиксирует только яркое, большое, все остальное лишь составляет неопределенный фон. Но то, что отмечают зрение и память, как раз и создает ощущение быстроты, скоростного наплыва местности, собственного полета.

Такое ощущение очень необходимо летчику. Желание как можно ниже пронестись над землей продиктовано стремлением быть в предельном напряжении, тренировать свою внимательность, быстроту ориентации. А еще — испытываешь потребность со всей глубиной почувствовать полет, словно бы через самого себя пропустить встречный поток красочной земли. На высоте такого удовольствия от полета не получишь. Там временами совсем теряешь зрительную связь с землей и придерживаешься одного горизонта или какого-то застывшего в стороне облака, расплеснувшегося внизу пятна лесного массива,

ленты реки.

Перегоняя самолеты из Бельцев в Маяки, мы вдоволь натешились бреющими полетами. С Маяков нас забирали транспортными самолетами, а в Бельцах ждали собранные и заправленные МИГи. Быстрый осмотр системы управления, взлет — и вот мы уже демонстрируем над аэродромом высший пилотаж: крутые горки, стремительные виражи, пикирование с выходом почти у самой земли. Техники и инженеры довольны — машины ведут себя хорошо. Рабочие тоже охотно наблюдают такое зрелище. Только руководители стройки косо посматривают на нас: на аэродроме задерживаются работы.

В полетах над аэродромом и на маршруте мы действовали самостоятельно. Напарники мне попались толковые, смелые, и поэтому испытания новой техники стали для нас хорошей тренировкой. Я с удовлетворением вспоминаю солнечные дни первой половины июня. Они прибавили мне сил, умения и летной закалки.

Во время одного из прилетов в Бельцы я на несколько минут забежал на свою квартиру. Увидев меня, хозяин обрадовался, пригласил к себе пообедать. Я удивился: раньше этого не случалось. С чего бы такое гостеприимство? Искренне ли его радушие? Задерживаться я не мог и отказался от обеда. Прощаясь у двери, хозяин дрожащей рукой взял меня за плечо и взволнованно прошептал:

— Послушайте, на этой неделе Германия нападет на Советский Союз.

Мне пришлось изобразить на лице безразличие к его сообщению, назвать эти слухи провокационными. Но старик не унимался:

— Это не слухи! Какие слухи, если из Румынии люди бегут от фашиста Антонеску. Они все видят. Армия Гитлера стоит по ту сторону Прута, и пушки нацелены на нас! Что будет, что будет? Куда нам, старикам, податься? Если бы я был помоложе, сегодня же уехал бы в Россию. Мы сейчас молимся за нее, за ее силу. Гитлер здесь должен разбить себе лоб, иначе беда…

Я поспешил на аэродром. По дороге думал о старике, о его словах. Сколько пренебрежения к нам было в нем раньше! Потом оно сменилось безразличием, а теперь вот искренними симпатиями.

Уже возвратившись на аэродром, вспомнил, зачем ходил на квартиру: собирался взять отрезы и отправить их Марии. И опять забыл. «Ладно, — успокоил себя, — в очередной прилет. Попрошу хозяев, чтобы обшили посылочку, и обязательно отправлю».

Но мой прилет в Бельцы задержался надолго. В этот город я

вернулся лишь через три года, когда Советская Армия освободила Молдавию от немецко-румынских фашистов.

Наконец перегнали в Маяки последнюю тройку МИГов. Я радовался: задание выполнено и мы снова приступаем к учебе. Летчикам нашего звена, так хорошо отработавшим пилотаж, необходимо было пострелять по воздушным и наземным целям, «подраться» в воздухе с такими опытными «противниками», как Иванов и Атрашкевич. Я понимал, что только в напряженном учебном поединке, а не в свободном полете можно отшлифовать элементы воздушного боя, закрепить ранее приобретенные навыки.

Наша эскадрилья уже несла в Бельцах боевое дежурство. Миронов, Фигичев, все мои товарищи находились в постоянной боевой готовности, не вылезая из кабин МИГов. Хотелось быть вместе с ними. Но все сложилось по-иному. Выслушав доклад об окончании перегона самолетов, Виктор Петрович, как всегда, сказал «хорошо» и тут же добавил:

— Вот еще одно задание выполните и тогда займетесь собой. Нужно отогнать тройку МИГов на курсы комэсков. Дело это не такое простое, как кажется. Надо сначала сесть в Григориополе, прихватить там еще два самолета и пятеркой лететь дальше. Вот так. Ну, а сегодня отдыхайте.

В Маяках мы узнали о важном событии, происшедшем в Пырлице. Звено Фигичева перехватило немецкий воздушный разведчик Ю-88, который шел над нашей территорией. Взлетев со своей площадки у Прута, МИГи предупредительным огнем потребовали, чтобы он следовал за ними. Но «юнкерс» нагло развернулся и дал полный газ. Истребители преследовали его до границы. Увлекшись, они на несколько километров углубились в воздушное пространство Румынии. Не успели МИГи приземлиться на своей площадке, как вокруг этого факта поднялся дипломатический шум. О нарушении границы нашими самолетами сразу узнали в Москве, позвонили оттуда в штаб дивизии, а затем в полк.

Летчики горячо обсуждали это событие:

— Пропустили бы «юнкерс» подальше, мы бы с ним не дипломатничали!

— Что ты! Фигичеву может влететь даже за то, что припугнул его.

— Это почему же «влететь»?

— А потому. Границу нарушил.

— Значит, «юнкерсу» можно, а мне, если он удирает, нельзя и на хвост ему наступить? Рубанул бы, и все!

— Может, они только этого и ждут. Нападение Гитлера на

Польшу тоже началось с провокаций.

Было над чем задуматься: как много неясного в международной обстановке! Но вскоре невеселые мысли вытеснились повседневными заботами. Нашему звену, например, надо было выполнять очередное задание.

Рано утром мы вылетели в Григориополь. Шли плотным строем с севера на юг, а наперерез нам, с запада на восток, низко плыли тяжелые серые облака, прижимая нас к земле.

В нескольких километрах от Григориополя сидел истребительный полк, оставивший свой аэродром в Кишиневе по той же причине, что и мы: там тоже строилась бетонированная полоса. Летчики и техники жили в палатках. Штаб полка размещался в таком же, как наш, фанерном ящике.

Пока мы, оставив свои самолеты на стоянках, дошли до штаба, на линейке перед палатками встретилось много знакомых. Некоторых летчиков этого полка я и мои ведомые знали по Кишиневу, куда мы часто ездили на сборы, с некоторыми я учился на курсах командиров звеньев. Кишиневский полк участвовал в боях на Карельском перешейке, и у многих летчиков на груди были боевые ордена. С ними всегда хотелось повидаться, побеседовать. Я завидовал тем, кто уже дрался с врагом. Эту зависть поддерживало во мне сожаление, что наша эскадрилья зимой 1940 года так и не успела отправиться на финский фронт: самолеты уже стояли погруженными на железнодорожные платформы, а мы, летчики, в минуты раздумий не раз представляли себе, как проносимся над снегами, окопами, дзотами.

В штабе сообщили, что два МИ Га уже готовы к перегону, но вылет не разрешили. Погода на маршруте испортилась окончательно. Выделив нам палатку для отдыха, начальник пошутил:

— Пропишем вас в нашем поселке.

— И надолго? — забеспокоился Дьяченко.

— На неопределенное время.

Три дня, проведенные в этой палатке, и в самом деле показались нам вечностью. Мы не знали, чем заняться: читали, спали, рассказывали разные истории. И всякий раз с тоской поглядывали на низкие рваные тучи, которые ползли над холмами бесконечной чередой. И откуда они брались? Сколько нагромоздилось их там, на западе? Отчего среди лета вдруг разладилась погода?

В душу заползали мрачные предчувствия. Тоска отступала только по вечерам, когда в столовой собирались летчики. Мы долго засиживались там за бесконечными разговорами о новых

самолетах и необыкновенных случаях в авиации.

Душой круга был самый старший из нас, крупный и красивый капитан, умевший хорошо рассказывать. Я встретился с ним лишь однажды, в Кишиневе, но в беседах с летчиками-истребителями довольно часто слышал его имя. Раньше Карманов служил испытателем в Москве. Там в чем-то провинился, и его прислали в полк на исправление. Здесь он командовал эскадрильей. Все летчики относились к нему с уважением. И было за что: летал он отлично, легко ладил с людьми. На хороший рассказ Карманова надо было расшевелить. Он любил, когда его внимательно слушают и иногда поддакивают ему.

В первый вечер, когда я подсел к летчикам за стол, Карманов рассказывал историю, дошедшую к нам из Испании. Я уже слышал о ней.

— Так что, — заключил он, — плечевые привязные ремни тоже могут подвести летчика.

— Никогда не думал об этом, — усомнился молодой, но уже совсем седой лейтенант. — Что-то не верится.

— «Не думал», — обиделся Карманов. — Это произошло с человеком, которого я лично знаю. Было такое, понимаешь, а он — «не верится». Девушка, чайку! — бросил рассказчик официантке и продолжал: — Мне тот летчик, как вот я тебе за столом, рассказывал о своей беде. В Испании он воевал. Однажды его подбили, самолет загорелся. Когда пламя проникло в кабину, надо было прыгать, а тут как раз и зацепилась лямка парашюта за плечевой ремень. А эту проклятую шнуровку, сам знаешь, не перервешь и не перекусишь зубами. Понял ситуацию?

— Понял. Но ведь это редкий случай.

— Такой случай в гроб может загнать. В машинах есть тоже свои аппендиксы. Их нужно вырезать и выбрасывать.

— Это плечевые ремни-то? — удивился кто-то.

— Случай не может быть основанием для вывода, — настаивал на своем седой лейтенант.

— Нет, — возражал ему Карманов. — Если поучительный случай подробно описать, это принесет громадную пользу.

— Чего же вы чай не пьете? — спросила подошедшая официантка.

— Чай не вино, много не выпьешь, — ответил Карманов, вставая из-за стола. Он был явно недоволен невниманием к нему некоторых летчиков.

За ним встали все. Я посмотрел на свой стол — Дьяченко и Довбни там уже не было. Выйдя из палатки, Карманов повернул направо, а я пошел вместе с седым лейтенантом. Оказалось, что нам по пути.

Шли молча. Ночь стояла темная, холодноватая, сырой, свежий ветер пронизывал по-осеннему.

— Летчик чудесный, но любит поболтать, — тихо сказал лейтенант. — Ремни — аппендикс… Как это несерьезно! Наслушавшись такого, кто-нибудь возьмет да и отрежет их.

— Этот разговор ходит по всем полкам, — заметил я. — В моем звене один так и сказал: «Отрежу и выброшу этот аппендикс».

— Точно?

— Не выдумываю. «А тебе-то, — говорю, — зачем их отрезать? Ты же такой щуплый, что при надобности сам выскользнешь из ремней».

— Не разрешил?

— Нет, конечно.

— Правильно! Не всяким советам нужно следовать. Наслушаешься иных наставников и сам соображать перестанешь. А в трудную минуту надо прежде всего к голосу собственного разума прислушиваться…

Шелестели листья деревьев. Где-то вдали, на том берегу

Днестра, на бессарабской стороне, мерцали огоньки. Я остановился, ожидая, что седой лейтенант расскажет что-либо о себе. И не ошибся.

— Перед финской кампанией, — снова заговорил он, — я очень внимательно слушал лекции и беседы о войне, о поведении людей на фронте. А вскоре сам оказался в боевой обстановке. Стал летать на задания — один раз, другой. Вел воздушные бои, штурмовал укрепления белофиннов. Пока сопутствовал успех, все мне казалось понятным и ясным.

Но вот однажды стряслась беда. Самолет подбили зенитчики, и я стал отставать от строя. Теперь можно было советоваться только с самим собой. Я не запомнил ни одного ориентира на маршруте. Тяну домой и не знаю, где нахожусь: над своей или чужой территорией. А самолет еле-еле тянет, вот-вот плюхнется. Заметив ровное белое поле, повел машину на посадку. Приземлился удачно. Вылез на крыло и озираюсь вокруг.

Вскоре послышалась стрельба, а затем невдалеке показалась группа людей в белых маскхалатах. Они бежали на лыжах ко мне. Я решил, что это финны. И сразу вспомнил, как нас учили поступать в таких случаях: в плен не сдаваться, обязательно поджечь самолет.

Лыжники в белых халатах были уже рядом, и я успел только выхватить пистолет. Приложил его к виску и нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Правда, и щелчок мне показался взрывом. Перезарядив пистолет, я еще раз поднес его к

виску. Затвор снова щелкнул вхолостую. И так все патроны обоймы оказались у меня под ногами, а я стоял живой. Потеряв власть над собой, убив себя морально, я упал лицом в снег и зарыдал.

Чьи-то руки меня подняли на ноги. Лыжники оказались нашими. Ведь я приземлился на своей земле. Чудовищная история, не правда ли? Из нее не один вывод можно сделать…

В тот вечер я долго не мог уснуть, переворачивая отсыревшую от дождя подушку. Из головы не выходил рассказ седого лейтенанта.

…В субботу нам тоже летать не разрешили.

— В понедельник небо станет совсем ясным, тогда и выпустим вас, — сказал начальник штаба.

— Взвоем от безделья, товарищ майор, — взмолился Дьяченко. — Хотя бы в Григориополь подбросили, чтоб отдохнуть от палатки.

— Ну, чтобы не взвыли, берите машину и катите. Через полчаса мы были в Григориополе. В тесной, забитой людьми столовой нашлось местечко и для нас. Дьяченко преобразился, повеселел. Высокий розовощекий блондин-степняк любил дружеский стол с чаркой. Раздобыв вино и закуску, он выложил все на стол и, улыбнувшись, сказал:

— И в небе и в жизни просветы все-таки наступают. В городок мы возвратились поздно, но долго еще переговаривались вполголоса. В небе над нами сияли звезды. Мы различали их даже сквозь полотно палатки. Вокруг стояла успокаивающая тишина… Засыпая, мы не знали, что часы мира уже были кем-то сочтены до секунды.

Нас разбудили резкие удары в рельс. Первая мысль была об учебной тревоге. Ни дома, ни в гостях поспать не дают. Рядом с палаткой послышались топот ног и возбужденные голоса.

Дьяченко, жалуясь на неспокойную жизнь военного летчика, долго не мог разыскать свои носки. Мы с Довбней подождали его, чтобы к штабу прийти вместе.

Аэродром ожил. Заревел один мотор, другой, перекрывая непрекращающийся звон рельса.

«Значит, серьезная тревога, — подумал я, — если они уже рассредоточивают самолеты. Ну что ж, для тренировки это неплохо. А места у них хватит: аэродром подходит вплотную к кукурузному полю».

У штабного «ящика» толпились летчики в полном боевом снаряжении. Лица у всех были суровые, словно железные. Ну, конечно же, тревога испортила им выходной день. И все-таки замечалось что-то необычное в жестких взглядах.

Протиснувшись к двери, я хотел доложить о прибытии звена и тут услышал недовольный голос Дьяченко:

— Чего не даете спать командированным?

— Спать? — прозвучал резкий, как выстрел, вопрос на вопрос. — Война!

«Война?» Это уже мысленно спрашивал каждый самого себя. Один, не поверив тому, кто произнес это слово, другой — подумав, что ослышался, третий — как-то машинально… Но правдивый смысл этого страшного слова теперь подтверждало все: и зарево пожара на горизонте в направлении Тирасполя и нервное передвижение самолетов на аэродроме.

Война! Все обычные заботы и вчерашние мирные планы вдруг отодвинулись куда-то невероятно далеко. Перед нами встало что-то неясное и зловещее.

Как поступить теперь нам, троим командированным? Почему мы стоим здесь, когда позарез нужны там, в Бельцах, где наша эскадрилья уже сражается, защищая границу, аэродром, город?

— Разрешите нам отправиться в свой полк? — обратился я к начальнику штаба.

— Летите.

— Дайте техников подготовить машины.

— «Дайте»! Все заняты! Вы понимаете — война!

На северо-западе от аэродрома послышался нарастающий гул моторов, а вскоре на светлом фоне неба обозначились силуэты самолетов. Бомбардировщики шли в сопровождении истребителей. Чьи? Наши или нет?

Навстречу неизвестным вылетели несколько И-16. Бомбардировщики начали разворачиваться. Теперь уже отчетливо различались их ромбовидные крылья.

Враг. Да, это война…

Мы побежали к своим машинам, не спуская глаз с группы вражеских самолетов. В воздухе слышалась пулеметная стрельба. Она воспринималась теперь совсем иначе, чем раньше. Шел настоящий воздушный бой.

Если бы на наших МИГах было подготовлено вооружение, я немедленно бросился бы на помощь друзьям, сразился бы с фашистами. Неужели опять, как в тридцать девятом, меня не отправят на фронт? Другие летчики уже воюют, а я… Снова пройдет все мимо…

Как бывший авиатехник, я сам занялся осмотром самолетов. Дьяченко и Довбня притащили для запуска моторов баллоны со сжатым воздухом.

Взлетели, и сразу стало как-то не по себе. Ведь на МИГах ни единого патрона. Надо прижиматься к лесам и нивам, пока

долетим до своей части.

Добрались до Маяков и удивились: на аэродроме тихо, спокойно. Все самолеты рассредоточены в кукурузе и замаскированы. Летное поле свободно. Совершив посадку, первым заруливаю машину в кукурузу. Дьяченко и Довбня ставят свои МИГи рядом с моим.

— Забыли, что война? — прикрикнул я на них. — Зачем выстраиваетесь, как на параде!

Они снова запустили моторы и отрулили подальше. Оставив летчиков возле машин, я побежал в штаб и, встретив там Матвеева, доложил:

— Выполнение задания прекратил и возвратился звеном в полк. Разрешите отправиться в свою эскадрилью в Бельцы.

— Подожди! Ты мне нужен.

Смотрю, где же наш командир. Не видно. Жду. Расспрашиваю товарищей — обстановка проясняется. Вчера командир дивизии приказал Иванову и комэску Атрашкевичу немедленно отправиться в Пырлицу и разобраться, почему Фигичев нарушил границу, преследуя немецкого разведчика. Иванов вылетел на УТИ-4. Атрашкевич выехал на автомашине. Вечером от Иванова пришло сообщение: сел где-то в поле на вынужденную — не хватило горючего. Атрашкевич передал, что его машина застряла в какой-то балке. Командира звена Кузьму Селиверстова штаб дивизии вызвал в Кишинев для проработки за какую-то провинность.

Вот так ситуация! Командиров на аэродроме нет, некоторых летчиков тоже…

— Бельцы? Бельцы? — слышится голос майора Матвеева. Он повторяет все, что ему передают.

Я с группой летчиков стою у дверей и стараюсь не пропустить ни одного слова. Из Бельцев сообщают, что рано утром немецкие бомбардировщики под прикрытием «мессершмиттов» налетели на аэродром и подожгли бензохранилище. Наши истребители провели воздушный бой. Погиб Семен Овчинников.

Тем, кто стоит дальше, передаем: «Погиб Овчинников». Я бывал у него дома, в Бельцах, не раз видел его малышку, жену… К тревоге и злости к врагу, переполнившим душу, примешивается новое чувство — горечь утраты близкого человека, товарища. Сразу хочется узнать, как он погиб, при каких обстоятельствах. Кажется, вражеская пуля, оборвавшая одну жизнь, летит дальше — ищет другого. Надо защищаться от нее, надо перехитрить врага и поразить его.

— Разрешите моему звену отправиться на помощь товарищам, — снова обращаюсь к Матвееву.

— Я сказал — подождите! — отвечает он недовольным тоном. — Туда только что улетела вторая эскадрилья. А что она там сделает без горючего?

Вид у начальника штаба явно растерянный. Спешу к своим ведомым. Оставляя их, я просил зарядить и пристрелять пулеметы на всех самолетах. Увидев меня, Дьяченко бросается навстречу:

— Летим?

Довбня взволнованно смотрит на меня:

— Что в Бельцах?

Там остались его жена и ребенок.

— Дерутся. Овчинников погиб. Пауза.

— Как?

Я слышу тот же вопрос, который недавно задавал сам. У всех летчиков обостренное внимание к подробностям, пусть даже трагическим. Как погиб? Почему погиб? Ведь мы надеялись только побеждать.

Наша армия, конечно, готовилась к обороне, к тому сражению, которое будет навязано нам. Мы учились упорно, не теряли ни одного дня, чтобы освоить новую технику. Но фашисты напали на нас внезапно, они застали нас врасплох. Если бы более остро чувствовалась опасность нападения, мы могли бы встретить врага как положено. Главное же — нельзя было допускать такого состояния, какое оказалось в нашем полку в первое утро войны. Эскадрильи разбросаны, люди рассеяны, самолеты не подготовлены…

Думая о нашей первой потере, мы начинаем понимать, что война будет жестокой, кровавой, что, взлетев сейчас в воздух, можно не возвратиться на аэродром, не увидеть больше этого чудесного, ясного утра.

— Покрышкин, в штаб! — слышу голос дежурного по части.

— Есть!

Бегу, поглядывая в небо. Мокрые от росы сапоги стали тяжелыми. Над горизонтом встает солнце. У штаба по-прежнему толпятся люди.

— Доставай карту! — говорит Матвеев, шагнув мне навстречу. — Видишь отдельную рощицу? — тычет он пальцем в зеленый кружок среди чистого поля.

— Вижу.

— Бери У-2 и лети. Там сидит Иванов. Надо ответить «есть», но я не могу произнести ни слова. Разве это боевое задание?

Когда мы зарулили на стоянку, за мной подъехала легковая автомашина из штаба. Дьяченко и Довбня остались у самолетов. Я спросил, что они видели на аэродроме, картина стала полнее.

— Ударить бы сразу по этой авиавыставке! — запальчиво сказал Дьяченко, снимая шлем с потной головы.

— И ударят! Для того и летали.

Дежурим у самолетов, готовые в любую минуту взлететь и прикрыть наши бомбардировщики или защитить Маяки от налета вражеской авиации. В Бельцах немцы бомбардировкой уже вывели из строя летное поле аэродрома.

Из штаба передали по телефону: готовность номер один! По данным постов оповещения, к нашему аэродрому идут три девятки вражеских бомбардировщиков.

Занимаю место в кабине МИГа, готовлю все для быстрого запуска мотора. Посматриваю то на горизонт, то на командный пункт. Проходит минута, две, пять, десять. Я мысленно представляю налет «юнкерсов» на наш аэродром, атакую их и сбиваю несколько бомбардировщиков.

Вдруг слышу:

— Летят!

Размечтался!.. Вглядываюсь в небо: со стороны солнца летит группа самолетов. Они различаются все отчетливей.

Запускаю мотор и выруливаю самолет из кукурузы. То же делают и остальные летчики. Не спускаю глаз с КП. Почему нет ракет? А! Вот они, долгожданные! Три красных факела взлетают ввысь.

Бомбардировщики проходят клином чуть в стороне от аэродрома. Хоть солнце бьет прямо в глаза, я замечаю, что самолеты какие-то незнакомые, даже странные: одномоторные, кабины пилота и штурмана-стрелка соединены вместе.

Я быстро иду на сближение с крайним бомбардировщиком и даю короткую очередь. Чувствую, что попал. Еще бы: я так близко подошел к нему, что отбрасываемая им струя воздуха перевернула меня. Разворачиваю самолет вправо, вверх и оказываюсь выше бомбардировщиков. Смотрю на них с высоты и — о, ужас! — вижу на крыльях красные звезды.

Наши! Обстрелял своего.

Навис над группой и не могу сообразить, как поступить дальше. Атакованный мной бомбардировщик начал отставать. Несколько секунд лечу над ним, словно привязанный. Всеми чувствами и мыслями я там, с экипажем, который решает сейчас, что делать.

Плотной группой подходят другие наши истребители. Вот ведущий уже начал строить маневр для атаки бомбардировщиков с другого фланга. Я в отчаянии — всех посбивают! Не раздумывая, бросаюсь наперерез атакующему истребителю, качаю крыльями. Чуть не столкнувшись со мной, он отваливает. Но в

атаку идут другие. Приходится мотаться от одного к другому и давать предупредительные очереди из пулеметов. И все-таки некоторые успевают стрельнуть. К счастью, они бьют мимо.

Подбитый мной бомбардировщик сел в поле на «живот», а остальные благополучно дошли до григориопольского аэродрома. Там к ним присоединились еще две большие группы бомбовозов, и они в сопровождении истребителей взяли курс на запад.

Попугав друзей, мои однополчане пошли домой. У меня духу не хватило сразу возвратиться на аэродром. Что скажет Виктор Петрович? Как расценят мою ошибку летчики? Нужно было сначала искупить свою вину, и я решил следовать за бомбардировщиками.

Потом подумал: а почему бы мне не прийти в район цели раньше их и не блокировать аэродром? Конечно же, они летят на Роман. Если я хотя на несколько минут задержу взлет вражеских истребителей, то наши бомбардировщики смогут нанести удар с наибольшей эффективностью…

И вот я снова над Романом. Открывают огонь вражеские зенитки, к самолету тянутся огненные трассы. Маневрируя по высоте и направлению, я смотрю, не взлетают ли «мессершмитты». Заметив, что на старт выруливают два истребителя, я иду в атаку. «Мессеры» замирают на месте. Они ждут, пока я пролечу над ними и окажусь впереди. Успеваю дать несколько очередей, но все они, очевидно, проходят мимо цели. Ни один из «мессершмиттов» не загорелся.

Проходят минуты, а наших бомбардировщиков нет. Я ношусь среди трасс, думая о наших самолетах, а они не появляются. Неужели бомбят переправы?

Я ухожу к Пруту. Да, наша группа, кажется, сбросила бомбы на скопление вражеских войск на правом берегу. Так и есть: впереди встает высокая стена черного дыма.

Догнал свою группу, узнаю наши самолеты. На душе стало легче оттого, что увидел своих, что, может быть, мое пребывание над Романом помогло нашим спокойно отбомбиться.

Бомбардировщики разделились. Восемь из них отвернули влево, по направлению к моему аэродрому. Я иду в стороне от них, снова и снова пересчитываю их. Восемь. Да, это та девятка. Один где-то на земле. Что с ним?.. Об этом я узнаю лишь через несколько лет, собственно, уже после войны, когда мне встретится летчик-бомбардировщик и расскажет о первом вылете своей эскадрильи, о нашем истребителе, напавшем на него…

Восемь бомбардировщиков и я один, в стороне от них, летели в свете солнца, которое опускалось за горизонт.

Горючего оставалось уже немного, а садиться так не хотелось.

Стыдно предстать перед летчиками, перед командиром. С каким порывом я вылетал в бой и с какой грустью иду на посадку.

Нагоняй за провинность был смягчен сложной фронтовой обстановкой. В другое время на скольких бы собраниях разбирались подробности этого неприятного события! Но суровая действительность подсказывала, что не к чему наказывать непосредственных виновников нелепого случая, если все объяснялось более серьезными причинами.

Вечером, собравшись неподалеку от стоянки самолетов, мы почтили молчанием память летчика Овчинникова и техника Комаева, погибших в первый день войны, а затем поговорили о наших неудачах, о том, что нам мешает успешно воевать.

— Почему нам ни разу не показали СУ-2, на которых мы сегодня напали, приняв за чужих? — спрашивали взволнованные летчики. — Говорят, есть еще какой-то ПЕ-2. И тому может достаться от своих.

— Это дело государственное, — рассуждали некоторые. — Новые самолеты держали в секрете!

— Ничего себе «в секрете»! — слышались в ответ возражения.

— СУ-2 стоят в Котовске, совсем рядом, их каждый день все базарные бабы видели. Разве это правильно, если с самолетами своей дивизии знакомишься только в воздухе?

— Просто командованию некогда было возиться с нами, оно расследовало «злодеяние» Фигичева.

— Все высказались? — громко спросил Виктор Петрович и поднял руку, чтобы успокоить людей. — Теперь мне разрешите сказать пару слов.

Командир полка говорил спокойно, но резко, не щадя никого. Особенно досталось начальнику штаба за сигнал вылета по тревоге. И меня он заставил несколько раз покраснеть.

Затем Иванов повел речь о том хорошем, что случилось за минувший день. Мы узнали, что младший лейтенант Миронов сбил в районе Бельцев немецкого разведчика «хеншель-126». Капитан Атрашкевич там же свалил командира вражеской авиагруппы, награжденного Железным крестом. Капитан Морозов таранил над Кишиневом фашистского истребителя, а сам остался невредимым… Капитан Карманов во время налетов на Кишинев сбил три неприятельских самолета. В общей сложности мы уничтожили за день более десяти самолетов противника.

После этого сообщения на душе стало немного легче. Значит, мы все-таки можем противостоять хваленым немецким асам. А завтра будем еще умнее. С этим настроением хотелось скорее забраться в кузов старенькой полуторки и ехать на отдых. Но степную тишину вдруг нарушил гул моторов.

— Самолеты!

Они шли с запада растянутыми тройками и в одиночку. В таком беспорядке истребители могли возвращаться только после тяжелого боя.

— Наши!

— С Бельцев.

Первый приземлился с ходу. Я увидел, как сразу же, прижав к бедру планшет, побежал к нему молчавший весь вечер Довбня.

Они шли от своих машин к КП тоже группками и по одному. Их быстро окружали однополчане, шагали с ними рядом, коротко расспрашивали и внимательно слушали. Но прилетевшие из пекла не были многословными. Обмундирование в пятнах масла и копоти. Кое-кто перевязан, голоса охрипшие, взгляды суровые. А вот еще кто-то летит. Совсем низко. Нет, это не бреющий полет. Это посадка без горючего. Винт мотора уже остановился. Звуки резкого грохота донеслись к нам. Тотчас же туда помчалась санитарная машина.

Они, по-настоящему воевавшие сегодня, уже были воинами, пахли пороховым дымом и потом.

Атрашкевич, приведший группу, кратко обрисовывает картину событий в Бельцах:

— Прилетели «юнкерсы», сыпанули, как из мешка, бомбы на аэродром, где работало население. Зениток у нас было мало. Бензохранилище сразу подожгли, оно взорвалось, запылало. Мы взлетели, завязали бой, а техники выносили раненых из-под обстрела. Первый налет кое-как отразили… Через несколько часов пришла еще одна группа бомберов. На этот раз ударили по городу. Мы защищали его как могли. Дымом окутало все кварталы. Прибежали жены командиров: «Куда нам деваться?» Какие были машины, отдали им, чтобы с детишками эвакуировать. Для самолетов посливали горючее где только было. Прилетели «юнкерсы» третий раз. Задача у них была простая: положить бомбы поперек взлетного поля, чтобы окончательно вывести его из строя. Мы вступили в драку с «мессерами», бились и поглядывали, сколько осталось горючего. Хватило бы добраться до Маяков…

— Паскеев, а ты чего мокрый? — обратил кто-то внимание на летчика, мокрого с ног до головы, в грязных сапогах. Понурив голову, тот ничего не ответил.

— Чего насупился, рассказывай, — с улыбкой заметил командир эскадрильи лейтенант Назаров. — Или тебе кажется, что ты и теперь по уши сидишь в болоте? Ох, и проворный же ты! Вот бы сфотографировать тебя в тот момент. Веселая получилась бы картина!

Другие летчики тоже бросили несколько реплик, и все стало понятно. Оказывается, Паскеев, увидев вражеские бомбардировщики, бросился не к самолету, а к заболоченной речушке. Залез по шею в воду и сидел, пока не кончился бой. Когда его вытащили, он дрожал как в лихорадке. Не выдержал человек третьего налета… Нервы сдали.

— Как погиб Овчинников? — спросил я у Атрашкевича.

— Прямо у нас на глазах, его самолет упал на аэродром.

— Подожгли?

— Да, подстерегли его на плавных виражах. Начал крутить заученную карусель, а к нему пристроились два «мессера» и расстреляли.

С нами поравнялась санитарная машина. Летчик Овсянкин высунул из-за дверцы забинтованную голову и весело крикнул:

— Привет доблестному тылу!

«Значит, с ним все в порядке, — подумал я. — А насчет „тыла“ мы ему кое-что разъясним».

— Что-то не видно Миронова, — тревожась, спросил я. Атрашкевич замедлил шаги:

— Летел вместе с нами. Разве еще не пришел?

Прислушались — тишина.

От КП летчики звали на ужин.

Забрались в кузов, встали, держась друг за друга. Шла война, но все было, как и вчера, — полуторка, плечо друга, мирный ужин.

Атрашкевич, посматривая на меня, стоявшего в стороне, крикнул:

— Залезай! Едем!

— Подожду. Может, прилетит Миронов.

Машина уехала.

Небо что-то таило в своем молчании.

2. Первые испытания

Чуть забрезжило — полуторка везет нас на аэродром.

Все полусонные, скованные молчанием. Мысли одолевают дремоту и усталость, воскрешают тяжелые впечатления вчерашнего дня, тянутся к тому, что будет сегодня.

Кто-то пересказывает, что слышал по радио о положении на фронтах. Где-то севернее нашего участка спешно подтянутые части Красной Армии отбросили противника на его исходные рубежи. Если бы это было у нас! Возвратить бы в строй аэродром в Бельцах…

Полуторка подвозит каждого прямо к самолету. Спрыгнув на землю, вижу — в кабине МИГа возится техник Вахненко. Воздух оглашается ревом мотора, а затем небо прошивает нитка трассирующих пуль. В мирное время так пристреливать оружие запрещалось.

Выскочив из кабины, техник докладывает, что самолет к полету готов. Вахненко прибыл сюда намного раньше меня, хотя вчера, когда все уезжали на отдых, он еще оставался на аэродроме. Техник кивает глазами на чехол, расстеленный под крылом, и говорит:

— Подремлите немного, товарищ командир.

Прилечь я отказываюсь. Слова «товарищ командир» сразу напомнили мне о том, что я замкомэска и на мне лежит ответственность за других.

Светает. Ревут моторы, потрескивают короткие пулеметные очереди. Смотрю на КП, не едет ли «эмка», а сам думаю: как отнесется командир полка ко вчерашнему случаю, доверит ли боевое задание?

Первой на дороге показалась не легковая машина, а полуторка. Издали заметны яркие косынки официанток. Везут завтрак.

…Еще не все летчики допили кофе, как командиры эскадрильи стали созывать их к себе. Мне поставлена задача: в паре с младшим лейтенантом Семеновым разведать Прут на участке Унгены — Стефанешти и узнать, нет ли там переправ.

Спрашиваю, почему со мной не летят Дьяченко или Довбня, мои постоянные ведомые. Укладывая карту в планшет, Атрашкевич тихо, чтобы не слышали другие, отвечает:

— Все-таки Семенов опытней дрался вчера. Ему немцы выдали даже удостоверение с печатью.

Лейтенант Семенов, оторвав глаза от планшета, поднимает голову, и я вижу у него на подбородке красную продолговатую

царапину. Она напоминает след от прикосновения раскаленного прутика.

— Пулей задело, — поясняет Атрашкевич.

— Лучше бы он немца припечатал, — замечаю в ответ.

— Стрелял и Семенов. Кто его знает, может, даже удачнее, чем немец.

Взлетаем над просторной, залитой утренним солнцем степью. На высоте полторы тысячи метров выравниваю машину. Второй раз лечу на разведку и теперь знаю, что эта высота самая выгодная. Она обеспечивает хорошую видимость, возможность вести бой и маневрировать под огнем зениток.

Подходим к Пруту. С чужого берега навстречу нам потянулись трассы зенитных снарядов. Над рекой висит редкая облачность. Идем над нашей стороной. Нам и отсюда хорошо видно — пока под нами ни одной переправы.

Разворачиваемся строго на север. Голова как на шарнирах. Не опоздать бы увидеть врага.

Слева, на одной высоте с нами, замечаю трех «мессершмиттов». Чуть выше — еще двух. Пять! Нужно сразу же решать, что делать. Видит ли их Семенов? Покачиваю крыльями и доворотом машины указываю направление, где появились вражеские истребители. Семенов отвечает: вижу. Чувствую, что он ждет моего решения. Хотя мы равны перед опасностью, но я ведущий, как говорится, «товарищ командир». Вспоминается предостережение: «В бой не ввязываться! Разведка, только разведка!»

Оглядываюсь — «мессеры» догоняют. Дальше пассивно лететь нельзя. Собьют! Разворачиваюсь. Семенов идет за мной. Те двое, что над нами, тоже отходят в сторону, очевидно для атаки. Но я вижу сейчас только ведущего первой тройки. Он несется мне навстречу. Что-то лютое пробуждается во мне при виде вражеских самолетов с желтыми коками.

Изменяю угол атаки винта, даю полный газ, и мой МИГ устремляется вперед. Резкое нарастание скорости придает мне непоколебимую решимость. «Только бы Семенов не отстал!»

От стремительного сближения «мессершмитты» разрастаются на глазах. Открываем огонь почти одновременно. Огненные трассы — моя чистая, сверкающая, их красноватые, с дымком — перехлестываются над нами и исчезают в воздухе. В эти секунды стало понятно, что лобовая атака лишь завязка боя и никто из нас добровольно из него не выйдет.

Используя излюбленный прием, круто, почти вертикально веду самолет вверх. Надо набрать высоту. А мозг буравит одна и та же мысль: «Пять. Три здесь. Два выше. Семенов, где Семенов?»

Лежу на спине, обзор ограниченный. Не видно не только Семенова, но и противника… Скорость падает. Переваливаю самолет на правое крыло. Об этом я подумал, как только пошел на горку. Я был уверен, что «мессершмитты» после лобовой атаки будут уходить левым боевым разворотом. Только левым. Ведь и у наших летчиков он вошел в привычку и отработан лучше. Выравниваю самолет по горизонту и вижу: немцы подо мной, за ведущим впритирку идут ведомые, а главное — все они ниже меня. Крутая горка, от которой потемнело в глазах, и неожиданный для противника разворот вправо дали мне преимущество.

Фашисты поняли это, и все трое ждут моей атаки. Прицеливаюсь в заднего. Вот он уже на выгодной дистанции, осталось только взять упреждение. В это мгновение мимо фюзеляжа моего самолета проносится огненная трасса. Оглядываюсь и вижу: два «мессершмитта», находившиеся выше, теперь нависли сзади, как готовый для удара меч. Снова бросаю машину на восходящую вертикаль. Только этим маневром я могу уйти из-под огня и сохранить преимущество. Опять огромная сила прижимает меня к сиденью, опять темнеет в глазах. Но видно, не зря я почти каждый летный день тренировался переносить перегрузки, хотя Жизневский всякий раз ругал меня за такие «крючки». Я руководствовался советом старых летчиков, уже побывавших в боях: «Чем чаще будешь испытывать перегрузки в учебных полетах, тем лучше подготовишь себя для настоящих воздушных поединков».

Гляжу на приборную доску — скорость еще приличная. Когда машина доходит почти до той грани, что может свалиться в штопор, резким движением перекладываю ее на крыло. Хочется крикнуть: «Вот теперь давай сразимся! Вы побоялись перегрузок и после атаки пошли в набор высоты под углом. Вот почему теперь вы оказались подо мною, воронье проклятое! Хозяин неба сейчас я!»

Начинаю вводить самолет в атаку и вижу Семенова. Не повторив моих фигур пилотажа ни в первый, ни во второй раз, он оторвался и остался далеко внизу. Но почему его машина летит вверх «животом»? Почему позади нее остаются струйки сизого дыма? Странно! Вдруг вижу, что следом за Семеновым мчится «мессершмитт». Все ясно: подбил и атакует снова.

Всякое чувство опасности сразу исчезает. Главное — выручить товарища… Не раздумывая, бросаю свой МИГ — метеор весом в три с половиной тонны — на «мессера», преследующего Семенова. Пара немцев, только проскочившая мимо, наверное, расценила мое пикирование как бегство. Ну и пусть! Я за ними

уже не слежу. На выходе из пике мой самолет делает глубокую просадку, и я оказываюсь ниже «мессершмитта», находящегося в хвосте у Семенова. Успеваю атаковать его снизу. Первая очередь, вторая… «Мессершмитт» взмывает, но тут же вспыхивает и, перевернувшись, отвесно сваливается под меня.

Горящий, как факел, вражеский самолет! Не могу оторвать от него взгляда. Даже немного наклоняю нос машины вниз, чтобы лучше увидеть, где упадет и взорвется «мессер». В этот момент я совершенно забываю об опасности.

Короткий, сухой треск обрывает ход моих мыслей. Какая-то сила поворачивает машину вокруг оси, и я зависаю вниз головой. Выровняв самолет, вижу, что один «мессершмитт» стремительно проскочил вперед, а второй заходит для атаки сзади. Вот где она, оставленная мной пара! Прозевал, подловили!

А моя машина повреждена серьезно. В правом крыле зияет большая дыра. Она так уменьшает подъемную силу, что самолет все время норовит перевернуться. Другой снаряд попал в центроплан.

Где же Семенов? Как мне нужна теперь его поддержка! Конечно, я не считаю себя обреченным. Самолет хотя и подбит, но на нем можно еще драться. У меня есть и горючее и боеприпасы. К тому же внизу — своя территория. В случае чего…

С трудом разворачиваю ослабевшую машину. Утешаю себя надеждой, что нижняя пара «мессеров», отрезвев после гибели ведущего, ушла. Тогда мне придется драться только с двумя.

Уклоняясь от ударов, стараюсь атаковать и сам. Но самолет подчиняется мне плохо: чуть наберу побольше скорость — он стремится перевернуться на спину.

Да, надо выходить из боя. Глубокое пикирование до высоты бреющего полета, проседание, произвольный крен, такой, что чуть не задел крылом землю, и вот я уже лечу над самыми верхушками деревьев. Увижу, где дымок, — доворачиваю туда: не догорает ли там самолет Семенова?

При подходе к аэродрому обнаруживаю, что повреждена гидросистема. Выпускаю шасси аварийно. Покачав крыльями, чтобы шасси лучше встали на места, иду на посадку.

Пока все идет нормально, даже сверх ожиданий. Если после таких передряг самолет уверенно пробежал по полосе и послушно остановился, значит финиш отличный.

Отрулив машину на стоянку, выключаю мотор и некоторое время сижу неподвижно. Настолько устал, что нет сил выбраться из кабины. Перед глазами встают картины только что проведенного боя. Снова, как наяву, вижу круги винтов, желтые коки, горящий «мессершмитт», дымящийся самолет Семенова.

Тяжело сознавать, что не успел защитить его. А то, что разведка не удалась, меня не тревожит. Не по моей же прихоти завязался бой. Важно только, чтобы Семенов возвратился…

Поднимаю голову и глазам своим не верю: ко мне бежит Семенов. Я, как при аварийной выброске, бью по замку парашюта, чтобы спали плечевые ремни, и выскакиваю из кабины.

— Как ты здесь очутился? — удивленно спрашивает Семенов. — Он стоит рядом, готовый принять меня на руки. — Тебя же подожгли! Я сам видел, как падал твой горящий самолет.

— Не вышло у них, — отвечаю. — Только дырок в самолете наделали. А мне показалось, что тебя подожгли.

— Что ты? В моей машине нет ни одной пробоины!

— А почему же самолет дымил? Винт не облегчил, что ли?

— Ну да.

— Вон оно что. Только меня с толку сбил. А почему домой ушел?

— Мотор барахлил, сам же видел. А потом, заметив, что твой самолет падает, решил, что ты сбит. Одному там неразумно было оставаться… Я уже доложил командиру, что упал в районе Унгеи.

— Все ясно. Пошли докладывать, ведь задание-то не выполнено.

— А сбитый «мессершмитт»?

— За это не будем прятаться.

Я шел и думал: неужели Семенов струсил? Неужели он решился оставить друга, который, защищая его, чуть не поплатился жизнью?

Забегая наперед, скажу, что эта мысль и потом долго мучила меня. Только трагическая гибель Семенова помогла мне отбросить всякие подозрения и сохранить добрую память о бойце первых легионов, из которых мало кто дожил до наших дней.

Выслушав мой доклад, командир полка долго молчал, потирая пальцами лоб; оживившись, весело сказал:

— Ну вот и хорошо! Значит, убедился, что желтолобых можно колошматить! Но на разведку все-таки надо сходить. Бери другой самолет и отправляйся с Семеновым. Да не бросайте друг друга, за руки держитесь. Да, да, за руки, как школьники, когда переходят улицу.

…Переправа, еще переправа… Сколько навели их немцы за одну только ночь! Сколько вражеских войск уже перебралось через реку и растеклось по нашей земле! Тяжело было наблюдать эту картину с бреющего полета, а еще тяжелее — докладывать обо всем увиденном командиру полка.

Горькая участь выпала в первые дни войны на долю румынского города Яссы. Гитлеровцы сосредоточили здесь

огромное количество войск, предназначенных для наступления на; Кишинев и Одессу. Наше командование своевременно разгадало их замыслы и нацелило на этот город крупные силы авиации. Мне самому не раз доводилось бомбить и штурмовать его улицы, забитые войсками и техникой противника.

Вот и сегодня летим на Яссы. О том, что мы должны сопровождать СБ, нам сообщили с запозданием, и теперь приходится догонять свои бомбардировщики.

В заданный район мы пришли, когда СБ уже начали обрабатывать цели. Большой, еще недавно отливавший белизной город походил на огромную дымящую печь. Насыщенный немецкими зенитными батареями, он сам накликал на себя удары с воздуха.

Кружим над бомбардировщиками, маневрируя между разрывами зенитных снарядов. Вражеских истребителей пока не видно. Возможно, они где-то за облаками подстерегают нас. Вдруг вижу, как один СБ вспыхивает и, перевернувшись, факелом летит к земле. Конечно же, его сбила зенитка.

Терпение лопнуло. Довольно «утюжить» воздух в ожидании «мессершмиттов». Покачав крыльями, увлекаю за собой Дьяченко и Довбню. Снижаемся до шестисот метров и отходим чуть в сторону, туда, где реже облака дыма. По вспышкам выстрелов находим вражескую зенитную батарею и пикируем на нее. Расчеты не выдерживают нашего пулеметного огня, бросают орудия, бегут в укрытия.

Делаем второй заход, третий… До боли в пальцах жму на гашетки. Хочется машиной ломать стволы зениток.

Заметив, что зенитный огонь утих, наши бомбардировщики делают заход для очередной атаки. Немецкие истребители, видимо следившие за нами, моментально спускаются со своих высотных «площадок» и устремляются к СБ. Рассчитывают на то, что мы их не увидим, но первый же «мессер», выскочивший из-за дымовой завесы, буквально напарывается на пулеметную очередь, выпущенную Дьяченко. Огненная трасса прошивает ему «живот», и он, объятый пламенем, сваливается вниз. Остальные вражеские истребители сразу же уходят в сторону. Мы набираем высоту и берем курс на аэродром, охраняя бомбардировщики.

Я радовался за Дьяченко, сбившего первый «мессершмитт». В те дни такая победа была событием в жизни каждого летчика-истребителя. И дело тут не только в похвале командира и товарищей. Самое главное: у него укреплялась вера в силу нашего оружия, он наглядно убеждался в том, что «мессершмитты» и «юнкерсы» превосходно горят от наших пуль и снарядов.

На аэродроме нас первыми, как всегда, встретили техники и

сразу же приступили к осмотру самолетов.

Я ходил следом за Вахненко и тоже приглядывался, нет ли в машине пробоин. Кажется, не было ни одной. Очень хорошо! Я хотел уже уходить, когда услышал голос техника:

— А самолет-то серьезно поврежден, товарищ командир.

— Где? — удивился я.

— Осколок попал в сопло и раскрошил лопатки нагнетателя. Вот он, застрял.

— Шальной, наверно.

— Если шальной, то повезло и вам и самолету. Да, вы слышали о Миронове?

— Нет. А что с ним?

Наклонившись над ящиком с инструментами, техник молчал.

— Ну, чего умолк, говори!

— Скончался в больнице.

— Костя?

— Все из-за тех же ремней, товарищ командир.

— Не может быть!..

— Да вот товарищи только что возвратились с похорон… Рассказывают, что при посадке самолет попал в канаву и скапотировал. А плечевых ремней у Миронова не было, отрезал тогда, в Бельцах… Ну и выбросило его. Переломало позвоночник.

Миронов Костя!.. В полку он был для меня самым близким человеком. Два года совместной службы… Я шел на КП, мысленно прощаясь с другом…

Помню, когда я прибыл в полк и представился, начальник штаба посоветовал мне жить в том же доме, где квартировали два летчика-холостяка. Я разыскал этот «холостяцкий приют». Хозяйка встретила меня любезно, она не возражала принять еще одного жильца. Но, многозначительно кивнув на закрытую дверь, сказала по-украински:

— Поговорите с ними. Как они скажут, так и будет. Я постучал в дверь. Доносившиеся из комнаты голоса смолкли. Постучал еще раз.

— Войдите! — услышал я наконец.

Вхожу и вижу: за столом, в центре комнаты, сидят несколько человек. Двое одеты по-домашнему — без гимнастерок, остальные в форме. И все с настороженностью смотрят на меня. На столе закуска и стаканы.

Я представился и объяснил, кто посоветовал мне зайти сюда.

— Значит, летчик? — спросил плотный, высокий парень, один из тех двоих, что были без гимнастерок, в одних майках, и пристально посмотрел на мои петлицы авиатехника. Тогда я только что переучился с техника на летчика.

— Летчик, — говорю, а сам осматриваю хату. Бросились в глаза две аккуратно прибранные кровати с горками взбитых подушек и фотографии на стенах, обрамленные вышитыми рушниками.

— Неужели летчик? — спрашивает другой «хозяин», щуплый, невысокого роста паренек.

Но тот, старший «хозяин», не дожидаясь моего ответа, выставил на стол припрятанную бутылку.

— Панкратов, — протянул он мне руку. — Раздевайся.

— Костя, — с улыбкой представился другой. — Садись. На улице ночевать не будешь, подушек хватит.

Панкратов налил полный стакан водки и поставил передо мной. Все выжидающе уставились на меня. Хотя раньше я не баловался этим зельем, решил, что отказываться от угощения нельзя. Было ясно: это «экзамен» и его надо выдержать.

— Закуси быстренько, — подставил мне тарелку Костя, поняв, что никакого опыта у меня нет.

После ужина в комнате появилась третья кровать с горкой подушек.

На следующее утро я встал рано и занялся физзарядкой.

— Дисциплинку демонстрируешь, что ли? — пробурчал из-под одеяла Панкратов.

— Просто давняя привычка, — ответил я, одеваясь, чтобы пробежаться по улице.

— А-а, — протянул он, переворачиваясь на другой бок. — Ну, давай, раз привык.

Утро было морозное, бодрящее, под ногами хрустел декабрьский ледок. Сделав круг, я услышал, что за мной кто-то бежит. Оглянулся: Костя! С тех пор худенький, хрупкий Миронов стал ежедневно заниматься вместе со мной физзарядкой, а позже даже записался в секцию гимнастики.

Милый юный Костя! Нет тебя с нами. Осталась свежая могила на молдавской земле да добрая память в сердцах друзей.

В тот же день я вылетел в Григориополь получать самолет. Там встретился со знакомым седым лейтенантом. Он рассказал о своих первых победах, о таране, который совершил Морозов. Я спросил о Карманове.

— Нет его, — ответил он грустным голосом, — нелепо погиб.

— А что с ним случилось?

— Подбили его в бою. Самолет загорелся. Карманов выпрыгнул, а парашют не раскрылся. Тросик перебило осколком.

— Тяжелый случай! Жалко, хороший летчик был.

— Да, был, — тихо отозвался лейтенант. И, помолчав, твердо добавил: — Ничего, мы расплатимся за него. Не на тех напали.

Это им не прогулка по Европе.

Простившись с лейтенантом, я улетел на новеньком МИГе домой.

Летим на штурмовку вражеских войск. Немцы переправляются на наш берег, нужно их немедленно уничтожить.

Группу ведет Атрашкевич. Хотя это первый вылет всей эскадрильей, летчики держатся в строю отлично, чувствуется боевой подъем.

Работа предстоит большая. И все для этого есть: полная бомбовая нагрузка, полный комплект боеприпасов на каждом самолете.

Дорога перед переправой запружена вражескими войсками: автомашинами с пехотой, артиллерией, танками. При подходе к заданному району нас встречают мощным огнем зенитчики противника. Небо густо усевают разрывы снарядов.

Но высоту менять некогда. Переводим самолеты в пике и обрушиваем бомбы на немецкую колонну, затем заходим для обстрела врага из пулеметов. Дорога тонет в дыму и огне. За одним из наших самолетов потянулась полоса дыма, появилось пламя. Огненный хвост становится все длиннее. Все! Сейчас взорвется. Кто в кабине пылающей машины? Прекратив обстрел противника, стараемся разглядеть номер самолета. Неужели Атрашкевич? Так и есть. Сбит наш комэск…

Что он будет делать? В его распоряжении считанные секунды. Вся жизнь командира втиснута сейчас в этот мизерный отрезок времени. Может, он выбросится с парашютом? Нет, не успеет. Слишком мала высота. Да и кабина уже охвачена пламенем.

О чем думал Атрашкевич в те зловещие мгновения — об этом никто и никогда не узнает. А может, его убило в момент выхода из атаки! Нет, видимо, он был все-таки жив. Ведь машина вышла из пикирования и несколько секунд летела по прямой. Значит, она управлялась. Скорее всего Аташкевич сознательно направил свой горящий самолет в гущу вражеских автомашин.

Мы с яростью набросились на зенитки. Мы мстили изо всех сил за смерть командира и друга. Потом я собрал группу, и мы еще раз пролетели над местом гибели комэска, чтобы покачиванием крыльев воздать ему последние почести.

Когда возвратились на аэродром, я зарулил самолет на стоянку, вылез из кабины и бросил на крыло снятый парашют. Стоял и ждал, кто подбежит ко мне. Кому первому придется сообщить о тяжелой утрате? В чьих глазах увижу отражение своей душевной боли?

Вот кто-то показался невдалеке. Но он не бежал. Он шел медленно, так, словно к ногам у него были привязаны свинцовые

гири.

Это был техник Федора Васильевича Атрашкевича. Видно, сердце подсказало ему, что случилось неладное, непоправимое.

Я хорошо понимал его состояние в эту минуту. Я сам был авиатехником и сотни раз снаряжал в воздух самолет своего командира и товарища, который во всем доверял моим глазам, рукам и знаниям.

Какие это замечательные люди — техники! Они оставляют аэродром последними, а приходят сюда всегда первыми, еще до рассвета. Загрубевшими и черными от масла и бензина руками они так осторожно и нежно притрагиваются к мотору самолета, как это делает, может быть, только хирург, когда прикасается к сердцу человека.

Всегда — и в мирное время и в дни войны — труд техников исключительно ответствен. А теперь, когда мы так много летаем и каждый раз возвращаемся с пробоинами и повреждениями, у них особенно много забот и переживаний. Душой и мыслями они постоянно находятся с нами в бою.

Проводив летчика на задание, техник до самого его возвращения не находит себе покоя. Зорче всех он всматривается в небо, больше всех прислушивается, не гудит ли мотор его родной машины. Вот почему и мы, летчики, все свои радости и огорчения делим пополам со своими верными боевыми друзьями.

Остановившись возле моей машины, техник сдавленным

голосом спросил:

— Что с ним, товарищ старший лейтенант?

— Нет его, — отвечаю, — сбила зенитка. Техник медленно опускает голову.

Он всего себя отдавал работе, ночей недосыпал, чтобы машина никогда и ни в чем не подвела летчика.

— Отомстите им за Атрашкевича! Отомстите! — только и мог сказать он и, не поднимая головы, устало побрел к опустевшей самолетной стоянке.

Я знал, что ему, так же как и мне, не позволяла плакать только мужская гордость. Но если бы он постоял здесь еще минуту-другую, мы оба не сдержали бы слез.

Подъехала «эмка». Выйдя из машины, Виктор Петрович Иванов пробежал взглядом по лицам собравшихся летчиков, сразу понял, что произошло. Я кратко доложил, как все было. Подходили все новые люди…

— Светлая ему память, — сказал Виктор Петрович, и все умолкли.

…Нет могилы у этого героя. Но зато есть память боевых друзей, которая сохранит его имя. Есть у каждого из нас и

неутомимая жажда мести врагу.

— Не падать духом! — ободрил летчиков командир полка. — Вы, Покрышкин, принимайте эскадрилью.

— Есть!

— Завтра поведете эскадрилью на аэродром подскока, к Бельцам. Оттуда удобней будет перехватывать «юнкерсы» и штурмовать боевые порядки противника. Подготовьтесь.

— Есть, товарищ командир!

Так на мои плечи легла ответственность за всю эскадрилью, за людей и машины, за фронтовую жизнь этого небольшого, но дружного коллектива. Сумею ли я достойно заменить Атрашкевича?

Война шла по нашей земле на восток. А мы должны были перелететь на запад, поближе к врагу.

3. Навстречу грозе

В молдавское село Сынжерея, что под Бельцами, первой, на ночь глядя, отправилась из Маяков наша комендатура. С нею следовали бензозаправщики, грузовики с бомбами, пулеметными лентами и бочками с авиамаслом. Выезжала и группа специалистов, которые должны были за ночь добраться до места и успеть оборудовать полевой аэродром. Перебазирование самолетов планировалось через день.

Виктор Петрович Иванов и Никандрыч (так мы называли начальника штаба Матвеева) посоветовались со мной насчет состава комендатуры. Я согласился с предложенными кандидатурами и только удивился строгости отбора людей. Но когда Виктор Петрович сказал, что группу возглавит комиссар эскадрильи техник Барышев (эту должность в действующих частях ввели еще до опубликования постановления), стало ясно: мы будем находиться неподалеку от линии фронта, где все может случиться.

Прилетев всей эскадрильей, мы увидели, что комендатура отлично справилась со своей задачей. Техники быстро разместили самолеты на стоянках и сразу же замаскировали их ветками.

Мы с Барышевым обошли аэродром. У землянки, где уже стоял телефон, у щелей, у ямы, именуемой складом боеприпасов и ГСМ, — всюду лежали кучки свежей земли. Все было в порядке, кроме главного: взлетно-посадочная полоса оказалась очень короткой. Чуть «промажешь», то есть не приземлишься у самого посадочного знака, и самолет может выкатиться за пределы аэродрома. Меня это обеспокоило.

Целые годы, зимой и летом, при любой погоде, нас учили выходить на «Т» с убранным газом и сажать машину точно у знака, в пределах нескольких метров. Подтягивание на моторе считалось грубым нарушением наставления. Даже высший пилотаж и стрельба — самое главное для истребителя — отступали на задний план перед этим элементом полета. И все-таки не всем летчикам удавалось посадить машину без «промаза». Лично я недолюбливал эти бесконечные тренировки в посадке. Они притупляли чувство ответственности за выполнение других элементов техники пилотирования.

И я сразу же решил поговорить с летчиками о посадке. В начале войны мне уже случалось несколько раз исправлять расчет подтягиванием на моторе, получалось неплохо. Здесь я тоже садился сегодня с газом. Надо было поделиться опытом.

Когда мы с Барышевым подошли к землянке, где размещался командный пункт, летчики о чем-то оживленно спорили.

— Что ты все «если бы да если бы», — говорил Лукашевич Дьяченко. — Если бы западные политики думали о народе, а не о денежных мешках, они давно бы остановили Гитлера. Мюнхен помнишь?!

— Я помню приезд Риббентропа в Москву и его сволочную улыбку на снимках! — зло отвечал Дьяченко. — Договор с нами им был нужен как ширма. Прикрываясь им, они подтягивали свои войска к нашим границам, нахально летали над нами. А мы… строго соблюдали все пункты договора!..

Летчики настолько увлеклись спором, что не заметили, как мы к ним подошли. Я с тревогой посмотрел на дежурное звено: не дискутируют ли и там? Нет, все летчики сидели в кабинах самолетов.

Барышев с ходу включился в разговор:

— Наше правительство действовало правильно, и не тебе обсуждать такие вопросы.

— Именно мне, — не отступал Дьяченко. — Мне, тебе и миллионам таких, как мы. Немцы уже под Минском и в Прибалтике. Да и над нами нависают с севера. Вот тебе и улыбка Риббентропа! Мы своей девяткой хотим прикрыть все наше небо. «На земле, в небесах и на море!..»

Комиссар шагнул к Дьяченко, пристально посмотрел на него и строго спросил:

— Ты почему такие настроения распространяешь? Кто тебе дал право?

Казалось, Барышев вместо словесных доводов пустит сейчас в ход кулаки. Видно было, что у него нет ни ОПЫТА политической работы, ни веских аргументов, чтобы осадить Дьяченко и направить разговор в другое русло. Именно в те дни, когда уже обозначились успехи немцев и наши неудачи в боях, люди стали всерьез задумываться, почему же так случилось. Тяжесть отступления каждый чувствовал не только плечами, но и сердцем, сознанием.

Конечно, такой разговор перед боевым вылетом был явно неуместным. Но и трудно было запретить человеку высказать все, что накопилось у него на душе. Зачем принуждать его жить наедине со своими сомнениями?

Я встал между летчиком и молодым комиссаром, чтобы успокоить их.

— Ты паникер! — кричал Барышев.

— А ты слепой! — наседал Дьяченко.

— Это я?

— Да, ты. Разве не видишь, куда они уже забрались? Делаешь вид, что на фронтах все в порядке?

— Хватит спорить! — вмешался я. — Зачем называть Дьяченко паникером? Он хороший боевой летчик. А что так говорил, так это от боли на душе. По-моему, нам всем надо знать истинное положение на фронтах. Только взглянув правде в глаза, можно сделать правильные выводы. Недооценивать врага нельзя, но и неверие в свои силы тоже опасно. Понятно?

— Понятно! — отозвалось несколько голосов.

— Тогда перейдем к делу.

И через несколько минут после спора о больших государственных проблемах мы вылетели на боевое задание. Теперь надо было решать эти проблемы с помощью пулеметов и бомб.

Немецко-румынские части в нескольких местах расширили плацдармы на левом берегу Прута. Точных данных о противнике в штабах, по-видимому, не было, поэтому нам ставились слишком общие задачи: «вылететь на штурмовку в район Унген», «на дороги, прилегающие к Пруту», «за Бельцы». Но наши летчики сами хорошо знали, где искать противника. В те дни мы жили больше интересами земли, чем неба. Нам было уже ясно, что здесь, на Пруте, советских войск очень мало, мы совсем недавно видели с воздуха, как некоторые наши части перебрасываются в северном направлении. И главной заботой нашей было — сдерживать продвижение неприятеля.

На штурмовку летим всей эскадрильей. Все дороги от Прута забиты немецкими войсками. Они продвигаются на восток, хотя и медленно. Об этом можно судить по тому, что их зенитные батареи встречают нас почти на тех же рубежах.

Сбрасываем бомбы с круга и поочередно, с пикирования атакуем колонну вражеской мотопехоты. Несколько автомашин уже горят.

Чувствую, что сейчас вот-вот должны появиться немецкие истребители. Их, видимо, уже вызвали по радио. А нам на такой малой высоте драться невыгодно. Да и боеприпасы уже израсходованы. Собираю группу и беру курс на Сынжерею.

При посадке никто не боится подтянуть машину на газке. Что-то новое и нужное удалось нам найти на этом маленьком прифронтовом аэродроме. И такая победа может радовать.

В течение дня мы сделали с аэродрома подскока несколько вылетов на штурмовку вражеских войск. Но на ночь командир полка приказал нам возвратиться в Маяки. Он не решился оставить на правом берегу Днестра девять боевых самолетов: а вдруг противник забросит диверсантов?

Вечереет. Стоим у землянки. В Маяки уже сообщили по телефону, что эскадрилья готовится к взлету. Товарищи из комендатуры, в том числе и молодой комиссар, с грустью посматривают на нас. Через полчаса мы будем за Днестром, дома, а они останутся здесь, где отчетливо слышна канонада и на горизонте видны густые облака дыма.

Появляется мысль: по дороге в Маяки завернуть еще раз к Пруту, посмотреть на те места, которые обрабатывали сегодня, поохотиться за автомашинами и самолетами.

— Хорошо бы полететь через Бельцы, — предлагает Иван Лукашевич.

Мне близки и понятны его чувства. Теперь Бельцы стали уже прифронтовым городом, а Лукашевичу и Довбне так и не удалось что-либо определенное узнать о своих семьях. Теперь им хочется хотя бы с воздуха взглянуть на те дома, где, возможно, до сих пор находятся их жены и дети.

Лечу в паре с Лукашевичем, а Дьяченко — с Довбней и

Шияном. Так легче маневрировать. Бомб не берем. Без них удобнее вести воздушный бой.

Идем на высоте полторы тысячи метров. Через несколько минут мы уже над Бельцами. Наш аэродром вдоль и поперек изрыт воронками. На нем ни души: пусто, мертво. На улицах дымящегося города тоже никаких признаков жизни, словно после страшной бури.

За Бельцами увидели поредевшую колонну немцев. Скорее всего это та, по которой мы били сегодня. Она двигалась на восток. Кое-где на полях заметны следы гусениц:

здесь шли танковые бои.

Сгущающиеся сумерки мешают отыскать то, что больше всего хотелось бы атаковать: вражеские автомашины. В небе тоже ни одной цели.

Но вот в стороне, чуть выше нас, кажется, летит «хеншель-126». Он совсем близко. Но почему я не сразу заметил его? Наверно, потому, что самолет был ниже меня и сливался с темным фоном земли. Если так , значит и он меня не заметит, если я окажусь ниже его. Разворачиваюсь и иду на сближение. «Хеншель» не реагирует. Значит, его экипаж целиком поглощен корректировкой огня своей артиллерии.

Нажимаю на гашетку. Огненная трасса тянется к немецкому самолету и прошивает снизу фюзеляж и мотор. На меня летят какие-то белые куски. Что это? Я его пулями, а он меня листовками? Да это же куски дюраля!

Взмываю вверх, перекладываю машину на крыло и гляжу вниз. «Хеншель», оставляя шлейф дыма, падает крутой спиралью.

Кажется, сбит. Нет, это всего-навсего хитрость. У самой земли вражеский разведчик переходит в горизонтальный полет и направляется к Пруту. Взглянув на группу (Лукашевич идет за мной, тройка — чуть в стороне), бросаюсь за «хеншелем». От земли навстречу мне тянутся огненные трассы зенитных снарядов. Они, словно щупальца, ищут жертву. Но в такие минуты забываешь об опасности: впереди недобитый враг, надо его доконать. Даже когда пуля обжигает подбородок, я не отвожу глаз от «хеншеля». Вот он — в прицеле. Теперь ему не уйти. Расстреливаю его, как фанерный макет. На этот раз он падает без обмана.

Набираю высоту, осматриваюсь, хочу понять, что со мной произошло; тронул рукой подбородок — болит, на перчатке — кровь. Поворачиваю голову вправо и вижу: фонарь пробит пулей. И вдруг в небе замечаю еще одного «хеншеля». Нет, это не наваждение. Как и только что сбитый, он беззаботно летит, не замечая меня, может быть сменять первого корректировщика.

Делаю заход и атакую. Вражеский летчик прибегает к той же хитрости — свалившись в штопор, имитирует падение. Ничего не скажешь — искусно притворяется.

Быстро перевожу самолет в крутое, почти вертикальное пике, чтобы расстрелять «хеншеля». Земля стремительно несется мне навстречу. Слышу, как что-то отрывается от моей машины, и в лицо мне ударяет тугая струя воздуха. Тяну штурвал на себя. От резкого маневра на мгновение теряю сознание. Вывожу самолет буквально в нескольких метрах от земли. Гляжу: где же «хеншель»? Он на земле, горит! Значит, это была не имитация.

Только теперь осознаю, что и сам я был на волосок от гибели — погорячившись, я погнался за врагом, которого вообще не нужно было преследовать: он падал по-настоящему.

Возвращаемся в Маяки. Группа идет плотным строем. Все обошлось благополучно, но я никак не могу успокоиться и ругаю себя за горячность.

Садились уже в сумерках. И все-таки техник сразу заметил, что на моей машине нет фонаря. Подбегает ко мне и испуганно спрашивает:

— Что с вами, товарищ командир?

— Ничего, — отвечаю ему, — все в порядке.

— А почему у вас лицо в крови?

— В крови? Это не беда. Хуже, что машине здорово досталось. Опять тебе придется работать всю ночь. Подъезжает санитарная машина.

— Садитесь, поедем в санчасть, — говорит врач.

— Сначала нужно доложить о выполнении задания, —

отвечаю ему. — Да и вообще я чувствую себя хорошо.

Смыв кровь с подбородка, иду к Виктору Петровичу Иванову.

— Какой же вы объект штурмовали? — спрашивает командир полка.

— Никакой. Мы просто охотились.

— Как это «охотились»?

— А так… Уничтожали все, что попадется. За каких-то десять минут два самолета сбили.

В столовой новый адъютант эскадрильи Медведев предложил мне сразу две «наркомовские» порции водки.

— Вам, товарищ старший лейтенант, сегодня двести граммов полагается, — сказал он с улыбкой.

— Это почему же?

— По сто граммов за каждого сбитого «хеншеля».

— Тогда всем — наливай по двести, — ответил я, кивнув на летчиков своей группы. — Найдется?

— Нет.

— Раз так, не мудри и убери второй стакан. Баянист в который уже раз вдохновенно играет «Катюшу». К нашему столу почтительно подсаживаются летчики других эскадрилий.Утро выдалось пасмурное. Плотный туман закрыл землю. На аэродроме трудно увидеть самолет, стоящий даже на небольшом расстоянии.

Но, может быть, там, в Молдавии, за Днестром, где идут бои, погода совсем иная? Кто ответит на этот вопрос? Некому сообщить оттуда хотя бы несколько слов о погоде. Сами летчики должны добыть сведения о ней боем, подвигом.

Эскадрильи готовы к боевой работе, моя группа ждет разрешения лететь на свой, уже освоенный аэродром в Сынжерее, но «мура» ползет и ползет по земле. Командир полка посылает Дубинина разведать погоду за Днестром.

Самолет И-16 разбегается по полю и, еще не оторвавшись от земли, исчезает в тумане. Его гудение льется уже с высоты и воспринимается как-то тревожно. Мы слышим, как оно отдаляется и совсем утихает. С этой минуты начинается ожидание. Через час мы будем точно знать, какая погода в Сынжерее, над Прутом, там, где по дорогам движутся и движутся вражеские войска.

Через час… Через полтора… У И-16 хватит горючего и на такой срок.

Прошло уже и полтора. И два. И три часа… А небо молчит.

Летчики ждут у своих машин, надев шлемофоны. Нужно лишь несколько слов о погоде. Мы все думаем о Дубинине. Каждый из нас надеется на лучшее из возможного — на то, что он сел на другом аэродроме или приземлился на

«живот» в поле. А худшее… Оно такое многоликое, бывает таким неожиданным.

О том, что произошло с Дубининым, мы узнали два дня спустя. Собственно, мы узнали только о нескольких минутах его полета, которые содержали молниеносные и трагические события.

Над Молдавией видимость была совсем хорошей, и там с утра шныряли «мессершмитты». Пара «мессеров» заметила наш одиночный самолет. Дрался Дубинин с противником или нет — об этом никто не знает. Тот, кто рассказывал нам о Дубинине, лишь видел, как его самолет, прижимаясь к самой земле, уходил от преследования «мессеров». Они поочередно заходили сзади и стреляли. Наш истребитель маневрировал, и вражеские трассы летели мимо. Это, видимо, до конца распалило врагов: они стали брать И-16 в «клещи». Но и теперь наш истребитель успевал уклоняться от прицельного огня.

Дубинин уже летел над нашей, неоккупированной территорией, земля помогала ему защищаться от врагов. Он льнул к ней все ближе и ближе. Однако в полете есть предел такой близости. Как раз в тот момент, когда один из «мессершмиттов», выйдя вперед, атаковал Дубинина в лоб, его самолет на большой скорости задел за скирду сена и сделал сальто. А «мессершмитт» врезался в нашего истребителя. Дубинина с кусками оторванных привязных ремней выбросило из кабины.

И вспыхнули факелом два истребителя. Немцу не повезло: он сгорел в обломках своей машины. Дубинина крестьяне доставили в больницу и рассказали о том, что произошло.

А в это время мы ожидали сведений о погоде над Молдавией.

Когда туман рассеялся, командир полка повел шестерку штурмовать вражеские войска.

И вот мы над целью. Колонна вражеских войск растянулась на несколько километров. Над нею летает «хеншель-126». Иванов с ходу атакует его и сбивает. Вражеский корректировщик не успел даже сманеврировать.

Кто-то из наших летчиков устремляется за горящим «хеншелем» и открывает огонь. К чему это? Дальнейшее еще больше удивляет: наш истребитель подходит почти вплотную к вражескому корректировщику. Они вот-вот столкнутся. Летчик резко отворачивает самолет, но он, как норовистый конь, выходит из повиновения и, перевернувшись, врезается в землю. Чуть подальше падает и «хеншель».

По номеру машины определяю: погиб Семенов. Какая нелепая смерть!

Командир полка заводит группу для штурмовки вражеской колонны. Я осматриваюсь и выбираю цель — продолговатую крытую автомашину, на которой нарисован опознавательный знак для немецкой авиации. Прицеливаюсь и бросаю бомбы. Потом делаю еще один заход. С ненавистью жму на гашетки. Хочется снизиться и винтом рубить головы гитлеровских захватчиков.

А из головы не выходят мысли о Семенове. Почему-то вспомнился наш первый совместный полет, когда его МИГ вдруг задымил и я решил, что его подбили.

«Ты что, винт не облегчил?» — спросил я тогда на аэродроме. «Да, не облегчил…»

Ответ Семенова показался мне странным. Почему летчик не сделал того, что было обязательным? Ведь это элементарное правило эксплуатации мотора! На этот раз его небрежность оказалась роковой. Он слишком резко рванул вверх машину, идущую на малой скорости, и она, естественно, не смогла взмыть после такого рывка.

Нечто подобное произошло и с инспектором полка Куриловым. Этот отличный летчик допустил непростительную небрежность: на малой скорости резко переложил машину на крыло, и она, сорвавшись в штопор, врезалась в землю.

Кажется, каждому хорошо известно, что МИГ-3 очень строгая в управлении машина и не терпит резких эволюции на малой скорости. Почему же Семенов забыл эту прописную истину? Да, видимо, не все наши товарищи в совершенстве овладели новым истребителем. Вот и расплачиваемся за свое неумение.

Вражеская колонна заметно поредела. На дороге пылали десятки автомашин. Но мы слишком увлеклись штурмовкой. Вот-вот могли появиться истребители противника. Перед каждым очередным заходом я с опаской поглядываю на большое облако, надвигающееся с юго-запада. Из-за него очень удобно нападать.

Вот и они. Идут большой группой. Обстановка меняется. Надо вступать в бой, надо, обороняясь, уходить… Схватка сразу расчленяется на несколько очагов. Я, почему-то один, закружил с четверкой «мессеров» на горизонтальных виражах. Облака не дают перейти на вертикаль. Задний из них вот-вот попадет в мой прицел. Я сколько могу подворачиваю нос своего МИГа, дожимаю еще хотя бы на несколько сантиметров, но мой самолет, не выдерживая такого положения, срывается в штопор. Вывожу его из штопора и, разогнав, иду вверх, вскакиваю в тучу.

Темно, как ночью. Воздушная струя тянет меня из кабины. Зависаю на ремнях. Чувствую, что-то бьет меня по лбу — фонаря кабины нет, его сорвало во вчерашнем бою. Что это, пули? Так почему же не убивают? Ничего не вижу. Вываливаюсь из тучи и

проскакиваю мимо вражеских истребителей. Снова вверх — и с доворотом, снизу, на вертикали прошиваю очередью ближайшего «мессера». Он задымил, скорее «запарил» — белая полоса потянулась за ним. Подбил. Эх, как жаль, что нет крыльевых пулеметов! Были бы они, «мессеру» сразу бы пришел конец. Догнать, добить! Но в хвост моему МИГу уже пристраивается другой. Снова пикирование и горка. Прыть у оставшихся «мессеров» пропала, они отошли в сторону.

Где же наши? Никого не видно. Надо и мне уходить.

Возвращаюсь на свой аэродром в Сынжерею, оглядываюсь. Вспоминаю подробности вылета. Он кажется мне необыкновенно долгим — так много событий и впечатлений прошло через сознание, через душу. Нет Семенова… Значит, нас в эскадрилье осталось восемь… Что било по лицу? Наверное, в глубине тучи кружил, рождаясь, град. Где же вся эскадрилья?

На аэродроме вижу семь самолетов, один почему-то застрял на краю летного поля. При посадке он попал колесами в щель. Лопасти винта стали похожи на бараньи рога. Верно говорят, что беда одна не приходит.

Снова приказ о вылете. Надо перехватить группу «юнкерсов», которая идет на Кишинев.

«Лапотники», как называли мы самолеты Ю-87 за их нёубирающиеся шасси, завидев нашу семерку, беспорядочно сбросили бомбы и повернули домой. Но две машины мы все-таки успели сбить.

На нас навалились подоспевшие «мессершмитты». Одному из них удалось зайти Дьяченко в хвост и дать прицельную очередь. Летевший рядом Лукашевич бросился на помощь другу, да опоздал. Правда, он сбил этого фашиста, но уже после того, как тот сумел атаковать наш МИГ.

Перевернувшись через крыло, самолет Дьяченко вошел в пике и устремился к земле. Мы ждали, что летчик выбросится с парашютом, но он почему-то медлил. «Прыгай! Прыгай!» — закричал я во весь голос, словно Дьяченко и в самом деле мог услышать меня.

У самой земли самолет вдруг резко вышел из пике и повернул на восток. Лукашевич догнал его и сопровождал до аэродрома.

После посадки выяснилось, что Дьяченко пытался, но не мог покинуть машину. Оказывается, во время пикирования открыть фонарь невозможно. После этого случая все наши летчики стали летать с открытыми кабинами. Я же лишился фонаря намного раньше, чем выявился его дефект.

Вчера мы, возвращаясь домой, по своей доброй воле

«завернули» за линию фронта, а сегодня нам штаб дивизии приказал перед возвращением в Маяки обязательно проштурмовать вражеские войска между Унгенами и Бельцами. Принимая приказ по телефону, я заметил, что надвигается грозовая облачность и поэтому темнота наступит нынче раньше обычного. Командир полка пообещал сообщить мои соображения командиру дивизии. Через несколько минут звонок:

— Лететь во что бы то ни стало! Да, надо немедленно взлетать.

Идем навстречу широкой туче. Черная стена, расчерченная молниями, стоит перед нами. У меня на минуту появляется сомнение в успехе такого вылета. Развернуться бы и уйти на аэродром. Но тут же вспоминаю о характере комдива. Каждый его приезд на наш аэродром кончался разносом, смещением кого-то с должности, выговорами. Когда в боевом полете, перед испытанием, перед грозой вспоминаешь о своем высоком командире именно такое, когда думаешь о наказаниях, суровых словах, которые сорвутся с его уст, тогда теряешь трезвое, рассудительное отношение к своему делу и выполняешь его почти формально. Если я, очутившись перед грозовой тучей, возвращусь домой, мне комдив не поверит, что сделано это не из упрямства. А то еще обвинит в трусости.

До войны мне однажды пришлось увидеть, как молния попала в самолет, и он, падая, сгорел как спичка. Ищу, где туча пореже, и устремляюсь в это затянутое сеткой дождя окно.

Здесь, за черной стеной, чудесная погода: прямо перед нами за горизонт садится солнце, на мокрых дорогах блестят лужи, стекла немецких машин.

Мы в несколько заходов проштурмовали вражеские войска и легли на обратный курс.

И снова перед нами бушующая туча, теперь еще гуще. Ни одного просвета. Идем напролом. Из дня влетаем прямо в ночь. Вспышка молнии наполняет черный дождевой мрак ослепительным светом. Молния рядом. Но думаешь не о ней. Заботишься только о том, чтобы не отклониться от своего направления: где-то вблизи летят товарищи. Приборов не видно.

Минута длится очень долго. Но вот впереди уже забрезжил свет. В полумраке видны очертания местности. Звено Фигичева выскакивает из облаков рядом с моим. После такой тьмы приятно увидеть самолеты всей группы.

Однако здесь, по эту сторону тучи, в самом деле ночь. Куда лететь? Как добираться до Маяков?

Лучше всего найти железную дорогу, над ней дойти до Котовска, а оттуда домой рукой подать.

Некоторое время вся группа идет за мной. Но что это? Фигичев вдруг отвалил в сторону, за ним повернули и его ведомые. Куда он повел звено? Что за своеволие!

Бросаюсь в погоню, но самолеты словно растворяются в сумерках. Убедившись, что искать их бесполезно, выхожу на Маяки.

Сели в темноте, с фарами. На стоянке звена Фигичева не оказалось. Техник что-то мне говорит, а я думаю о своем. Из всей эскадрильи на аэродром возвратилась всего одна пара. Где же сели остальные самолеты, куда повел их Фигичев? А что, если заблудятся и "идут в Молдавию? Нет, не может быть! Там, на западе, высекает молнии неутихающая гроза — надежный ориентир. Ну, а если они приземлились где-нибудь у соседей? Все равно должны были сообщить о себе.

С тяжелыми думами прихожу на КП. Виктор Петрович начинает обзванивать аэродромы, а я стою и проклинаю Фигичева. Нигде его нет — ни в Григориополе, ни в Котовске.

Иванов кладет трубку и говорит:

— Поехали на ужин! К утру все прояснится.

— Конечно, найдутся, — успокаивает Никандрыч, укладывая в папку какие-то бумаги. — Да, товарищ майор, Соколов прибыл.

— Очень хорошо, что прибыл, — заключает Иванов и внимательно смотрит на меня.

— Зачем так поздно нас выпустили на задание? — спрашиваю его убитым голосом.

— Вот завтра сюда прибудет сам, его и спросишь, — отвечает командир. — Понимаешь?

— Понимаю.

— Поехали.

В столовой было уже полно народу. Только за столом нашей эскадрильи сидел всего один человек — Анатолий Соколов. Улыбаясь, он шагнул мне навстречу, но, заметив, что я темнее тучи, озабоченно спросил:

— Что случилось?

Когда я рассказал, как потерял звено Фигичева, он даже рассмеялся.

— Тьфу ты! А я-то думал, в самом деле беда свалилась.

— Да, беда, и немалая.

— Брось хандрить! Найдутся, На войне всякое бывает, надо ко всему привыкать. В Монголии среди пустыни садились. Случалось, что наш летчик, выбросившись с парашютом, сталкивался со сбитым им самураем прямо в дикой степи. На ножах дрались… А здесь кругом своя земля. Так что завтра притопают как миленькие. Давай-ка подкрепимся. — И он

пододвинул мне стакан со ста граммами.

— Закончил курсы? — спросил я.

— Какие теперь курсы! Отпустили, еле отпросился

— Как там в городе?

— Тишина.

— Мне бы хоть денек такой тишины.

— А я вот не выдержал. Панкратов где?

— Оставлен на курсах инструктором.

Возле нашего стола остановился командир третьей эскадрильи Назаров. Кивнув на пустые скамейки, он с усмешкой сказал:

— О, оказывается, командир-то здесь! А я считал, что и его нет. Вот ситуация: водки много, а пить некому.

Я знал, что Назаров несправедливо таит обиду на меня.

А ведь прошло почти два года с тех пор, когда произошел случай, обозливший его.

По прибытии из школы в полк я был зачислен в его звено. Мы с Мироновым стали его ведомыми. Однажды из-за небрежности командира чуть не произошло столкновение в воздухе. Назарова тогда строго наказали, а к нам назначили другого командира.

Соколов рассказал, как в условиях фронта можно выправить согнутые лопасти винта. Техники, конечно, уже знают опыт Халхин-Гола. У нас два самолета стоят с поврежденными во время приземления винтами. Мне представляется картина, как сейчас на аэродроме в Сынжерее ребята бьют кувалдой по дюралевым лопастям, стараясь, чтобы до утра самолет был в полной боевой исправности. Светлее становится на душе. Если до утра будут устранены повреждения на машинах Селиверстова и Дьяченко, если группа Фигичева сидит где-то недалеко отсюда, то завтра нам будет на чем работать.

Я снова отправился на аэродром звонить по телефону. Когда связался со штабом дивизии, неожиданно попал на командира.

— Кто это? — спросил он.

— Старший лейтенант Покрышкин.

— Покрышкин? Где твоя эскадрилья?!

Попробовал объяснить все по порядку, но сразу почувствовал, что комдив вложил иной смысл в свой вопрос. Он дал понять, что вся вина за случившееся лежит на мне.

В полночь возвращаюсь с аэродрома один. Тишина… Подышать бы чудесным безмолвием, которого так не хватает днем. Но мысли о завтрашнем дне заставляют забыть обо всем.

Пробираюсь к своей койке, укладываюсь, думаю о Фигичеве. Неужели он сделал это нарочно, подогретый завистью ко мне? По летному стажу он старше меня, а эскадрильей поручили

командовать мне. Потом вспоминается приказ комдива о вылете в грозу.

За окном успокаивающая тишина, лицо приятно обвевает свежее, прохладное дыхание ночи. Друзья сладко похрапывают.

…На следующее утро наш «законный» командир Соколов стал принимать эскадрилью. Я рассказал ему о положении дел, о боевых успехах живых и о мужестве погибших. Беседуя, мы посматривали на небо: не летит ли звено Фигичева? Нам уже сообщили, что оно приземлилось на аэродроме в Котовске.

Неожиданно меня вызвали на КП. Прибежал туда и увидел рядом с Ивановым командира дивизии. Жестикулируя руками, он что-то доказывал. Его одутловатое лицо было недовольным.

— Где твоя эскадрилья? — резко спросил он, когда я доложил о прибытии.

Точно такой же вопрос комдив задавал мне вчера вечером. Я ответил, что звено Фигичева скоро должно возвратиться на аэродром, а остальные летчики приводят свои самолеты в порядок.

— О Фигичеве без тебя знаю, — оборвал он меня. — Почему растерял группу? Молчишь?! Командир должен за все держать ответ. — И, повернувшись к Иванову, тем же тоном добавил: — Подготовьте приказ о снятии его с должности комэска.

— Он не командир, а заместитель, — спокойно пояснил Иванов.

— И с заместителя сниму! Я не забыл, как он расстрелял СУ-2!

— За СУ-2 готов отвечать, товарищ комдив, — отозвался я. — А в этом случае вина не моя.

— Плохо воюем! — продолжал комдив. — Немцы уже под Минском и Ленинградом!..

— В этом не только летчики виноваты.

— Что?! Как ты разговариваешь? Кто тебе позволил так рассуждать? Запомни: буду людей награждать — ты не рассчитывай на награду.

— Я за Родину воюю, товарищ комдив, — не сдержался я.

Над аэродромом появилась группа Фигичева. Но, несмотря на рокот моторов, я хорошо расслышал, как рассерженный комдив приказал снять меня с должности замкомэска.

— Можно идти?

— Идите!

Тяжелый камень лег мне на душу. Хотелось полететь в самое пекло.

— Ну что? — встретил меня вопросом Соколов. Я вкратце передал ему содержание разговора с комдивом.

— Зачем спорил? — упрекнул меня комэск.

— А, — махнул я рукой. — Все равно не сегодня, так завтра зенитка собьет или «худой» свалит!..

— С таким настроением воевать негоже, дружище. Иди-ка отдохни.

Подошел улыбающийся Фигичев. Соколов не дал ему закончить доклад и строго спросил:

— Почему откололся?

— А куда же он нас вел? — кивнул Фигичев в мою сторону.

— Не кивайте на других, — возмутился Соколов его самоуверенным тоном. — На Халхин-Голе за такие действия под суд отдавали! Понятно?

На смуглом лице Фигичева, обрамленном бакенбардами, застыло недоумение: неужели Соколов всерьез говорит о суде?

— Вам понятно? — повысил голос комэск.

— Понятно, товарищ старший лейтенант.

— Если понятно, то запомните это навсегда! Идите готовьтесь к вылету.

— Есть готовиться к вылету! — Фигичев как никогда четко поворачивается и уходит.

Запустил самолет Дьяченко. Мотор взревел звонко и весело. От его звуков, от решительного голоса комэска повеяло успокоительной силой.

4. Подвиг требует мысли

Напряженная, полная неожиданностей и опасностей фронтовая жизнь! Она разрешает личные конфликты, сплачивает людей для побед, и каждый день рождает новые огорчения, трудности.

С утра до вечера эскадрилья работает теперь в интересах наземных войск, сражающихся с врагом на подступах к Бельцам и Кишиневу. Ходим на штурмовку, ведем воздушные бои, прикрываем мосты через Днестр… Войска отступают, но важные рубежи оставляют только с боями. Авиация тоже чувствует эти рубежи — над каждым из них закипают схватки в воздухе, и на землю, загораясь, падают и наши и немецкие самолеты,

Наши войска оставили Бельцы, и мы покинули летное поле на покатом холме, землянку и щели, вырытые в бурой глине у Сынжереи,

По вечерам, когда солнце уже клонится к закату, каждый день испытываешь какую-то неопределенность: день окончен, но стал ли он твоим?

Кажется, сегодня уже можно снять шлемофон. Можно пораньше добраться до общежития. Вон уже тащится к нам повозка с бутербродами, словно сигнал отбоя. Теперь к стоянкам самолетов привозят нам натуральное молдавское вино и легкую закуску.

Подставив кружку, Фигичев берет другой рукой бутерброд с ветчиной и, поглядывая на меня, с улыбкой предлагает:

— Давай перекусим!

Его тон теплый, дружеский; я даже жалею о том, что произошло между нами. Война требует от нас обоих новых полетов — таких, какие мы уже совершали вместе с Фигичевым. Теперь он и я — командиры звеньев, ходим тройками на штурмовки. Боевая работа требует от нас мужества, дружбы, взаимовыручки.

— Что-то не хочется.

— Давай по кружке, за компанию!

— Давай. Летать уже сегодня не придется.

Но вино мы допить не успели. Над КП взлетели красные ракеты. Дежурный передал, что нам приказано идти на прикрытие Рыбницкого моста через Днестр.

Взлетаем четверкой. Приходим в заданный район. Над Рыбницким мостом спокойно. Очевидно, вражеские бомбардировщики изменили маршрут и направились к другой цели. Барражируя в воздухе, ждем. Но противника все нет и нет.

Уже темнеет — надо возвращаться домой.

На полпути к аэродрому замечаем, что выше нас летит Ю-88. Неплохая мишень. Идем на сближение. Фигичев открывает огонь с большой дистанции, но безрезультатно. Тогда я решаю атаковать «юнкерс» снизу, в «живот». Поднырнув под него, подхожу все ближе и ближе. Пора. В этот момент от бомбардировщика ко мне скользнула огненная змейка. Раздался треск. Упругая струя воздуха ударила в лицо, прижала к спинке сиденья. Отвалив в сторону, осматриваю машину. Вижу: козырек кабины разлетелся вдребезги. Надо возвращаться на аэродром. Мой ведомый следует с парой Фигичева, а я лечу домой.

На аэродроме меня встречает техник. Внимательно осмотрев машину, он качает головой и говорит:

— Пуля попала в прицел, прямо в лампочку. Отклонись она сантиметра на два — и не стояли бы вы сейчас передо мной… Много придется поработать, но за ночь, пожалуй, отремонтируем.

Стою и думаю: сам виноват во всем. Увлекся боем и забыл, что у бомбардировщика есть люковая пулеметная установка. А надо было действовать хладнокровно, как говорится, с умом. Подвиг требует не только отваги, но и мысли.

Возвращается Фигичев с двумя ведомыми. Подходит ко мне и, сияя от радости, спрашивает:

— Чего ушел?

Я молча киваю на кабину самолета.

— Э, как тебе досталось, — хмурится он. — А знаешь почему?

— Знаю.

— Не подлезай так близко. Тебе просто повезло. Могло быть хуже.

— Как с «юнкерсом»?

— Не упустили, у Днестра сгорел…

Рано утром, как только мы приехали на аэродром, поступил приказ: Фигичеву вылететь на разведку переправ под Яссами, мне и Лукашевичу прикрывать его от нападения вражеских истребителей.

Уже в то время наши летчики недолюбливали полеты тройкой.

— Разрешите пойти четверкой, — обращаюсь к начальнику штаба полка.

— Штаб дивизии распорядился послать три самолета, — отвечает Никандрыч.

— Тогда лучше парой лететь.

— Прекратите обсуждение приказа!

Все ясно. Надо готовиться к вылету тройкой. А мне уже несколько раз удавалось ходить на задание парой. И хорошо

получалось. У пары почти такая же свобода для маневра, как у одиночного самолета. Но этот строй не был тогда узаконен. Более того, он считался несовместимым с требованиями наставлений и инструкций.

Взлетел Фигичев, затем Лукашевич. Я пока на старте. Подбегает полковой врач и протягивает плитку шоколада. Теперь нам дают его каждое утро.

— Да ну их, эти гостинцы! — отмахиваюсь я.

— Бери, пригодятся, — настаивает врач.

Я кладу шоколад в карман реглана, опускаю тормоз и даю полный газ.

И вот мы летим. Фигичев ведет разведку, Лукашевич и я прикрываем его. Под нами — Прут. На земле и в воздухе никаких признаков войны. Значит, на этом участке немецкие и румынские дивизии уже перебрались через реку, и теперь переправа действует только возле крупных опорных пунктов.

Идем на Яссы. Там переправы наверняка сильно прикрываются. Но Фигичев почему-то не учитывает этого. Не заботясь о скрытности, он продолжает лететь вдоль реки. Вражеские зенитчики могут заметить нас с большого расстояния. Так и есть. На подступах к понтонному мосту гитлеровцы встречают нас огнем. Чтобы прорваться через огневой заслон, прижимаемся к реке. Фигичев летит впереди, мы с Лукашевичем чуть сзади, по сторонам.

По понтонному мосту идет колонна солдат. Заметив нас, они прыгают в воду в чистеньком новом обмундировании. Ведь их экипировали для дальнего похода. Хорошо, что заставили фашистов выкупаться. Пусть запомнят, как хлестнул по ним грохот моторов наших краснозвездных МИГов.

Переправа уже позади, огонь вражеских зениток все еще продолжает бушевать. Заметив впереди высокий выступ берега, Лукашевич переходит на мою сторону. Чтобы не столкнуться с ним, я взмываю вверх и в это время вижу на капоте две вспышки взрывов. Еще не уловив перебоев в работе мотора, даю ручку от себя и еле успеваю выровнять самолет у самой воды. Машину начинает трясти. Теперь все ясно: друзья полетят дальше и возвратятся в полк, а я свалюсь — или сейчас, если мотор остановится, или чуть позже, там, на берегу, запруженном вражескими войсками.

Лицом к лицу опасность воспринимается совсем иначе, чем со стороны. Поэтому я не испытываю чувства страха. Очевидно, его вытесняет интенсивная работа мозга, предельное нервное напряжение.

С каждой минутой мотор слабеет, лопасти винта уже еле-еле

хватают воздух. Только что шарахавшиеся от нас фашисты теперь радуются, видя, что мой самолет едва не задевает винтом воду.

Отлетев подальше от переправы, плавно, с малым креном разворачиваю машину влево и беру курс на юго-восток. Там, южнее Кишинева, вражеские войска, кажется, еще не дошли до Днестра.

Самолет трясет, скорость предельно мала. С трудом переваливаю через холмы и жадно обшариваю глазами каждую полянку: где-то надо садиться. Как ты встретишь меня, земля» — по-матерински или как мачеха?

Внизу заросшие лесом холмы. Разве можно тут садиться? А мотор сдает, винт вот-вот остановится. Тогда придется падать там, где застанет роковое мгновение. Перетянуть бы еще через один холм, может быть, там, за ним, и найдется ровная полянка? На мое счастье, за холмом действительно оказалась долина.

Готовлюсь к вынужденной посадке: снимаю очки, чтобы при ударе о землю не повредить глаза, потуже затягиваю привязные ремни. Предчувствие удара о землю вызывает озноб и нытье в плечах.

Вдруг вижу: там, куда я направляю самолет, по дороге движется колонна вражеских танков и автомашин с пехотой. Что делать? Один выход: посадить самолет на заросший лесом бугор. Только бы дотянуть. Нужны буквально секунды. Отработает ли их мотор без масла и воды? Отработал! Он заглох как раз над бугром. Прекратилась тряска, наступила зловещая тишина.

Самолет, парашютируя, падает на деревья. Бросаю ручку управления и обеими руками упираюсь в переднюю часть кабины.

Треск ломаемых деревьев, бросок вправо, влево. Удар и… провал в сознании.

Очнулся, раскрыл глаза. Пыль еще не улеглась. Тишина. Рядом, выше меня, торчит сломанный ствол дерева. Одно крыло самолета отвалилось, отбитое хвостовое оперение очутилось в стороне. Первые движения убеждают, что я цел.

Надо немедленно освобождаться от ремней и парашюта, выбираться из кабины. На земле почувствовал боль в правой ноге, но не придал ей никакого значения. Достал пистолет, быстро зарядил его. Немцы рядом! Лучше смерть, чем позорный плен.

Прислушался. Где-то далеко гудят машины, танки; рядом тишина, пение птиц. Нужно уходить отсюда в лес.

Бросился в ближайшие кусты.

А самолет?.. Повернулся, окинул последним взглядом то, что осталось от моего самолета. Мне было жаль его. Он верно послужил мне. Сколько я сделал на нем боевых вылетов, сколько раз в трудную минуту он выручал меня! И сейчас он отдал все,

чтобы спасти меня. Прощай, боевой друг…

По лесу, через виноградники я шел день и всю ночь на восток, домой. Речушка днем спасала меня от жажды, а ночью служила мне «путеводной звездой». Раз она течет к Днестру, значит надо идти только по ней. И быстрее, быстрее, пока немцы не вышли на Днестр, не создали там сплошной фронт. Тогда мне не выйти. Голод я утолял кусочками той плитки шоколада, которую мне почти насильно навязал доктор. Моя поврежденная нога болела не на шутку.

На рассвете, когда на востоке посветлел небосклон, от усталости и боли я идти больше не мог. Прилег в винограднике.

Разбудило меня тарахтенье повозки. Я вскочил. В ноге отдалась резкая боль. Но надо было идти.

На околице села, под леском, какой-то человек в холщовой длинной рубахе и таких же брюках, в темной шляпе косил траву. Приблизясь к нему, рассмотрел. Рубашка на нем серая, заношенная, в заплатах, он загорелый, босой, обросший… Наверно, бедняк — не выдаст. И я вышел из укрытия. Он не замечал меня, пока я не приблизился к нему.

— Здравствуйте!

— Здраст… — он не договорил. На его лице отразился испуг.

— Не бойтесь. Я советский летчик. Есть в селе немцы?

— Немцев нет.

— А наши?

— Никого нет. Все ушли.

Молдаванин подкрепил меня своим кукурузным хлебом. Наверно, я слишком сосредоточенно ел, потому что не заметил, как к нам подошла девчурка. Я поднял глаза и увидел ее, стоящую передо мной. То ли мой взгляд, то ли мой вид, то ли мой аппетит подсказали ей, что я голоден, — она подошла еще ближе и из подола своего платьица протянула мне несколько диких груш. Я погладил ее по головке.

Молдаванин указал мне на дом под черепичной крышей, где помещался сельсовет. Я направился туда: все-таки, может быть, какая-то власть в селе осталась!

У здания сельсовета на колоде сидело несколько мужчин. Мое появление, заметил я, вызвало среди них замешательство, они заговорили, подозрительно поглядывая на меня.

На мою просьбу отвезти меня к Днестру они ответили отказом. Пришлось пригрозить оружием, и только тогда лошадь и телега нашлись.

К вечеру мы подъехали к станции Каушаны. Здесь я отпустил своего извозчика, заплатив ему, и он на радостях погнал лошадь обратно.

Бойцы, встретившие меня на станции, посмотрели на меня так, словно я явился к ним с неба.

— На этой дороге только что была схватка с румынами. Как вы проскочили?

Мне теперь было безразлично, что происходило на этой дороге. Я видел своих солдат, платформы, груженные имуществом, пыхтевший дымком последний на этой станции паровоз.

На свой аэродром я возвратился на четвертый день. В полку меня уже считали погибшим. Три дня — срок достаточный, чтобы можно было перестать ждать возвращения летчика и в полковом журнале записать: пропал без вести. Так думали и мои товарищи, разделившие — по традиции — между собой мои нехитрые пожитки.

Приказано лечиться и отдыхать. Моя боевая жизнь на время приостановилась, словно для того, чтобы я хорошенько осмыслил все, что было на фронте.

Привычку размышлять, придумывать новое у меня воспитали еще в фабзавуче. Особенно благодарен я за это своему бывшему преподавателю слесарного дела. Когда я приносил ему уже отшлифованную деталь, он внимательно осматривал ее и спокойно, по-отечески говорил:

— Загладил хорошо, а вот размеры не выдержал.

— Все точно по чертежу, — не уступал я.

— Знаю. И микрометром мерил, и все-таки придется доделывать.

Я уходил к верстаку, снова обмерял деталь и тут неожиданно находил какие-то, хотя и незначительные, неточности. Худенький седоватый учитель в простой спецовке казался мне чародеем: он на глаз определял то, что я еле отыскивал с инструментом в руках. Его требовательность заставляла меня быть всегда сосредоточенным и точным в работе, внимательнее разбирать чертежи, вникать во все тонкости своей специальности. Мое усердие и любознательность мастер умело направил на изобретательство. И вскоре друзья по ФЗУ стали называть меня Сашкой-инженером.

С тех пор навсегда осталось во мне пристрастие к расчетам, к осмысливанию того, что сделано и еще предстоит сделать. Первые же неудачи в стрельбе по наземным и воздушным целям — это было до войны, под Одессой — заставили меня взяться за карандаш и бумагу. Оружие я знал, но не умел точно рассчитывать угол прицеливания и определять дальность. А без этого невозможно взять правильное упреждение. Требовалось восполнить пробел в подготовке. Когда я это сделал, то стал

стрелять без промаха.

И вот теперь, проводя время в вынужденном бездействии, я решил собрать воедино и обдумать первые крупицы боевого опыта, мысленно еще раз пройти по тем маршрутам, по которым летал с группой.

Прежде всего я спросил себя: почему мне так часто достается от врагов? Кажется, машиной и оружием владею, в робости меня никто не может упрекнуть, самолет у меня тоже в общем неплохой, так почему же я так часто возвращаюсь с пробоинами, а теперь вот даже пришел пешком? В чем дело?

…Два сантиметра от гибели. Да, тогда я действительно сам напоролся на огонь вражеского стрелка-радиста. Пробив лобовое стекло МИГа, пуля попала в прицел, который и спас мне жизнь. Чистая случайность!

Мне невольно вспомнилось, как в аналогичной ситуации погиб летчик нашего полка Яковлев.

На Котовск шла группа немецких бомбардировщиков. Мы находились неподалеку от города и поэтому сообщение о налете вражеской авиации восприняли как сигнал к самообороне. МИГи один за другим взмыли в воздух.

Когда набрали высоту, увидели, что станция Котовск уже горит. Опоздали. Но мы все-таки полетели дальше. И поступили правильно. «Юнкерсы», успев отбомбиться, собирались в группу. Завидев нас, они сомкнули строй и открыли огонь из бортового оружия. Подойти к ним было очень трудно.

Вдруг один из наших истребителей вырвался вперед и сквозь метель трассирующих пуль устремился к ведущему бомбардировщику. Это был Яковлев. Трудно сказать, что руководило его действиями. Ненависть к врагу и жажда мести? Стремление первым пойти на риск и увлечь за собой остальных? Но одно ясно: порыв Яковлева был благородным. Он поступил так, как поступает отважный боец-пехотинец, поднимая своих друзей в штыковую атаку.

Яковлев не дотянул до ведущего. Его убило во время пикирования. Но расчет героя оказался точным. Направленный его рукою МИГ-3 врезался в головной бомбардировщик. Остальные «юнкерсы», нарушив строй, шарахнулись в стороны. Наши истребители сразу накинулись на них. Вскоре на земле выросло восемь столбов огня и дыма. Последний из этой девятки «юнкерсов» был сбит уже за Днестром.

В тот день мы одержали большую победу. И только благодаря Яковлеву. Уничтожив ведущего вражеской группы, он лишил ее управления и парализовал волю врагов. Погибая, он обеспечил победу живым.

На другой день мы похоронили Яковлева на месте его падения. Он был убит пулей в лоб. В стекле кабины оказалась только одна пробоина. Летчика не спасли два счастливых сантиметра, не спас… прицел.

Вспомнив случай с Яковлевым, я задумался о более надежной защите кабины истребителя спереди, о бронированном стекле. Сколько бы отваги придала такая защита летчикам, сколько бы жизней спасла!

«Плохо и то, — размышлял я, — что на наших самолетах до сих пор не установлена радиоаппаратура. Поэтому в воздухе мы становимся глухонемыми. Нам доступен всего лишь один способ „переговоров“ — покачивание крыльями. Чтобы поддерживать между собой какую-то связь, мы вынуждены прижиматься друг к другу, а плотные строи лишают летчика свободы маневра. Сколько бы несчастий могло предупредить всего одно слово, своевременно брошенное в эфир!»

Отсутствие радиосвязи поставило нашу истребительную авиацию в очень тяжелое положение. Приемники и передатчики, установленные на некоторых командирских машинах, оказались громоздкими, неудобными и не обеспечивали надежного и гибкого управления самолетами в бою.

Сильно волновала и проблема строя истребителей. Ведь что произошло, когда меня подбили? В зоне зенитного огня мы шли тройкой. Когда Лукашевич отвернул в мою сторону, чтобы предотвратить столкновение, я вынужден был сделать горку, тогда-то и подловила меня зенитка.

Мысли, мысли…

На второй день после возвращения в полк я отказался лежать в кровати, оделся и пошел по Маякам. Заглянул в магазин, купил зубную щетку и порошок. Приобрел и общую тетрадь, чтобы записать некоторые свои соображения, расчеты и выводы о воздушных боях. Поздно вечером прямо с аэродрома нагрянула группа летчиков. Я как раз сидел за столом и делал заметки в тетради. Да так увлекся, что даже не заметил прихода друзей.

Вдруг слышу позади насмешливый шепот:

— Тес! Не мешать, он сочиняет роман.

— В двух частях, — уже громко съязвил Фигичев. — «От Прута до Днестра». Как шел пешком — первая часть, как ехал на лошади — вторая.

— Что пишешь? — спросил Дьяченко.

— Так, делаю кое-какие заметки и выводы, — уклончиво ответил я.

— Ну и к каким же ты выводам пришел?

— Смотря по каким вопросам.

— Ну вообще — о жизни, о войне… Ведь это тебя занимает?

— Нет. Просто осмысливаю наш опыт. Интересует, например, такой вопрос: ты сбил самолет — стоит ли смотреть, куда он упадет?

— Ну и как ты решил?

— По-моему, лучше не смотреть.

— Почему?

— Чтобы самому не оказаться на земле рядом с ним. Товарищи посерьезнели, задумались. Кто-то бросил реплику:

— Да, но ведь это не только интересно, а необходимо! По возвращении домой надо доложить, где упал сбитый тобой враг.

— А зачем? — возразил я. — Твоего сбитого другие увидят. А ты, срезав одного, внимательно смотри, где еще противник.

— Ну что ж, — подытожил наш разговор Фигичев, — давай, Сашка, сочиняй! Такой роман нам пригодится. Война, видать, разворачивается всерьез и надолго. Чтобы остаться живым, надо соображать в бою.

— Чтобы соображать в воздухе, Валя, — дружески заместителя, — надо готовиться к этому на земле.

На третий день меня потянуло на аэродром. Пошел по стоянкам. Возле каждой из них — шалашик, замаскированный кукурузой. Заглянул в один — постель из травы, вместо одеяла — шинель, вместо подушки — самолетный чехол. Оказывается, техники здесь и ночуют… У каждого свой запасец инструментов, гаек, болтов, дюрита — словом, маленькая мастерская. Днем, когда самолеты уходят на задание, техники и механики собираются вместе и ремонтируют поврежденные в боях машины.

Возле одного из таких МИГов я застал человек десять.

— О, хозяин явился! — воскликнул инженер эскадрильи Копылов. — Для тебя приказали готовить. — И он кивнул на видавший виды самолет.

— Когда можно будет облетать его?

— Да хоть сегодня, если тебе не помешает палка.

— Не помешает.

— Тогда погуляй пока. Когда машина будет готова — сообщу.

Я пошел дальше. Заметив, что механик по вооружению что-то мастерит возле своего шалаша, остановился. Он увлеченно трудился, тихо напевая песенку. Вижу: на подкрыльный подъемник, напоминающий большой домкрат, механик приварил крепление и теперь устанавливает пулемет БС, очевидно снятый с разбитого самолета.

— Над чем мудришь? — спросил я его, присаживаясь рядом на перевернутое ведро.

— Сами догадайтесь, товарищ командир, — ответил он

серьезно.

— Трудно догадаться. Если собираешься по диким уткам стрелять, так осень еще далеко.

— Осень далеко, а фронт близко, товарищ командир. На аэродроме ни одной зенитки.

— Собираешься из этой самоделки сбивать «юнкерсов»?

— Когда нет ничего, и это оружие. Если бы сделать прицел, я бы уже сегодня пристрелял пулемет.

Замасленные, в ссадинах руки механика были все время в движении. Он торопился сделать как можно больше, пока эскадрилья не вернулась с задания.

— Раз так, давай помогу, — предложил я. — Когда-то умел рассчитывать. Может быть, все позабыл.

— У вас практика ежедневная, как тут забыть! Я начертил кольцо прицела, рассчитал его радиус и оставил бумажку на ведре. Но налетевший ветер подхватил ее и унес в бурьян. Мне не захотелось возвращаться, да и механик вроде без интереса отнесся к моему наброску. В затее оружейника я, откровенно говоря, усомнился, но решил: пусть возится. Когда налетят вражеские самолеты, он хоть трассами попугает их.

А группа все еще не возвращалась с задания. Минуты ожидания тянулись нестерпимо долго. Оказывается, на земле время идет медленнее, чем в полете.

Идут! Затаив дыхание считаю и пересчитываю самолеты… Одного не хватает. Кто-то из техников определяет по номерам — нет машины Довбни, летчика моего звена. Прихрамывая, тороплюсь к первому зарулившему на стоянку самолету. Узнаю: Довбню подбили зенитки возле Унген. Все видели, как он спускался с парашютом.

Память воскрешает холмы и поля Молдавии, дороги, забитые немецкими войсками. Да, трудно будет Довбне пробираться к нашим, очень трудно! Линия фронта проходит уже по Днестру. Эх, дружище, а ведь совсем недавно ты с радостью читал мне весточку от родных из глубокого тыла. Когда-то теперь встретишься с нами? И увидимся ли вообще?

Из моего звена остался один Дьяченко. Как он будет чувствовать себя без меня и Довбни! Ведь сколько раз мы выручали друг друга! Нет, я должен сегодня же полететь на задание! Ради дружбы с Леонидом Дьяченко, ради мести за Петра Довбню…

Инженер с готовностью предоставил мне самолет для облета. Отбросив палку, я надел парашют и сел в кабину.

МИГ безупречно вел себя на разбеге, но, взлетев, я никак не мог убрать шасси. Система уборки работала нормально, а замки

не защелкивались. Пришлось сразу же садиться. Когда инженер и техники устранили дефект, с КП по телефону сообщили: эскадрилье подготовиться к вылету. Будем бомбить Бельцы. Да, нужно нанести удар по родному аэродрому, на котором теперь стояли немецкие самолеты. Полк уже летал туда. Там, на летном поле, есть воронки от наших бомб, там погиб Степан Назаров во время ожесточенного боя шестерки МИГов с восемнадцатью «мессершмиттами».

Память о Довбне и Назарове, желание поддержать Дьяченко — все это пробудило во мне стремление немедленно стать в строй и идти с группой. Начальник штаба полка разрешил вылет.

Я сел в самолет, вырулил на старт и, когда взлетели первые две тройки, дал газ. Мотор тянул хорошо, скорость быстро нарастала, машина уже выровнялась, готовая оторваться от земли, и вдруг… Именно в этот момент работа мотора внезапно прекратилась.

А полоса кончилась, дальше машине бежать было некуда. Я нажал на тормоза и, делая повороты, кое-как остановил машину у самой кукурузы.

Я сидел в кабине и думал: что случилось, почему отказал мотор? Взглянул на приборы — бензин и масло есть. Ощупал краны — все как положено. Недоумение сменилось чувством неуверенности в себе: неужели за шесть дней успел разучиться управлять машиной?

Подъехал на «эмке» Виктор Петрович Иванов.

— Покрышкин, что случилось?

— Сам не пойму, товарищ командир. Мотор остановился.

— Может, краны перепутал и перекрыл горючее?

— Как будто нет. Все делал правильно. Виктор Петрович пристально посмотрел на меня и недовольным голосом сказал:

— Отруливай побыстрей, освобождай летное поле. Не знаю, о чем он подумал, но мне стало не по себе. В глазах подбежавших техников я тоже прочел сомнение.

Когда подрулил к своей стоянке, инженер Копылов вскочил на крыло и встревоженно спросил:

— Что такое?

— Остановился мотор на взлете.

— Давай попробую.

Инженер запустил мотор, дал полный газ — и воздух потряс гулкий рев, словно машина взбиралась на крутую горку.

— Во! — показал Копылов большой палец и выключил зажигание. — На тебя, видимо, подействовало путешествие по Молдавии.

На меня снова устремились настороженные взгляды. И опять

защемило сердце: неужели все думают, что я струсил и пошел на обман?

— Ты что?! — От этого намека у меня перехватывает дыхание. — Я все делал правильно! Дай еще раз сам попробую.

Сел в кабину, запустил мотор — поет. Копылов ухмыльнулся. Я убрал газ и дал снова. И вдруг мотор, зачихав, остановился.

Копылов опять сел на мое место. Но теперь мотор уже совсем не работал.

— А ну разберитесь! — загремел Виктор Петрович.

Пока он не высказывал своего мнения. Теперь ему стало ясно: баки полны, а горючее из них не поступает.

Техники сразу стали устранять неисправность, а я ходил рядом и никак не мог успокоиться. Если бы мотор остановился немного позже, лежать бы мне под обломками машины. Какая нелепость: пройти столько испытаний, добраться до своего аэродрома и глупо разбиться при взлете.

Причину отказа мотора скоро нашли. Оказалось, что при сборке были неправильно установлены обратные клапаны в бензопроводе. Поэтому горючее из центральных баков не поступало в задний, из которого его откачивали бензонасосы. То, что натекало самотеком, быстро вырабатывалось, и мотор сразу останавливался.

— Отдам под трибунал! — кричал командир полка технику. — И летчика и самолет угробил бы, растяпа!

А тот стоял бледный, растерянный, не зная, что сказать в свое оправдание.

— Не нужно судить его, это же ошибка, — вмешался я. — Люди торопились, да и самолеты мало изучены, просто замените техника.

Иванов сел в машину. Немного отъехав, она остановилась. Приоткрыв дверцу, Виктор Петрович крикнул:

— Покрышкин, твой самолет пусть обслуживает Вахненко!

— Есть! — ответил у.

— Есть! — повторил за мной Вахненко, сияя от радости.

Пока ремонтировали мой самолет, группа возвратилась с задания. Уходя с аэродрома, мы уже знали, что завтра утром нам снова придется лететь на Бельцы. Штаб дивизии продолжал посылать летчиков в одно и то же время, по одному и тому же маршруту. До некоторых людей пока не дошло, что это безрассудно.

Утром Вахненко с подчеркнутой четкостью доложил о готовности самолета к вылету. Я с легким сердцем сел в кабину залатанного МИГа и порулил на старт. Мотор работал в полную силу.

…И вот летим на Бельцы. Соколов решил ударить по аэродрому внезапно, с бреющего. Он со своим ведомым идет впереди и первым замечает вдали знакомый силуэт городка.

Сделав горку, чтобы можно было сбросить бомбы, выскакиваем всей группой на цель. Внизу впереди «мессершмитты», «юнкерсы», «хеншели», бензозаправщики. На них обрушиваются наши бомбы. Взрывы, пламя, дым… Пусть помнят наше возмездие.

Пока Соколов делает новый заход, мы с Дьяченко атакуем зенитные батареи противника. Их много вокруг аэродрома. После нашей атаки вражеские солдаты разбегаются по окопчикам, пушки на время умолкают. Я замечаю, что один «мессер» вырулил на старт и запустил мотор. Бросаюсь на него, пикирую почти до самой земли, стреляю. Винт «мессера» останавливается. Мало! Хочется увидеть его горящим. Наши снова поливают аэродром огнем из пулеметов. «Юнкерсы», «мессершмитты» стоят беспомощные, неподвижные,

МИГи, выделенные для штурмовки, делают последний заход, обстреливают стоянки и на малой высоте берут курс на восток. Я провожаю их взглядом и по привычке считаю. Странно… Почему-то самолетов стало на два меньше. Все время кружилось шесть, а теперь вижу только четверку. Неужели остальные ушли раньше? Такое иногда случается, когда зенитки повредят самолет или ранят летчика. Еще раз осматриваю небо — ни одного самолета. Пикирую на зенитку, стреляю и вместе с Дьяченко на бреющем догоняю группу. Считаю. Опять четыре.

Хорошее впечатление от успешной штурмовки сменяется тревогой. Восстанавливаю в памяти картину налета на аэродром. Сбить сразу двух МИГов зенитки не могли. Мы бы сразу это заметили. А может быть, они столкнулись и упали? Как еще объяснить такое загадочное исчезновение пары?

Просто не верится: вылетали восьмеркой, а возвращаемся шестеркой. Неужели я что-либо недосмотрел, когда пикировал на зенитку?

Самолеты заходят на посадку. Мы с Дьяченко садимся последними. Снова считаю. Четыре…

Мы принесли в полк добрую весть о хорошем ударе по врагу и горький рассказ о том, что с задания не вернулись наш комэск Соколов и его ведомый Овсянкин.

Если никто из группы не видел, как погиб товарищ, история его исчезновения составляется коллективно, как легенда. Обрывки виденного дополняются догадками.

Неизвестность хуже хотя и печального, но достоверного факта. Она тяжелее давит на сердце. Мы не заметили, как исчез

наш командир со своим ведомым. Нет с нами боевых товарищей. Нет любимца всей эскадрильи Анатолия Соколова.

Кто-то из группы все-таки вспомнил момент, когда Соколов и Овсянкин стали почему-то удаляться в северо-восточном направлении. Было похоже, что они отходили со снижением для того, чтобы, развернувшись, снова ударить по стоянкам вражеских самолетов. После этого их, кажется, уже никто не видел.

На следующий день мы, возвращаясь с заданий, прежде всего интересовались, нет ли каких-либо вестей о Соколове. Но ни штаб полка, ни штаб дивизии никакими данными не располагали.

Неизвестность тревожила и угнетала. Сбросив парашют, я облокотился о крыло самолета и так крепко задумался, что не слышал, как подъехал Иванов.

— Чего голову повесил? — спросил он, выйдя из машины.

— Плохи наши дела, товарищ командир, — выпалил я, не сдержав своих чувств. — Если так будем и дальше воевать, скоро от эскадрильи ничего не останется.

— Война, Покрышкин… — уклончиво ответил командир полка.

— Все это верно, — согласился я. — Но почему, скажите, на штурмовку аэродромов нас посылают малыми группами? Там столько зениток, а мы летаем шестеркой или восьмеркой. Они перещелкают нас по одному, по два — и точка. Навалиться бы целым полком!

— Дорогой мой! — Виктор Петрович подошел поближе и положил мне руку на плечо. — Разве я этого не понимаю? Прекрасно понимаю! Так вот знай, мне попадает и за то, что посылаю вас восьмерками, а не звеньями. У нас ведь штабных стратегов хоть отбавляй! Не грусти, скоро все будет как надо. Только не говори при других того, что сказал мне. На тебя уже и так кое-кто косо смотрит. Понятно?

— Понятно, товарищ командир.

— То-то, а сейчас готовь звено к вылету на сопровождение своих старых знакомых — бомбардировщиков.

— СУ-2?

— Хорошо, что не забываешь, с кем знакомишься! — усмехнулся Виктор Петрович. — Севернее нас очень тревожная обстановка. Бомбардировщики будут уничтожать вражеские переправы в районе Могилев-Подольского.

Иванов пошел дальше, к соседней стоянке. А мне предстояло лететь в район севернее Котовска. Что там за обстановка? Неужели немцы уже прорвались через Днестр?

На душе было неспокойно.

5. Днестр остается в дыму

Я посмотрел влево, вправо — совсем рядом идут ведомые. Снова приходит ощущение тесноты, связанности. Теперь, соглашаясь лететь на задание тройкой, чувствуешь, что это всем нам в тягость, что за ненужный груз традиции нужно расплачиваться.

Впрочем, в этом полете у меня была совсем иная, своя, волнующая забота: я вел товарищей на прикрытие бомбардировщиков. Когда я услышал об этой задаче, по моей спине поползли мурашки.

Полет начался с осложнений. Пришли в район сбора, сделали один круг, второй, третий, а бомбардировщиков все не было. То ли они запоздали, то ли мы пришли раньше срока. Что делать?

Под нами аэродром неизвестной нам части, которая должна была выделить группу истребителей для непосредственного прикрытия СУ-2. Пока ее самолеты не взлетели. Можно сесть здесь и на земле подождать прихода бомбардировщиков. Но мы уже знаем, что к нам сразу же подъедут бензозаправщики, чтобы пополнить наши запасы горючего. А в это время могут появиться СУ-2. Мы задержимся и отстанем от них. Нет, садиться нельзя. Сделаем еще один круг, и тогда…

А вот и СУ-2! Я веду свое звено на сближение. К бомбардировщикам пристраиваются только что взлетевшие МИГ и два И-16. На девятку СУ-2 теперь приходится шестерка истребителей — защита надежная.

Летим строго на север вдоль Днестра, по которому проходит линия фронта. По одну сторону наши войска, по другую противник. Так было по крайней мере совсем недавно. Поэтому мы без опасений идем над левым берегом.

Неожиданно по нас открывают огонь вражеские «эрликоны». Что такое? Неужели и здесь фашисты?

Впереди, напротив раскинувшегося в долине города, ясно вижу линии понтонных мостов. Напряжение нарастает. Думаю об одном: хотя бы никто не помешал нашим СУ-2 ударить по переправам.

С нетерпением жду, когда на месте понтонов взметнутся фонтаны воды. Бомбардировщики вот-вот должны сбросить бомбы.

Истребители непосредственного прикрытия — МИГ и два «ишачка» — усердно обстреливают вражеские зенитные точки. Если бы у нас было радио, я сказал бы им всего два слова: «Берегите патроны!» В самом деле, ведь мы только появились над

объектом, как дальше сложится обстановка — неизвестно. В любой момент могут появиться «мессершмитты».

Набирая высоту, хорошо различаю внизу фонтанчики взрывов, белые на воде, черные на берегу. Переправ на реке стало меньше. Молодцы «бомберы», крепко поработали.

Бомбардировщики разворачиваются на обратный курс. Меня охватывает чувство радости. Но проходит всего несколько секунд, и я уже сжимаю кулаки от злости и досады; один из самолетов прямо на моих глазах разваливается на куски. Прямое попадание зенитного снаряда. Восемь оставшихся СУ-2 веером расходятся по звеньям и круто снижаются до бреющего. Небо вокруг них густо усеивают черные шапки разрывов.

Замечаю, что одна тройка СУ-2, вместо того чтобы лететь на юг, повернула на восток. Другая тройка, а за ней еще пара продолжают идти вдоль Днестра. Полный разброд. А нам нужно следить за всеми, чтобы в нужный момент защитить от вражеских истребителей.

Пока в воздухе нет «мессеров», бросаюсь в атаку на зенитные орудия, которые продолжают изрыгать смертоносный огонь. Пикирую. Земля быстро приближается. Стреляю. Гитлеровцы, покинув орудия, разбегаются по укрытиям.

Вывожу машину из пикирования, осматриваюсь и вижу в той стороне, куда пошла пятерка СУ-2, карусель воздушного боя. Наш МИГ и два «ишака» дерутся с двумя «мессершмиттами». На полной скорости устремляюсь туда. Следом идут мои ведомые.

Один И-16 почему-то отваливает в сторону и выходит из боя. Вражеский истребитель бросается за ним, вот-вот догонит. Забыв обо всем, спешу на помощь «ишачку»; стараюсь подвернуть свою машину так, чтобы с ходу атаковать «мессера». Но мне это сделать трудно. Оценив обстановку, правый ведомый Дьяченко вырывается вперед, заходит «мессеру» в хвост и дает две очереди. Немецкий истребитель, словно сорвавшись с невидимой подвески, врезается в бугор. И-16, не меняя курса, идет дальше, домой.

Вспомнив о тройке СУ-2, повернувшей на восток, решаю лететь в том же направлении. Но впереди справа замечаю четыре самолета: два «мессера» гонятся за двумя нашими бомбардировщиками. Вот мы уже подошли к ним совсем близко, но они нас не замечают. Видимо, истребители всех армий мира одинаковы в этом отношении: преследуя почти беззащитную жертву, они смотрят только вперед. Боевой азарт лишает их чувства осторожности.

Я пристраиваюсь сзади к ведомому пары «мессеров» и сбиваю его первой очередью. Охваченный пламенем, он пошел вниз.

Теперь в моем прицеле ведущий, который тоже не замечает меня и изо всех сил тянется за бомбардировщиком. Огненные трассы, его и моя, подобно двум молниям, сверкнули одновременно. «Мессер», хотя я и попал в него, успевает резким левым разворотом с набором высоты выскользнуть из моего прицела. За ним устремляются Лукашевич и Дьяченко. Все равно не уйдет! А мне надо найти свою тройку СУ-2…

Только я подумал о том, что надо немедленно идти искать мою тройку (я почему-то определил сам для себя, что буду прикрывать ее, она и сейчас казалась мне в самой большой опасности), только восстановилась в моем сознании, озарявшемся за эти несколько минут боя радостями, общая картина положения, определилась, почувствовалась со всей глубиной моя частная задача и я уже собрался рвануть свою машину в намеченном направлении, как вдруг произошло неожиданное. Я услышал удар. Мой самолет словно натолкнулся на воздушный вал, и в это же мгновение умолк мотор.

С момента взлета и до посадки летчик слышит мощный, оглушающий рев мотора своей машины. Все, что видится в воздухе, на земле, все свои действия, самое свое существование в продолжение полета — все он воспринимает вместе с этим почти неизменным, неутихающим гулом. Когда он внезапно прервался, наступившая тишина показалась мне взрывом, какой-то страшной, угрожающей безвоздушной пустотой.

Еще мгновение, и мысль заставляет бросить взгляд на землю. Такой момент в моей боевой практике уже был: там, над Прутом, я тоже сразу же подумал, куда мне придется приземлиться. Но там мотор еще некоторое время работал.

А сейчас… Я отчетливо вижу землю. Подо мной широкое, необозримое поле золотой пшеницы. По краям его две дороги. На дорогах клубится пыль, ветер относит ее в сторону. Идут машины, машины…

Все. Конец. Отсюда не удастся выбраться.

И в это мгновение вдруг взревел мотор, самолет рванул вперед. Нет, это был не рев! Это была самая чудесная песня. Гул мотора, его сила звучали музыкой радости. Сколько длилось его молчание, я не знаю. Почему отказал мотор и почему сам заработал — это оставалось пока загадкой. Да я тотчас и забыл о ней. Внимание было сосредоточено на другом. Я увидел, что на большое пшеничное поле, которое я выбрал для своей посадки, опускался СУ-2, тот, кого атаковал «мессер».

«Моя доля досталась им», — подумал я о тех двоих, которые взбивали пыль колесами своего самолета посреди золотистого поля. Им я уже ничем не могу помочь. Вдали я увидел мою

тройку СУ-2. Пристраиваясь к ней, вспоминал о тех, что пошли прямо на юг, вдоль Днестра. С ними были МИГ и один И-16, значит там все в порядке. Одного бомбардировщика мы все же не уберегли от «мессершмит-тов». Он на нашей совести и на совести командиров звеньев, рассыпавших строй.

Самолеты Дьяченко и Лукашевича идут рядом, я вижу своих друзей в кабинах, представляю, как сосредоточенны их лица. Нет, когда возвращаешься домой после боя, близость самолета друга по одну и по другую стороны не вызывает чувства связанности.

На обратном маршруте я чувствовал что-то неладное с моим самолетом. Глазами увидеть повреждения я не мог;

они, если есть, могут быть внизу, однако они по-своему напоминали о себе. Когда СУ-2, уже собравшиеся группой, взяли направление на свой аэродром, я повел свою машину на посадку в Котовск.

Только прикоснулся колесами к земле, мой самолет повело вправо. Значит, повреждена правая «нога». Сильно накреняясь, самолет развернулся и остановился посреди аэродрома.

Чужой МИГ, перевалившийся набок, застывший на взлетной дорожке, сразу привлек внимание: подъезжают машины, торопятся сюда люди.

Низко над аэродромом проносятся два МИГа. Узнаю машины Дьяченко и Лукашевича. Помахал им, чтобы летели домой, — они взяли курс на Маяки.

Командир части, увидев меня нераненого, приказывает «убрать с поля» самолет и уезжает. Я тащусь за своим МИГом, взятым на буксир грузовиком, присматриваюсь к повреждениям, пытаюсь установить, что же произошло со мной в воздухе. Становится понятной исключительная, неповторимая, еще одна боевая ситуация.

Осколки зенитного снаряда попали в воздухозаборный коллектор, газы от взрыва всосал мотор и задохнулся на несколько секунд. Да, это было мгновение, а мне оно показалось таким долгим — столько за эти секунды я успел увидеть кругом и вспомнить.

Повреждение было пустяковое — все осколки пошли в колесо шасси, не задев мотора.

Техники с удивлением поглядывали на меня и на мой самолет.

— Да! Повезло же тебе! Видно, ты в рубашке родился.

— Иди отдыхай! Завтра все дырки заделаем, — сказал инженер.

Я пошел на КП и попросил командира части сообщить в наш полк о результатах боевого вылета и о причине моей

вынужденной посадки в Котовске. В частности, я хотел доложить, что потерял два СУ-2.

— Один, — поправил меня командир бомбардировочного полка.

— Нет, два, — возразил я. — Сам видел: один, сбитый зениткой, упал, второй сел на пшеничном поле у самых дорог.

— Те, что сели в пшеницу, прилетели, — весело отозвался офицер штаба.

— Как же они вырвались оттуда? — удивился я.

— Смелость и находчивость их выручили, — пояснил с улыбкой командир полка. — Как только сели, сразу бросились к мотору — выяснить, почему он остановился. Оказалось, что пуля перебила трубку и в мотор перестал поступать бензин. Летчики достали из бортовой сумки кусок дюрита, обернули им трубку, закрепили проволокой и, пока бежали к ним немцы, успели взлететь. Запасливый штурман спас. Вот так-то.

Я живо представил себе пшеничное поле, людей у поврежденного самолета, бегущих фашистов. Каким мужеством, какой волей должен был обладать экипаж, чтобы под носом у врага лечить свою раненую машину, а потом дерзко вырваться из лап смерти.

— Пойдем с нами ужинать, гость, — предложил командир полка.

— Вынужденный гость.

— Бывает. Мы соседи! — В голосе командира чувствовалось удовлетворение тем, что бомбардировщики выполнили свое задание.

Я был рад за этот вылет, за бомбардировщиков, за свое звено и такой удачный разрыв зенитного снаряда подо мной.

Как ни хорошо в гостях, а дома лучше. И угостили меня, и дали постель, и покормили утром, когда я поднялся вместе со всеми летчиками, чтобы отправиться на аэродром, — все было как положено. Но мне очень хотелось в родной полк. Там друзья, там своя, не похожая какими-то чертами на здешнюю жизнь.

Да, не похожая. Мне интересно было отмечать про себя отличие их порядков от наших. Когда мы с командиром полка вошли в столовую, там находилось уже много людей. Одни вставали, другие садились. Летчики сидели перед неубранной посудой и ждали, когда к ним подойдет официантка. Командир прошел к своему столу, и этого никто как будто не заметил. В столовой стоял шум голосов и звон посуды.

У нас ужин проходит совсем иначе — как в настоящем фронтовом полку. Вечером авиаторы собираются в столовой не только для того, чтобы поесть. Они встречаются после

напряженной боевой работы. Кое-кто приходит раненым, кое-кто в лучах новой, только что завоеванной славы. А иных здесь уже больше не увидишь.

Нет, это не просто ужин. Наш командир и комиссар эту встречу за столами умеют всегда делать значительной, приятной для всех. У нас каждая эскадрилья имеет общий стол, составленный из небольших столиков. Все летчики занимают свои места одновременно. Ужин начинается кратким словом Виктора Петровича. Он говорит о павших в боях, отмечает героев дня. Музыка хоть и не всегда импонирует настроению летчиков, но все-таки помогает им на время отвлечься, забыть о тяготах войны.

На второй день я с утра начал хлопотать о своем самолете. Но ведомственные преграды и во время войны оказываются подчас сильнее законных и благородных стремлений. К вечеру мой самолет был совершенно исправным, готовым к полету, но стоял без колеса. Я бегу на КП, умоляю инженера поставить колесо.

— Ничем не могу помочь, — отвечает он.

— Но я же бездельничаю, самолет простаивает. Мне воевать надо.

— Пойми, не я отказываю — командир БАО. Он считает, что ты не нашего полка, и он не имеет права дать тебе, чужому, колесо. Звони в свой полк, проси, чтобы привезли.

Звоню в полк, прошу привезти колесо. Обещают на рассвете доставить. Что ж, придется еще раз поужинать под тарахтенье тарелок и ложек.

Утром рядом с моим неподвижным МИГом пробегают самолеты, уходящие на боевое задание. Где-то там, севернее Котовска, в небе идут жаркие бои, а я «загораю» на аэродроме. Солнце уже стоит в зените, а нашего У-2 нет и нет. Уже вечер, а его все нет. Что могло помешать?

Жду.

Летит! Радостно увидеть над землей знакомый силуэт трудяги У-2, который летит тебе на выручку.

Вот оно, собранное, накачанное воздухом колесо! Катится к моим ногам.

Доставивший его молодой летчик смотрит на мои хлопоты как-то равнодушно.

Спрашиваю:

— Что нового в полку?

— Воюют… — односложно отвечает он.

— Почему рано утром не вылетел?

— Самолет чинили… «Мессеры» крыло пробили.

— Был налет?

— Это и задержало. Одного ихнего тоже свалили. Прямо на аэродром шлепнулся.

— Кто сбил?

— Один оружейник из самодельной зенитки.

— Пулеметом на подъемнике?

— Да.

Мне не терпится быстрее вернуться в полк. Всего двое суток не был там, а сколько новостей! Передав колесо техникам, я возвращаюсь к У-2. Хочу расспросить лейтенанта обо всем поподробнее, но он торопится лететь.

— Проверни винт, — просит летчик.

— Подожди, проверну. Из наших никто не погиб?

— Вчера один… Сегодня ездили хоронить.

— Кто?

— Не запомнил фамилию.

— Во время налета?

— Нет. «Хеншель» появился над аэродромом. Разведчик, наверно. За ним погнались наши, двое. Один такой черный, с бакенбардами.

— Фигичев погиб?

— Нет, он вернулся. Погиб его напарник. Забыл фамилию. Хотел выручить Фигичева…

— Как все это произошло?

— Да так, — неохотно поясняет лейтенант. — Этого «хеншеля» прикрывали «мессершмитты». И закружили нашу пару. Одного нашего — никак не вспомню фамилию — подбили, и он сел возле деревни. Там его перевязали, ранен был. А Фигичев продолжал драться с шестеркой «мессеров». Раненый увидел, что немцы зажимают Фигичева, и запустил свой самолет. Говорят, взлетел он как положено и высоту набрал. Потом вдруг камнем пошел к земле. Там и похоронили его. Высокий такой, блондин.

— Дьяченко?

— Точно, он.

Я забыл о просьбе лейтенанта и, не помня себя, пошел в направлении своего самолета. Слышал, как он окликнул меня, чтобы я крутнул винт, но я не мог возвратиться. Молодым летчикам не нужно видеть слезы.

Дьяченко… Значит, смерть выхватила товарища, который шел совсем рядом со мной, а я рядом с ним. Я привык к Дьяченко в полетах. В бою мне казалось, что он неуязвим. Он был мужественным, бесстрашным бойцом и этими своими чертами полюбился мне. Он был резковат, но добр и смел. Он и я, мы как-то притерлись один к другому своими характерами, я русский,

сибиряк, он степняк, украинец. Я чувствовал себя сильнее, когда знал, что Дьяченко летит рядом со мной. Надежный летчик рядом — это твоя опора, твоя уверенность, твоя окрыленность и твой успех.

Я подошел к своему самолету. Техники ставили на место колесо. Нужно было немного подождать, но я не задержался возле них, чтобы не стали расспрашивать. Да и говорить ни о чем не мог. Ни о чем. Мы с Дьяченко были друзьями больше в воздухе, чем на земле. С ним в моей памяти связывались все бои, все дни войны. Теперь, без него, мне казалось, у меня не было никого близкого, я словно лишился всего. Я думал о нем, о наших совместных полетах, боях.

— Готов! — услышал я.

Пожал замасленные руки товарищам и поднялся в кабину. Мотор, словно тоже истосковавшийся по работе, хватанул винтом воздух.

До свидания, Котовск! Полет, который так волновал меня, продлился целых два дня. Лишь сегодня я расскажу товарищам о случае в воздухе с разрывом снаряда, об экипаже СУ-2, совершившем подвиг.

В воздухе снова вспоминаю о Дьяченко. Теперь, под рокот мотора, я думаю о его соколиной смерти. На память приходит «Песня о Соколе».

»…Ты храбро бился! Ты видел небо… О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью… Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером…»

Моя душа наполнилась гордостью за Дьяченко. Он, раненный, рванулся в небо на помощь Фигичеву — это в его характере. Он считал для себя позором сидеть на земле, когда его товарищ дерется один. Жаль только, что он мало успел сделать. Его сил, энергии и мужества хватило бы еще на многих врагов.

Маяки… С высоты различаю опустевшую стоянку. Самолет Дьяченко всегда стоял рядом с моим.

На краю аэродрома собралась толпа людей. После посадки я отрулил машину в кукурузу и пошел узнать, что заинтересовало наших летчиков. Оказалось, что они изучают, рассматривают сбитый сегодня «мессершмитт». Хотя от него остались одни обломки, все-таки интересно пощупать руками зверя, за которым ежедневно охотимся в небе.

В измятой кабине самолета виден изуродованный труп летчика с Железным крестом на груди. О том, что это опытный ас, говорят и знаки, нарисованные на машине. Он сбил десять английских самолетов и потопил два катера. Да, если бы наш оружейник не свалил его сегодня, фашист натворил бы еще много

кровавых дел.

Летчики ощупывают бронированное стекло кабины «мессершмитта» и невольно делают вывод: с такой передней защитой можно смело идти в лобовую атаку. А между тем фашисты боятся их и всегда отваливают первыми. Значит, кроме брони, нужно еще иметь и железные нервы. Нам бы такой щит перед грудью. Мы бы крушили врагов и спереди и сзади!..

Вооружение у «мессера» тоже мощное: две пушки. А на МИГе нет ни одной.

А это что за кнопки? Да это же радиоприемник и передатчик — вместе. Ничего не скажешь: хорошо оборудована кабина.

Почему же летчик не выпрыгнул? Очевидно, «мессер» шел очень низко, когда оружейник всадил в него пулеметную очередь.

Кстати, а где же наш герой-изобретатель? Отыскав оружейника, я пожимаю ему руку. Он поправляет на голове старенькую пилотку и смущенно опускает голову.

— Удачно ты рубанул его! — восхищенно говорит незнакомый мне молоденький сержант.

— Он сам налез на мою пулеметную очередь, — скромничает оружейник.

— Его еще в воздухе рвануло, — поясняет подошедший Вахненко. — Сам видел. Видно, пуля попала в контейнер со снарядами.

— А другие «мессеры» сразу смылись, как только этого свалили,

— Значит, если из каждой группы сбивать одного, будет порядок, — вступает в разговор Фигичев, который подошел к нам вместе с командиром полка.

— Не бросай, сержант, свою зенитку — она и в Котовске пригодится, — говорит Виктор Петрович Иванов.

Значит, мы перебазируемся в Котовск? Это связано с изменением маршрутов наших полетов. Но знают ли эти люди, что с севера сюда, на Котовск и Первомайск, по всем дорогам движутся нескончаемым потоком колонны вражеских войск?

Уходил еще один фронтовой день. Возвратившись с боевого задания, я увидел Вахненко в кругу молодых летчиков, только что прибывших в полк. Стройные, в новеньком обмундировании, в фуражках с «крабами», они живо напомнили мне о совсем иной, довоенной, жизни.

— О чем беседуете? — спросил я, остановившись возле них.

Они с любопытством и, как мне показалось, с восхищением смотрели на меня. Ведь я только что вышел из тяжелого воздушного боя.

— Так, о всяких случаях, товарищ старший лейтенант, —

отозвался высокий, статный сержант с открытым русским лицом.

Я первому подал ему руку.

— Никитин, — представился он.

«Бывают же такие», — невольно подумал я. Всем своим видом сержант напоминал известное скульптурное изображение летчика. Молодой красивый парень в летной форме задумчиво смотрит в небо. Одной рукой он прикрывает от солнца глаза, а другой придерживает опущенный к ногам парашют. Он стоит на земле, а видится в полете. Вот и Никитин показался мне таким.

— Труд, — протянул мне руку высокий худощавый сосед Никитина.

— Конечно, бой — это труд, — ответил я, не поняв, что хотел он сказать этим словом.

— Это фамилия у него Труд, — пояснил Никитин.

— Я говорю, что на фронте тоже нужен труд, — пришлось мне схитрить.

Все прибывшие в полк летчики были ненамного моложе меня. Но я уже целый месяц провоевал на фронте, и этот небольшой срок разделял нас, словно широкая бурная река, которую надо переплыть. Они стояли еще на том, мирном берегу, и каждое слово фронтовика имело для них особый смысл. Я понимал, как важно сейчас передать им все, что мы уже знаем о войне, о боях и о противнике. Они, молоденькие соколята, не должны платить своей кровью за ту науку, которую добыли в боях опытные бойцы.

Мы говорили недолго, торопили неотложные дела. Когда остались наедине с техником, Вахненко вдруг вытянулся по стойке «смирно» и подчеркнуто официально, чего с ним никогда не было, отчеканил:

— Товарищ командир, разрешите обратиться!

— Пожалуйста, обращайтесь, — ответил я, не сдержав улыбки.

— Ребята мне только что сказали… В авиашколы набирают из техников. Хочу поступить.

Кто-кто, но авиатехники знают, чем была война для наших летчиков. Они видят, какими возвращаемся мы подчас с заданий, сколько машин осталось в нашем полку.

Меня тронуло стремление Вахненко.

— Что же, очень хорошее желание, — сказал я.

— Я давно хочу стать летчиком. Теперь как раз смогу переучиться. Поговорите с командиром полка, чтобы меня направили в школу. Буду истребителем — к вам вернусь.

Вся красота души человека наиболее полно проявляется в самые важные и ответственные моменты его жизни. Вахненко надо было бы по-дружески обнять: лицо техника светилось

мечтой, той самой, которой когда-то жил я. И эта мечта вела летчика из школы прямо на поле боя, туда, где в первой же схватке его ждет, может быть, гибель.

— Я попрошу за тебя Виктора Петровича. В этот же день поздно вечером Вахненко забежал ко мне в общежитие. Одет во все выходное. Пилотка на нем старенькая, но чистая. Почему-то сразу, взглянув на нее, я по звездочке узнал, что она была моей.

— Узнаете? — спросил Вахненко, краснея.

— Тебя? Не узнаю. Праздничный какой-то.

— Сейчас с машинами уезжаю на станцию, а там поездом в авиашколу. Направление в кармане. Зашел проститься.

— Отлично. Желаю счастья и удачи, — протянул я ему руку.

— А пилотку узнали?

— Да, — ответил я.

— Тогда, в тот вылет, взял на память. Друзья не посоветовали возвращать. Обычай не велит.

— Я сам бы не взял ее обратно. От гимнастерки отказался. Такие вещи назад не возвращаются, знаю. Желаю тебе в этой пилотке вернуться летчиком.

Мы крепко обнялись. Я проводил Вахненко к машинам, нагруженным столами, кроватями и кухонной утварью. Ночь, торопливые голоса, имущество на машинах, которое мы привыкли видеть только в помещениях — все говорило об отъезде. Полк оставлял свой аэродром.

Утром мы покинули Маяки. Перелетели в Котовск, но все чувствовали, что ненадолго. Нам виделась дорога на восток, тяжелая дорога отступления.

На аэродроме в Котовске мы не застали ни одного самолета. «Значит, — подумал я, — нашей дивизии придется одной обеспечивать боевые действия наземных частей на этом участке фронта».

На второй день догадка подтвердилась. В Котовск переехал и штаб соединения. Неподалеку от командного пункта мы увидели самолет комдива УТИ-4 и пару «чаек», которые прикрывали его во время перелетов.

Однажды утром летчики вдруг обнаружили, что все крыльевые крупнокалиберные БС самолетов сняты. Мы хорошо знали высокую эффективность этого оружия и, естественно, потребовали от техников подвесить прежние пулеметы. Нам ответили, что их уже нет.

— Как нет? — удивились мы.

— Они уже запакованы и отправлены.

— Куда? Зачем? Что это значит? — посыпались вопросы.

Техники послали нас к инженеру эскадрильи.

— Не волнуйтесь, — сказал Копылов. — Без тяжелых пулеметов самолеты легче, драться лучше.

— А стрелять чем будем? — наступали летчики.

— «Шкасами», — полушутя ответил Копылов. — В общем, товарищи, мы выполнили приказ высшего командования. На авиационных заводах нечем вооружать новые самолеты. Пришлось снять крыльевые БС со всех машин и отправить в тыл. Ясно?

Вот оно что. Не хватает пулеметов… Да, армия сейчас стала огромной.

Однако раздумывать было некогда. Вскоре приказали лететь на разведку. Прошло время, когда на выполнение таких заданий ходили звеньями и группами! Теперь меня послали одного. Сам наблюдай и сам отбивайся, если на тебя нападут.

Сбросив бомбы на скопление вражеских автомашин в районе Дубоссар, я направился в глубь Молдавии. Только перелетел Днестр, как увидел на горизонте «юнкерс-88». Тот тоже заметил меня и круто развернулся на запад.

Догоняю, пристраиваюсь в хвост и открываю огонь. Вижу, что пули точно попадают в самолет, но он как ни в чем не бывало продолжает лететь. Ведь его экипаж и бензобаки защищены крепкой броней. Во мне все закипает. Боекомплект израсходован, а результата нет. Что теперь делать? Идти на таран? Но подо мной оккупированная территория. Ничего, скоро и на наших самолетах появятся пушки и мощные пулеметы. Тогда сполна рассчитаюсь с врагом!

Возвращаюсь домой и невольно думаю о нелепом решении насчет крупнокалиберных пулеметов. Одни самолеты разоружить, другие вооружить… Какая польза от этого?

Возвращаюсь в Котовск. Аэродром закрыт туманом. Лишь ракеты пронизывают его плотную пелену. Определяю направление, начинаю снижаться. Погружаюсь во мглу. Высота тридцать метров, двадцать, а земли не видно. Снова перевожу машину в набор и выскакиваю из тумана. Захожу еще раз и окончательно убеждаюсь, что садиться нельзя. Можно разбиться. Принимаю решение идти в Маяки.

Странное впечатление произвел на меня недавно оставленный аэродром. На нем — ни одного самолета, никаких признаков жизни.

Приземлившись, я замаскировал машину и пошел туда, где находился КП. Впереди, в кукурузе, заметил человека: он то выглядывал, то снова прятался. Я направился к нему.

Он, пригибаясь, тоже двинулся ко мне. В руках у него была винтовка. Окликнуть его, что ли, а то еще выстрелит.

— Эй, кто там?

Молчание. Потом из кукурузы осторожно высунулась голова в пилотке.

— Выходи! Чего прячешься?

С винтовкой наготове боец встал и подошел к краю поля.

— Что ж ты собирался делать, если бы я тебя не окликнул?

— А стрелял бы… Теперь этих десантов немцы везде понабросали.

— Да ты что, какие десанты?

— Люди говорят.

— Больше слухов, чем правды. Ты что здесь делаешь?

— Линию связи снимаю.

— Один?

— Один.

— А питаешься как?

— Оставили мне.

— Где же твой продсклад?

— Там, в кукурузе. Может, голодные? У меня консервы есть, хлеб.

— Нет, спасибо. Вот подожду, пока солнце повыше поднимется, и полечу домой.

— Тогда пожалуйста. А мне нужно сматывать провода. Он еще раз окинул меня внимательным взглядом и пошел в кукурузу за катушкой. Снимая линию, связист изредка посматривал в мою сторону. Я ходил возле самолета и думал: смелый, сообразительный боец, таких приятно видеть. Приземлись здесь немецкий самолет — связист не дал бы ему взлететь. Выходит — и один в поле воин.

Утренний туман рассеялся, и я возвратился в Котовск. Едва успел спрыгнуть на землю, как подкатил бензозаправщик. Мой новый техник — крепыш и балагур Григорий Чувашкин — принялся готовить самолет к вылету. Я положил под крыло парашют, снял шлемофон и с наслаждением посмотрел в чистое голубое небо. В этот момент послышался нарастающий гул моторов. С запада к нашему аэродрому шла большая группа вражеских самолетов.

— Уезжай отсюда! — крикнул я шоферу бензозаправщика.

Тот спокойно вышел из кабины, недоумевающе посмотрел на меня, но, вскинув голову, сообразил, в чем дело, и быстро сел за руль. Подминая кукурузу, его машина помчалась прочь с аэродрома. А на место бензозаправщика, как назло, подъехал грузовик с бомбами. «Юнкерсы» в это время уже разворачивались, чтобы накрыть весь наш ряд самолетов. Что будет, если в машину попадет бомба?

Увидев вражеские самолеты, шофер бросил грузовик и помчался к щелям. Чувашкин тоже был уже там и во все горло звал меня. Но мне почему-то показалось противным прятаться от врага. Схватив винтовку, я зарядил ее и открыл по пикирующим «юнкерсам» огонь. На аэродром уже сыпались мелкие осколочные бомбы, так называемые «лягушки».

Вот свалился в пике последний бомбардировщик. От него отделилось несколько черных точек. Увеличиваясь в размерах, они летели прямо на меня. Мелькнула мысль: укрыться. Но «юнкерс» спикировал так низко, что я не успел бы отбежать от машины. Застыв у своего МИГа, рядом с грузовиком-бомбовозом, я стал ждать, что будет. Мною овладело какое-то безразличие, а может быть, даже презрение к смерти.

«Юнкере» с ревом пронесся над головой, с набором высоты ушел от аэродрома, а я стоял и ждал взрывов. Прошла секунда, другая, а в воздухе по-прежнему висела тишина.

Я не выдержал, шагнул вперед и увидел вокруг множество неразорвавшихся бомбочек.

Подошли Чувашкин и шофер бомбовоза. Покинув укрытия, возвращались сюда и другие авиаторы.

Мне нужно было идти на КП доложить о результатах разведки, которые уже наверняка устарели. Заметив, что возле «чаек» появились летчики, я завернул к ним.

— Почему не взлетели навстречу «юнкерсам»?

— Спрашивай у начальства, — угрюмо ответил один из летчиков.

— Я у вас спрашиваю! — повысил я голос, и руки невольно сжались в кулаки. — Враг безнаказанно отбомбился и ушел. А вы сидели в щелях и преспокойно наблюдали. Совесть у вас есть?

— Нам приказано прикрывать самолет комдива и без его разрешения не вылетать.

— Но вы же знали, что на аэродроме не было других подготовленных к вылету истребителей?

— Нам самим не хочется сидеть сторожами возле УТИ, да что поделаешь.

Махнув рукой, я пошел на КП. Тягачи уже вывозили МИГи из опасной зоны, осторожно объезжая застрявшие в земле бомбочки. Только тут я понял, почему не разорвались «лягушки». «Юнкере» очень низко вышел из пикирования. Видимо, вражеский летчик, увидев незамаскированный самолет и полуторку, решил наверняка поразить цель, да не рассчитал.

Все реже летаем за Днестр, затянутый облаками дыма. По левому берегу реки от Могилев-Подольского на юг движутся немецкие войска. На наших картах вот уже несколько дней

пестрят наименования населенных пунктов этого района. Ямполь, Вапнярка, Ольгополь, Кодыма.

Летим на Кодыму. Здесь наша разведка обнаружила большую колонну вражеских войск. Группе «чаек» и И-16 приказано нанести по ней штурмовой удар. Мы прикрываем штурмовиков. В моем звене место Дьяченко занял молодой летчик Викентий Карпович. Опять тройка.

Приходим в заданный район. «Чайки» и «ишачки» начинают с пикирования клевать вражескую колонну, растянувшуюся на несколько километров. Появляются «мессершмитты». Они пытаются прорваться к «чайкам». Бой начинается без прощупывания.

Оторвавшись от преследующего меня «мессера», я с набором высоты иду влево, чтобы навалиться сверху на тех истребителей, которые атакуют «чаек». Нужно дать возможность нашим штурмовикам сбросить бомбы и изготовиться к бою. Но обстановка заставляет меня тотчас же отказаться от этого замысла. Взглянув влево, вижу, что в хвосте самолета Карповича завис «мессер». Боевого опыта у нашего летчика нет, и вряд ли он сумеет уйти из-под удара. Если бы у нас было радио, я бы подсказал ему, как лучше поступить.

Спешу на помощь Карповичу. Нельзя допустить, чтобы его сбили в первом же боевом вылете. Такая травма заживает так же медленно, как срастается переломленная кость.

Сближаясь с «мессершмиттом», пытаюсь понять, почему мой правый ведомый Карпович очутился ниже меня. Все ясно: опять дал о себе знать строй тройки. Когда я делал левый разворот, Лукашевич пошел за мной, Карповичу тоже следовало идти за нами. Но это нелегко было сделать. На крутом развороте самолет мог свалиться в штопор, на медленном — неминуемо отставал. И ведомый поступил так, как мы делали иногда во время учебных воздушных боев, — развернулся вправо. А поскольку скорость у меня на форсаже была большая, Карпович моментально оторвался от нас. Тут и пристроился к нему «мессер», предвкушая легкую победу.

На предельной скорости атакую «мессера», преследующего Карповича. Пули прошивают кабину вражеского истребителя сбоку, и он, клюнув носом, летит к земле.

Мой ведомый только теперь увидел меня и понял, что произошло. Но мне некогда «брать его за руку». Внизу ведут неравный бой с фашистами наши «чайки» и «ишаки». Их много, но «мессершмиттам» не удается достать кого-нибудь из них. Я провожаю взглядом самолет Карповича, который почему-то взял курс на Котовск, и ищу глазами Лукашевича. Но его нигде нет.

Тогда я бросаюсь на «мессершмиттов», атакующих штурмовиков.

На обратном маршруте восстанавливаю в памяти подробности боя, пытаясь определить тот момент, когда мог быть атакован Лукашевич. На первом развороте влево я видел его. Потом мое внимание отвлек «мессершмитт», преследовавший Карповича. Куда же исчез Лукашевич?

Снова возвращаюсь домой без ведомых. Пролетая над аэродромом, вижу, что самолет Карповича уже на стоянке. Сажусь, заруливаю машину и подхожу к Виктору Петровичу, который беседует с моим правым ведомым. Карпович подробно рассказывает, что с ним произошло в воздухе. Я слушаю, с трудом сдерживая нетерпение: хочется спросить, почему он отвернул вправо, когда я делал левый разворот? Именно здесь исток всех его последующих ошибок. Выбрав момент, задаю ему, наконец, этот вопрос.

— Отстать боялся, — откровенно признается Карпович.

— Тогда почему же на малом вираже разворачивался? У нас был уже такой летчик, который не признавал глубоких виражей, — Овчинников. И он погиб в первом же воздушном бою. Ты тоже сегодня был на волосок от смерти. Есть пробоины?

— Есть.

— А мотор хорошо работал?

— Хорошо.

— Уходить домой тоже не следовало. Карпович молчит. Виктор Петрович смотрит то на него, то на меня. Потом спрашивает у меня о Лукашевиче:

— Сбили?

— Не видел.

— Что же с ним случилось?

Командир полка глубоко вздыхает и медленно идет вдоль стоянки. Я шагаю с ним рядом.

— Какое-то загадочное исчезновение, — говорю. — Получилось в точности, как с Соколовым и Овсянкиным. Опять полная неизвестность.

— О них-то уже все известно, — спокойно возражает Виктор Петрович.

Я невольно подаюсь вперед, чтобы взглянуть в лицо командира. Оно суровое, непроницаемое.

— Что с ними, товарищ командир?

— Вечером расскажу всем…

Лукашевич появился на пороге столовой, когда мы все, кто там находился, с затаенным дыханием слушали рассказ Виктора Петровича о Соколове и Овсянкине. Летчик сразу понял, о ком идет речь, и тоже замер у двери. Он видел, как метнулись к нему

короткие, полные радости взгляды, как на минуту умолк командир, посмотрев на него своими большими грустными глазами, будто сказал свое самое ласковое слово — «хорошо».

От радости у Лукашевича даже слезы навернулись на глаза. Это была счастливая минута в его жизни. Он снова возвратился в свой родной полк, в дружную крылатую семью.

— Летая на запад, мы все верили, очень верили Днестру, — говорил Виктор Петрович. — Подбитые старались перетянуть через реку, оставшиеся без самолета тоже спешили к ее берегам. И Днестр никого из нас не подвел. Помог бы он Соколову и Овсянкину, если бы они от Бельцев полетели прямо на восток. Кто-то из них, видимо Соколов, был подбит. Овсянкин не оставил своего командира, и они вместе полетели на северо-восток, в направлении Ямполя. Если посмотреть на карту, то сразу видишь, что Ямполь от Бельцев в два раза ближе, чем Григориополь. Поэтому они и избрали этот самый короткий маршрут.

Недалеко от Ямполя летчики сели, считая, что здесь еще находятся наши. А там уже были немцы. Они окружили Соколова и Овсянкина, хотели взять их живыми. Наши товарищи отбивались до последнего патрона. Поняв, что вырваться не удастся, они решили, что лучше остаться мертвыми на родной земле, чем мучиться в фашистском плену. Вы спросите, как мы узнали о мужестве наших боевых друзей? Об этом рассказал на допросе немецкий летчик, взятый недавно в плен. «Я каюсь, — говорил он, — что не поступил так, как ваши летчики под Ямполем. У нас тоже есть понятие воинского долга!» Он и сообщил подробности этого события на левом берегу Днестра. Дорогие друзья, — сказал в заключение командир полка, — пусть навсегда сохранится в нашей памяти образ бесстрашных летчиков нашего полка, славных сыновей советского народа Анатолия Соколова и Алексея Овсянкина!

Мы встали со своих мест и почтили память боевых друзей минутой молчания. Были слышны лишь всхлипывания официантки да пронзительный свисток паровоза, долетевший со станции.

После ужина летчики окружили Лукашевича. Он рассказал, что при выполнении левого разворота самолет вошел в штопор; чтобы вывести его, не хватило высоты, пришлось прыгать с парашютом. Приземлился Лукашевич почти рядом со сбитым мною немецким летчиком. Преследуя фашиста, наши пехотинцы стреляли и по нему до тех пор, пока не услышали русскую речь.

— Вот вам еще один печальный результат полета тройки! — не сдержал я своего возмущения. — Летишь, а по бокам два ведомых, словно телохранители. Но ведь я не комдив, чтобы меня

так охраняли. Дайте мне такую свободу в строю, чтобы своими разворотами я не заставлял одного выбрасываться с парашютом, а другого уходить черт знает куда!

— Спокойно, Покрышкин! — остановил меня майор Иванов. — Расшумелся, как самовар. Сегодня тройкой летали последний раз. — Эти слова он произнес решительно, как приговор.

Вернувшись в общежитие, я увидел на своей подушке треугольное письмецо. Первая за время войны весточка из Новосибирска.

«Во первых строках» сестра Мария писала, что домой пришло печальное известие о младшем брате Петре — пропал без вести. Я знал, что этот сильный, волевой крепыш никогда не сдастся в плен. Значит, погиб. Значит, война уже забрала одного из нашей семьи. Теперь на фронте нас осталось двое. Третий подрастает, идет по моим стопам. Дождется ли мать кого-нибудь из нас после войны?.. Далее Мария сообщала, что ее муж Павел тоже ушел на фронт, перечисляла имена всех двоюродных братьев, надевших солдатскую форму. «Деньги от тебя пришли, — говорилось в конце письма, — мама и я шлем тебе спасибо». «Хорошо, — подумал я, — что они получили, наконец, от меня подмогу. Завтра же, как приедем на аэродром, напишу им ответ».

На рассвете, под грохот артиллерии, долетавший со стороны Балты, наш полк поднялся с аэродрома и спешно перебазировался на новое место.

Отступление продолжалось.

6. Море и девушки

Теперь мой дом — самолет. Под его крылом я обедаю, в перерывах между полетами читаю газеты, пишу письма, веду свою тетрадь.

Когда полк начал менять аэродромы, я решил было записывать названия населенных пунктов, в которых мы останавливались. Но в конце июля и в первой половине августа перелеты стали настолько частыми, что мне пришлось отказаться от своего намерения.

Немецкие войска стремительно продвигались в направлении Киева. Наш полк, как и другие авиачасти, вынужден был отходить на восток вдоль моря. Мы отступали, конечно, под прикрытием наземных войск, всеми силами помогая пехотинцам сдерживать гитлеровские полчища.

После Котовска полк всего на день задержался на аэродроме у Фрунзевки. Отсюда мы сделали несколько вылетов на штурмовку и сразу же перебазировались в Березовку. Здесь летное поле находилось у самой дороги.

Пока мы стояли вблизи наших границ, почти не видели беженцев, отступающих солдат рассеянных частей. А у этой дороги…

Медленно продвигаются повозки, запряженные лошадьми, волами. На них навалена домашняя утварь, сидят старики, женщины, дети, измученные, опаленные солнцем, серые от пыли. Кто-то натянул над собой «цыганский» шатер, и из него выглядывают ребячьи лица. Стада коров, овец, лошадей, перемешиваясь, разбегаются по дороге. Пыль движется тучей, окутывает все. Тракторы тащат по три-четыре комбайна. Гудят, безнадежно требуют проезда автомашины.

Стоим, углубившись в лесополосу, чтобы не так обдавало пылью, и смотрим на эту печальную реку. Да, мы, наша армия, не смогли сдержать натиск врага. И мы, как и эти люди, отступаем в надежде на подкрепление, на свежие силы.

Идут бойцы, раненые и здоровые, в ботинках и обмотках, в потных гимнастерках, некоторые с котелком на ремне и без винтовки. Скатки шинелей кажутся им грузом. За плечами тощий вещевой мешок, в кармане или за обмоткой ложка.

Мы подступили к ним ближе, заговорили:

— Почему без оружия?

— Нет оружия.

— Как так?

— Не выдали. Говорят, не хватает.

Горько слышать и видеть все это.

Вспоминаются страницы «Войны и мира», фильмы о гражданской войне. И приходят мысли о большом терпении народа, о могучей силе нашей страны, которая еще не всколыхнулась вся, не вздыбилась от ярости.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

Напев этой песни словно слышится в гуле, который стоит над пыльной дорогой.

— Ракета!

От КП взлетела одна, другая ракета. Мы бежим сколько есть сил к машинам. За деревьями дробится огненно-красный диск заходящего солнца. А может быть, там что-то горит.

Несколько МИГов поднимаются в воздух и сразу же ввязываются в бой.

Вокруг «юнкерсов» вьется целая стая «мессершмиттов». К «юнкерсам» пробиться трудно, но любой ценой надо.

Селиверстов полез напролом к ведущему группы «юнкерсов». На него навалились два «мессершмитта». Из наших никто не успел поддержать его: преследуем уходящую группу. Оглядываюсь и вижу: самолет Селиверстова уже тащит за собой черный шлейф дыма. Вот выбросился летчик, и МИГ продолжает свой последний полет без человека. Пламя его взрыва на земле сливается с кровавым закатом.

Внимательно смотрим на спасенную дорогу. На ней как раз появилась большая колонна наших войск. Машины, разваливая копны хлеба, обгоняют орудия на конной тяге. У бойцов за плечами винтовки, все в касках. Хочется смотреть на них, почувствовать их силу и уверенность. Это так необходимо душе.

Селиверстов возвратился в полк на колхозной автомашине. По его виду мы поняли, что если бы он задержался в самолете еще хотя бы на минуту, то, возможно, и не остался бы в живых.

Друзья сразу же окружили Селиверстова и начали над ним подтрунивать. Один из летчиков оттягивал покоробившуюся от огня полу реглана, второй предлагал поменяться сапогами.

— Теперь походишь за командиром БАО, — под общий смех заметил Фигичев. — Прежде чем что-либо выдать или заменить, он тебе прочтет несколько лекций о сроках носки обмундирования.

На следующее утро, едва мы сели завтракать, послышался гул

моторов.

— Наши! Пошли на бомбежку, — сказал Матвеев, указав на появившуюся в небе группу самолетов.

Я взглянул в ту сторону: с востока к аэродрому приближались «хейнкели».

— Это немцы! — крикнул я и кинулся к самолету. Моя машина стояла на самом краю аэродрома. Пока добежал до нее, несколько раз упал, запутавшись ногами в густой гречихе.

Когда схватил лежавший под крылом парашют, услышал свист падающих бомб. Инстинктивно прижался к фюзеляжу, словно он мог защитить меня от осколков.

Несколько взрывов качнули землю, и в воздухе снова повис гул «хейнкелей». Они делали второй заход.

— Чувашкин! — звал я техника. — Убирай маскировку!

Никого. Я успел отбросить несколько больших веток. А вот и бомбы…

Они легли около моего самолета. Я слышал, как самая близкая ко мне ударилась о землю.

И на этот раз мое счастье, моя судьба таились где-то в тех огромных железных болванках, которые упали в землю и остались там.

Бомбы не взорвались. Они заставили меня поверить в то, что я сильнее самого страшного оружия, что я пройду все испытания. В те минуты тишины после налета я подумал об этом проще: никогда не буду прятаться от врага и останусь жив. С точки зрения военной такой вывод был безрассудством, но он пришел ко мне.

Много бомб насыпали немцы на наш аэродром, но мы отделались, как говорится, испугом. А после завтрака сразу же объявили приказ: готовиться к перелету. Наша новая точка — Тузлы.

У КП столпились летчики: Никандрыч выдает новые карты. На них один угол голубой.

Море!

На наших потертых картах его не было.

Море на карте напомнило мне об одном чудесном человеке — летчике, с которым я встретился в доме отдыха, в Хосте. Я давно ничего не слышал о нем. Если бы он сегодня узнал о том, что я стал истребителем, что я сражаюсь с врагами на фронте, он был бы рад. Встретимся ли мы с ним когда-нибудь?

Виктор Петрович рассказывает о Тузлах. Он летал туда. Его внимательно слушают. С его слов можно понять, что там, под Николаевом, спокойно, как в глубоком тылу. После сегодняшнего налета Тузлы представляются нам сказочным приморским

уголком, далекой обетованной землей. Может быть, там мы хотя бы смоем с себя пот, отстираем морской водой пропитавшуюся пылью одежду. А больше всего хочется вдохнуть прохладную свежесть моря.

Виктор Петрович продолжает говорить об обстановке на нашем участке фронта, дает последние наставления и поглядывает на меня. Я чувствую, что он что-то, хочет мне поручить. Летчики расходятся по машинам. Виктор Петрович подзывает меня и, чтобы не задерживать моего взлета, идет рядом со мной.

Мы с ним никогда не беседовали на отвлеченные, неслужебные темы, между нами, кажется, нет и не может быть дружбы в широком смысле этого слова. Но стоит нам остаться вдвоем, мы улыбнемся друг другу, и наши служебные, деловые отношения на какое-то время отходят на второй план. Мы беседуем по-товарищески. В эти минуты я замечаю, что Виктор Петрович стал немного сутуловатей. Мне хочется спросить его о здоровье, но я стесняюсь и только смотрю на него, как на старшего, доброго человека и командира, всей душой преданного авиации. А он, вижу, готов положить мне на плечо руку и сказать что-то сердечное, такое, что придало бы мне бодрости, сил, уверенности. Он может спросить, почему на мне такая старая, побелевшая на спине гимнастерка. Но он только пройдется со мной, выслушает мои предложения, скажет свое «хорошо, хорошо». Наверное, он со многими находит такой душевный контакт, словно стремится каждому из нас отдать частицу своей бодрости, убежденности, своей уравновешенности.

Сегодня Виктор Петрович, очевидно, намерен сказать мне что-то важное. Он молчит, пока мы идем по гречихе. Потом неожиданно говорит:

— В Тузлах будут рядом море и девушки. О девушках на картах нет никаких пометок. Я несколько смущен таким дополнением командира.

— В полк прислали связисток. Они уже там. Ай, и девчата, Покрышкин! Какие девчата!..

— Похоже, вы уже к ним неравнодушны, Виктор Петрович.

— Я? Нет! Не обо мне речь. Вот прилетим туда — обязательно познакомлю тебя. Когда я увидел их, сразу подумал о тебе. Тебе, железному холостяку, твоему характеру нежности не хватает.

— Уж не женить ли меня собираетесь?

— Такого, как ты, неплохо было бы женить, — рассмеялся он.

— Зачем нам вдов оставлять?

В это время я заметил в небе группу самолетов. Безошибочно

определил: «мессеры».

— Да, они, — подтвердил командир. — Теперь и взлететь не дадут. Надо соседям позвонить, чтобы выручили.

Виктор Петрович трусцой побежал на КП, а я повернул к своему МИГу.

«Мессершмитты», очевидно, ожидали подхода своих бомбардировщиков. Они кружили над аэродромом, изредка обстреливая кустарники, в которых были замаскированы наши самолеты. К счастью, на взлетно-посадочной полосе не было ни одной машины.

Мы следили за вражескими истребителями и посылали им проклятия. Никто из нас даже думать не мог о взлете. Я еще раз убедился, какая это препротивнейшая вещь — блокировка аэродрома.

Но вот в небе появились МИГи соседнего полка. «Мессеры», набирая высоту, стали оттягиваться на запад. Теперь можно расшвыривать ветки и сесть в кабину самолета. Взлетаем, строимся и берем курс на юго-восток.

«Когда я увидел их, сразу подумал о тебе». Эти слова Виктора Петровича то и дело приходят мне на память. Они зазвучали в ушах снова, когда на горизонте проступила серая ширь, сливающаяся с небом. Синь воды еще не прояснилась сквозь дымку.

Море! Черное море…

Аэродром в Тузлах был хорошо подготовлен к размещению полка. Капониры для самолетов, склады, почти незаметные снаружи землянки КП делали его основательным, фронтовым. А главной прелестью было море.

Близился вечер. Летчики оставляли стоянки, собирались у штабной землянки. Поговаривали о поездке к морю — оно было в нескольких километрах, ожидали, что скажет командир полка о завтрашней боевой работе.

«Покрышкин!» — вдруг услышал я. Кто-то звал меня вниз.

По крутым ступенькам спустился в землянку и в полутьме у телефонного аппарата сразу увидел красивую девушку в военной форме. Следом за мной вбежал Фигичев.

— Давай знакомиться, — кивнул он мне.

— Успеем, — ответил я. — Сперва узнаем, зачем нас вызвали.

Вошел командир полка. Увидев нас рядом с девушкой, улыбнулся и сказал:

— Все ясно. Теперь вы, орлы, все время будете торчать в штабной землянке. Ну, знакомьтесь с нашей телефонисткой.

Фигичев первым протянул руку:

— Валентин.

— Валя, — ответила связистка.

Нас рассмешило такое совпадение имен. Вокруг девушки стояли уже человек пять. Любезнее всех с ней был наш новый командир эскадрильи Фигичев. По его виду мы поняли, что такую девушку он не уступит никому.

Песчаная отмель блестит при луне, как и сама вода. Тихая, ласковая волна, вздыхая, стелется по песку и заглаживает следы идущего впереди. Накупавшись, все разбрелись по берегу. Заплывы, тишина, свежесть вечера отделили нас от фронтовых невзгод, открыли какой-то почти неизвестный нам мир. Мы им уже давно не жили. Он лишь в этот вечер предстал перед нами, овеял нас своим очарованием.

Море. Тишина. Луна в небе.

Хочется идти вдаль. Куда можно зайти по морскому берегу, если впереди плеск волн, сияние воды, голубая ночь, а за спиной у тебя война? Только в свои воспоминания. В самые дорогие, самые памятные.

Фигичев идет впереди, проделывая руками силовые упражнения. Мне кажется, что ему хочется взлететь. Ему тесно и среди этого простора. Вот он запел:

Выходила, песню заводила

Про степного, сизого орла…

Его голос разливается по берегу, а мы с Лукашевичем смеемся, потому что понимаем Фигичева. Он уже увлекся черноглазой, смуглолицей, стройной Валей.

Я смотрю на след Фигичева. Он исчезает, тает на морском песке. Думаю о следе, который оставляет человек в жизни другого, такого же, как он. Чем? Своей устремленностью, захватывающей других. Своей преданностью делу, вдохновляющей других. Чистотой своей души.

Этот след на песке, отмель, морская даль и глубина, начинающаяся у ног, напомнили мне о таких же следах на песке, о разговоре под шуршание волн.

…В 1935 году я приехал на Кубань, в авиационный полк. Меня, техника звена, определили к самолетам, которые я должен был обслуживать. Три года назад я оставил свой Новосибирск, молодой завод — первенец пятилетки, чтобы стать летчиком, а судьба моя сложилась по-иному. Я буду готовить машины, чтобы взлетали другие, такие же, как и я, парни. Они, как и я, пошли из городов и сел навстречу своей мечте и достигли ее, а я не достиг. В школе, куда меня приняли, летное отделение перевели в другое место, а всех новых курсантов зачислили на техническое. Подаваемые мной рапорты ничего изменить не смогли, разве только прибавляли к обычным нарядам внеочередные.

Пришлось мне сложить свои крылья и браться за ключи. Так с этими ключами в петлицах, а не с крылышками я и прибыл в часть. Работа, хлопоты возле самолетов захватили меня. Что ж, так тому и быть: оставь меня, моя мечта, на время, если ты вообще не изменила мне.

Целое лето наш полк стоял в лагерях, аэродром с утра до вечера не утихал — летчики тренировались. Меня не раз одергивали друзья: засмотрюсь в небо, забуду обо всем. Чтобы летать хотя бы пассажиром, упросился в кружок парашютистов. Поднимаюсь в воздух на самолете, прыгаю с высоты — все же как-то ближе к летной жизни.

Глубокой осенью, когда полк возвратился на зимние квартиры, я получил первую путевку в дом отдыха. Там, в Хосте, недалеко от Сочи, впервые увидел море. Оно было уже холодное, но я каждое утро делал зарядку на берегу и купался. Часто брал лодку и уходил в море. Чем больше оно штормило, тем сильнее меня тянуло поплавать. Борьба с волнами увлекала меня, заменяла мне лыжные походы, которые я очень любил. Волны, ветер, соленые брызги, и ты один над темной глубиной с веслами, как с крыльями. Когда крепко держишь их в руках, когда чувствуешь в себе силу и уверенность, ничто не страшно.

Однажды, когда я, причалив к берегу, выхватил лодку у огромной волны и поволок ее по камням, ко мне подошел высокий стройный летчик. Он с интересом смотрел на меня, мокрого, исхлестанного солеными брызгами.

— Один ходил? — спросил он, помогая мне установить и закрепить лодку у причала.

— Один.

— Поплывем вдвоем?

Я внимательно посмотрел ему в лицо и узнал его. Это был Степан Супрун. Его имя было известно каждому авиатору почти так же, как имена В. П. Чкалова, М. М. Громова, В. К. Коккинаки. Он испытывал новые самолеты, отличался храбростью и мастерством. Степан Супрун тоже отдыхал здесь, я встречал его в нашем корпусе, в столовой с орденом на груди: такое отличие возвышало тогда военного человека. Рассказывали, что Степан Супрун был награжден за испытательные полеты и за победу на всеармейских соревнованиях по воздушной стрельбе. Поплыть с таким напарником в море — разве это не интересно!

— Вы имеете в виду не сейчас, а завтра? — спросил я его.

— Можно и сейчас. Но если ты устал…

— Да, в другой раз, пожалуйста.

На второй день мы вдвоем столкнули с берега лодку, и волна тотчас отнесла нас в море на десяток метров. Супрун сел за весла.

Греб он умело, сильно. На одной ноге у него был длинный глубокий шрам, и, когда нога напрягалась, мне казалось, что он чувствует боль. Я предложил поменяться местами.

— Подожди! Дай поработать.

Мы уплыли далеко, берег скрылся за гребнями волн. Когда очень уставали, давали отдых рукам и беседовали о спорте, об авиации.

— На каком летаешь? — вдруг спросил он.

— Ни на каком, — ответил я.

— Брось шутить.

— Серьезно. Я авиатехник.

— Не верю. Ты характером похож на летчика. Прогуливаясь потом ежедневно по берегу, мы с ним только раз возвратились к этой теме. Я рассказал ему, как получилось, что я стал техником, признался, что действительно мечтаю летать. Степан Супрун обрадовался:

— Ну вот, я же говорил, что ты летчик в душе и в мыслях. Так оно и есть. Мне тоже нелегко достались летные петлицы. Пиши мне в Москву, может быть, помогу тебе переучиться. А главное — не потеряй свою мечту, тогда добьешься!

Я пообещал писать ему. После этого он всегда разговаривал со мной, как с бывалым летчиком. Он уже считал меня летчиком, и это очень льстило мне.

— Нас будет в стране все больше и больше. И учти, летчик будущего — это не только беззаветный храбрец. Он должен много знать. Твое звание техника тебе на этом пути никак не помешает. Уже сейчас существуют десятки видов авиационных моторов и у нас и за границей. На войне летчику придется сражаться на различных машинах. Тебе легче будет овладевать любым самолетом,

Его мысли, его отношение к авиации, его дружеские напутствия я не забыл. Море, берег, следы на песке, прогулка напомнили мне о Хосте, о Супруне.

Я рассказал о нем Лукашевичу. Он читал о Супруне и от кого-то слышал, кажется от приехавших из Качинской школы, что он и П. М. Стефановский, возглавив два полка, сформированные из летчиков-истребителей, воюют где-то под Минском.

— Значит, он на фронте? — спросил я.

— Точно. Пошли обратно?

— Фигичев почему-то шлепает дальше.

— Замечтался. Любовь с первого взгляда.

Мы вернулись к автомашине. Небо над Николаевом обшаривали встревоженные лучи прожекторов, красными крупными искрами в нем вспыхивали и гасли разрывы зенитных

снарядов. Зарницы выстрелов или взрывов бомб взметались над горизонтом. Мы остановились, прислушались. Звуков не было слышно.

— Хорошо работают зенитчики, — Фигичев незаметно остановился возле нас. — Если бы на границе их так встречали.

— Еще там, в Бельцах, — продолжил мысль Лукашевич.

— Да. Может, и не знали бы мы, что есть такие Тузлы на свете.

— Поехали поспим все-таки, — бодро произнес Фигичев.

На обратном пути наша машина почему-то притормозила у аэродромной штабной землянки. Фигичев выпрыгнул из кабины почти на ходу. Летчики, стоявшие в кузове, грохнули дружным смехом.

— Давай, Валька, не теряйся! — крикнул ему вслед командир второй эскадрильи.

Мне стало грустно. Не знаю отчего. Наверное, оттого, что на горизонте вспыхивали такие же зарницы, какие мы видели и в Котовске. В один из напряженных боевых дней на нашем аэродроме приземлились три самолета незнакомой конструкции. По виду они напоминали истребителей, а по размерам бомбардировщиков. Посмотреть на новые машины собрались все летчики. И пошли разговоры:

— Да это же ИЛ-2!

— Конечно, он.

— Штурмовичок что надо!

— Летающий танк.

— Такому ничто не страшно. Броня снизу, броня с боков и фонарь из бронестекла.

— На нем воевать — одно удовольствие.

— Сначала надо самому испытать машину, а потом уж расхваливать, — включился в разговор Фигичев.

— Вот и попробуй, — предложил Виктор Петрович. — Для того и прислали.

— Хоть сейчас полечу.

— Готовься.

Командир полка и мне предложил перейти на штурмовик.

— Слетаю, тогда скажу, перейду или нет.

— Значит, не решаешься, пока не пощупаешь руками?

— И руками и ногами, товарищ командир.

— Конечно, в воздухе видней, — согласился Виктор Петрович.

Летчики, пригнавшие ИЛы, превратились в инструкторов. Я залез в штурмовик и сразу почувствовал себя свободно, как на повозке. Вот это кабина! Ознакомился с расположением

приборов, с управлением и запустил мотор.

Я считал себя ревностным истребителем и ни за что не согласился бы летать на других машинах. Но ИЛ-2 меня заинтересовал: хорошая скорость, сильный мотор, пушки, пулеметы, реактивные снаряды. На такой машине драться можно.

Взлетел я наполовину штурмовиком, а возвратился на землю только истребителем.

— Ну, как машина? — спросил командир полка.

— Очень хорошая! Но лично я с истребителя на другой самолет не пересяду.

— А вот Фигичев согласился.

— Это дело его. На ИЛе, конечно, бронестекло, броня снизу…

Виктор Петрович пропустил мимо ушей мою шутку.

— Завтра полетишь на задание вместе с ИЛами. Увидишь, как они будут пахать! Гроза, а не самолет.

— Конструкторы, наверно, и насчет истребителей что-то соображают. Будут и у нас машины получше МИГов. Командир усмехнулся.

— Вижу, ты убежденный истребитель! Это хорошо. Прямой дорогой всегда дальше уйдешь.

Я направился к стоянке и тут увидел, что к стоявшему на якоре плавучему доку со стороны моря летит группа «юнкерсов». Не ожидая приказа, вскочил в самолет и поднялся в воздух.

С берега по вражеским бомбардировщикам открыли огонь зенитки. Я тоже атаковал их. Трассы моих пулеметных очередей смешались с разрывами зенитных снарядов. Один «юнкерс» загорелся. Его экипаж выбросился с парашютами. Остальные самолеты поспешно освободились от бомб и повернули обратно.

Они прижались к самой воде, и мне очень трудно было их атаковывать. Подскочу, спикирую, стрельну, а ниже — вода. Замыкающий «юнкерс» отстал от группы и задымил. Добить бы его, но у меня уже вышли все патроны.

Оглянулся — берега не видно. Пора возвращаться. Досадно, что не сбил второго «юнкерса». И все-таки лечу домой довольный. Я рад, что не отказался от тебя, мой трудяга МИГ; я снова на машине, которая больше всего подходит мне по характеру.

Возвратившись на аэродром, узнаю, что сегодня утром немцы захватили село под Березовкой, откуда мы улетели вчера. Кто-то из шоферов еле ушел из-под огня вражеских мотоциклистов-автоматчиков. Этот человек видел, как фашисты расстреляли девушек-официанток, выбежавших из столовой на звуки выстрелов.

Селиверстов стоит рядом со мной и, опустив голову, задумчиво говорит:

— Жаль девчат, очень жаль. И вещевого склада жалко. Сверкать мне короткой полой до самого конца войны.

— Если ты в этом поджаренном реглане доживешь до победного дня, его в музей возьмут.

— И то неплохо, — соглашается Селиверстов. От Березовки до Тузлов не так уж далеко. Вскоре полк перебазировался за Буг, к Херсону.

Наш аэродром расположен восточнее Николаева. Летаем больше всего в направлении Одессы. Поднимаясь в воздух, сразу бросаешь взгляд на город. Он приковывает внимание не столько своими размерами, зелеными улицами, своими заводами, сколько спокойной, обычной жизнью. Дымят высокие трубы, у лимана, на верфях, видны недостроенные суда, где вспыхивают молнии электросварки, улицы пестрят прохожими. Пролетая дальше, на запад, думаешь, что, может быть, Южный Буг со своим широким лиманом будет рубежом решительного контрудара по врагу. Но уже первые пятнадцать-двадцать минут полета изменяют твое настроение, ты чувствуешь, как на тебя что-то давит, словно нависает что-то тяжелое, незримое. Оно не такое уж и незримое. Пыль на дорогах и столбы дыма над степью ощутимо напоминают о том, что вражеские войска надвигаются с севера к морю, к приморским городам и селам. Узнаешь немецкие широколобые машины, короткие, почти квадратные, танки. Мы знаем, что немцы стремятся отрезать и окружить Одессу. Вылетая на разведку, каждый раз детально просматриваем дороги у моря: идет еще поток эвакуирующихся из Одессы? Удерживают ли наши части коридоры для отхода на восток?

По нашим донесениям ставятся задачи на штурмовки, и истребители бьют по скоплениям гитлеровских войск в этом районе.

«Мессершмитты» и «юнкерсы» уже, очевидно, базируются на бывших наших аэродромах. Редко в каком вылете не встретишься с ними. Они хотят наглухо закрыть для нас наше небо. В первые недели войны мы не позволяли им так разгуливать над нашей территорией, как они разгуливают теперь. Все наши истребители брошены на штурмовку наземных войск — там главная опасность, а за «мессерами» гоняться нет ни времени, ни самолетов.

У нас в полку действительно самолетов стало очень мало: в два раза меньше, чем было к началу войны. Пополнения нет. Успокаиваешь себя мыслями о том, что где-то готовятся линии непреодолимой обороны, возможно на Днепре, что в тылу накапливаются резервы сформированных частей, боевая техника. Без этой веры, без этих дымящихся труб Николаева просто не хотелось бы жить.

Вызывают на КП. Мне и Лукашевичу снова приказывают лететь на разведку. Задача: уточнить направления, по которым немецкие войска движутся на Одессу.

От Николаева идем строго на север, с тем чтобы потом повернуть на запад и лететь над уже занятой немцами территорией. Навстречу попадается «хеншель». Он идет без прикрытия. Обнаглели фашисты, ведут себя как хозяева. Надо напомнить им, что они даже не в гостях. Длинной очередью с малой дистанции бью по «хеншелю». Он переворачивается и падает.

Не успели мы покончить с «хеншелем», как увидели вокруг огненные трассы зенитных снарядов. В чем дело? Откуда здесь быть немецким частям? Ведь мы отошли от Николаева не более как на пятьдесят километров. Город еще жил обычной трудовой жизнью.

Присмотревшись, видим: вдоль Ингула на Николаев движется лавина вражеских танков. Надо немедленно доложить об этом.

В штабе удивились моему возвращению.

— Почему так быстро? Что случилось? — спросил заместитель начальника штаба, открывал журнал для записи донесения.

— Севернее Николаева немецкие танки.

— Не напутал?

— Своими глазами видел.

Он связывается со штабом дивизии, докладывает. Вижу, лицо его бледнеет. Он кладет трубку и сердито спрашивает:

— Зачем сорвали разведку?

— Как сорвали? Я считал своим долгом…

— Штаб дивизии требует объяснения, почему вы не пошли на Одессу. Ваши данные о немецких танках расценены как выдумка.

— Что мы, слепые, товарищ капитан?! Такое отношение к данным разведки — это просто…

Я хотел добавить слово «предательство», но сдержался.

— Не шумите? — оборвал меня замначштаба. — Вы свободны!

Да, я свободен, со злостью покидаю КП. Нам с Лукашевичем не верят. Нас ругают за то, что мы обнаружили танковую группировку войск противника, о которой, может быть, еще никто из наших не знает. Обидно за недоверие.

Мы с Лукашевичем возвращаемся к самолетам и продолжаем дежурить. На горизонте пока нет никаких признаков появления вражеских войск, но мы знаем, что они уже недалеко отсюда. К вечеру за посадками я заметил клубы черного дыма. Оттуда стали доноситься взрывы.

— Покрышкин — к командиру полка!

Спешу на КП.

Навстречу выбегает Виктор Петрович.

— Летите м посмотрите, что там, — говорит он срывающимся голосом.

Едва мы с Лукашевичем поднялись в воздух, как ясно увидели немецкие танки. Они двигались по двум дорогам и у самого города сходились в одну колонну. Я невольно подумал о наших людях, которые, не подозревая о нависшей угрозе, работают на верфях и в цехах заводов, о детях, играющих в городском сквере. Жутко стало при мысли, что на них вот-вот обрушатся вражеские снаряды, а ты ничем не можешь помочь.

Чтобы окончательно убедиться в том, что внизу под нами враг, мы решили пролететь над танковой колонной, фашисты открыли огонь из зенитных пулеметов и попали в самолет Лукашевича. Позади его машины появилась тонкая серебристая ленточка. Все ясно: пробит бензобак, горючее упругой струёй выбивается наружу и распыляется.

«Только бы не загорелся, — подумал я, наблюдая за самолетом Лукашевича. — Только бы дотянул до аэродрома».

К счастью, все обошлось благополучно. После посадки подруливаю машину прямо к КП.

Там полно людей. Отзываю командира полка в сторону.

— Ну, что там? — спрашивает он.

— Километрах в пяти от нас немецкие танки. Виктор Петрович спешит к телефону и докладывает в штаб дивизии обо всем, что мы успели увидеть. Я слушаю разговор и думаю: неужели там и теперь не поверят нам?

— Всем подготовиться к взлету! — приказывает Виктор Петрович.

Идем к самолетам. У машины Лукашевича — несколько техников. Они забивают деревянной пробкой пробоину.

У меня не выходят из головы мысли о городе. Если бы в штабе дивизии поверили нашему первому докладу, возможно, мы на какое-то время задержали бы перед Николаевом внезапно появившиеся вражеские войска. А теперь нашей пехоте придется очень тяжело.

Взлетая с аэродрома, самолеты через несколько минут пикируют на колонну противника севернее Николаева. Стреляем по машинам и разворачиваемся на восток.

Где-то недалеко от Херсона, сказали нам, есть село Чернобаевка. Ориентир единственный: там много других самолетов. Опять летим ближе к Днепру. Мы должны будем сесть еще на этой, правой стороне реки. Но левый берег оттуда совсем

близко!..

На аэродроме Чернобаевки просторное поле было все заставлено самолетами и напоминало скорее какую-нибудь авиационную выставку, чем фронтовой аэродром. Мы с Лукашевичем приземлились на узенькой свободной полосе и, свернув в сторону, очутились по соседству с «чайками». Пока рулили к этому местечку, заметили машины почти всех существовавших в то время типов. Здесь стояли старенькие И-15-бис, высокие, длинноносые, ИЛ-2, притаившиеся среди прочих СУ-2, И-16, новенькие ЛАГ-3, МИГи… Их было много. Они напоминали разных птиц, которые опустились здесь от усталости, чтобы передохнуть. Это была сила, от этого зрелища создавалось впечатление организованности — самолеты каждого типа размещались рядом по краям аэродрома, но теснота и то, что сюда прилетали и прилетали новые группы, напоминали о том, что авиация отступает, что она скопилась здесь потому, что с юга было море, а с севера надвигались танки вражеской армии.

Куда перелетать — пока никто не знал.

Самолеты, грозные в полете, здесь, в таком положении, были беспомощными, вызывали сочувствие.

Через несколько часов возле аэродрома Чернобаевки начали рваться бомбы, сброшенные «юнкерсами». Немцы бомбили дорогу, по которой отходили к Днепру наши войска. К этому времени всем полкам, которые сидели здесь, уже было определено место базирования за Днепром.

Взрывы бомб подняли эту огромную стаю самолетов почти за несколько минут. Я никогда не видел такого зрелища: взлетали почти одновременно «чайки», СУ-2, И-16, ЛАГи, МИГи, разбегаясь с разных направлений. Случалось, что один самолет почти перепрыгивал через другой.

Мы с Лукашевичем задержались и взлетели со свободного аэродрома. Скоро под крыльями засверкал широкий, спокойный Днепр.

7. Ой, Днипро, Днипро!..

Не успели мы осмотреться в Чаплинке, освоиться с новым аэродромом, как нам приказали идти на прикрытие Каховской переправы. Сюда стекались потоки беженцев с охваченной огнем правобережной Украины. Нельзя было позволить обнаглевшим завоевателям безнаказанно расстреливать и топить наших людей.

Низовье седого Днепра. Широко расступились здесь берега реки, открывая вольный простор ее могучему течению. Редкая птица, писал Гоголь, долетит до середины Днепра. И впрямь, сколько времени понадобится ей, чтобы перемахнуть такую водную гладь! А уж о медлительном пароме и говорить нечего.

Вот маленький катер еле тащит огромную баржу с людьми, повозками и машинами. Смотришь, как он надрывается, и невольно начинаешь сомневаться: хватит ли у него сил добраться до левого берега?

На паромах и баржах — исключительно гражданское население. Значит, наша армия сражается стойко и не намерена отходить за Днепр. Это радует. И я мысленно повторяю девиз, который ежедневно читаю в глазах боевых друзей, который не раз видел в печальных глазах украинских крестьянок: «Ни шагу назад! Не пустим врага за Днепр!»

С рассвета до позднего вечера мы барражируем над заданным районом. Этот новый вид боевой работы требует от каждого из нас не только мужества, но и мастерства, изобретательности.

Одной из тактических новинок, родившихся в полку, были так называемые «ножницы». Я не склонен приписывать себе авторство в изобретении этого приема, но смело утверждаю: он мог возникнуть только в полетах строем пары, за который я ратовал и боролся. Если изобразить «ножницы» графически, то такой полет будет напоминать цепочку восьмерок. Два самолета, следуя по одному маршруту, периодически расходятся и снова сходятся. Они имеют возможность не только прикрывать друг друга, но и обозревать большое пространство. Со временем «ножницы» стали нашим веским тактическим «козырем».

В те дни, когда мы, истребители, охраняли переправы через Днепр, сражаясь с «мессерами», наши ИЛы под прикрытием МИГов ходили штурмовать вражеские войска на дорогах Заднепровья.

Возвратившись однажды с боевого задания, я зашел на КП и увидел телефонистку Валю с заплаканными глазами, Меня удивили и обеспокоили ее слезы. Мы привыкли видеть девушку всегда веселой и жизнерадостной.

— Фигичев что-то не возвращается, — сказал Никандрыч, когда я поинтересовался, что расстроило Валю.

— Когда он вылетел?

— Да давно. Уже третий час пошел.

— Третий?! — неосторожно воскликнул я, но тут же, спохватившись, поправился: — А-а, всего лишь третий. Тогда рано еще беспокоиться. Ведь на ИЛе, как на волах, движешься медленно, но зато спокойно.

Валя попросила Никандрыча разрешить ей еще раз позвонить в штаб дивизии и на соседние аэродромы.

— Звоните! Конечно, надо искать! — ответил начальник штаба.

Я подождал, пока Валя поговорит со штабом дивизии. Ей сказали, что о Фигичеве никаких сообщений не поступало.

— Не грусти, скоро сам позвонит! — попробовал я ободрить девушку, но, не найдя больше нужных слов, вышел из землянки — не переношу женских слез.

Возвратившись на стоянку, я сообщил товарищам о Фигичеве и о слезах Вали.

— Уже плачет? — удивился один из летчиков. — Что-то рано она начала по нему убиваться.

— А что ты принимаешь за «не рано»? — спросил я.

— Самые скороспелые черешни не успели бы созреть за время их знакомства. А любовь не черешня.

— На войне чувства обострены и любовь может возникнуть внезапно.

— Лично я запретил бы такие связи.

— Как это запретил? Разве чувства можно запрещать?

— Да, можно! Командиру эскадрильи не к лицу заниматься такими делами.

— Крепко загнул!

— Верно сказал! — поддержал моралиста другой летчик. — Если мы начнем разводить здесь лирику, воевать некогда будет.

— Главное, некстати это, — отозвался еще один товарищ. — Только полюбят друг друга и тут на тебе: погиб человек! Война есть война. Здесь, как писал Маяковский, не место любовной кляузе.

— Словесной!

— Все равно!

Внутренне я согласен был с теми, кто осуждал Фигичева — Валя только вступала в самостоятельную жизнь. В этом возрасте девушки доверчивы и очень отзывчивы на все хорошее: Видимо, настойчивые ухаживания Фигичева она искренне приняла за любовь и сама влюбилась.

…По телефону передали приказ лететь на штурмовку. Дорога на Чернобаевку уже хорошо нам знакома. Мы не раз ходили туда штурмовать вражеские войска. Почему-то у меня появилась надежда увидеть где-нибудь на земле сбитый самолет Фигичева. Ох уж эта мне любовь!..

С задания возвратились в сумерках. На КП я застал командира полка, Никандрыча и Валю у телефона. По их лицам понял, что никаких вестей о Фигичеве все еще нет. Я тоже ничем не мог их порадовать.

— Завтра сам полечу! — сказал Виктор Петрович. — И найду Фигичева.

На следующее утро Виктор Петрович действительно решил лететь. Ему понадобился ведомый.

— Разрешите мне вас прикрывать? — обратился я к Иванову.

Командира удивило мое предложение.

— Что ж, попробуй. Но ты ведь не привык летать ведомым?

Полетели. Я действительно уже давно не летал в роли ведомого. А эти обязанности выполнять не так просто.

Виктор Петрович пилотирует превосходно. То взмывая ввысь, то снижаясь до бреющего, он внимательно смотрит, нет ли на земле следов упавшего ИЛа.

И я все время думаю о Фигичеве. Мысленно вижу даже, как он пробирается на восток, к Днепру. Если разыщем его, кому-то из нас придется сесть, чтобы забрать летчика.

Такие случаи уже были. Я читал о них в газете. В дни боев на Халхин-Голе истребитель С. И. Грицевец именно так увез из-под носа самураев своего командира. За этот подвиг его наградили второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Я сейчас тоже сел бы в тылу у врага. Во имя дружбы, по велению долга и сердца, ради плачущей девушки…

Но заднепровская земля не потребовала от меня такого подвига. Мы возвращаемся на аэродром. Теперь я думаю о Викторе Петровиче. Если на нас вдруг нападут «мессершмитты», я буду защищать командира до последнего вздоха.

Открывают огонь вражеские зенитки, но мы обходим их. Это единственная опасность, с которой мы столкнулись в полете.

Домой возвратились в подавленном настроении. Никаких следов Фигичева найти не удалось. Неужели погиб? Не хочется мириться с этой мыслью.

У КП показалась Валя. С минуту постояв, она всплеснула руками и, как птица, полетела нам навстречу.

— Пришел! Пришел! — радостно кричала она. — Не ранен? — спросил я, когда сияющая Валентина остановилась перед нами.

— Цел и невредим — по ней видно! — ответил за нее Виктор Петрович.

Фигичева мы застали на КП. Вид у него был бодрый, подтянутый, лицо тщательно побрито, бакенбарды аккуратно поправлены.

Фигичев рассказал, что его подбила зенитка и он еле перетянул через Днепр. Сел на лешковских песках. Долго бродил по степи, пока нашел нашу пехотную часть, оставил там самолет, а сам на попутных машинах добрался до Чаплинки.

— Почему же не сообщил о себе? — строго спросил командир полка.

Оглянувшись — не слушает ли Валя, — Фигичев тихо ответил:

— Не хотел, пусть попереживает, — и звонко рассмеялся.

Мне не понравилось и то, что он сказал, и его смех.

— Вскружил девушке голову и рад? — дружески упрекнул его я.

Затем разговор зашел об ИЛе. Фигичев был недоволен своим переходом на штурмовик.

— К черту эти одиночные полеты! Все зенитки лупят по тебе одному. Шутка ли?

— А броня?

— Ну и что же из этого. Броню тоже пробивают снаряды.

— Значит, и на ИЛе надо уметь воевать?

— А как же? — И самокритично добавил: — А мы пока не умеем. Нужно учиться.

Благодатное, теплое лето прошло. Я это понял как-то вдруг, заснув однажды на земле, под крылом самолета. Проснулся с насморком и головной болью. Но в санчасть не пошел и вскоре вылетел на боевое задание.

Над селом появился Ю-88, и я, взлетев по-зрячему, бросился его преследовать. Заметив меня, он сразу же освободился от бомб и нырнул в облака. Показался на секунду в просвете и, свалившись в крутое пике, снова растворился в белесой мгле. Я тоже перевел свой МИГ почти в отвесное пикирование.

Облака становятся все гуще и гуще. Когда же, наконец, они кончатся и покажется земля? Вдруг я ощутил резкий удар, в глазах потемнело, и на какой-то момент я потерял связь с окружающим миром. Очнулся, вокруг светло, чувствую, что продолжаю падать, но не могу сделать ни малейшего движения, чтобы вывести самолет из пикирования. Такое состояние, очевидно, наступило от резкого снижения — я падал с высоты трех тысяч до тысячи метров.

Вот уже ясно различаю очертания местности. Наконец

нащупываю ручку управления и тяну ее на себя. Самолет делает глубокую просадку и, едва не задев землю, выравнивается. Осматриваюсь. «Юнкерса» уже не видно. Но мне теперь не до него. Восстановив ориентировку, иду на свой аэродром.

Посадил машину нормально. А подняться с сиденья не смог.

— Что с вами? — испуганно спросил Чувашкин. — На вас лица нет! Идемте в санчасть.

Когда с помощью техника я сошел на землю, понял, что заболел. Теперь мне уже не миновать лазарета.

Два дня я пролежал в постели с высокой температурой.

На третий день жар прошел, и мне захотелось встать. Подошел к окну и ужаснулся: мой самолет стоял рядом со скирдой соломы. Если во время бомбежки она загорится, машине несдобровать. Я собрался было пройти на стоянку, как вдруг сквозь гул моторов услышал свист падающих бомб.

В палату вбежала женщина-врач. Она упала на пол и, схватив носилки, потянула их на себя. Я не мог удержаться от смеха, хотя и понимал, что неудобно смеяться над пожилой женщиной.

Раздался взрыв, другой. На пол посыпались осколки оконного стекла.

Но внезапно бомбежка прекратилась. Прямо в халате я побежал на стоянку, которая находилась рядом с санчастью.

— Как же вы «мессеров» допустили до аэродрома? — накинулся я на летчиков.

— Да мы только что с задания возвратились, — оправдывались они. — Не успели даже заправить самолеты.

В это время в небе показалась группа «хейнкелей». Они тоже заходили на поселок. Взлетать было уже поздно, и я лег на землю рядом со скирдой. Снова засвистели бомбы. Они падали совсем близко. Но и на этот раз ни я, ни мой самолет не пострадали.

Вернувшись в санчасть, я сбросил халат и стал надевать обмундирование.

— Куда вы? — удивленно спросила врач.

— Не могу больше ползать по земле, доктор!

Я вовремя явился к самолету: наша эскадрилья вылетала на штурмовку. Поднявшись в воздух, я окинул взглядом поселок и — ахнул: рядом с аэродромом, на усадьбе МТС, стояли ряды комбайнов. С высоты они очень походили на автомашины и танки. Так вот почему нам не помогает никакая маскировка самолетов. Пока эта техника находится здесь, не будет нам покоя…

Вечером стало известно, что с каховского плацдарма противник перешел в наступление. Полку приказали рано утром перелететь под Мелитополь. Ой, Днипро, Днипро, и с тобой

приходится расставаться! Надолго ли — не знаю. Но уверен, что рано или поздно мы вернемся к тебе.

…На новом аэродроме мы приземлились после штурмового удара по вражеским войскам. Каждый израсходовал свой боекомплект полностью, а здесь не оказалось ни горю чего, ни боеприпасов. Мы затащили самолеты в лесопосадки, забросали их ветками и от нечего делать стали «травить баланду». Даже в небо посматривали лишь изредка.

А чего за ним наблюдать? Кто сюда залетит? Попробуй разыщи нас в таком глухом уголке. И все-таки, когда в воздухе послышался гул самолета, мы насторожились. Интересно, кто же это летит? Комдив! Его-то УТИ-4 нам хорошо знаком.

Самолет идет низко над землей, на уровне макушек деревьев, с теневой стороны лесопосадок. Очень хорошо маскируется, хотя в воздухе никакой опасности. Видно и «мастерство» летчика, особенно по тому, как он заходит на посадку.

— Комдив с инспектором. Вдвоем пилотируют.

— Достанется нам за то, что бездельничаем.

— Не бойся, прежде чем сесть, они еще за земной шарик заденут.

— Не каркай!

Самолет вдруг действительно резко просел, чиркнул крылом по земле и рухнул.

Кто-то захохотал, но, поняв, что неуместно, сразу умолк. Бежим к самолету. Если бы такое произошло с кем-нибудь другим, а не с нашим начальством, можно было бы от души посмеяться. Их падение оказалось и комичным и удивительно счастливым.

Когда мы помогли им выбраться из-под сломанной машины, комдив, несмотря на то, что рана на щеке мешала ему говорить, начал отчитывать инспектора:

— Я же тебе передал ручку!

— А я считал, что вы сами будете сажать.

Подъехала машина и увезла пострадавших. Теперь можно было и пошутить…

Несчастье с УТИ спасло и нас и командира БАО от обычных грозных разносов комдива. Машины с горючим и боеприпасами пришли с опозданием из-за того, что их бомбили по дороге. Но они все-таки пришли, и мы, заправив самолеты, вскоре вылетели штурмовать вражеские войска, продвигающиеся к Мелитополю и Сивашу.

На полеты я пришел не сразу. Собрав летчиков, я рассказал им о Чкалове и Супруне, о том, что мне было дорого в них: беззаветная отвага, решительность, широкая эрудиция, глубокие

знания. Я говорил о многом, а все свел к испытанному вертикальному маневру, к резкости и перегрузке при пилотировании, к расчетам при стрельбе. Это были первые крупицы нашего боевого опыта, мои личные наблюдения и выводы.

В тот день я с каждым из молодых «подрался» в воздухе, над аэродромом. А вечером, за ужином, спросил ребят:

— Ну как, завтра снова будем гоняться друг за другом или?..

Они не дали договорить:

— На фронт!

— В полк!

Утром наша группа в четком строю пар сделала круг над Володарском и взяла курс на запад, к Мелитополю. Никитин, Труд и Супрун шли ведущими. Поглядывая на них, я вспомнил свои первые боевые полеты над Прутом, первые успехи и неудачи. На минутку показалось, что я тоже только сейчас лечу на фронт. Молодой задор охватил меня, хотелось вот так, с ходу, ринуться с этими парнями в бой и сокрушать врага. Я подумал о том, что уже сделали мы, живые и павшие, в первые дни войны. Да, Прут и Днестр находились далеко отсюда, но борьбе с врагом мы отдали все что могли. Перед теми, которые встают сейчас рядом с нами, наша совесть чиста. Это поймут они в первых же испытаниях.

Показался Мелитополь. Южнее его горела Акимовка.

Аэродром встретил нас необычным оживлением. Проворно, почти торопливо подкатывали к самолетам бензовозы, метались на стоянках техники.

Мы направились группой на КП. И здесь, у землянки, на меня наскочил выбежавший по ступенькам посыльный. За дверью кто-то громко, приподнятым тоном разговаривал по телефону. Чувствовалось что-то новое, небудничное в нашей установившейся жизни отступающей части.

Командир полка ставил задачу летчикам. Наше появление, мой доклад о прибытии на минуту прервали деловой разговор. Все присутствовавшие загляделись на уже знакомых пополненцев в регланах и шлемофонах. Виктор Петрович выслушал мой доклад, спросил:

— Ну, полетишь с молодежью на штурмовку?

— Давайте задание. Ребята рвутся в бой.

— Это хорошо. Бои идут рядом. Надо помочь нашим наступающим частям.

— Наши наступают?

— Не слыхал? Двинулись в направлении Каховки. Мы бьем по опорным узлам обороны немцев, — бодро звучавшим голосом командир рассказал о том, что происходило на фронте.

Услышать о наступлении наших войск было очень радостно. Летчикам, ежедневно обозревавшим весь район нашего фронта с воздуха и по картам, особенно было понятно значение дорог крымского направления, перехваченных вражескими войсками. Очевидно, командование решило возвратить утраченные здесь позиции.

— Посылайте их на Акимовку, Никандрыч, — распорядился командир полка, указав на меня.

От учебного полета к боевому во фронтовых условиях — поистине один шаг. Изучен маршрут, определены заходы на цель, выслушаны напутственные слова командира полка. Может быть, мы, бывалые, уделили даже слишком много внимания первому боевому вылету новичков. Нам, встретившим врага у границы, не пришлось ни услышать напоминаний, ни почувствовать пожатия руки старшего командира.

Летим к Акимовке. Под крыльями наших самолетов — зажигательные бомбы. Надо сбросить их точно на опорные пункты.

За мной пикируют самолеты Комлева, Никитина, Труда, Супруна. Молодые летчики атакуют с азартом, сбрасывают бомбы почти у самой земли. Пусть почувствует враг силу нашего оружия.

После нашего налета противник оставил Акимовку. Весть об отступлении немцев пришла вместе с благодарностью пехотинцев. Молодые летчики чувствовали себя за ужином именинниками. Баянист играл для них веселые песни. Всем хотелось верить, что местный успех наших войск на юге разрастется во что-то большое.

С таким настроением мы летали несколько дней. Наш полк поддерживал наступающие части. Продвигались они очень медленно: для быстрого рывка явно не хватало сил.

В один из таких дней меня послали на разведку, по существу, в наш тыл — к Орехову.

— Обрати внимание на дороги. Есть неподтвержденные сведения, что там появились немецкие мотоциклисты, — уточнил задание Виктор Петрович.

Я вылетел в паре с капитаном Барышниковым уже перед вечером. Осеннее небо синело кучевыми облаками. По дорогам двигались на запад, к Днепру, небольшие группы наших войск — подкрепление. Западнее Мелитополя шли тяжелые бои. Но как очутились в нашем тылу немецкие мотоциклисты? Ведь если они появились у Орехова, то завтра и танки выйдут в тыл нашим наступающим войскам. Неужели здесь повторится то же, что было под Котовском и Николаевом?

На дорогах — машины, повозки, беженцы; все движется на юго-восток. Уже виден Орехов. Чтобы не пропустить ничего существенного, летим на малой высоте. Правее Орехова в небе рвутся зенитные снаряды. Наши или нет? Чтобы уточнить, надо подойти ближе к разрывам. Через несколько минут все проясняется: нас обстреливают «эрликоны».

Мой ведомый вдруг отваливает и делает разворот. Не могу понять его действий, ведь нам надо пройти дальше, чтобы определить, какие именно войска противника заняли Орехов. Но ведомый уже скрылся в южном направлении, очевидно его подбили. Теперь выполнение задачи лежит на мне.

При подходе к Орехову с севера впереди вижу густую сеть из огненных трасс. Если лететь прямо на них, могут сбить, если не пробиваться дальше — ничего не увижу. Меняя курс, набираю высоту и ныряю в облака. Да, одному в таком полете трудно: все «эрликоны» целятся в тебя. Лишь за облаками ухожу из поля зрения зенитчиков. Пролетев немного на север, пикирую почти до самой земли и, выскочив на дорогу, иду на Орехов со стороны Запорожья, из вражеского тыла.

У самого Орехова вижу скопление немецких танков, автомашин, артиллерии… Одних танков более сотни… Проношусь над ними, под разрывами зенитных снарядов.

Возвращаюсь в полк. Южнее Орехова на дорогах только повозки беженцев. Лечу и думаю: как мало людей сейчас знает, какая угроза нависает над ними. Смертоносная лавина вот-вот хлынет на эти села, на эти просторы. В такие минуты чувствуешь, какая большая ответственность время от времени ложится на фронте на каждого рядового воина, какое значение для жизни других имеют его действия, его верность долгу. Только что я увидел то, чего еще никто не видел, о чем конкретно никто на нашем участке фронта не знает. Если бы знали, никто бы сейчас не посылал частей в наступление, не направлял бы резервы западнее Мелитополя. Ведь всем нашим войскам надо немедленно готовиться отразить удар с севера, чтобы не оказаться в окружении.

На аэродроме подруливаю самолетом прямо к КП. Здесь все летчики. Они уже оставили машины, ждут отправления в общежитие. Расправляя карту, я приглашаю командира полка в сторонку. Я должен рассказать правду о виденном. Здесь никому не нужны ни преуменьшения, ни преувеличения. Но как сказать о том, что я чувствую, что я думаю после этого полета? Я не могу быть безразличным. Я помню Николаев.

— Что там? — Виктор Петрович испытующе смотрит на меня.

— Плохо! — У Орехова черно от немецких танков и машин.

— Точно?

— Как то, что я стою перед вами. После моего подробного доклада командир спешит к телефону и на ходу спрашивает:

— Почему ведомый пришел раньше?

— Не знаю, товарищ командир.

Среди летчиков не видно моего ведомого. Но сейчас не до него, поговорю с ним потом. Товарищи бросают в мою сторону тревожные взгляды, но никто ни о чем не спрашивает. Моя тайна понятна им без слов: севернее нас, уже в нашем тылу, наступает противник.

Командир полка выходит с КП:

— Сейчас же перелетаем в Володарское!

Да, в ту осень учебные аэродромы очень быстро превращались во фронтовые. Сумерки тоже стали подходящим временем для перелетов.

На второй день наш полк рано утром вылетел на штурмовку, а мне выпало еще раз лететь на Орехов.

Этот вылет оказался для меня слишком тяжелым и слишком продолжительным.

Другого такого не было до конца войны.

8. Самолет на дорогах

Когда идешь на разведку, в полете все внимание сосредоточиваешь только на противнике. Наши позиции, все, что не относится к твоему заданию, проплывают под крыльями почти незамеченными. Память лишь на несколько минут фиксирует видимое, а надолго сохраняет лишь заданное ей. Из первого полета на Орехов я привез впечатление о противнике, своих войск в этом районе для меня словно не существовало. Но вот я снова лечу со своим ведомым Степаном Комлевым на Орехов… Утро. По долинам и балкам стоит, как вода, почти белый туман. Он низко стелется по земле, скрывая от взгляда с воздуха строения, дороги, деревья. На минутку представляешь себе тишину и свежесть осеннего утра в степном селе, но глаза ищут то, что принесла сюда война.

Мы летим вдоль дороги, идущей к Орехову от Полог. Теперь меня интересует все: войска и наши и противника. Обзор с воздуха помогает командованию составить представление о расположении сил, о линии фронта.

Вчера вечером мне нужно было уточнить, где находится противник; сегодня, хотя никто не ставил именно такую задачу, я сам хочу проследить, где наши войска, сколько их.

Перед вылетом мы условились с Комлевым о взаимодействии в районе разведки: если понадобится что-то рассмотреть, я снижаюсь один, он остается на высоте.

Балка, туман. Пикирую почти до самой земли. По дороге движутся на Орехов наши машины. Взмываю вверх и через некоторое время опять «зондирую» туман, застилавший долину. Снова наши войска. Значит, немцам не удается пройти здесь победным маршем. Будут бои!..

Еще одно пикирование у самого Орехова.

Немцы!

Они растеклись по проселкам, укрылись в посадках, садах. Куда ни бросишь взгляд — наткнешься на вражеский танк, на солдат, приметных по внешнему виду, на характерные по форме чужие машины и тягачи. Стараюсь запомнить, где, в каком месте и что обнаружил, разворачиваюсь. Чем скорей я передам штабам увиденное, тем ценнее для них мои сведения.

На обратном маршруте я еще раз пикирую к земле: нужно выпустить по вражеским машинам реактивные снаряды, подвешенные под крыльями моего МИГа. Бить по машинам такими снарядами большое удовольствие. Можно хорошо поохотиться. Но почему ведомый резко спикировал вслед за

мной?

Еще взгляд на высоту, и поведение ведомого становится понятным. За нами идет четверка «мессеров». Они, конечно, безошибочно приняли нас за разведчиков и попытаются сделать все, чтобы нас уничтожить.

«Мессеры» уже пристраиваются ко мне и к ведомому. Наша малая высота сразу поставила нас в затруднительное положение. Комлева атакуют. Я, дав мотору форсаж, резкой горкой иду ему на выручку. Очень хорошо, что не использовал реактивные снаряды, теперь они пригодятся. Стреляю по «мессеру» — снаряд оставляет ослепительную огненную трассу и исчезает в воздухе. Не попал! Но «мессер», увидев мою «маленькую ракету», шарахнулся в сторону. В хвосте у самолета Комлева другой вражеский истребитель. Достать бы его вторым снарядом!

Пуск. Второй снаряд тоже прошел мимо. Бью пулеметным огнем. Удачно. «Мессершмитт» задымил. Вспыхнув, он скрылся подо мной.

А где же Комлев? В трудные минуты всеми чувствами тянешься к напарнику. Я не успел осмотреться, как услышал удары по моему самолету.

В воздухе мотор машины чувствуешь так же, как собственное сердце. Слух сразу уловил перебои в его работе. Посмотрел на приборы — скорость падает. Теперь мысли только о том, чтобы подальше оттянуть от расположения вражеских войск. Немецкие танки стали в эти минуты непосредственной угрозой для меня. Если посажу самолет здесь, у Орехова, который еще виден мне, окажусь в плену.

Добивать поврежденный самолет, пока он не рухнет на землю, — к этому у врага особое пристрастие. «Мессершмитты», уверенные в своей безопасности, поочередно заходили и расстреливали дымящий, медленно терявший скорость и устойчивость самолет. Врагам, конечно, хотелось увидеть падение МИГа, взрыв, огненный столб. Но я еще мог бороться. Спустился ниже на сиденье, чтобы меня защищала бронеспинка, и стараюсь уклоняться от новых попаданий.

В эти горькие минуты я постиг одну методическую тонкость стрельбы немецких истребителей по моему самолету. Они сначала выпускали длинную очередь из пулемета, потом посылали несколько снарядов. Это открытие спасло самолет и мою жизнь. Услыхав, как тарахтят в бронеспинку пули, я отсчитывал эти удары почти так же, как толчки пульса, и улавливал момент, когда надо было, теряя драгоценную высоту, бросить самолет влево или вправо. Пушечная трасса проносилась мимо. Я летел дальше.

Три «мессершмитта» поочередно заходили и стреляли по мне, как по мишени. Я знал, что они не оставят меня, пока не увидят мой самолет на земле.

Орехов остался далеко позади. Я планировал над самой дорогой. На ней не было никаких признаков жизни. Значит, передний край находился близко. Но земля наша, здесь можно садиться.

Выскочил на железную дорогу. Вот будка обходчика. На лужайке девочка пасет корову. Наверное, эта картинка отвлекла мое внимание — может быть, нервы не выдержали. Или немецкие летчики разгадали мою хитрость. Я услыхал взрыв снарядов. Управление отказало. Самолет пошел к земле. Он уже не подчинялся мне.

Грохот пролетающего надо мной «мессершмитта». Треск чего-то ломающегося под машиной. Резкое торможение тела, устремленного вперед. Удар о приборную доску. Мысль о том, что я забыл снять очки. Боль. И — провал в бездну…

По моему самолету продолжали стрелять «мессеры». Они, конечно, хотели, чтоб сгорели самолет и я. Но жизнь полна удивительных противоречий. Именно стрельба по моему МИГу и гул моторов «мессершмиттов» спасли меня от гибели. Сильные звуки вывели меня из обморочного состояния.

Первая мысль была о том, что надо вылезти из кабины и уйти от самолета. Попробовал — нет сил подняться. А нужно, обязательно нужно перевалиться через борт.

Капает кровь… Может быть, именно вид собственной крови, стекавшей с лица на грудь, помог мне воспрянуть духом. Потрясшая меня мысль о том, что выбит глаз и что я свое отлетал, пробудила меня окончательно.

С трудом перевалился через борт, соскочил по крылу на землю и, пересиливая боль, побежал в сторону железнодорожной насыпи, к мостику.

Сзади разорвался снаряд. Я прижался к ложбинке и ожидал, когда вспыхнет самолет. Гудение нарастало снова — надо было быстрее укрыться. Очевидно, преследователи заметили, что я спрятался, и, покружившись, ушли на Орехов.

Где-то недалеко перестрелка и вой мин. Нужно выходить из укрытия. Вынул пистолет. Однажды я уже заряжал его для себя, теперь снова, но не надо торопиться.

Подошел к будке. В глубине двора стоит полная пожилая женщина. По мере моего приближения на ее лице усиливается выражение ужаса. Она закрывает его ладонями, плачет.

— Мамаша, здесь наши или немцы? — спрашиваю.

— Наши, сыночек, наши!

Как много смысла бывает в простом слове! Каким емким содержанием может наполняться оно! «Наши» — ведь это так много значит сейчас для меня. Кругом стало вроде бы светлее.

— Дайте мне воды умыться, — прошу хозяйку. Женщина быстро выносит ведро воды и прямо из него льет в мои ладони. Я плескаю себе в лицо раз, второй — и вдруг замечаю, что вижу обоими глазами. Мне хочется воскликнуть что-то радостное, но я только повторяю несколько раз подряд «хорошо».

— Та що ж хорошего, сынок, увесь у крови.

— Ничего, мать, кровь обмоется. Главное, что глаз цел. Я с ними еще поквитаюсь.

И она радуется. Объясняет мне, где медпункт, спрашивает, голоден ли. Я же думаю о том, как поднять безжизненно распластанный на земле самолет, как вывезти его отсюда. По выстрелам нетрудно определить, что бой идет недалеко от будки. Задерживаться здесь нельзя.

На окраине села я увидел наших бойцов с оружием в руках и в касках. Они провели меня по ходу сообщения на свой командный пункт. Командир стрелкового полка, удерживавшего оборону у села Малая Токмачка, выслушал меня и пообещал выделить мне солдат и машину, чтобы вы везти самолет из-под обстрела, но вначале он послал меня на перевязку. Я пробовал отказаться.

— Связной, проводи старшего лейтенанта к медпункту! — приказал майор и приложил к глазам бинокль.

К сараю ближайшего двора подносили на носилках раненых. Их здесь было много. Перебинтованных размещали на повозках и увозили. Перевязку делали прямо посреди двора.

Я ждал своей очереди, смотрел, думал. Мимо меня пробегал какой-то человек в халате, давно утратившем свою чистоту.

— Летчик? — спросил он, остановившись, хотя по моей одежде и так было видно, кто я.

— Летчик.

— Пойдемте.

Я сделал несколько шагов за ним, как вдруг над нами прожужжал снаряд и тут же ахнул взрыв. Почти никто не обратил на это внимания. Я смотрел на осевший набок соседний дом. Из него через несколько минут двое солдат принесли мальчика лет восьми. Малыш был только в стареньких штанишках. Солдаты держали своими руками ребенка под мышки, и я сразу почему-то увидел синие, безжизненно повисшие детские тоненькие руки, затем лицо, удивительно спокойное, маленькое, бледное, с большими, широко открытыми глазами. В глазах не было ни слез, ни мольбы, ни ужаса, казалось, они только спрашивали всех нас,

взрослых, на ком останавливались: «Видите, что со мной сделали? Зачем так сделали со мной?»

Я еле смог оторвать взгляд от его лица и тут увидел распоротый животик…

Много я испытал за минувшие месяцы войны на фронте, потерял не одного своего друга. Мое восприятие крови, ран уже притупилось. Наверно, боль, гнев, жажда мести врагу до краев наполнили душу и не было уже в ней места для страданий. Да, это было почти так. Но когда я увидел этого мальчика, все во мне перевернулось. Такие потрясения очищают человека от всякого огрубения. Я забыл о своей никчемной ране.

Мальчика подхватили санитары и унесли в помещение.

Звук полета снаряда повторился, и снова ударил взрыв, ближе. Осколки просвистели над нами. Человек в халате, стоявший рядом со мной, схватился руками за свою ногу. Я увидел на нем пробитый сапог.

Забинтовав руку, я возвратился к командиру полка. Там шел неутихающий бой, рвались снаряды, трещали пулеметы и автоматы.

Вскоре атака немецкой пехоты была отбита. Командир полка положил бинокль и повернулся ко мне. На его уставшем, черном от пыли и загара лице мелькнула улыбка.

— Подлечился? Ну что ж, бери людей и укатывай свой самолет побыстрее, пока они приутихли.

Командир приказал сержанту, стоявшему возле него, взять солдат, автомашину и отправиться со мной.

Только мы подъехали к самолету, по нас открыли стрельбу вражеские минометы — очевидно, это место просматривалось противником. Пришлось спрятаться за будку и ждать вечера. Лишь с наступлением темноты мы взялись за работу.

В полете МИГ-3 легок и послушен. Одно движение ручки управления изменяет его положение, бросает в переворот. Лежащий на земле с убранными шасси, он тяжел и непокорен. Почти до полуночи возились мы, пытаясь поднять и поставить самолет на колеса, но нам удавалось только переваливать машину с одного крыла на другое.

— Пора возвращаться в полк, — сказал сержант, вспотевший, как и все мы, от стараний. — В три часа ночи мы снимаемся отсюда.

Услышав это, я уставился на него, меня охватила растерянность. Неужели придется бросить самолет?

Солдаты полезли в кузов машины.

Грузовик уже гудел мотором. Я, скованный безвыходностью, думал о том, что делать дальше.

«Пойду с этой частью! — решил. — Куда они, туда и я, пока отойдем подальше от Орехова». Схватив свой реглан, планшет, лежавшие в стороне, я тоже быстро залез в кабину.

По дороге снова думал о самолете. Покидать его нельзя. Как же я возвращусь в полк без своего оружия? Воинский долг, совесть не позволяли мне покинуть, поджечь или взорвать самолет, в котором был поврежден только мотор. На этом МИГе еще можно было воевать и воевать!..

Командир полка остался мной недоволен.

— Не можете поднять — сжигайте! — решительно сказал он. — Мы оставляем позиции.

Поджечь самолет — сейчас тоже было нелегкой задачей. Надо в темноте, под обстрелом возвращаться к нему, поснимать пулеметы, забрать с собой парашют… Иначе у меня не поднимется рука уничтожить свою машину. Но самая правильная мысль, кажется, и осеняет человека в наиболее трудные для него минуты. Почему я пытался поднять самолет на руках, чтобы выпустить шасси? Можно ведь подкопаться под него и таким образом поставить его на колеса! Конечно же, это и легче и быстрее.

— Ладно, — согласился командир полка. — Берите несколько человек, попробуйте.

Он, кстати, значительно подобрел ко мне после того, как мы вместе с ним в его землянке поужинали, поговорили о жизни, о войне. Да разве он мог не понимать меня? Я хотел того же, чего хотел он сам, — спасти самолет.

Мы уже были в машине, когда в темноту кто-то бросил:

— В двенадцать быть здесь!

Я выскочил из кабины и наткнулся на командира.

— Разрешите нам взять пару бутылок КС. Если не поднимем, тогда…

— Разрешаю.

— А если поднимем, товарищ командир, я прошу ваших солдат последовать со мной.

— Двигайтесь на Пологи. Мы отходим в том направлении.

— Есть! — Я схватил в темноте его руку и крепко пожал ее.

Это было прощанье с хорошим человеком. Его солдаты, наша машина и я в Малую Токмачку больше не возвратились. Нам понадобилось немного времени, чтобы сделать подкоп под самолет, поставить его на колеса, положить его хвост на кузов. Без промедления наш спаренный агрегат — ЗИС и МИГ — двинулся по дороге на Пологи.

В ночном путешествии с самолетом на прицепе никому из нас не пришлось даже вздремнуть. Переезды, мосты, повороты,

встречные машины — везде надо было осмотреться, предупредить, чтобы не задеть крыльями. Продвигались медленно, но без приключений. Только утром остановились у крайней хаты небольшого села.

Собственно, мы бы и здесь не сделали остановки, если бы не стадо коров. Оно двигалось, заняв всю дорогу. Мы вынуждены были подождать. Из кабины я увидел у ворот женщину. Наверно, она тоже выгнала со двора свою корову и смотрела, пока пастух пройдет дальше, за село. Я засмотрелся на нее, прислонившуюся к столбу, печальную.

— Вот бы попросить у нее чего-нибудь перекусить, — посоветовал сержант. Напоминание сержанта было своевременным: ведь со мной три человека, которые много потрудились, не спали.

— Доброе утро! — поприветствовал я женщину, приблизясь к ней.

— Здравствуйте, — тихо ответила она.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь покушать? Она все еще не шелохнулась и не сводила с меня своих грустных глаз.

— Найдется, — сказала она по-украински и вздохнула, — А вы, значит, оставляете нас? На немцев?

Я посмотрел на ее старенькие туфли с мужской ноги — мужа ли, сына.

— Кушать у нас всего хватит. Земля родила… Кому это все теперь достанется?

Ее глубокую грусть и задумчивость выражала не только поза — одинокая женщина-мать у ворот, — но и ее лицо, глаза. Она смотрела на нас, на наш самолет, на меня, перебинтованного.

Затем я увидел, как она повернулась, услышал, как она сказала: «Идемте. Зовите товаришив», как на ее ногах хлопали большие мужские туфли, но меня словно притянула к себе эта земля, словно приковали к ней тяжелые, как камень, слова этой женщины: «Оставляете нас».

Я обернулся и быстро пошел к машине. Шофер уставился на меня, ждал, что скажу.

— Поехали! Стадо прошло, не видишь! Поехали!

Машина двинулась дальше, мимо дворов. Да, мы действительно оставляли эти живописные, чудесные украинские села, этих трудолюбивых людей, добытые ими богатства, как оставили Молдавию, Прибалтику, Белоруссию, большие просторы земли русской… Знаешь это, помнишь об этом каждый день, где-то в душе эта мысль отложилась в скипевшийся ком злости, непримиримости к врагу, но сознавать это перед глазами простой женщины — жены и матери — невыносимо. Нет, я больше не

зайду ни в одну хату, ни в один дом, пока не смогу прямо посмотреть в глаза женщине, ребенку.

— Не зайду!

Мы остановились уже за селом: надо было спросить у ребят дорогу. Они слетелись к нам, как воробьи, их вдруг собралось очень много. Один перед другим они старались объяснить нам, куда ехать, глазели на самолет. А солдаты между тем обнаружили в их руках пчелиные соты с медом.

— Где добыли? — уставился сержант на одного пацана.

— Там пасеку раздают людям.

— И нам можно?

— Берите наш, только дайте табаку.

Солдаты выменяли на махорку несколько сотов, и мы двинулись по указанной дороге. Вскоре под леском остановились, чтобы перекусить тем, что было. Подогрели в котелках соты, натопили меду, у солдат в мешках оказался хлеб, и завтрак удался на славу.

Среди дня мы въехали в Пологи. Кирпичные дома, улицы — я уже давно не видел этого. Остановились на площади и принялись за большую, крайне нужную работу: надо снять крылья и уложить их в кузов. Дальше с целым самолетом ехать было почти невозможно. Военные машины, колонны беженцев загромождали все дороги, того и гляди зацепишься за что-нибудь. Ключей нет, но есть молоток, зубила. Помощников хоть отбавляй — все мальчишки городка. Шутка ли, прямо среди площади разбирают самолет.

Когда работа подходила к концу, я спросил ребят, где у них больница: с глазом у меня творилось что-то неладное. Целый отряд мальчишек привел меня в госпиталь. Доктор, осмотрев рану, сказал сестре:

— Запишите его. Надо положить.

— Не могу, — сказал я. — У меня самолет.

— Где?

— Стоит на площади.

— Вы что-нибудь понимаете? — обратился к сестре врач. Пришлось объяснить все подробно.

— Что ж, хотите остаться без глаза, пожалейте самолет.

Такое категорическое противопоставление мне не понравилось. Я попросил врача перевязать рану и отпустить меня. Видя мое упрямство, он распорядился перевязать рану, сделать укол и удалился.

Девушки — медсестры и санитарки, обрабатывая рану, все еще уговаривали меня остаться в госпитале.

— У нас был вчера один летчик, — сказала сестра, отдирая

присохший к виску бинт.

— Вчера? — переспросил я ее, вспомнив о Комлеве.

— Да. Мы ему оказали помощь.

— Он сейчас у вас?

— Нет, отправили дальше, в тыл.

— А нельзя ли узнать его фамилию?

— Почему же нельзя? Пойдите, девушки, посмотрите в книге эвакуированных.

«Неужели Комлев? Куда же он подался? Далеко завезут — скоро в полк не возвратится», — думал я, вспоминая подробности вчерашнего вылета.

— Тяжело был ранен?

— Легко. Сел за нашим селом. В комнату вошла санитарка.

— Лейтенант Комлев.

— Знаете его? — спросила медсестра. Я, наверно, вздрогнул.

— Вместе летели.

— Остались бы, залечили рану…

Нежно звучавший девичий голос, прикосновение ее рук, взгляд красивых голубых глаз проникали в мою душу. Но бинт уже тщательно затянут и завязан, шлем надет.

— До свидания, девушки!

— До свидания!

Медсестра улыбнулась, и я увидел ее чудесные белые зубы. Еще раз посмотрел в лицо.

Вышел из помещения и отчетливо услышал отдаленную артиллерийскую канонаду. Ребята поджидали меня за воротами.

— Поехали, — бросил я на ходу, приближаясь к машине. Моя команда — солдаты и сержант, стоявшие на земле, — не шелохнулась. — Что случилось?

— Не слышите? За Пологами дорога на Куйбышево уже перерезана.

Если бы можно было ехать на восток, от Полог наш путь лежал на районный центр Куйбышево, далее на Розовку, а оттуда к Володарскому, где базировался мой полк. Эти названия больших населенных пунктов, которые я уже помнил наизусть, обозначали прямую, хотя и дальнюю дорогу к своим. Их звучание как бы сокращало расстояние, отделявшее меня от своего полка. И вдруг все рушилось.

Как бы подтверждая только что услышанное от солдат, возле нас останавливались все новые и новые машины.

И главное — они подъезжали к нам уже не с той стороны, откуда мы въехали в город, а с востока. Кто-то из прибывших принялся рассказывать, как немцы подожгли шедшие впереди него машины. Я вспомнил о Комлеве, он был где-то там.

Нас окружали грузовики, повозки. Дальше стоять на месте было нечего.

— Заводи!

Я помнил о наступлении наших войск у Мелитополя. Следовательно, надо продвигаться на юг, чтобы там с войсками отступать на восток. У меня была карта, по ней нетрудно было определить, куда устремились немецкие дивизии и танки, если они уже обошли Пологи с востока.

К морю! — вот куда.

Чем скорее, рассудил я, проскочим к городу Осипенко, тем больше надежды на то, что пробьемся в Володарское.

Володарское… Оно теперь казалось мне недосягаемо далеким.

В Пологах наш ЗИС до предела загрузили попутчики. В те дни все живое неудержимо тянулось на восток, и, если этот поток встречал преграду, он немедленно отыскивал другое русло, и вся его стихийная сила устремлялась туда. В кузове нашей машины сидели раненые, бойцы, отбившиеся от своих частей, не дошедшие до фронта резервники. По одному их внешнему виду можно было определить, что этим людям уже досталось от войны немало, что у них было одно-единственное желание-пробиться к своим, отдохнуть, помыться, сбросить грязное белье, поесть вволю и снова идти в бой, хоть к черту в пекло! Такое желание, такая воля человека, потерявшего связь с родной частью, мне была теперь очень понятной. В первый же день мытарств по фронтовым дорогам я убедился, что стремление пробиться на восток и где-то там влиться в свои или новые части было тоже проявлением высокого человеческого духа. Обстоятельства нередко требовали от людей настоящего подвига. Они не имели ничего общего с паникерами, трусами, с теми, кто в подобной обстановке бросал винтовку в кусты, спешил облачиться в гражданскую одежду, заботясь только о собственном спасении.

К Верхнему Токмаку мы подъехали к вечеру и вынуждены были остановиться на самой окраине. Здесь только что побывали вражеские бомбардировщики. Горели хаты, на улице лежали разбитые повозки, лошади. Воронки от больших и малых бомб, казалось, еще дымились. Экипаж нашей машины и наши попутчики бросились подбирать разбросанное взрывом оружие. Я прихватил несколько гранат и полуавтомат, нацепил все это на себя, солдаты затащили в кузов ручной пулемет. На одной из брошенных сломанных повозок сержант-шофер обнаружил бутыль спирта и тоже под всеобщий гул одобрения водворил на машину.

В центре села стояло много военных грузовиков, тягачей, орудий. Я протиснулся сквозь беспорядочно забитую транспортом

площадь к группе высших командиров, прислушался, о чем они говорят.

Черниговка, Андреевка, Володарское… Упоминание об этих селах мне сказало все. Никто из них не называл Мелитополя, Акимовки… Значит, наши войска в этом районе уже не наступают, а отходят.

Я вижу мощные орудия. Но на их лафетах и на машинах ни одного ящика со снарядами. По петлицам определяю, что здесь и пехотинцы, и артиллеристы, и связисты — все смешались. Каждый из них, отдельно взятый, обладает силой, готовностью сражаться, но вместе они просто обыкновенная толпа, которую объединяет одно стремление: двигаться на восток. Я тоже такой. Я тоже хочу немедленно уехать отсюда, чтобы не быть отрезанным от своих, чтобы меня не накрыли здесь бомбы. Я не имею права задерживаться здесь долго. Поэтому я слушаю, стараясь определить, кто из них самый сильный, самый решительный, за кем можно было бы пойти на все опасности. Я решил, что буду держаться именно этой группировки войск, спаянной одним твердым намерением.

Совет командиров решил: выступаем завтра на рассвете.

Возвратясь к своей машине, над которой возвышался киль самолета, я увидел на ней еще больше солдат, чем было. Как только я сообщил им, что выезжаем утром, люди разошлись устраиваться на ночлег.

Мы тоже подъехали к незанятой хате. Во дворе увидели хозяйку. Сержант первым выпрыгнул из кабины, очевидно не полагаясь на мое умение завязывать контакты с местным населением. Нам, сидевшим в кузове, был слышен их разговор. Он начал издалека, о трудном времени, о том, что уже почти сутки он и его товарищи ничего не ели. Но хозяйка сразу разрушила все хитросплетения его речи:

— Ой, бидненьки ж мои! То заизжайте ж у двир. Оце тильки перед вечером бомбами таких гарних валашкив побыло. Наварю вам и нажарю. Ижте, бидненьки мои!..

Поужинали мы очень плотно и сытно. Я поручил сержанту распределить, кто и когда будет стоять на посту у машины, он повторил мое приказание и удалился. Попросив разбудить меня на рассвете, я, уставший, сразу уснул. Проснулся я сам и глазам своим не поверил: за окном уже стоял почти день. Машина так и стояла под хатой.

Одеваясь, бросился искать солдат. Неужели покинули меня?

Куда там покинули! Они все блаженно спали у соседей. Я начал их тормошить и ругать. Тут я понял свою роковую ошибку — бутыль-то со спиртом в хату не забрал, она оставалась в

машине! Когда я уснул, они, орлы, пили-гуляли почти всю ночь.

Отчитал как следует виновников, пригрозил наказаниями, какие были в моей власти. Да что с этого? Потерянного времени не возвратишь. Машины, тягачи, броневички, стоявшие вчера на площади, на поддержку и дружбу которых мы рассчитывали, уже были далеко отсюда. А в утренней тишине отчетливо слышалась западнее и восточное Большого Токмака гулкая артиллерийская перестрелка.

Что делать? Как быть? Двигаться одному на восток — бессмысленно. Наскочат вражеские мотоциклисты, сразу перестреляют нас, и конец. Патронов у нас очень мало, людей всего пятеро.

Но терять время тоже нельзя. Решаю ехать до ближайшего большого села, расположенного западнее, — до Черниговки. Я запомнил рисунок этого села во время полета над ним: оно узкой полосой тянется по балке на много километров. Не может быть, чтоб там не нашел попутчиков!..

Ехали проселочными дорогами, вдоль посадок. Самолет мой грохотал на крутых поворотах, на переездах через канавы, на спусках. До чего дошло — мотаюсь с ним по степным оврагам… И неизвестно, выкарабкаемся ли мы с ним из этой дыры. Повсюду стреляют, и кажется, что эти звуки сплетаются над тобой, скрещиваются, а ты под ними словно в яме.

У крайних хат Черниговки мы увидели наших военных.

Сразу стало веселее. Я подошел к молодому артиллерийскому командиру, представился, сказал, кто я, откуда и что со мной случилось.

— Держись с нами, — сказал он, не глядя мне в глаза. — Мы ведем арьергардные бои, сдерживаем наступающие немецкие части.

По его тону не трудно было понять, что дела плохи.

— Вон там штаб укладывается. Свяжитесь с ними, — посоветовал мне командир.

Со штабными машинами, среди которых был и броневичок, мы выбрались на другую окраину села. Тут, у лесополосы, собралось уже несколько десятков машин, самоходных гаубиц, много солдат и командиров, по виду — преимущественно штабного народа. Стояли и совсем брошенные, с открытыми дверцами, наполовину «раздетые» грузовые автомобили.

Когда над нами появились вражеские самолеты, все убежали от машин и орудий в лесополосу. Но вот настала тишина, мы возвратились к колонне. Стоим, чего-то ждем. Я перехожу от одной кучки людей к другой, пытаюсь расслышать что-то более определенное о здешней обстановке, о намерениях командиров.

Говорят, что днем никуда прорваться нельзя. Надо ждать ночи, собраться всем в один кулак и двигаться.

Ясно — будем ждать ночи.

А может быть, самим попробовать? Может, вся эта боязнь и суматоха лишь порождение паники? Может, там, южнее, тишина и спокойствие?

Осматривая брошенные грузовики, я заметил, что одна новенькая полуторка была совсем исправна. Горючее тоже есть. Позвал сержанта. Тот продул бензопровод — завелась. Теперь мы можем двигаться двумя машинами. Я сел за руль. Пассажиров сразу набежало и ко мне полным-полно.

Нет, стоять до вечера не будем, и мы отправляемся в объезд Черниговки. Немного проехали — увидели в лесочке «эмку», какую-то спецмашину. Завернули туда в надежде разузнать что-нибудь от начальства. Вижу, по дорожке между деревьями возбужденно прохаживается, скорее мечется молодой, красивый, статный генерал. Я спрашиваю, как можно добраться с моим самолетом до Володарского.

Он так подавлен своими заботами, так сосредоточен на чем-то, что некоторое время просто молча смотрит на меня невидящими глазами.

— Что за самолет? — вдруг обронил генерал. Я понял, что нечего мне было соваться к нему с такими вопросами. Он, видимо, ничего не знает о расположении наших и вражеских войск, как и я, и думает, наверно, сейчас о десятках, о сотнях своих бойцов, которых потерял, о том, как и куда ему вывести остатки дивизии.

Мне стало не по себе от взгляда этих невидящих, красных, воспаленных от пыли, недосыпания, а может быть, и слез, молодых глаз.

— Как мне быть, товарищ генерал? — все же решился я повторить вопрос, объяснив еще раз, кто я и чего хочу от него.

— Как быть?.. Вон там, ниже, в овражке, штаб ВВС. Пусть они советуют.

ВВС — это звучит знакомо и обнадеживающе. Значит, здесь штаб какой-то армии, ибо только при армиях есть штабы военно-воздушных сил. Мне нужно увидеть авиационного командира.

В овраге — пепел сожженных бумаг, разбросанные противогазы, какие-то перевернутые ящики. Среди людей издали узнал по голубым петлицам авиатора. Это был полный, невысокого роста генерал-майор, дававший какие-то указания штабным командирам. Я так обрадовался ему и другим авиаторам, что не дождался даже окончания разговора.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор?

— Обращайтесь, — ответил он.

Я рассказал о своем путешествии с МИГом на прицепе. Генерал внимательно посмотрел на меня. В его спокойных, но уставших глазах я прочел одобрение того, что я делал до сих пор. Но он не высказал мне его.

— Знаешь что, старший лейтенант, — заговорил он, продолжая заниматься своим — запихивать в разбухшую полевую сумку какой-то сверток. По его голосу я почти догадался, что он скажет дальше. Генерал посмотрел сурово мне в лицо: — Если ты сам выберешься отсюда, будет очень хорошо. А самолет сожги.

— Понятно, товарищ генерал. Но тяжело… Свой МИГ.

— Сожги. С ним из окружения не выбраться.

— Есть сжечь.

Я отдал честь, повернулся и пошел, взбираясь по крутой тропинке. Только поднялся на гору, заметил в поле небольшую скирдочку.

Пламя охватило солому, загорелся самолет.

Я и моя команда смотрели на это грустное зрелище, пока остов МИГа не привалило жаром от соломы. Потом я вскочил в свою полуторку, сержант в ЗИС. Куда я хотел ехать, наверное, сам себе не отдавал отчета. Может быть, просто подальше от этого села, чтобы не видеть больше костра, не видеть беспомощных генералов, командиров, этих могущественных и никчемных сейчас гаубиц на гусеничном ходу.

Мы подъехали к стоявшему в отдалении ряду хат. Навстречу мчались повозки, запряженные лошадьми. Их было около десяти. Повозочные стояли на ногах и что было силы секли кнутами лошадей. Мы подвернули к одной хате, выступавшей к дороге.

Из погреба вылезла женщина и, пригибаясь, подбежала ко мне.

— Ой, що ж вы робите з нами? Як побачать же машину, спалять же нашу хату.

В воздухе свистели пули. Мы завели машины. Прижимаясь к садам, я поехал впереди. Надо было возвращаться к посадке, к скрытой стоянке. Через некоторое время я оглянулся, ЗИСа позади не было. Подождал у посадки. Сержанта я считал своим самым надежным попутчиком. Но теперь вспомнил, как он предлагал мне гражданскую одежду, рассказывал, что уже раз таким образом выбирался из окружения. Я тогда категорически отказался от его услуг и ему посоветовал идти вперед воином, смело смотреть в глаза опасности.

Знать, не дошли до него мои слова.

К стоянке, куда я вернулся, прибывали все новые машины. На одной из них я увидел много девушек. Присмотрелся к ним и

узнал знакомую медицинскую сестру, которая перевязывала мне глаз. Значит, госпиталь оставлен, раненых тоже не успели вывезти. Что было бы со мной? А где теперь Комлев?

На моей машине сидит несколько десятков солдат. Они боятся оставить ее, ждут ночи. Я в кабине, думаю о том, какой трудной будет езда в темноте, а водить я умею плоховато. Встав на подножку, спрашиваю:

— Есть среди вас шоферы?

— Есть, — откликается боец.

— Иди сюда, принимай машину!

Шофер-солдат обрадовался такому случаю. Проверив мотор, скаты, он сел за руль и, с благодарностью взглянув на меня, улыбнулся.

— Пробьемся? — спросил я, чтобы услышать его голос.

— Вместе со всеми — обязательно! Нам бы только через Берду, через Каратыш… Берега у них крутые, я здешний, знаю.

— Раз лучше меня знаешь эту местность, тебе и руль в руки.

Солнце, просвечиваясь сквозь разрывы в облаках, опускалось в степи, за посадки.

Наверное, так бывает во время «психической» атаки: надо идти вперед, только вперед, не обращая внимания на свист пуль, на падающих рядом убитых и раненых товарищей. Побеждают те, кто не дрогнул, не повернул обратно.

Всех, кто был в овраге, в лесополосе, кто ждал ночи, чтобы прорваться на восток, пехотный полковник построил в колонну, разместил между машинами и дал команду двигаться вперед. Как только мы оказались на открытом месте, перед нами повисли осветительные ракеты, по нас ударили пулеметы.

Началось что-то кошмарное. Крики, стоны. Люди один за другим падают на землю.

— Вперед! Вперед! — надрывается полковник, размахивая пистолетом. Он бежит вдоль колонны, нагибается над упавшими, кричит: — Встать! Почему ползете, как скоты?! Идти надо, идти, разве не понимаете? Так прямо в плен приползете. Чтобы вырваться отсюда, нужно бежать, бежать!

Свистят пули. Рвутся мины. Движение застопорилось. Хочется обойти упавших, обогнать передних и броситься вперед. Я вышел из кабины и стою рядом с кузовом полуторки. Полковник подходит ко мне и кричит прямо над ухом:

— Летчик, а ну вперед, покажи пример!

— Хорошо, — ответил я, но тут же подумал, что за мной не пойдут и я окажусь один среди поля.

— Броневичок поедет впереди. Давай! — словно поняв мои сомнения, говорит полковник.

Подгоняю машину к броневичку, и мы, увлекая остальных, катим дальше, к лесополосе. Над нами вспыхивают ракеты. Светло как днем. Фашисты бьют спереди и с боков.

Стремление пробиться за посадку захватило всех. Никакого чувства страха. Знаем: за лесополосой все это должно кончиться. Только бы дойти…

Впереди уже показались черные тени. А вот и сама лесополоса. Бросаемся в нее, рассчитывая здесь укрыться, но на нас нажимают задние. Ревут машины, трещат деревья. Выскакиваю снова на поле и вижу: весь огонь сосредоточен теперь по тем, кто только выходит из Черниговки на открытую дорогу. Броневик покатил вдоль посадки. Полковника здесь нет, приходится распоряжаться мне. Подзываю двух солдат с автоматами в руках.

— Просмотрите посадку, нет ли там немцев. Они уходят. Машины теперь выстраиваются вплотную. Среди них и моя. На ней полно людей.

Через несколько минут возвращаются наши автоматчики, докладывают:

— Все проверили, никого там нет. Броневичок разворачивается и едет влево, вдоль посадки. Машины следуют за ним. Я подбегаю к своей полуторке.

— Поехали.

— Не заводится, товарищ командир.

Колонна идет вперед. Мы остаемся одни, в темноте.

Солдаты прыгают из кузова нашей машины, догоняют других. Вся колонна теперь повернула туда, влево, я даже вижу ее в скупом свете молодого месяца.

Шофер приспосабливает насос, чтобы продуть трубку. Вдруг там, на бугре, слева взлетает каскад ракет и вспыхивает яростная пальба: строчат автоматы, пулеметы, бьют минометы. Загорается сразу несколько машин. Отсветы пожара разливаются по всему полю. Стрельба усиливается.

Слышу: мотор полуторки заработал.

— Давай вправо! Там чернеет лог, видишь?

— Вижу.

Вот так проверили… «Никого там нет…» На три шага отошли и вернулись… Струсили. Сколько жизней унес их обман!..

Теперь оставшиеся автомашины повернули за нами. Пешие тоже. Движемся без остановок, но единым потоком. Чувствую себя каплей в этой людской реке. Кто-то пробудил в людях чувство локтя и вселил в них презрение к страху. Кто? Невольно думаю о полковнике. Это он — пусть грубо и властно — поднял людей и не позволил им опустить руки.

На рассвете подошли к реке. Первыми переправляются артиллерийские упряжки. Но вот орудие перевернулось и потащило за собой лошадей. Погибли и все солдаты, сидевшие на лафете. Домой напишут — «пропали без вести».

Машины обходят глубокое место и прокладывают другой путь.

Ожидая очереди у переправы, я прислушиваюсь к разговорам:

— Один генерал застрелился под Черниговкой.

— Жалко девушек. Всех автоматчики перебили.

— Куда мы едем?

— На Володарское.

…Днем нашу колонну еще раз обстреляли немецкие мотоциклисты. Подъехали к Володарскому. Дорога проходит у самого аэродрома. Там ни одного самолета. Куда улетели? Никто не знает. Заехали в поселок, может быть, узнаю что-нибудь о своем полке.

Но сначала нужно завернуть на аэродром и достать горючего. В баке бензина осталось очень мало.

На складе горючего не оказалось. Тогда я вспомнил, что бензовозы ездили заправляться на край леса. Там тоже была закопана в землю цистерна. Разыскал ее, открыл и обрадовался — она была наполнена первоклассным авиационным бензином!

Заправил машину, налил бочку про запас и стал думать: как поступить с оставшимся горючим? Ну конечно, сжечь, чтобы не досталось врагу. Но каким образом? Придумал. Отрезал шланг, смочил бензином, один конец опустил в бак, другой поджег и бросил.

На бешеной скорости мы помчались в сторону. Вдруг видим: стоят машины. Пока мы с солдатом искали бензин и заправлялись, их собралось в лесу очень много. Они растянулись почти до самого бензосклада. На грузовиках сидели люди. Хочу крикнуть им, чтобы убегали отсюда, и не могу: горло сдавили спазмы. Страшная картина встала в моем воображении.

— Поворачивай назад! — кричу шоферу.

На полной скорости несемся назад, к бензоцистерне. Шофер посматривает на меня, я на него. Оба понимаем, что играем со смертью. Последние секунды пути были похожи на воздушный бой. Успеем выдернуть шланг — спасем людей, себя, не успеем…

Уже виден дымок. Значит, шланг еще тлеет на поверхности. Подбежав к цистерне, я выдергиваю шланг из горловины и отбрасываю в сторону. На лбу выступают капельки холодного пота. Я радуюсь, что нас выручил счастливый случай, а точнее, собственная неопытность. Бензин, оказывается, сразу испарился, а резина тлела очень медленно.

Наш просчет обернулся удачей. Мы возвращаемся в лес, я разыскиваю командира колонны и докладываю о найденных запасах бензина. Туда направляются десятки грузовиков. Мы едем впереди, показывая дорогу.

Как только стемнело, колонна двинулась в путь, на Донбасс. Там, говорят, возводится линия обороны, значит есть и наши войска.

Это был еще один тяжелый переход. В некоторых селах уже стояли немцы, и мы вынуждены были пробиваться в обход по разбитым проселочным дорогам, вброд через реки, то и дело толкать машины. И все-таки к утру мы добрались до Старо-Бешева, где были наши войска.

В штабе ВВС, который находился в этом же селе, мне сказали, что наш полк базируется западнее Ростова. Я немедленно отправился туда на своей полуторке. На прицепе тащил еще легковую, а в кузове вез палатки и колья. Все попутные машины обязаны были что-то эвакуировать в тыл.

Не доезжая до Таганрога, остановился в станционном поселке переночевать. Забираться в город на ночь было незачем: я видел, как к городу группа за группой шли немецкие бомбардировщики. Мое решение оказалось правильным. Только я устроился на ночлег в домике у элеватора, к нам постучали:

— Чья машина?

— Моя.

— Сейчас же уезжайте отсюда! А Таганроге немецкие танки, идут сюда. Мы будем взрывать элеватор.

Немецкие танки в Таганроге! Попал бы я ночью как кур во щи. Наверно, утром город был еще наш, а к вечеру все переменилось.

Прибыв в Ростов, я узнал, что и наш полк в эту ночь приземлился чуть южнее города. Там я и нашел его. Много я пережил за эту неделю, многое изменилось к худшему и на фронте. Но знакомые, родные лица однополчан, встреча с командиром, с Фигичевым, Лукашевичем, Селиверстовым, Никандрычем, Валей, дежурившей у телефона, снова вернули мне силы. Я увидел, что менялись только места базирования полка, а люди остались такими, какими были, — стойкими, выносливыми, честно и храбро выполняющими свой долг.

Виктор Петрович, пожимая мне руку, спросил:

— Что, Покрышкин, на самолет выменял полуторку?

— Почти так, товарищ майор. Тащил МИГ, пока было можно. Пришлось сжечь.

— А глаз цел?

— Цел, товарищ командир,

— Ну, хорошо. Были бы глаза целыми, чтобы видеть и уничтожать врага. Отдохни, подлечись и приезжай к нам. Полк перебазируется в Султан-Салы, ближе к немцам. Вот так, Покрышкин. Мы знали, что ты вернешься. Кто из летчиков уже ходил по земле, того сломить не так-то просто.

Разбитая бровь болела. Два дня я провел в санчасти, лечился, отдыхал, писал письма родным. Открывал и заветную тетрадь. На этот раз ее, как и остальные мои личные вещи, сохранили. Вспомнив населенные пункты, через которые проходил, хотел было записать их. Но потом решил, что Пологи, Черниговку мне не забыть никогда и без тетради.

…Лечение кончилось. Надо воевать! На той же полуторке, которая эти два дня стояла около санчасти, я уехал в Султан-Салы. На дороге встретились два потока: один — те же эвакуированные, только уже из русских придонских колхозов, другой — наши войска, идущие к фронту.

Войск было много, свежих, хорошо вооруженных. Таких сил я не видел еще за все месяцы войны. Чувствовалось, что под Ростовом готовится большое сражение.

На аэродроме в Султан-Салы я услышал тяжелую весть:

— Вчера похоронили Кузьму.

— Селиверстова? — машинально спросил я.

— Дрался с «мессерами» под Таганрогом… Упал недалеко от аэродрома… Похоронили там, на холме.

Его могила была видна от КП. Я пошел туда, чтобы своей рукой бросить на могильный холмик горсть донской земли.

Кузьма не много сбил вражеских самолетов, но скольким из нас он спас жизнь в воздушных боях! Скромный, застенчивый человек, прямой и честный товарищ, настоящий боевой друг.

Я постоял у свежей могилы с дощатым обелиском. Техник вырезал из дюраля звездочку и под ней, после фамилии, имени и отчества летчика, написал чернильным карандашом: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Сколько обелисков с такими надписями осталось на просторах от Прута до Дона! Я вспоминал о наших первых могилах у западных границ СССР. Эта, над которой я склонился, была самой крайней на востоке. Будут ли они появляться еще дальше, за Доном? Тяжело было думать об этом…

Возвратившись на КП, я попросил, чтобы меня сразу же послали на боевое задание. Виктор Петрович понимающе посмотрел на меня, сказал свое обычное «хорошо» и вдруг спросил:

— Ты что-нибудь слышал о летчике Посте?

— Читал о нем, товарищ командир.

— Знаешь, что такое глубина зрения? Я растерялся, не зная, что отвечать.

— Так вот, — продолжал Иванов, — человек определяет расстояние двумя глазами. Есть такие исключительные люди, которые могут это делать и одним. Но ты, Покрышкин, не одноглазый Пост, который прекрасно летал и над сушей и над водой. По крайней мере нет нужды экспериментировать. Поезжайка ты на своей полуторке за Дон и организуй там переучивание молодых летчиков на МИГ-3. Они у нас летают на «чайках» и на «ишаках», а нам могут подбросить и новенькую технику.

Я не соглашался. Школьным, тыловым душком отдавало от этого задания. А мне хотелось воевать, сражаться. Виктор Петрович тем же спокойным тоном продолжал:

— Сначала денька три-четыре порассуждай с ними по теоретическим вопросам, поделись опытом, свои выводы преподнеси. За это время глаз подживет, и тогда ты с каждым полетаешь. Словом, хорошо получится. Так что не капризничай. Кому-то ведь надо готовить молодежь.

Я пожал Виктору Петровичу руку. Простился с друзьями и поехал машиной на задонский аэродром. Со мной отправились Никитин, Труд, Супрун и пятеро совсем молодых летчиков, еще не нюхавших пороха войны. Второй раз мне пришлось взяться за подготовку летной молодежи.

9. Низкое небо

Стояла осень. Здесь, в Зернограде, ее солнечные, прохладные дни напоминали о мирных днях ласкового бабьего лета, а сельские степи с лесополосами, скирдами золотистой соломы — об украинских равнинах, причерноморских богатых краях, оставленных нами.

В эти дни конца октября 1941 года я, как и каждый фронтовик, жил, волновался тем, что происходило на своем фронте, и судьбой Москвы. У Ростова шли напряженные бои за город, немцы рвались к нему, чтобы перерезать железную дорогу, связывающую Кубань и весь Кавказ с центральной частью России, лишить север богатств юга. Ростов героически защищался: здесь стойко дрались войска и ополченцы, сюда непрерывно подходили резервы из тыловых пунктов формирования и военных заводов, к которым уже приблизился фронт.

При первом взгляде на карту можно было сразу понять, что немцы намереваются захватить Ростов обходом на Новочеркасск и Шахты. Это предвидело наше командование. В этом районе сосредоточивались большие силы.

Тревожили, заставляли глубоко задумываться сообщения о битве под Москвой, у Ленинграда. Чем короче были эти сообщения, тем больше говорили они нам о напряженной, трудной обстановке. Газеты приходили с опозданием. Но их, приносивших уже устаревшие вести, ожидали каждый день. Упоминание о населенных пунктах, расположенных недалеко от Москвы и Ленинграда, где шли бои, вызвали во мне воспоминания о моей жизни. В Ленинграде я учился на авиатехника, стал планеристом, в Москве бывал.

Близился праздник Октября, все ждали торжественного заседания. Выступит ли Сталин? Что он скажет в этот великий день? Неужели не прозвучит величественно и радостно голос столицы?

Где сходилось двое или трое, там говорили в эти дни о Москве, о нависших над ней черных тучах.

И вот пришло известие о торжественном заседании в Москве, о военном параде на Красной площади, о выступлении И. В. Сталина. Его уверенно-спокойные слова внесли в нас еще большую веру в нашу победу.

В Зернограде мы жили по распорядку прифронтовой военной школы: занятия в классе, политбеседы, учебные полеты на УТИ-4 и на МИГ-3. Наш аэродром был расположен у самого поселка совхоза, нам отвели удобные служебные помещения, и ничто не

мешало размеренной работе. Основным вспомогательным материалом для занятий были боевой опыт полка и мои записи в тетради.

Теоретическая подготовка называлась у нас «тактикой». Такое высокое наименование разборов воздушных боев, полетов, эпизодов войны возвышало сам предмет, подчеркивало необходимость знания опыта своих товарищей. Постоянное напоминание печати, партийных и комсомольских органов о том, что надо повседневно учиться на боевом опыте, сделало для нас, фронтовиков, такую учебу жизненной потребностью, правилом, законом.

В самом деле, ведь новое пополнение прибывало в авиацию из школ, которые готовили молодых летчиков по старой, давно составленной программе, для таких машин, как «чайка», И-16. Прибыв на фронт, летчик сразу попадал в почти новый для него мир: тактические навыки, приобретенные в школе, были явно недостаточными по сравнению с тем, чего требовала от летчика война. Значит, здесь, в полку, мы, старшие товарищи, должны были позаботиться о том, чтобы пополнение сразу вооружалось опытом, приобретенным нашей кровью, чтобы оно не повторяло наших ошибок. Поэтому командиры полков ставили учебу летчиков в один ряд с боевой работой.

Значение неустанного повышения профессионального военного мастерства я понял после своих первых неудач и побед над врагом. Передавать опыт молодым было для меня самого очень полезным: в таких беседах глубже осмысливалось главное, существенное, восстанавливалось в памяти забытое.

Я рассказывал молодым истребителям о преимуществе пары перед тройкой, о наиболее выгодных заходах при штурмовке наземных объектов, о том, как маневрировать в зоне зенитного обстрела, о вооружении и тактике вражеской авиации. Были самокритично разобраны причины моих неудач, ошибки Семенова, Миронова и других однополчан. Я рисовал на классной доске силуэты вражеских самолетов и объяснял, под какими ракурсами, с какого расстояния по ним нужно вести огонь. Не забыл рассказать и о двух сантиметрах, спасших мне жизнь.

Завершающим этапом обучения явилась практическая отработка элементов воздушного боя на МИГе. Ребята «дрались» с азартом, приемы выполняли с академической тщательностью и порой забывали, что фронт совсем рядом.

Однажды, когда два молодых летчика вели поединок, в зоне вдруг появился «юнкерс-88». Он шел прямо на аэродром. Я и встревожился и обрадовался; сейчас «мои курсанты» покажут, на что они способны.

Но что это? «Юнкере» уже на подступах, а наши истребители продолжают кружиться, преследуя один другого, Неужели они не видят его?

Я кинулся к своему МИГу и взлетел. Вражеский разведчик, однако, успел сбросить бомбы (они упали где-то на окраине) и скрылся в облаках. Если бы между самолетами была радиосвязь, я бы, конечно, навел ребят на противника, ведь они все еще продолжали «бой».

— Видно, вы уже переучились, — сказал я этим двум молодцам, когда они явились ко мне с докладом.

Летчики, ничего не поняв, смотрели на меня невинными глазами.

— «Юнкерса» видели?

— Какого «юнкерса»? — с улыбкой спросил один из них.

— Рядом с вами прошел и бомбы сыпанул. Эх вы, истребители!

На разборе полетов пришлось разъяснить всем молодым летчикам, что и в тылу надо чувствовать себя, как на войне.

Этот случай окончательно укрепил меня в мысли, что молодежь пора отправлять на фронт.

Затянувшаяся учеба в тылу расхолаживала их, притупляла у них бдительность. В тот же день я послал в полк донесение: переподготовка закончена. Вскоре приехал начальник штаба и привез разрешение на перелет. В один из последних дней октября мы возвратились в полк: я на УТИ, а все молодые летчики на МИГах.

А настоящие воздушные бои на нашем фронте происходили все реже и реже. Непогода прижала авиацию к земле. Летать группами стало почти невозможно: пойдешь — и растеряешь всех.

Вскоре в районе Ростова обстановка изменилась. Немцам не удалось обойти город с севера. Изматывая противника, наши войска готовились перейти в наступление.

Неутихающий гул битвы долетал и до нашего аэродрома. Мы сильно переживали, что не можем оказать настоящей поддержки своим наземным войскам. Более доступным видом боевой работы была для нас воздушная разведка и штурмовка вражеских войск малыми группами.

В один из таких серых, угнетающих дней меня вдруг вызвали по телефону на командный пункт. Я хотел было взять с собой планшет, но, выглянув за дверь, понял: карта мне не понадобится. Облака висели так низко, что не видно было другого края аэродрома. Правда, я уже давно подумывал о полете на предельно малой высоте. Его можно было бы сравнить с пешеходным путешествием, поскольку ориентироваться пришлось бы по

телеграфным столбам, развилкам дорог, посадкам и строениям. Но для такой детальной ориентировки необходимо хорошо знать местность на маршруте.

Когда я пришел на КП, Виктор Петрович, подав руку, усадил меня рядом с собой, как для сугубо личного разговора. Справившись о моем самочувствии, он спросил, знаю ли я, что наш полк представлен к званию «Гвардейский».

— В старой русской армии были лейб-гвардии Семеновский и Преображенский полки, в гражданскую войну была Красная гвардия. А теперь вот будет и Н-ский гвардейский истребительный полк, — сказал командир полка. — Думаю, что мы заслужили такую честь. Ну, а теперь к делу: надо лететь.

— Сейчас?

— Да. Только что звонил комдив. Получено важное задание из штаба фронта.

— Если лететь, то только одному.

— Безусловно. При такой погоде там, где пройдет один, двое ни за что! Надо, Покрышкин, найти танки генерала Клейста.

О танковой группе Клейста я уже кое-что знал по сводкам Советского Информбюро. Она наносила нам ощутимые удары. Пройдя западнее Орехова, через ряд районов Донбасса, танки вышли к Дону.

Здесь они предприняли попытку взять Шахты, форсировать Дон и обойти Ростов. Но, получив сокрушительный контрудар под Шахтами, группа Клейста откатилась назад и куда-то исчезла под покровом осенних туманов.

«Надо найти танки Клейста!» — задание очень конкретное. Кто, кроме летчиков, в этих условиях мог за один-два часа обшарить все прифронтовые дороги, посадки, села и сказать: танки вот здесь?!

Никто.

Нужно было только увидеть их, только сообщить, где, в каком месте они в данное время, и командованию фронта станут совершенно ясны все оперативные планы вражеской группы «Юг». Надо было знать, куда направлены танковые силы врага, — вот что было решающим для наших войск, обороняющихся в этом районе.

— Дайте мне двухкилометровку, — попросил я Никандрыча. Моя карта малого масштаба не годилась для такого полета.

Штаб полка сообщил в дивизию, что на поиски танков Клейста вылетаю я. Только Никандрыч положил трубку, позвонили к нам. Комдив вызывал меня к телефону.

— Покрышкин, надо найти танки!

Это был приказ и просьба вместе. Комдив повторил его для

того, чтобы я еще больше проникся важностью задания. Он понимал, что одних слов «надо найти» мало. Нужно было сказать еще что-то.

— Мы сегодня уже потеряли два «маленьких» в этом поиске. Они разбились в тумане. Ты знаешь, зачем я говорю тебе об этом?

— Знаю. Я должен возвратиться, товарищ комдив.

— С данными!

— Все понятно.

— Посмотри на Чалтырь. Там наши окружили вражеские войска. Но главное — танки!

— Есть главное — танки!

— Представим тебя к ордену.

— Задание будет выполнено!

Сначала я мысленно прошел по намеченному маршруту. Выйдя к Новочеркасску, повернул на юг, потом взял вправо и полетел вдоль дороги, ориентируясь по телеграфным столбам. Увидев линию железной дороги, повернул снова вправо.

Мне нужно было заранее определить время пролета каждого ориентира. Я проиграл и несколько вариантов восстановления потерянной ориентировки.

После тщательной подготовки сел в кабину МИГа и взлетел. Сразу же вошел в облака, снизился. Высота двадцать пять — тридцать метров, видимость крайне ограниченная, горизонт закрыт, земля просматривается только прямо перед самолетом.

Строго придерживаюсь ориентиров. Вот станица Богаевская. От нее дорога идет на Новочеркасск. Я лечу на Чалтырь. К городку беспечно движутся немецкие мотоциклисты. Если он окружен нашими, вокруг него должны быть свои войска. Я вижу только немцев. Лечу так низко, что, кажется, слышу тарахтение мотоциклов.

Вот и Чалтырь. На южной окраине замечаю много танков. Чьи? Наши? Подхожу ближе и различаю на бортах у них белые кресты. То же самое обнаружил и на западной окраине — десятки танков. Видимо, это часть группы Клейста.

Захожу еще раз, чтобы внимательней просмотреть дворы и улочки. И вдруг замечаю, что в Чалтыре наша пехота ведет оборонительный бой. Значит, окружены здесь не немецкие, а советские войска. Неужели в вышестоящих штабах не знают об этом? Нужно немедленно лететь в полк.

Вернувшись на аэродром, сразу же докладываю в штаб дивизии о нашем окруженном гарнизоне. Мне верят неохотно. Но вылетевшие вслед за мной другие разведчики подтвердили мои данные. Через несколько часов комдив снова приказал мне отправиться на разведку, на этот раз с заданием найти основную

группировку вражеских танков.

Теперь я избрал новый маршрут — над проселочными дорогами и лесопосадками. Танки, решил я, не будут держаться открытых трактов.

К вечеру погода стала еще хуже. В холодном воздухе замелькали снежинки. За линией фронта снизился до предела.

Над заданным районом — западнее Новочеркасска — я кружил долго, уже горючего осталось в обрез, а никаких признаков танков не обнаружил. Меня охватило чувство близкое к отчаянию. Не нашел, не оправдал доверия. Неужели их здесь нет? А если они завтра нанесут из этого района удар по нашим войскам? Что скажут тогда обо мне командиры и товарищи?

Я уже рисковал упасть где-то на землю при возвращении, когда решил просмотреть еще одну степную лесополосу.

Отлетев немного от дороги, я вдруг увидел на поле несколько широких следов.

След гусениц!

И вдруг три ряда плотно поставленных один к одному немецких танков! Дыхание захватило. Они! Такая большая группа — машин двести! Вот она, главная сила Клейста!

Танкисты, конечно, не ожидали появления советского самолета в таком небе — они, разложив костры, грелись. Когда же увидели над самыми головами самолет, бросились врассыпную, к своим машинам. Как мыши в норы, они ныряли в люки.

О бензине я забыл — да разве можно было думать еще о чем-нибудь, кроме как о танках! Надо было пройти над ними еще разок, чтобы не ошибиться в подсчете, в месте их расположения. Но это уже было ошибочное решение. Теперь меня встретили таким зенитным огнем, что когда я вскочил в облака, то они были освещены трассами, словно молниями. Пришлось сразу же отвалить в сторону. В эти минуты я, как никогда, заботился о том, чтобы поскорее возвратиться домой.

Памятные ориентиры встали надежными стражами на обратном маршруте и не подвели меня.

Глубокое, могучее чувство боевой радости, фронтовой удачи! Разгаданы вражеская тайна и хитрость. Я почти бегом бежал от самолета к КП. Моего возвращения здесь ожидали уже с большой тревогой. Телефонистка Валя, увидев меня, заулыбалась.

— Нашел? — спросил командир полка.

— Нашел! — ответил я.

Валя подала мне в руки трубку. Комдив ждал на другом конце провода. Он выслушал мой доклад, поблагодарил и не задал ни единого вопроса для уточнений. Донесение о танках

Клейста надо было срочно передать в другие, высшие штабы.

За ужином, в общежитии, что бы я ни делал в этот вечер, у меня перед глазами так и стояло впечатление той минуты, когда я видел следы на пашне, затем в три ряда танки и пылающие костры у лесополосы. Эта картина врезалась мне в память навсегда.

Разведчику трудно самому оценивать добытые им сведения о противнике. Но увиденные мной в этой мгле осеннего вечера немецкие танки были такой крупной «находкой», что о ней то и дело говорили в штабе в течение целой недели. Их словно выхватили из темноты лучом прожектора и уже не выпускали из-под этого бдительного света. На второй день рано утром кто-то полетел посмотреть на поля Каменного Брода, где я обнаружил танки. Их там уже не было. Но следы от них ничто спрятать не могло!

Группу Клейста встретила наша армия прочной обороной у Ростова. Там вспыхнула яростная, небывалая битва. Немцам тогда удалось на несколько дней ворваться в город. Но подготовленная оборона не позволила врагу захватить город с ходу. Существенные потери противника сразу же сказались. Враг вполз в Ростов, но при первом штурме наших войск не выстоял, проворно бежал на запад. Когда наши освободили этот красивый, спаленный войной южный город — первый в ходе Отечественной войны! — я чувствовал, что в этой славной победе армии и народа была частица и моих сил.

Удар наших войск по врагу под Ростовом вскоре отозвался гулким раскатом нашей победы под Москвой. Наступление Советской Армии под Тихвином, разгром вражеских полчищ на московской земле и на других участках фронтов были замечательным новогодним подарком народу, радостными провозвестниками нашей окончательной победы. Но ее солнечный день был еще далеко-далеко, за туманами, вьюгами, дождями, за грозными испытаниями еще нескольких лет войны.

10. Зима больших надежд

Зима обрушилась на землю морозами, метелями и пронизывающими ветрами. Казалось, она загонит в укрытия все живое. Но именно в эту лютую пору 1941 года Советская Армия совершила свой беспримерный подвиг. Разгром немцев под Москвой придал нам новые силы, еще больше укрепил нашу веру в победу над гитлеровскими захватчиками.

Здесь, на юге, фронт проходил по реке Миусу. Наш полк базировался в пригородном поселке.

Боевая работа полка оставалась прежней: разведка, штурмовка вражеских войск и аэродромов. Летали почти по одним и тем же маршрутам, на одни и те же объекты.

Перед самым Новым годом большую группу летчиков вызвали в штаб дивизии. Провожавший нас Никандрыч шепнул мне:

— Дырочку на гимнастерке заготовь.

Я понял его намек. Приказ командования фронта о награждении мы уже читали. Фигичев, Крюков, Середа и я ждали этого вызова.

Штаб дивизии находился в поселке Ровеньки. Здесь я встретил много старых знакомых.

Принимая из рук комдива орден, каждый невольно вспоминал и тех, кто не дожил до этого радостного дня. А как хотелось видеть рядом Миронова, Соколова, Дьяченко, Назарова и Атрашкевича!

После вручения наград состоялась конференция, на которой с докладом выступил инженер дивизии. Он говорил о современной авиации — нашей и фашистской, старался всячески доказать превосходство отечественных самолетов — МИГ-3, И-16, «чайки» — над немецкими. Зачем это понадобилось ему, не знаю. Ведь все, кто его слушал, уже раз встречались с «мессершмиттами» и «юнкерсами» в много воздухе, вели с ними бои и, следовательно, хорошо знали, что они собой представляют.

После доклада попросили выступить летчиков — поделиться боевым опытом и высказать свое мнение о наших и вражеских истребителях. Слово предоставили мне. Сравнивая МИГ-3 с МЕ-109, я откровенно сказал, что наш самолет, несмотря на многие его достоинства, все-таки очень тяжел и на малых высотах уступает «мессершмитту» в маневренности. Слабовато у него и вооружение. В заключение я пожелал советским авиаконструкторам побыстрее создать новые, более совершенные машины.

Мои слова были сразу же расценены как непатриотические. Я-де, мол, не прославляю отечественную боевую технику, а пытаюсь дискредитировать ее. Получив такую пощечину, вряд ли кто захочет откровенно высказывать свое мнение. И я решил больше никогда не выступать на подобного рода совещаниях. В полк возвратился в подавленном состоянии. Лишь боевые вылеты помогли освободиться от этого неприятного осадка на душе.

В канун 1942 года на нашем фронте наступило затишье. Даже авиация не проявляла обычной активности. Приближался новогодний праздник.

В полку и дивизии подводили итоги, подсчитывали, кто сколько совершил боевых вылетов и сбил вражеских самолетов. И на войне у нас было развернуто социалистическое соревнование.

Вечером накануне встречи Нового года к нам в землянку забежал адъютант эскадрильи.

— Послушайте, что происходит, — сказал он, отозвав меня в сторону.

— Что же именно?

— Кое-кто поступает несправедливо. Я лично сам готовил сведения и знаю: у вас больше всех боевых вылетов и сбитых самолетов. А первое место почему-то дали капитану Фигичеву.

— Вот и хорошо.

— Что же тут хорошего?.. — растерялся адъютант. — Ведь показатели у него ниже…

— Одни ниже, другие выше. Сбитых-то самолетов у него больше.

— Да нет же, — горячился адъютант. — Вот тут у меня все записано… — И он начал разворачивать свои бумаги. — Я о вас беспокоюсь, о вашей чести.

— Спасибо, — не сдержался я. — О своей чести я позабочусь сам, и не здесь, а в полетах. А Фигичев заслуживает первенства. Сегодня такой подарок ему особенно кстати. Жених!

— Это верно, — вздохнул адъютант и, козырнув, вышел из землянки.

Разговор с адъютантом все-таки задел меня. Оказывается, там, в дивизии, не забывают тех, кто их критикует. Не осмелившись отказать мне в награде, они решили все-таки ущемить меня при подведении итогов соревнования. Что ж, пусть это останется на их совести. Я солдат, и надо быть выше мелких обид.

В душе я, конечно, рад был за Валентина Фигичева. Лучшего свадебного подарка и не придумаешь. А Валя и Валентин действительно уже зарегистрировали брак в местном загсе. Значит, жизнь ничем нельзя остановить. Любовь не умолкает

даже тогда, когда грохочут пушки. Волновало лишь одно: только бы у них все получилось по-настоящему, без фальши и обмана. Ведь о Вале вздыхал не один «добрый молодец».

Вечером, когда все летчики полка собрались в столовой на ужин, Виктор Петрович Иванов поздравил нас с праздником, пожелал в наступающем году боевых успехов, а затем произнес хороший сердечный тост в честь новой семьи, сложившейся на фронте.

После ужина Фигичев пригласил нас к себе на квартиру за домашний стол.

Правда, свадьба проходила по-фронтовому. Гости пришли без подарков. Стол не оглашался «выстрелами» шампанского. Закусывали только сибирскими пельменями с уксусом. И все-таки было весело и по-домашнему уютно. Мы пили за счастье новобрачных, за боевые успехи, пели под гармошку песни, кричали «горько»…

Глубокой ночью стали расходиться.

Утром мое звено вызвали на КП.

Мороз жуткий, над землей дымка, а вылетать надо немедленно. Остывшие моторы заводятся не сразу… Выруливаю свой МИГ на взлетную полосу. Двигатель по-прежнему «чихает», на высоких оборотах не тянет. За мной стоят самолеты Лукашевича и Карповича. Время идет, пора вылетать, а мотор барахлит. Оставляю свою машину и иду к Лукашевичу. Он вылезает из кабины и уступает самолет мне.

Взлетаю, набираю высоту, разворачиваюсь. Где же Карпович? В воздухе его нет. Какой-то самолет катится по аэродрому. Наверно, у Карповича отказал мотор, и он решил вернуться. Мой тоже время от времени дает перебои. Что же делать? И мне возвратиться? Но разве можно с этого начинать новый год? Нет. И я иду на задание один.

Внизу, сколько глазу видно, заснеженные просторы. Горизонт затянут морозной дымкой. Хорошо видны лишь шахтерские поселки, железная дорога и черные заводы угасшего Донбасса. А мне нужно искать скопление вражеских танков и машин, колонны войск. Снижаюсь, чтобы лучше различать населенные пункты: все живое холод загнал в помещения. Где дымок, там и люди.

Кабина у меня открытая: еще летом мы отказались от фонарей. Но мне достаточно тепла от радиатора. Только вот мотор изредка пугает перебоями, его хлопки отдаются в сердце.

На земле ничего интересного не видно. Выходит, гитлеровцы предпочитают боям праздник, отсиживаются у печек? Что ж, и об этом важно знать. А это что за темные кучки на снегу? Снижаюсь и вижу: у костров — группы людей, а поодаль — заиндевевшие

танки.

Открываю огонь. Гитлеровцы, словно зайцы, бегут к танкам, под защиту брони.

Возвратившись домой, я доложил о результатах разведки.

— А что с машиной Карповича?

— Прогрелась — взлетел.

Взлетел… Именно в эти минуты Карпович отчаянно боролся за жизнь.

В землянку ворвался грохочущий рев мотора. Самолет шел над поселком, едва не задевая за крыши домов. Вот он развернулся и пошел на посадку. Наблюдая за ним, мы сразу поняли, что произошло что-то неладное: казалось, машина вела пилота, а не он ее. Самолет плюхнулся на землю, пробежал сколько мог и остановился. Лопасти винта сразу же замерли.

Подбежав, мы увидели сначала развороченный снарядом борт МИ Га, а потом и летчика, безжизненно упавшего грудью на приборную доску. Вся кабина была залита кровью. И как он только привел самолет?

Карпович летал на разведку в район Сталино. Там всегда мы натыкались на мощный заслон зенитного огня. Как все произошло, мог рассказать только сам летчик. А его в бессознательном состоянии увезли на медпункт. На последнем дыхании он дотянул самолет до аэродрома.

А вскоре мы с горечью узнали, что Карпович, возможно, к нам уже не вернется. Ему оперировали раздробленную осколками руку.

В полк прибыла новая группа молодых летчиков — с виду очень хрупких парней. С ними нужно было кому-то заниматься. Когда Виктор Петрович вызвал меня к себе, я сразу догадался зачем. Он составлял учебную программу для специальной эскадрильи. Командиром туда назначили капитана Павла Крюкова, а меня — его заместителем.

Крюкова я знал давно. Коренастый, невысокого роста и немного медлительный, он с первых дней войны стал для меня образцом. Пал Палыч, как мы любовно величали его, храбро воевал на Халхин-Голе, за мужество был награжден орденом Красного Знамени. Я уважал этого летчика не только за его боевые заслуги, мне нравились его рассудительность, душевная чуткость.

Для учебы нам дали десять стареньких И-16 и перебросили на отдельный аэродром. Наш полк и после того, как стал гвардейским, все еще воевал на устаревших самолетах.

Среди новичков сразу выделились своей бойцовской хваткой Вербицкий, Науменко, Мочалов и Бережной. Им пришлось по

душе фронтовое обучение. После занятий в землянке — у классной доски и с макетами самолетов — мы чуть ли не каждый день летали «сдавать экзамены» в боевых условиях. Нашей учебной эскадрилье целиком доверили штурмовку вражеских эшелонов и станций. Старик И-16, вооруженный реактивными снарядами, становился грозой для вражеских железнодорожников.

В те дни у нас родился новый прием штурмовки. Обычно истребители атаковывали цель с большой высоты и обстреливали ее с крутого пикирования. Мы же летали теперь в низком небе, под облаками, нередко во время снегопадов. В таких условиях прицельный огонь можно вести только с пологого пикирования. Попробовали — получилось неплохо. При атаке объемных целей — автомашин, паровозов — новый метод оказался даже эффективнее, чем старый. И это вполне естественно: продолжительность ведения огня увеличилась, а дальность стрельбы сократилась. Но нужно было бояться просадки самолета и столкновения с землей.

Способ штурмовки с переменным профилем пикирования быстро освоили все летчики нашей эскадрильи. И он им понравился. Нередко они применяли его и при штурмовке объектов с обычной высоты: заходили на атаку круто, а перед тем как открыть огонь, уменьшали угол пикирования. Отстрелявшись, истребители стремительно проносились над загоревшимися машинами и снова уходили на высоту.

Однажды нашу эскадрилью навестили комдив и инспектор Сорокин. На этот раз они приземлились удачнее, чем в Астраханке, и мне не удалось избежать неприятностей.

В тот день я проводил занятие в классе. На доске были начерчены две схемы пикирования: прежняя и новая. Придирчиво осмотрев их и выслушав объяснения молодых летчиков, комдив раскричался:

— Неправильно! Все это чьи-то выдумки. Где наставления?

— Нет наставлений, товарищ генерал, — доложил Крюков, поглядывая на меня.

У нас, и даже в полку, действительно не было тогда никаких учебных пособий. При подготовке молодежи мы опирались в основном на собственные знания и фронтовой опыт.

— Сорокин, дайте им правильное объяснение! Инспектор начал повторять давно известные, но устаревшие истины, дополняя их примерами из опыта войны. В основном он оперировал фактами из нашей боевой практики в Молдавии. Но ведь на занятии разбирался совершенно новый, только что освоенный прием штурмовки. Почему комдив не пожелал этого

понять? Почему инспектор не осмелился поддержать Крюкова и меня?

— Надо учить людей по наставлениям! — заключил комдив. Крюкову и мне он объявил по выговору за незнание тактики. Правда, мы быстро забыли об этом инциденте, поскольку были уверены в своей правоте. Приемы, которым мы учили молодежь, прошли проверку огнем, их эффективность подтвердили многие наши победы.

Летали мы часто. Штурмовали железнодорожные станции и эшелоны в пути. Самым трудным было приучить молодежь при любых обстоятельствах держать интервалы. При появлении «мессершмиттов» они обычно начинали прижиматься друг к другу, а все вместе — ко мне. И вместо того чтобы, все внимание уделять цели, приходилось следить за своими летчиками, чтобы не столкнуться.

По возвращении домой я всегда садился последним. Пока ребята один за другим совершали последние круги над аэродромом, мне удавалось выполнить несколько фигур высшего пилотажа. В частности, я отрабатывал один оригинальный маневр, на который меня натолкнул случай.

Однажды над аэродромом появились наши истребители конструкции Яковлева. Они летели четверками и, снижаясь на большой скорости, расходились парами в разные стороны.

— Цирк! — воскликнул кто-то из летчиков.

Дело знакомое: ребята получили новые самолеты и теперь хотели блеснуть перед нами, так сказать, произвести впечатление. Наблюдая за их «веерами», я заметил, как ведущий одной пары крутнул на горке «бочку». В авиашколе мы называли ее кадушкой. При таком медленном вращении вокруг своей оси машина опускает нос и теряет высоту. Кажется, летчик выполнил «бочку» одними элеронами и плохо скоординировал свои движения. Следовавший за ним, как при атаке, ведомый сразу проскочил над ведущим и вырвался вперед. Теперь ведущий, как бы уйдя «под мотор» своего ведомого, очутился ниже и сзади.

Когда я увидел все это, меня осенила мысль: а ведь так можно уходить из-под атаки противника!

На следующий день, возвратившись с задания, мы с Николаем Искриным, как заранее условились, набрали над аэродромом высоту. «Атакуй», — передал я покачиванием крыльев. Искрин пошел в атаку. Вот он уже на расстоянии, позволяющем открыть огонь. Я делаю замедленную «бочку» и сразу же теряю высоту и скорость. Ведомый проносится надо мной. Теперь уже я под ним. Стоит только немного поднять нос самолета — и могу стрелять по Искрину.

С тех пор я стал каждый день шлифовать этот прием.

Верил, что в предстоящих воздушных боях понадобится и эта находка. Надо только все хорошенько продумать и отработать каждый элемент.

Зима. Короткие, хмурые, промерзшие насквозь дни. Только успеешь за ночь отогреться, как утром снова стужа берет тебя в тиски. Кабина И-16 не обогревается. Подготавливая самолет к полету, техник и механик тщательно очищают его от снега. Но стоит подняться в воздух, и в кабине начинают гулять вихри снега.

В одном из полетов я не обратил внимания на то, что мое лицо припорошено снежком, и поплатился за это. Случайно взглянув на прибор, я увидел, что щеки у меня совсем белые. Начал оттирать их, да поздно спохватился. К вечеру обмороженные лицо и шея распухли. За такой вид друзья прозвали меня Мустафой. Несколько дней подряд лечился, смазывая гусиным жиром обмороженные места.

Как-то на аэродроме приземлился самолет соседнего полка. Он подрулил прямо к нашей землянке, и все мы невольно обратили внимание на обмороженное лицо летчика — черное, с рыжеватой бородой. А когда пилот вылез из кабины, мы чуть не ахнули. Это был здоровенный, широкоплечий детина. Настоящий богатырь! И как он только помещался в кабине И-16, да еще в меховом комбинезоне!

Окинув нас взглядом, незнакомец улыбнулся и поднял руку:

— Привет геройскому воинству! — Подошел и протянул мне широченную ладонь: — Сержант Фадеев. Я назвал себя.

— А-а, Покрышкин!.. Газеты читаем.

Я тоже сразу вспомнил имя Фадеева. С ним было связано много фронтовых историй, похожих на легенды.

Фадеев сразу объяснил, почему он оказался на нашем аэродроме:

— Дрались. Горючки не хватило. Как от вас позвонить в наш полк? Зачем пропадать двум ужинам?

— Почему двум? — удивился я.

Пришли на КП. Пока Фадеев терзал своими ручищами телефонный аппарат и грохотал могучим басом, вызывая полк, я с любопытством смотрел на него. Вспомнились слышанные о нем рассказы.

Вадим Фадеев служил в нашей дивизии. Летчики рассказывали, как в первые дни войны, еще на территории Молдавии, он с группой истребителей уничтожил колонну румынских кавалеристов, направлявшуюся на фронт. Фадеев первым ринулся на них и спустился так низко, что лошади,

услышав над собой рев мотора, ошалели: перестав повиноваться всадникам, они мчались куда попало. Вся колонна рассыпалась по полю. Расстреляв патроны, Фадеев настигал конников и рубил их винтом самолета…

Разошлась среди летчиков и совсем недавняя история, которая произошла с ним под Таганрогом. Возвращаясь со штурмовки на поврежденном самолете, Фадеев приземлился между нашими и немецкими окопами — на нейтральной полосе. Противник сразу же открыл по истребителю огонь. Но Фадееву удалось добежать до наших траншей. Когда летчик увидел, сколько здесь бойцов, он вырвал у одного из них винтовку, снял реглан и, взобравшись на бруствер, заорал своим могучим голосом:

— Вперед!!!

Его увидели и услышали солдаты нескольких подразделений. Летчик побежал с высоко поднятой винтовкой на позиции врага. Из всех окопов и ходов сообщения за ним устремились бойцы. Это уже была настоящая лавина. Немцы оторопели от неожиданности и не успели открыть организованный огонь. Наша пехота ворвалась на их позиции. Началась рукопашная схватка. Фашисты дрогнули и побежали. Преследуя их, советские бойцы быстро заняли господствующую высоту. Туда немедленно подошли наши свежие силы и закрепились.

Когда через некоторое время на высоту пришел командир дивизии, Фадеева там уже не было: он буксировал свой самолет. Но комдив разыскал героя. Обняв летчика, он сказал, что для дивизии было очень важно овладеть этой высотой, заверил, что непременно представит его к награде. Говорят, что Фадеев на все похвалы ответил шуткой:

— Эх, если бы среди вас оказался кто-нибудь догадливый и обеспечил бы мне сейчас пару вкусных обедов…

Вскоре я поверил, что могло быть именно так. Мы зашли в столовую. Фадеев разделся, и я увидел на его гимнастерке новенький орден Красного Знамени. Официантке он сказал: «Мне две порции, пожалуйста». Достал из кармана гимнастерки помятую бумажку и положил перед ней. Я взял ее и прочел вслух: «Сержанту Вадиму Фадееву во всех БАО отпускать по две порции питания. С. Красовский». Командующего нашей воздушной армией мы хорошо знали, и в подлинности выданной Фадееву записки никто не усомнился…

Позже Вадим Иванович Фадеев стал всем нам, а мне, может быть, особенно, большим другом. Улетая от нас, он, как обычно, поднял руку и приветливо крикнул:

— До встречи, друзья!

…На основной аэродром наша эскадрилья перелетела, когда в воздухе уже запахло ранней южной весной. Таял снег, темнели холмы и дороги. В полк влилась целая группа молодых летчиков, хорошо подготовленных к боям. Возвратились из госпиталей и многие ветераны — Комоса, Федоров, Речкалов.

…В эти дни в моей жизни произошло очень важное событие. На партийном собрании, которое проходило прямо на аэродроме, меня приняли в члены партии. А через несколько дней тут же, у самолета, я получил партийный билет. Комиссар полка Михаил Акимович Погребной и секретарь партбюро Павел Крюков пожали мне руку и пожелали новых боевых успехов. Я заверил, что оправдаю высокое звание коммуниста.

Летали мы по-прежнему на стареньких, залатанных МИГах и «ишачках». Вооруженные реактивными снарядами И-16 казались нам все еще надежными и даже грозными истребителями. Один бой мне особенно хорошо запомнился. Как-то группа МИГов отправилась на штурмовку вместе с шестеркой И-16 соседнего полка. Когда мы сбросили бомбы и отстрелялись, на нас вдруг навалились двенадцать итальянских истребителей «макки». Они шли развернутым фронтом, крыло к крылу.

Первой ринулась в лобовую атаку эскадрилья И-16. Мы были немного в стороне и стали набирать высоту, чтобы атаковать противника сразу вслед за «ишаками». «Макки» перед опасностью сомкнулись еще плотнее. Когда они подошли на дальность выстрела реактивного снаряда, один И-16 залпом выпустил по ним шесть своих «эрэсов». Словно огненные стрелы, снаряды понеслись навстречу вражеской группе и, взорвавшись, поразили сразу пять самолетов.

Это произошло у всех на глазах. Пять «макки» вспыхнули и рухнули на землю. Уцелевшие шарахнулись в сторону и бросились наутек. Более удачного залпа «эрэсами» я не видел за всю войну.

Немецкая авиация в ту зиму подновила свою технику. На нашем фронте вместо «хеншеля-126» над передним краем стала летать «рама» — «фокке-вульф-189». Вскоре наши наземные войска ее просто возненавидели. Она подолгу висела над артпозициями и окопами, корректируя огонь своей артиллерии. Наши пехотинцы не знали, что предпринять против этого наводчика. Они связывали с «рамой» все неприятности: внезапные артиллерийские обстрелы, налеты «юнкерсов», тяжелые потери, неудачные контратаки. И если наш истребитель сбивал ФВ-189, ему аплодировали все, кто наблюдал за боем. Летчики тоже считали за большую удачу свалить корректировщика на землю.

Весной 1942 года из-за «рамы» погиб наш товарищ, чудесный

летчик Даниил Никитин. Вот как это произошло. Возвращаясь с боевого задания, он увидел, что над нашим передним краем висит ФВ-189. Никитин с ходу атаковал его, но выпущенная им пулеметная очередь прошла мимо, поскольку «рама» искусно маневрировала. Летчика огорчил промах. Он уже собирался повторить заход, когда с высоты на него свалилась пара «мессеров», прикрывавшая своего корректировщика. Прорваться к «раме» в этой обстановке было невозможно, да и горючего у нашего истребителя осталось в обрез. После короткого боя с «мессерами» Никитин возвратился на аэродром.

В те дни мы с Даниилом летали на одном самолете, сменяли друг друга. Поэтому я его встретил первым. Спрыгнув с крыла на раскисшую землю, он выругался. Такое с ним бывало очень редко. Значит, случилось что-то неладное.

— Ты чего такой злой?

— Понимаешь, был рядом с ней и промахнулся. Жаль, винтом не рубанул по килю. Не сбил… Позор!

И он рассказал, что произошло с ним в воздухе. Мне стало ясно, что Никитин, увидев «раму», просто погорячился — уж очень хотелось свалить эту ведьму. А если бы он, набрав высоту, обрушился на нее сверху стремительным ударом, наверняка добился бы успеха. Такая внезапная атака почти всегда неотразима. Свое мнение я тут же высказал товарищу.

На следующее утро Никитин снова первым вылетел на разведку. А я на УТ-2 отправился на соседний аэродром, где находились наши мастерские: надо было опробовать отремонтированный МИГ и пригнать его в полк.

Все это решил сделать к возвращению Никитина. Не хотелось, чтобы самолет простаивал на аэродроме. И все-таки я немного не уложился в срок. Летел и ругал себя за опоздание. Но каково же было мое удивление, когда я, вернувшись, увидел нашу стоянку пустой.

— Подбили, наверное, — грустным голосом сказал техник.

Я тоже об этом подумал: «Значит, где-то сел на вынужденную. Такой летчик самолета не бросит».

До вечера ждали, звонили, разыскивали. После ужина летчики собрались в землянке. Все думали о Никитине. Его школьный товарищ Андрей Труд, наверно, уже в десятый раз прокручивал на патефоне одну и ту же заигранную пластинку. И только потому, что в записанной на ней песенке были слова: «Тебя здесь нет…» Я не выдержал и остановил патефон:

— Хватит, Андрей, этой сентиментальной тоски.

Скрипнула дверь. Не он ли? Нет, вошел адъютант командира эскадрильи.

— Звонили из штаба дивизии, — доложил он. — Самолет упал на переднем крае. Летчик не выпрыгнул.

Утром группа наших товарищей выехала на передовую. Командир стрелкового батальона показал им через амбразуру наблюдательного пункта место, где упал самолет. И рассказал о последнем воздушном бое Никитина с четырьмя «мессершмиттами».

Сначала над передним краем повисла «рама». Вдруг откуда ни возьмись высоко над ней появился наш истребитель. Он, словно сокол, стремительно упал с заоблачной выси на вражеского корректировщика и открыл огонь. Тот сразу загорелся и рухнул на землю. А на нашего МИГа набросились четыре «мессера». Никитин бился отчаянно. Одного фашиста он поджег, другого — таранил. У его машины тоже отлетело полкрыла. Самолет вместе с летчиком врезался в заболоченный луг.

Под покровом ночи наша полковая группа добралась до этого места. Там валялись лишь обломки крыльев и хвостового оперения. Мотор и кабина самолета вошли в землю на несколько метров. Барахтаясь в грязи, авиаторы попробовали откопать останки машины и вытащить тело Никитина. Но мешала вода, которая моментально заполняла яму. А откачать ее было просто невозможно. Стало ясно, что, совершив героический подвиг, Даня сам навсегда похоронил себя на болотистом берегу реки Миуса, вблизи села Мамаев Курган.

А через несколько дней полк с почестями похоронил Лукашевича. Его жизнь, испытанная в боях с «мессерами» и в зенитном огне «эрликонов», оборвалась от нелепого случая.

К тому времени уже все наши летчики отказались от фонаря на кабине МИГ-3. На большой скорости он не открывался, и в критический момент летчик не мог выброситься с парашютом. Но в мастерской, где ремонтировалась машина Лукашевича, пренебрегли мнением летчиков и поставили фонарь.

И вот печальный результат: едва Лукашевич взлетел, как управление машиной вдруг заклинилось и она камнем понеслась к земле. А пилот не смог открыть фонарь и оставить кабину. Он погиб под обломками самолета, в фюзеляже которого под тягой нашли забытый слесарем медный молоток.

Вместе с Лукашевичем мы проложили немало боевых маршрутов на карте и в небе. Его нелепая смерть и гибель Никитина сильно подействовали на меня. Я стал раздражительным.

В один из хмурых дней этой бесцветной весны меня вызвали в штаб дивизии. Заместитель комдива сообщил, что на нашей территории недавно приземлился летчик-хорват на

«мессершмитте-109».

— Думаем назначить тебя в спецгруппу, — сказал он. — Нужно полетать на «мессершмитте» и изучить его досконально. Пойдешь?

Я, не задумываясь, ответил:

— Пойду.

Оружие врага… Наземные войска, захватив трофеи, использовали немецкие автоматы, пушки, винтовки, громили тех, кто пришел с ними на нашу землю. Мы, летчики, до сих пор видели на своих аэродромах только обломки вражеских самолетов. Ну-ка попробую «худого» в воздухе. Как он покорится мне?

Меня так тянуло скорее перескочить со своего аэродрома в Новочеркасск, куда надлежало прибыть, что я, получив разрешение от Виктора Петровича на вылет с Искриным, не посчитался с сильным боковым ветром — самолет развернулся, и подломилась стойка шасси.

— Разгильдяй! — выругал командир полка, выслушав у КП мое ничем не оправданное нарушение правил взлета. — Вон видишь террикон? — вдруг спросил он.

— Вижу, — ответил я, посмотрев туда, куда показывал командир рукой.

— Тебе нужно в том направлении. Иди пешком!

Виктор Петрович серьезно обиделся на меня. Надо было подождать. Я знал, когда он успокоится, то даст другой самолет.

Поселки, терриконы, шахты, дороги и степь. Тронутая теплом, она пробуждалась после снега.

Рыжая лиса, услышав гул мотора самолета, просто растянулась в беге. Искрин, сидевший в задней кабине, первым увидел лису. В его глазах загорелся охотничий огонек, и он чуть не вывалился из кабины. Я тоже заразился желанием припугнуть зверя, погоняться за ним. Снизился так, что еле-еле не задевал колесами прошлогоднюю стерню. Лиса, сообразив, что ей по прямой не уйти от чудовища, наседавшего на нее, начала петлять. Свернув несколько раз за ней, слыша за спиной улюлюканье и хохот Искрина, я и в самом деле проникся идеей придавить лису колесами шасси. Но, пребывая в плену азарта, я вспомнил о Викторе Петровиче.

Что сказал бы Виктор Петрович, увидев, как я гоняюсь за лисой на самолете? Что я делаю?

Мой УТ-2 взмыл над равниной. Искрин притих за моей спиной, наверное недовольный таким неожиданным финалом. Простор сразу стал шире и приятнее.

Еще в воздухе я различил на аэродроме среди наших

самолетов три «мессершмитта».

Это была местная затея: потренировать летчиков на «мессерах» и попробовать использовать их для свободной «охоты» и разведки тылов противника. На аэродроме, куда я прилетел, меня встретил командир спецгруппы генерал Науменко. Он приказал сразу же идти знакомиться с немецкими самолетами.

Техник, принимавший участие в восстановлении двух «мессеров», уже назубок знал эту машину. Он объяснил мне систему управления, назначение всех кнопок и приборов. Я посидел в кабине истребителя, пощупал все руками и отправился к генералу за разрешением подняться в воздух.

— Лети! — сказал он, с нетерпением ожидая, когда прирученный «мессершмитт» будет кружить над аэродромом.

Я запустил мотор, вырулил, взлетел. Сделал два круга. Машина шла легко. Ничего необычного в ее поведении я не заметил. Увидев, что звезды, нарисованные бледной краской прямо на крестах, еле заметны, я невольно подумал: а вдруг меня встретят в воздухе наши? Несдобровать тогда. Но все обошлось благополучно.

Приземлился. Командира группы почему-то обеспокоило мое возвращение.

— Почему так мало летал? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — ответил я. — Хочу пойти на высоту.

На следующий день я испытал «мессершмитт» в высшем пилотаже. Летчику нужно не много времени, чтобы оценить машину, если она легко делает горку, быстро набирает скорость на пикировании, если он в бою догонял ее на вираже и вместе с тем видел, какие дыры в крыльях оставляют снаряды установленных на ней пушек. Я опять сравнивал «мессершмитт» с нашей новой машиной ЯК-1 и снова приходил к выводу, что в этих самолетах есть что сравнивать.

Через полчаса кувыркания в воздухе я совсем забыл, что в моих руках чужой самолет, и, когда заметил вдали наш бомбардировщик СБ, очевидно возвращавшийся домой, спокойно направился к нему. Летчик увидел меня внезапно с близкого расстояния. Наверно, именно так шарахаются овцы, когда увидят голову волка, продравшего крышу сарая. Покачиванием крыльев я несколько раз передал сигнал «Я свой», но «бомбер» так рванул прочь, что я даже начал опасаться за его судьбу.

Немедленно отправился домой. При подходе к аэродрому проскочил мимо заходившего на посадку У-2. Его летчик тоже не обратил внимания на звезды. Увидев меня, он перевалил машину

на крыло и тут же, за аэродромом, плюхнулся на пашню. Экипаж выскочил из кабины и, не выключив мотора, бросился к лесополосе.

На КП, куда я пришел для доклада, меня ожидали неприятности. Сначала летчик У-2, узнав, что «мессер» наш, ругал и самолет и меня. Потом позвонили из Миллерова.

— Кто у телефона?

— Дежурный, — ответил я, случайно взяв трубку.

— Что у вас там за чертовщина? — гремел голос.

— Какая чертовщина? — таким же тоном спросил я.

— Кто разрешает гоняться на «мессершмиттах» за нашими самолетами?

Я опешил. Что сказать в ответ? Я ни за кем не гонялся, но как это доказать, если экипаж бомбардировщика именно так расценил мои действия?

Голос в трубке требовал наказать виновного за то, что СБ сел на вынужденную в плавнях. Я передал трубку командиру спецгруппы. А потом мне пришлось подробно объяснять, как все произошло.

Несколько дней мы летали на «мессершмиттах» только в пределах своего аэродрома. Затем Науменко послал одного из нас — капитана — «прощупать передний край», то есть проверить, как там отнесутся к появлению «мессершмитта» со звездами. «Мессершмитт» не возвратился.

К вечеру генерала пригласили на КП пехотной дивизии. Я отправился вместе с ним. По дороге строили разные догадки. Что же случилось? Но все моментально прояснилось, когда на командном пункте мы увидели нашего капитана. Он сидел в уголочке с разукрашенным синяками лицом. Капитан бросился нам навстречу, как бросаются осужденные на казнь к своим избавителям. На обратном пути он с горечью рассказал, что с ним произошло.

В полете у его машины заклинило мотор, и он вынужден был приземлиться у самого переднего края нашей обороны с убранными шасси. Бойцы окружили «вражеский» самолет и даже несколько раз пальнули по нему для острастки. Летчик, выбравшись из кабины, заговорил с ними на русском языке. Тут-то и началось.

— А, предатель! — воскликнул один из бойцов. — Бей его!

И уже никакие заверения: «Товарищи, я наш!» — не могли сдержать гнева толпы. Перед ней был «мессершмитт», на крыльях которого из-под звезд явственно проступали ненавистные черно-белые кресты.

— Если бы не подоспел комиссар батальона, — сказал

капитан, — приговор мне, как «изменнику», был бы приведен в исполнение. Но тумаков досталось. А за что?

— За эксперимент, — ответил я, смеясь.

— Покорнейше благодарю. Синяки я согласен разделить на всех нас поровну. Больше я на нем не ездок!

— Как так? — насторожился генерал.

— Сегодня же уезжаю в свой полк — и все! На аэродроме я увидел Виктора Петровича. Он ходил вокруг одного из немецких истребителей, осматривая его со всех сторон.

— Какую науку уже взял от него? — спросил Виктор Петрович, кивнув на «мессершмитт».

Я коротко рассказал о своих наблюдениях. Мои полеты на «мессершмитте» не были бесполезными. Я теперь лучше знал и его положительные качества и недостатки. А когда знаешь противника, легче бить его в бою.

— Хорошо, — сказал Виктор Петрович. — А воевать ты не разучишься в этой «академии»? Наш полк перебазируется в другой район.

Под Харьковом уже шли упорные бои на земле и в воздухе. Там будут сражаться мои товарищи. Значит, и мне нечего здесь отсиживаться. Я не намерен ожидать тумаков или чего-нибудь похуже от своих же солдат.

Мы еще немного походили вокруг «мессеров». Виктор Петрович внимательно слушал мои объяснения, даже кое-что записывал. Он сказал, что прилетел поторопить мастерские с ремонтом наших машин. Но я понял и то, чего не сказал Виктор Петрович. Наш полк, уже носивший имя гвардейского, был накануне серьезных боевых испытаний. Прорыв нашей обороны под Харьковом разрастался в новую катастрофу. Туда и направлялся полк. Виктор Петрович хотел, чтобы я был вместе со всеми: мой опыт, мои руки бойца были нужны, очень нужны полку.

Через несколько дней меня, наконец, освободили от сугубо специальных занятий. Захватив свой маленький чемоданчик и реглан, я торопливо зашагал к У-2. Летчик армейской авиации согласился попутно забросить меня в полк.

Мы взлетели. Весенняя, покрытая изумрудной зеленью степь радовала глаз. Однако вскоре на горизонте, слева по маршруту, появились темно-серые пятна. Но эти были не тучи, как показалось мне вначале. Это зловещими столбами дыма и пыли вылезала из окопов война.

11. Лето, отданное врагу

Пилот, неподвижно сидевший в передней кабине, оглянулся, и наш У-2 сразу пошел на снижение. По привычке я посмотрел сперва вверх, потом на землю. На аэродроме, расположенном рядом с селом, стояло множество самолетов.

В полку меня ожидало какое-то новое назначение. Я уже слышал, что наша эскадрилья получила самолеты ЯК-1, что ее командиром стал капитан Анатолий Комоса, что Матвеева перевели в другую часть, а нам прислали нового начальника штаба.

У командного пункта я увидел группу летчиков. Еще издали узнал Крюкова, Фигичева, Федорова, Труда, Речкалова, Искрина, Науменко, Вербицкого, Мочалова, Бережного… После крепких рукопожатий посыпались вопросы, реплики:

— Ну, как «мессеры»? Лучше наших ЯКов?

— А сколько «худой» берет снарядов?

— Подсчитаешь в бою, когда по тебе выпустит!

— Долго, сатана, стреляет.

— Все равно у него есть своя ахиллесова пята. Точно?

— Конечно!

— Отпустите, братцы, — взмолился я, чувствуя, что разговор затягивается. — Надо же доложить о прибытии. Потом все расскажу.

— Давай иди, но учти: сейчас уезжаем.

В землянке темно. Свет коптилки освещает только тех, кто у самого стола. Командир полка, сидя на табуретке, держит трубку телефона, читает с листа боевое донесение за день. После очередной длинной фразы он заметил меня, я отдал честь. Он кивнул: «Подожди».

Подошла Валя. Ее лицо поразило меня своей бледностью. Она приветливо улыбнулась. Я подал ей руку. Ее глаза пытались мне что-то сказать.

Слушая донесение, я представлял, чем был для полка минувший день. Он дышал жаром, дымом и пылью Молдавии. Словно бы на этих рубежах война снова начинала свой девятый вал. Немцы наводили переправы на Северном Донце, как год тому назад — на Пруте. Истребители разведывали переправы, штурмовали войска, занимавшие плацдармы. Однако здесь почти каждый вылет истребителей происходит в содружестве с ИЛами. Эти ширококрылые, упрямые горбатые машины занимают добрую половину аэродрома. С такими близкими и мощными напарниками на штурмовку ходить интересней, чем одним.

— Совсем? — вдруг слышу обращенный ко мне вопрос командира.

— Да. Эксперименты окончены.

— Хорошо! Куда же тебя определить? — Виктор Петрович Иванов внимательно смотрит на меня. — Командир вашей эскадрильи уже назначен. Пойдешь к нему заместителем?

— Мне все равно, лишь бы воевать.

— За этим дело не станет. Комэск часто болеет, поэтому тебе придется водить эскадрилью.

— Разрешите идти? — говорю я, вспомнив, что меня ожидают летчики.

— Иди. Завтра соберем ребят, расскажешь о «мессершмитте».

— Есть!

Меня подхватили крепкие дружеские руки и подняли в кузов. Когда ехали, Комоса протиснулся ко мне.

— С тебя причитается.

— За что? А-а!

— То-то! — Комоса засмеялся. Глаза его теплились.

Проезжая мимо белых украинских хат, мимо стада коров, поднимавшего пыль и расползающегося по дворам, думалось о том, что от нас зависит отстоять тишину этого села, не дать нарушить ее лязгом гусениц танков и взрывами бомб. Хотелось быстрее включиться в боевую работу.

Утром, до получения приказа на вылет, командир полка собрал у КП все эскадрильи, пригласил садиться на землю и предоставил мне слово. Я увидел весь полк. Летчики, штабисты, техники. Они сами произвольно поделились на три группы, придерживаясь комэсков. Вокруг Фигичева было больше всего близких мне ребят: эскадрилья все еще летает на наших стареньких МИГах, на которых мы начинали войну.

В эскадрилье Комосы были летчики, овладевшие ЯКом после того, как мы так много учили их с Крюковым под Ровеньками искусству вождения устаревшего «ишачка». Комоса выглядел уставшим, понурым. Виктор Петрович, комиссар и начштаба сидели впереди всех на скамейке, доставленной сюда снизу.

Родной полк. 16-й гвардейский! Стоя перед всеми, ощущая на себе сосредоточенные, серьезные взгляды, я глубже почувствовал значение полетов на «мессершмитте», полезность их. Я знал что-то такое, чего не знали другие, и теперь должен всем поведать о своих выводах. И я все рассказал о «мессершмитте-109». Он теперь был для меня не тем абстрактным противником, которого я видел на расстоянии или в прицеле. Я вертел перед глазами моих слушателей его макет, то обстреливал его, то бросал в пике, то вел его на себя, то сам прижимал его на вираже. Я пробовал

разъяснить, на что способен «мессер» в воздушном бою, на каких маневрах его лучше подловить.

Не успел я ответить на все вопросы, приказ штаба дивизии поднял всех на ноги. Надо сопровождать старых знакомых — СУ-2.

— Кто ведет вашу группу? — обращается к Комосе начальник штаба. — Вы сами?

Комоса, стоявший рядом, кивнул на меня: Покрышкин, он с «мессерами» теперь на «ты».

— Я плохо знаю этот район. Разрешите сходить в этом вылете ведомой парой.

Мы молча направляемся к стоянкам.

— Вот твой самолет, — указывает Комоса на ЯК и все так же медленно, без особого энтузиазма двигается дальше.

У самолета меня встречает соскучившийся Чувашкин. Он чем-то взволнован.

— Товарищ капитан, это машина не моя. Вы были когда-нибудь недовольны мной?

— А вы от меня слышали об этом?

— Нет. Тогда вам надо попросить командира полка.

— Не волнуйся. Будем работать вместе.

— Спасибо. Мы слишком много пережили, чтобы все забыть. Эта машина неплохая, я осмотрел ее тоже.

К самолету, вижу, бегут две девушки, тащат, держа на весу, парашют в чехле.

— Что это, Чувашкин? — удивился я.

— Ансамбль песни и пляски, — широко улыбается он. — Укладчицы парашютов.

Девушки в столовой или в штабе — явление обычное. Но девушки на аэродроме, у самолетов — это ведь не к добру. Такой предрассудок бытует в авиации издавна. А они вот весело, с улыбкой, словно забавляясь, подают мне на крыло парашют. Я мельком взглянул на них и что-то прошипел…

Взлетаем. Комоса почему-то никак не может завести мотор своего самолета. Очевидно, неисправность. А бомбардировщики уже над нами. Ждать, пока взлетит командир и его ведомый, больше нельзя.

В воздухе нас шесть вместо восьми.

Четверка идет выше моей пары, непосредственно прикрывающей СУ-2. В моей группе не хватает пары Комосы. Непредвиденная задержка с вылетом смазывает все договоренности на земле. Радиосвязи нет, вынужденно взятая на себя роль ведущего группы сводится к нулю.

Под нами на запад зигзагообразной лентой тянется Северный

Донец и где-то далеко впереди пропадает в утренней дымке. Моя пара на большой скорости переходит с фланга на фланг группы бомбардировщиков, идущих ниже, впереди, готовая отразить удар «мессершмиттов», если они появятся.

Мы что-то вроде телохранителей. Но это определение чисто внешнее. На самом деле для каждого истребителя, сопровождающего другие самолеты, эта роль исполнена большого смысла и значения. Ты летишь ради того, чтобы СУ-2 поразили цель и невредимыми возвратились домой. Их задача становится твоей задачей. Значит, надо заботиться о том, чтобы подопечные самолеты без потерь вышли на объект, точно ударили. А доверие к нам, истребителям, к нашему боевому мастерству, разве это не обязывает, не приковывает к этим медлительным, нагруженным бомбами самолетам? Там ведь ребята думают об удаче.

Девятка СУ-2 плотной группой идет навстречу опасностям. Летчики, конечно, видят, что высоко над ними вьется четверка ЯКов, а непосредственно возле них только пара. Мне понятно их отношение к моей паре: «Что-то маловато вас, „яшки“, и я стараюсь частой сменой места со своим напарником Бережным — „ножницами“ — демонстрировать „мощь“: будьте, мол, уверены! Немного волнуюсь, давно не летал в бой, отвык от напряжения боевого полета.

Весенние облака. Голубое небо. Зеленый простор внизу. Белые горы Лисичанска. Их сразу фиксирует память. В каждом полете перво-наперво будешь искать глазами этот ориентир.

Дым расползся по берегу Донца. СУ-2 с ходу сбрасывают бомбы на переправы, на войска. С разворота они устремляются домой. Первое звено быстро отрывается. Второе также. Передо мной уже не строй эскадрилий, а то, что мы пренебрежительно называем «колбаса». Вот и прикрой их, если они так растянулись. Каждый из них спешит на свой аэродром.

А «мессершмитты» на высоте поджидали именно этих минут беспечности. Они вывалились из-за облаков несколькими парами. Их восемь, нас шесть. Вступать с истребителями в драку им ни к чему, им цель нужна поважнее. Я понял их тактику с первого захода. Они сразу полезли на отставших бомбардировщиков.

Мы с Бережным бросились «мессершмиттам» наперерез, стреляя в упор. «Мессеры», выйдя из атаки, взмыли к облакам. Один с дымом потянул на запад, сопровождать его отвалил еще один.

Я проводил их взглядом с усмешкой — теперь осталось шесть, и нас тоже столько. Ведь там, под облаками, наша четверка: больше их сюда не пустят, навалятся сейчас. Но, посмотрев вокруг, под облака, я не обнаружил там ЯКов. Где же

они?

В трудную минуту мне не раз приходилось искать тревожным взглядом товарища, как, впрочем, случалось в бою кому-то искать и меня. Но исчезновение нашей четверки из виду сейчас, уход за облака — это глубоко встревожило меня. Бомбардировщики, заметив опасность, растянулись еще больше. «Мессершмитты» снова падают на них с высоты. Не на нашу пару истребителей. Чтобы сбить кого-нибудь из нас, им необходимо повозиться, а одиночный бомбардировщик — верная добыча. Это мы знаем. Потому бросаемся от одного к другому, подставляем свои машины под удар, стреляем — лишь бы сорвать их атаку. Вот один пошел колом в землю, и сразу же «мессершмитты» отвалили, оставили нас в покое. Видимо, жертвой стал ведущий.

Мы с Бережным, проносясь над бомбардировщиками, пересчитываем их, не доверяя своим глазам. Все целы! Как нам удалось защитить их? Трудно самим поверить в это. СУ-2 возвращались домой. Переправы были уже далеко позади. Небо в тихих облаках и голубых проталинах. Земля в майской зелени. А я, чем ближе к аэродрому, тем становился злее.

На войне, оказывается, бывает так же, как и в жизни. Мы с Бережным невероятным напряжением сил защитили бомбардировщиков, а в донесении будет фигурировать шестерка, «надежно прикрывшая»…

Такого прощать нельзя! Сопровождение бомбардировщи ков требует тоже своих твердых правил и законов. Их надо знать и соблюдать. Без этого перебьют их, как куропаток. Уже скрылись вдали белые горы, черные тучи дыма. Но они стоят перед глазами. Они заставляют думать. Там сражение только разгорается. Новые бои потребуют от нас новых подвигов. Четверка уже дома. Летчики все вместе поджидают нас.

— Чего ушли за облака?

Я водил группу, я отвечал за бомбардировщиков. Я имею право спрашивать, переполненный напряжением боя. Старший четверки озирается на своих товарищей. Он, конечно, хочет, чтобы говорили все. Ему нужна поддержка.

— Искали «мессеров».

— И нашли?

— Что-то не попадались.

— А своих бомбардировщиков на обратном пути видели?

— Вы были с ними…

— Да, мы были с ними. А где были вы?!

Нас окружают другие летчики. Комоса тоже подошел. Я приумолк, ожидая его вмешательства. Он не проронил ни слова.

— Мы вдвоем с Бережным не дали врагу сбить ни одного

нашего. А почему мы не видели никого из вас в этой схватке? За облаками спокойнее. Я буду водить группы, — мне пришлось обращать это предупреждение к рядовым летчикам и к комэску тоже. — Со следующего вылета буду водить. Но если впредь кто уйдет со своего места прикрытия, я его сам расстреляю. Отвечу за это, но расстреляю как предателя.

Только это слово, эта угроза могли передать мое возмущение, мое волнение, мою обеспокоенность положением в эскадрилье. Было ясно, что так, как мы летали только что, больше летать нельзя. Я сейчас думал о наземниках, о бомбардировщиках и о себе. Я не собираюсь погибнуть, как придется. Нам надо еще много воевать. Летом сорок первого года мы, необстрелянные, встречали врага на границах с большей яростью и сплоченностью, чем кое-кто встречает его здесь, в глубине нашей территории.

От места, где мы стояли, начинался длинный ряд «Ильюшиных». Я посмотрел на них, и мне стало радостно на душе. Я сказал, что на Пруте и на Днепре у нас не было столько замечательных штурмовиков. Мы должны гордиться тем, что рядом с нашими ЯКами вон сколько их стоит теперь на аэродроме. Не будем терять их, ни одного!

Летчики разошлись к своим самолетам. Комоса сказал:

— Правильно. Действуй. Я сегодня себя что-то очень плохо чувствую. Язва мучает.

В этот же день, в перерыве между вылетами, у нас в эскадрилье состоялся еще один разговор.

Название этому боевому порядку сопровождения штурмовиков и бомбардировщиков родилось здесь же, но сущность его созрела раньше. Он вырос из нашего опыта. «Этажерка»! Да, именно она даст об этом порядке схематическое представление. Внизу бомбардировщики или штурмовики — первая площадка, затем группа непосредственного прикрытия, с превышением пар друг над другом — вторая и выше сковывающая группа. Главный принцип взаимодействия между «этажами» таков: ни при каких обстоятельствах не увеличивать установленное превышение, держаться всем на дальности огня и маневра.

Верно, новое прививалось нелегко, были и срывы. Мне еще пришлось однажды испытать трудные минуты, когда меня оставили мои напарники по группе.

В этом вылете мы сопровождали две девятки ИЛов. Они наносили удар по скоплению танков в лесу около Изюма. При подходе к цели сковывающая группа ЯКов ушла за облака. Мы остались парой с Науменко.

Штурмовики удачно отбомбились ампулами с зажигательной

смесью КС и стали на обратный курс. Я уже облегченно вздохнул: задача успешно выполнена, и «мессершмитты» нам не помешали. И тут они оказались легки на помине. Шесть штук, как осы, устремились на ИЛов. Идя им наперерез, я выбирал, где ведущий. Во что бы то ни стало надо сбить его. В этом спасение и ИЛов и наше. Однако ведущий увертывался от моих атак. Мы с Науменко бросались с одного фланга на другой, отгоняя атакующих и одновременно отбиваясь от наседавшей на нас пары. От жары перегревшегося мотора и нервного напряжения гимнастерка была мокрая от пота и неприятно липла к телу. Казалось, не будет конца этой неравной схватке. Сколько проклятий было высказано в адрес ушедшей четверки ЯКов! Но вот подвернулся удачный момент. Пара «мессеров» пошла в атаку на отставших двух ИЛов, и тут ведущий попал мне в прицел. В упор в левый борт я расстрелял его, и мои расчеты оправдались. Остальные «мессершмитты» сразу же прекратили атаки и отвалили в сторону.

И на этот раз нам повезло: все подопечные, даже без пробоин, пришли домой.

На аэродроме со своими уже давно севшими «коллегами» по группе произошел бурный разговор, который оказался, к счастью, последним.

В налетах на Изюм, Сватово, Старобельск наш полк вместе с бомбардировщиками и ИЛами крепко сколотил новый боевой порядок — «этажерку». И хотя обстановка в небе оставалась напряженной, мы не потеряли ни одного своего «Ильюшина» или СУ-2. В эти дни нашему полку на аэродроме в Славяносербске командующий воздушной армией генерал К. А. Вершинин вручил гвардейское знамя, и мы, стоя на коленях, приняли священную клятву гвардейцев: сражаться за Родину до последнего вздоха.

В нашем новом строю все осмыслено, испытано в деле, мы коллективно отражали нападение «мессеров» на наших подопечных ИЛов. Каждый строго сохранял свое место и действовал по разработанному на земле плану боя. Но вскоре в одном из вылетов именно я оторвался от своей группы. Мы сопровождали 18 ИЛов. Я шел парой с Науменко, в непосредственном прикрытии. Комоса опять не взлетел, нас осталось двое вместо четверых. На высоте четверка МИГов, ведомая Фигичевым, шла с бомбами под крыльями. После окончания штурмовки ИЛов Фигичев тоже спустился со своего верхнего «этажа», чтобы сбросить бомбы. «Мессершмитты», напав в этот момент на нашу группу, застали нас всех в невыгодном положении: у нас не было высоты.

Науменко ринулся на пару «мессершмиттов», устремившихся

к МИГам, которые беспечно пикировали на цель. Я бросился на вторую пару, прорывающуюся к ИЛам. Они были совсем близко от меня. Нужно одного снять, чтобы потом успешно отбиваться от всей группы, да и захотелось добавить к недавно сбитым Ю-88 и МЕ-110 еще одного МЕ-109. Это вдохновило меня на дерзость. Я решил преследовать и догнать «мессеров», шарахнувшихся от меня вверх.

Они пользовались излюбленным приемом — уходили в сторону солнца. Слепящий свет мешал мне видеть серые силуэты, но через несколько секунд заметил, что быстро отстаю. Меня это удивило: ЯК-1 не уступал МЕ-109 в скорости. Вскоре я догадался, что имею дело с «мессерами» новой модификации — МЕ-109ф, о которых нас уже информировали.

Посмотрел вниз. Наших там уже не было. Значит, я остался один с парой грозных врагов. К тому же они находятся со стороны солнца и имеют преимущество в высоте.

Поняв трудность своего положения, я переложил машину на крыло, чтобы уйти к своим. Но оторваться от зависнувших надо мной врагов было не так-то просто. Они быстро догоняли меня.

О помощи нечего было и думать. Приходилось рассчитывать только на себя. Развернувшись навстречу «мессерам», я решил им показать, что бежать не собираюсь и готов сразиться. Но они не приняли лобовой атаки, ушли на высоту и снова повисли надо мной, как занесенный меч.

Что делать? У них преимущество в высоте и скорости. Подо мной земля, занятая врагом. Горючего у меня в обрез — только дойти до аэродрома. Если оно кончится или я в чем-либо допущу просчет, фашисты расстреляют меня, как мишень. Остается один выход — применить хитрость.

Еще ничего не придумав, разворачиваюсь на восток и даю полную скорость, выжимаю из своего ЯКа все, что он может дать. «Мессершмитты» бросаются за мной, как две стрелы, пущенные туго натянутой тетивой лука. Вот они уже на дальности прицельного огня. Я резко перевожу самолет в пикирование. От стремительного падения машина дрожит, в ушах появляется сверлящая боль.

Приотставшие было «мессершмитты» вновь догоняют меня. Я уже чувствую их за спиной, знаю, что ведущий пары вот-вот откроет по мне огонь. И в эти секунды я вспомнил о маневре, который отработал во время полетов на «мессершмитте». Если этот «крючок» подведет меня, придется расплачиваться жизнью.

Резко бросаю самолет на горку и закручиваю спираль. В глазах темно от перегрузки. В верхней точке перевожу машину через крыло на горизонт. И тут происходит как раз то, на что я

рассчитывал. «Мессершмитт», обогнав меня, оказывается впереди, в каких-то пятидесяти метрах, и сам попадает в перекрестие моего прицела. Даю в упор длинную очередь из пушки и пулеметов. «Мессер» на мгновение как бы повисает в прицеле, а затем, перевернувшись, идет к земле. Рядом, чуть не задев меня, проскакивает его ведомый.

Я бросаюсь за ним, но он, видимо, не настроен драться. Что ж, это и меня вполне устраивает. Проследив за взрывом сбитого МЕ-109ф, ухожу за облака и беру курс на восток, домой!

Тревожит, что крайне мало осталось горючего. Если Фигичев не разделался с той парой «мессеров», которая пошла за ИЛами, она на обратном пути может встретиться.

Но радость победы быстро заглушает эту тревогу. А вид белых гор Лисичанска окончательно меня успокаивает. Ведь от них наш аэродром совсем рядом.

Треск пуль об обшивку самолета моментально отрезвляет меня. Быстрым, почти машинальным движением ручки и рулей делаю «бочку» со снижением. Этот маневр я тоже отрабатывал давно, еще зимой. Почему именно сейчас он пришел мне на память, не знаю. Видимо, во мне все время жила готовность его выполнить, и только не было подходящей ситуации. Цель этого маневра — затормозить самолет, чтобы вперед вырвались атакующие.

Надо мной проскакивают два «мессершмитта». Задираю нос ЯКа и вдогон даю длинную очередь по ведомому. «Мессершмитты» резко уходят вверх. Довольно испытывать судьбу. Сваливаю продырявленного ЯКа в облака и, посматривая вокруг, быстро иду на аэродром.

Невольно анализирую свою ошибку. Почему так случилось? Да потому, что мой самолет проецировался на фоне белых облаков, как на экране. А главное — я проявил беспечность. Одержал победу и успокоился.

Вот, наконец, и моя тихая стоянка. Снимаю шлемофон и вижу: один наушник поцарапан пулей. Теперь я был всего на один сантиметр от смерти.

Новый начальник штаба стоит на крыше землянки и в бинокль наблюдает за стоянкой. Он, конечно, видит, как одни летчики осматривают мой шлемофон, а другие считают пробоины в кабине и плоскостях.

Среди собравшихся на стоянке — Фигичев и мой ведомый. Я не сетую на них, они совершенно правы в том, что не оставили ИЛов ради меня. Но и друзья не упрекают меня за горячность, видят, что я и сам недоволен собой, своими стихийными действиями.

Но от расспросов не уйдешь. Каждому интересно узнать, что произошло в воздухе с товарищем.

— Выходит, ты наскочил на ту пару «мессеров», которую я отпугнул от звена Фигичева. Она шла за нами почти до самого аэродрома, — пояснил Науменко.

— Видимо, она, — согласился я.

— Ну, значит, недаром мы с тобой отрабатывали уход из-под огня «бочкой». В Ровеньках начали, а сегодня пригодилось, — напомнил мне Искрин о наших с ним экспериментах.

— Точно. Пригодилось. Крутнул не задумываясь. Поэтому и схватил только полдюжины пробоин.

Нужно идти на КП докладывать и, между прочим, указать место, где упал первый на моем счету «мессершмитт-109ф».

А могло быть и наоборот, что он, летчик с мощного, обновленного «мессера», шел бы в эти минуты с подобным рапортом к своему начальнику. Могло. Но сейчас догорал в нашей степи он!

Выслушав мой рапорт, командир приказал мне срочно выехать в штаб дивизии.

Комдив встретил меня вопросом:

— На «мессершмиттах» летал?

Врать я не мог, а признаваться не хотелось: боялся, что снова заставят экспериментировать. Поэтому ответил неопределенно:

— Совсем немного, товарищ генерал.

— Раз летал — направляйся на знакомый тебе аэродром и пригони машину сюда.

Эпопею с «мессершмиттами» я считал уже оконченной и забытой. А она снова всплыла.

— Разрешите спросить, — обратился я к генералу, — надолго меня привяжете к нему?

— На сколько понадобишься кинооператорам. Это им нужно. Воздушные бои хотят запечатлеть для истории. Будешь имитировать воздушный бой с нашими самолетами.

«Какая же это будет история, — подумал я, — если для нее нужно специально разыгрывать бои? Ведь всего в двух шагах, на фронте, вдоволь настоящих поединков с врагом». Но приказ есть приказ: придется потрудиться для кинооператоров. Искусство, говорят, требует жертв.

Я возвратился на свой аэродром и оттуда вместе с Искриным полетел на УТ-2 в Н.

Когда мы прилетели в назначенный пункт, Искрин пересел из второй кабины в первую и вдруг обнаружил неполадки в моторе. Пришлось задержаться, чтобы их устранить.

А я направился к ангару, возле которого стоял мой старый

знакомый. Мне сразу разрешили забрать МЕ-109 — никому здесь он был не нужен.

По дороге я увидел на аэродроме самолет с красной зигзагообразной стрелой на фюзеляже. Он показался мне знакомым. Кажется, прошлым летом я видел его в полку Маркелова. Только теперь он был изрешечен пулевыми пробоинами.

— Как он сюда попал? — спросил я у техника, хорошо зная, что полк Маркелова базируется намного севернее нас.

— Сам удивляюсь, — ответил техник, продолжая осмотр машины. — И самолету удивляюсь и летчику. После стольких попаданий…

— Летчик ранен?

— Мало сказать — ранен.

— Кто он?

— Какой-то Середа.

— Середа?!

— Вы знаете Середу? Его только что увезли в госпиталь. Какая досада! Если бы я прибыл сюда чуть раньше, повидался бы с другом.

— Кто приготовит «мессершмитт» к вылету? — переменил я тему разговора.

— Если вам разрешили забрать эту бутафорию, тогда я. И с превеликим удовольствием. Мне кажется, я вас здесь уже видел.

— Точнее, в кабине этого «мессершмитта».

— Все понятно, капитан. Идемте.

Мы шли рядом. Я сказал, что с капитаном Середой познакомился еще в прошлом году, когда вместе получали первые ордена. Техник подробно поведал только что услышанное о полете капитана Середы. Его слова относил горячий июньский ветер, и мне надо было почти прислоняться к плечу спутника, чтобы ничего не пропустить. Судьба летчика и что-то большее — обстановка на фронте — заставляли слушать, волноваться.

Где-то севернее Миллерова Середа искал наши танки, потерявшие связь со штабом. Большую группу танков. Своих! Никто ничего не знал о них после того, как штабу стало известно, что они остались там, за Миллеровом, без горючего. Предполагалось, что они окопались и вели бои, как артиллерия. Середа облетел, осмотрел весь заданный район, но танков не обнаружил. Он уже решил идти домой, как увидел на дороге небольшую колонну солдат. Это были наши пехотинцы, и шли они по направлению от фронта на Миллерово. Не мог Середа возвратиться домой, не добыв сведений о танках, не выполнив приказа. И он, выбрав ровное поле, сел на своем истребителе

возле колонны. Он обрадовался, увидев наших солдат. Они остановились, но никто не подходил. Почему они все безоружны?

Середа, не выключая мотора, выскочил из кабины и остановился около крыла. Обстановка показалась ему подозрительной, и он не решился отходить от самолета. Отсюда стал подзывать к себе солдат. Один из них подошел к нему. Наш, но почему он без петлиц на гимнастерке и без ремня?

— Танков здесь не видели?

— Каких танков?

— Наших, конечно.

— Нет, не видели.

— Откуда идете?

— Нас ведут… в плен. За колонной спрятались немцы.

— У, гад! — воскликнул Середа. — Почему же не сказал сразу!

Пока он залезал в кабину, по нему успели выпустить несколько очередей немецкие автоматчики, сопровождавшие колонну военнопленных. Один из них подбежал очень близко, разряжая свой автомат. Середа рывком дал газ, резко развернул самолет, свалил несколько немцев крылом, струёй воздуха. Разбежался, взлетел. Был тяжело ранен. Терял сознание. Еле удерживал ручку управления. Наверное, по этой причине полетел прямо на юг, к морю. Залетел к немцам. Уже от Таганрога взял правильное направление и приземлился здесь.

В санчасти, куда доставили Середу, летчик прежде всего попросил сообщить в полк о прорыве нашего фронта. Его рассказ молниеносно облетел весь аэродром. Так он дошел и до меня.

Слушая этот рассказ, я представлял, что происходит теперь под Миллеровом, мысленно видел колонну военнопленных… Трудно было понять наше положение, если оно привело к такой сдаче в плен. Но меня возмущало поведение того солдата, который не мог сразу сказать летчику, чтобы немедленно взлетал. Неужели он посчитал, что истребитель умышленно сел за линией фронта?

Мы остановились у «мессершмитта», в тени ангара. Техник бегло осмотрел его.

— Гоните его, капитан, куда вам угодно, — сказал он, вытирая руки.

Я запустил мотор, опробовал и вырулил на старт. Взлетел. Мотор вдруг начал барахлить, а через несколько секунд совсем остановился. Я еле дотянул до аэродрома. Садился при сильном боковом ветре. Чтобы не наскочить на другие самолеты, вынужден был развернуться. Одна «нога» подломилась, и машина, резко крутнувшись, свалилась на крыло.

В этот момент я почему-то подумал не о сломанном «мессершмитте», а об УТ-2. Увидев, что Искрин еще не взлетел, я вылез из кабины и махнул ему. Он подрулил ко мне. Бросив «мессера», я вскочил в УТ-2, и мы улетели.

Возвращаясь в полк, я не жалел, что попавший в наши руки «мессершмитт» стал металлоломом и что кинооператоры не оставят для истории разыгранных над аэродромом воздушных боев.

На следующее утро я с группой ЯКов вылетел сопровождать СУ-2 на бомбежку вражеских войск. Странная сложилась ситуация: мы летели на запад, а с севера, окружая нас, наступали немецкие части.

Снова один самолет из нашей шестерки остался на аэродроме: на разбеге отказал мотор. Такие случаи за последнее время участились из-за того, что машины были старые, изношенные.

С боевого задания я возвращался в прескверном настроении. Перед глазами стояли только что виденные неприятные картины. Степные дороги за Миллеровом были буквально забиты вражескими войсками. Чувствовалось, что на этом участке противник сосредоточил большие силы. Танки его находились уже у нас в тылу. Гитлеровцы по-прежнему господствовали в воздухе. Опять приходилось воевать на нервах и крови.

При подходе к аэродрому я заметил, что не взлетевший утром самолет так и стоит на краю поля. Через него надо было заходить на посадку. Молодой летчик сержант Голубев, ослепленный солнцем, допустил ошибку в расчете и задел за винт неисправного истребителя. Его машина, разваливаясь на куски, загорелась. Жутко было видеть, как нелепо гибнет боевой товарищ.

Приземлившись, я сразу же спросил, что с Голубевым.

— Живой! — радостно ответил техник.

— Неужели жив? — не мог я скрыть своего удивления.

— Повезли в санчасть.

Я взглянул в сторону КП и увидел на крыше землянки начальника штаба и штурмана полка. Они спокойно наблюдали в бинокль, как догорают обломки самолета. Меня это взбесило. Ведь и они виноваты в том, что произошло. Почему они не распорядились убрать неисправный самолет?

— Почему не освободили взлетно-посадочную полосу? — спросил я, подходя к ним.

Мой тон показался штурману Краеву недозволенным.

— Что? — нахмурился он, поворачиваясь ко мне. — Как ты смеешь задавать такие вопросы?!

— Смею! При посадке против солнца любой мог допустить ошибку в расчете.

— Солнце, говоришь, слепит? Тоже мне защитник нашелся! Ну, ничего, вот посидит на «губе», тогда лучше станет видеть.

— Да вы что? — вскипел я. — Человек чисто случайно остался живым, а вы его наказываете! Не мешало бы кого-то другого посадить на «губу» за нераспорядительность!

Узнав, что Голубева действительно отвели на гауптвахту, я не пошел к себе в землянку и стал ожидать возвращения командира полка. Его вызвали в штаб дивизии. Я встретил Иванова первым, когда он прилетел. Виктор Петрович тоже возмутился, услышав об аресте Голубева. Он вызвал Краева и строго сказал:

— Идите на гауптвахту и дайте команду освободить Голубева!

— Есть, — уныло ответил штурман, косо взглянув в мою сторону.

Я не стал слушать продолжения разговора и ушел с КП. А про себя подумал: «Будет мне еще за это заступничество».

Девятый вал войны относит нас все дальше на восток. Мы оказались на одном из главных направлений наступления фашистской армии. Воюем, теряя людей и машины, не получая ни одного нового самолета.

Стоят самые длинные дни и самые короткие ночи… Днем на нас не просыхают мокрые от пота гимнастерки, усталость валит с ног, ночью мешает отдохнуть духота.

Нередко взлетаем с одного аэродрома, а возвращаемся на другой.

Отходим на юг. Вражеские войска, прорвав нашу оборону под Харьковом, продвигаются на Сталинград и Кубань.

У немцев здесь более тысячи самолетов, в том числе много новых истребителей МЕ-109ф и МЕ-110.

Недавно наш аэродром находился рядом с заводом. Завод работал. Дым труб смешивался с пылью, которую поднимали взлетающие ЯКи. Снова перебазировались на новое место. Самолетов на стоянках собралось много, но большинство из них неисправные. Теснота, жара, пыль. В небе непрерывно гудят «юнкерсы» и «мессершмитты». Они налетают большими группами, бьют в основном по переправам через реку, где скопилось не столько войск, сколько беженцев.

Мирные жители спешат на юг, в города и станицы Кубани. Все надеются, что за Доном наши, наконец, соберутся с силами и ударят по врагу. Недавно они точно так же рассчитывали на Днестр и Днепр.

Нам тоже здесь нельзя долго задерживаться: немцы уже

подошли к Ростову. Полк должен перебазироваться в одну из станиц, а группа ЯКов и МИГов, у которых на исходе моторесурсы, полетит еще дальше, куда-то к Ставрополю. Там эти самолеты будут сданы в мастерские. Для летчиков, которые погонят в тыл старую технику, уже сегодня наступит отдых. Неизвестно, когда они возвратятся в полк на новых машинах.

Первой поднялась в воздух эскадрилья Фигичева, за ней — группа Комосы. Мы провожаем их взглядами, изредка переговариваясь между собой. Когда они скрылись за горизонтом, все сразу смолкли и задумались. Да и есть о чем подумать. Здесь остались всего две восьмерки — наша и Крюкова. Трудно нам будет. Весь Южный фронт насчитывает менее сотни самолетов против тысячи немецких.

Вскоре мы вылетели на штурмовку вражеских войск, переправившихся через Дон восточнее Ростова, у станицы Семикаракоровской. Но до цели дойти не удалось. На пути встретилась группа бомбардировщиков Ю-88, которые в сопровождении «мессеров» шли бомбить наши переправы через Дон у станицы Аксайской. Израсходовав в бою с противником боеприпасы, мы, к большому неудовольствию начальника штаба, возвратились домой. Пришлось повторить вылет.

С каждым днем брешь, образовавшаяся в нашей обороне, угрожающе расширялась. Теперь из-под Ростова летали восточнее, штурмовать немецкие танки, форсировавшие Дон и нависшие над тылом Южного фронта.

По ночам немцы бомбят наш аэродром. Редко когда удается сомкнуть глаза.

На одном из аэродромов, где мы приземлились, уже сидел полк, недавно пришедший из тыла. У него было достаточно самолетов, но не хватало опытных летчиков. Мне приказали вести на штурмовку группу молодых пилотов этого полка.

Вылетели на Маныч, где в районе Веселое переправлялись немцы. Молодые летчики, несмотря на мои указания, жмутся ко мне, в строю идут неровно, неуверенно. Все держатся одной высоты.

После штурмовки, только мы отошли от Маныча, я увидел догоняющую нас четверку «мессершмиттов». Дав группе команду вступить в бой, я пошел в направлении противника. Оглянулся — вижу, мои напарники, еще больше сомкнувшись, на полном газу жмут домой.

«Мессершмитты», не обращая на меня внимания, бросились в атаку на уходящую пятерку. Стреляя в упор по врагам, в одной из своих атак я удачно прошил «мессера». Оставшаяся тройка, оставив удирающую пятерку ЯКов, накинулась на меня. Мне

пришлось туго. Долго гонялись за мной «мессершмитты», но, видимо убедившись, что за сбитого им отомстить не удастся, отстали и ушли на север.

Моя группа уже сидела на аэродроме. За нашими молодыми такого организованного бегства я не наблюдал. Что здесь имело значение — их воспитание или то, что я «чужой» ведущий? Я явился к командиру полка и сказал, что больше с его летчиками в бой не пойду. Он принял мой отказ, выразив сожаление. Раздумывая над этим фактом, я еще выше оценил нашу работу в полку по воспитанию и вводу в бой молодых летчиков. Надо нашими пополненцами дорожить.

Прошло несколько дней, а от Фигичева и Комосы не поступило никаких вестей. Виктор Петрович встревожился и решил сам лететь по их следам. Вечером он вылетел, а утром нам сообщили, что его положили в госпиталь. На одном из аэродромов он при запуске УТ-2 сильно повредил себе руку.

Все летчики сильно переживали, узнав, что Иванов может совсем не вернуться в полк. Теперь каждый из нас еще глубже осознал, кем был для нашего коллектива этот замечательный человек. Враг давил на нас численным превосходством. Непрерывное отступление без надежды на скорую стабилизацию фронта угнетало до предела. Но и в этих условиях наши летчики сохраняли высокие боевые качества. Постоянную моральную поддержку мы находили прежде всего у командира и комиссара.

Однажды утром, до получения боевой задачи, начальник штаба зачитал нам приказ о назначении майора Краева командиром нашего гвардейского истребительного полка. Лично меня очень удивила эта новость. Среди летчиков Краев не пользовался авторитетом. По своим деловым качествам и летной подготовке он явно не подходил для столь высокого поста. К тому же он становился командиром полка в очень трудное для нас время. Кажется, и сам Краев понимал, как тяжело ему придется. В полку осталось всего пятнадцать летчиков и полтора десятка потрепанных в боях ЯКов.

Честно говоря, меня тревожили и личные взаимоотношения с Краевым. Недружелюбие с его стороны я почувствовал во время первого же построения.

Глядя в мою сторону, он сказал:

— Итак, с сегодняшнего дня я ваш командир. Я наведу порядки. Выбью из вас ивановские привычки. Меня возмутили эти слова.

— Зачем так говорить об Иванове? — не сдержался я. — Командовал он как следует, с ним полк стал гвардейским.

Краев не ответил на эту реплику, но, поняв, что сказал

лишнее, продолжил разговор с нами уже другим тоном.

После построения ребята стали упрекать меня:

— Зачем задеваешь его?

— Теперь держись.

— Не терплю несправедливости!

— Новая метла… известно.

— Не в этом дело. Нападая на Иванова, он осуждает и всех нас. А за что?

Кубань пылала в огне. На кубанскую землю, по которой проходили дороги на Грозный, Майкоп, Баку и Сочи, гитлеровцы бросили огромное количество войск и боевой техники. На каждый наш танк приходилось девять вражеских, на каждый самолет — десять.

Фашисты шли за нами по пятам. Мы то и дело меняли аэродромы.

Сегодня перебазировались еще южнее. Отсюда уже видны Кавказские горы. Аэродром пустой. Батальон обеспечения, техники где-то движутся по дорогам. Горючего нет. Но отдохнуть не пришлось. Едва мы затащили самолеты в капониры, как в небе показалась девятка «юнкерсов».

Где-то неподалеку от нас располагался истребительный полк ПВО. Можно было рассчитывать на помощь соседей. А в ней мы очень нуждались: горючего осталось мало, боеприпасы тоже почти все растратили при штурмовке. Однако как можно было бездействовать, когда на город летят вражеские бомбардировщики?

Наше появление в воздухе для немцев было неожиданностью. Они привыкли хозяйничать здесь безнаказанно. Дерзкими атаками мы рассеяли противника, заставили его сбросить бомбы где попало. На аэродром возвращались без снарядов и на последних каплях горючего.

Командир полка, приехавший на грузовике вместе со штабом, одобрил наши самостоятельные действия. Когда мы беседовали около автомашин, к нам подошел старик пастух и стал с любопытством нас рассматривать. Кто-то по-военному строго спросил, что ему здесь надо. Старик засуетился, вспомнив об оставленном стаде, но мешкал, не уходил. Наконец он осмелел и, сняв соломенную шляпу с седой головы, сказал:

— Сыночки, значит, вы заградите небо от басурманов? Теперь мы посмотрели на него с любопытством.

— А что, дедушка, они часто сюда летают? — спросил я,

— А то как же. Житья от них нету, окаянных. Каждое утро рвут бомбами и палят наш город.

— Каждое утро?

— Без прогула, сыночек, налетают.

Если бы пастух был опытным человеком, он бы без труда определил по нашему виду и по количеству расположенных на аэродроме самолетов, как мы устали и как мало у нас сил для того, чтобы «заградить небо». Но он был стар, чтобы самому это понять, а нам было незачем откровенничать с пастухом и лишать его надежды.

— Хорошо, дед, мы их отучим! — сказал за всех Федоров.

— Если бы, если бы, родненькие. Проучите их. А то ведь вон куда уже забрались, душегубы!

Старик надел шляпу и засеменил к стаду. Мы молча смотрели ему вслед.

Из землянки КП вышел майор Краев.

— О чем толкуете? — спросил он.

— Старик рассказывает, что немцы каждое утро налетают на город, — ответил я. — Вот бы утречком подняться им навстречу.

— Это не наше дело. На это есть истребители ПВО. Им виднее, где и кого перехватывать. А для нас и на фронте работы много.

По лицам ребят я понял, что они не разделяют мнения своего самоуверенного командира. Если фашисты будут каждый день налетать на городок, то и нам не видеть покоя.

Когда мы через некоторое время поехали в столовую на ужин, я потихоньку сказал ребятам нашей эскадрильи: «Сегодня ночуем на аэродроме». Я решил оставить эскадрилью на ночь у самолетов. Во-первых, завтра утром мы не будем связаны с машиной, которая возит нас на аэродром. А во-вторых, если мы приедем сюда вместе с Краевым, он не позволит нам лететь на перехват «юнкерсов». Летчики с радостью согласились. Их тоже увлекла мысль о внезапном нападении на вражеских бомбардировщиков.

Ночевали мы в лесополосе. Перед рассветом я разбудил товарищей. Решили, что двое будут дежурить, а трое могут еще немного подремать под крыльями своих машин.

Рассвело. Сидеть в кабине было тяжело — ныла спина. Я вылез из самолета и, не снимая парашюта, лег на крыло.

— Летят! — вдруг закричал Чувашкин.

Я вскочил в кабину, запустил мотор и повел машину на взлет. За мной стартовали Бережной и Науменко, чуть позже — пара Федорова.

Поднявшись в воздух, я увидел, что девятка Ю-88 в сопровождении десяти МЕ-110 держит курс на аэродром ПВО и на город. За первой группой шла вторая — пятнадцать самолетов МЕ-110. Увидев, как взлетают ЯКи, эти фашисты повернули на

наш аэродром. Мы с ходу атаковали первых налетчиков, поскольку они находились ближе к своей цели.

Наши летчики не щадили себя в бою, забыв о превосходстве противника. На земле взрывались беспорядочно сброшенные фашистами бомбы и сбитые немецкие самолеты. Внезапность нападения и смелость атак позволили нам добиться успеха. Мы не допустили к городу «юнкерсов» и преследовали их, пока было чем стрелять.

Федоров своей парой встретил вторую группу вражеских самолетов на подступах к нашему аэродрому. Нескольким «мессерам» удалось прорваться к цели, но сброшенные ими бомбы упали на пустые капониры.

В этом бою мы сбили пять вражеских самолетов. У нас же пострадала только одна машина, которая оставалась на земле и была «раздета» взрывной волной.

Едва мы успели возвратиться на аэродром и расставить самолеты по укрытиям, как к командному пункту один за другим подъехали два легковых автомобиля. «Газик» командира полка мы сразу узнали. А кто же подкатил на «эмке»? «Ну, наделали шуму, — подумал я. — Влетит мне от Краева за самовольство».

У КП нас встретили командир дивизии Шевченко, комиссар Мачнев и майор Краев. Оказывается, комдив приехал дать кое-кому нагоняй за то, что полк не поднялся навстречу «юнкерсам». Находившихся в воздухе ЯКов он принял за самолеты ПВО. Увидев теперь на нашем аэродроме воронки от бомб, генерал сразу же набросился на Краева:

— Вы что, прилетели сюда отсиживаться?

Вся наша группа выстроилась перед начальниками. Я доложил командиру полка о боевом вылете и о сбитых самолетах.

— Так это же мои дрались, товарищ генерал! — обрадовался Краев. — Мои, а не из полка ПВО. Те даже не взлетали.

Вскоре на аэродром позвонил командующий армией генерал Вершинин. Всех, кто отличился в этом вылете, он приказал представить к награде.

В последующие дни вражеские самолеты не появлялись в районе нашего аэродрома.

Примерно на неделю мы обеспечили себе относительное спокойствие. Но фронт продолжал отодвигаться на восток, и нам тоже пришлось искать новое место. Теперь летчики даже на время перелета не решались расставаться со своими техниками. Правда, перевозили они их за бронеспинкой сиденья, где человек вынужден был скрючиваться буквально в клубок. Но техники считают, что лучше добираться до нового места так, чем тащиться на грузовике, который может застрять в дороге.

И вот нас приняла еще одна станица на пути нашего отступления. Аэродром начинался прямо за полотном железной дороги. При первом же заходе на посадку мне запомнилась аккуратная белая будка стрелочника.

…Тяжелые бои продолжаются. Летаем на штурмовку вражеских войск в районы Сальска, Тихорецкой и переправ через Маныч. Над дорогами восточное Сальска с утра до вечера висят темно-серые облака пыли, поднятые немецкими танками и автомашинами, идущими к Волге. Такие же полосы, как траурные повязки на родной земле, тянутся к Ставрополю. Вдали последним барьером высятся горы Кавказского хребта. Куда же отступать дальше? Некуда!

Никто из нас не считает, сколько раз вылетает в течение суток на боевое задание. Каждый заботится прежде всего о том, чтобы не потерять самолет: другого никто не даст.

Летчики нашей эскадрильи летают много и очень устают. Карту не вынимаешь из планшета. Надо только зарядить самолет горючим, боекомплектом, а самому напиться воды. Жажда одолевает. Вода здесь же у самолета, в котелке техника. Она теплая, такая же, как и воздух. На зубах трещат песчинки. Воздух днем и ночью серый от пыли. Лишь когда поднимешься на тысячу метров над землей, увидишь небо чистым. Брились летчики только вечером. Утром прихорашивать себя — это считалось не к добру. При свете домашней лампы или коптилки из гильзы вглядывался в чудом сохранившийся кусок зеркала и скоблил с опаской свое худое лицо. Когда смотришь на украинских хлопцев Бережного и Вербицкого, на русских ребят — Федорова, Искрина, Мочалова и Козлова, бросаются в глаза их старенькое, выгоревшее на солнце обмундирование, худые, почерневшие от солнца и пыли лица. Да, много они пережили в эти горестные дни отступления. И кто знает, какие им еще предстоят испытания.

Особенно нравится мне своим мужеством хрупкий восемнадцатилетний Николай Островский. Он прибыл из училища недавно, но уже хорошо проявил себя: неудержимо рвется в бой, дерется смело и расчетливо.

В последнее время Островский стал почему-то угрюмым. Я поинтересовался, чем вызвана такая перемена в его настроении. Оказалось, что Островский никак не дождется ответа на свои письма, хотя его родная подмосковная деревня освобождена от фашистов уже несколько месяцев назад. Мы хорошо понимаем душевное состояние молодого летчика и стараемся всячески его ободрить.

Когда я смотрю на русоволосого крепкого Сашу Мочалова, мне вспоминается его однофамилец, пропавший без вести в

начале войны. Я хорошо помню этот последний для него вылет на боевое задание. Мы вместе ходили на штурмовку за Днестр. Над целью его самолет подбили вражеские зенитки. Он развернулся на обратный курс. Но в нескольких километрах от реки, уже над расположением наших войск, мотор его машины сдал, и он совершил вынужденную посадку в поле. Я видел, как он, посматривая вверх, ходил вокруг своего самолета. Решил сесть где-нибудь рядом с ним, забрать его и улететь. Но где приземлиться? Прямо на пшеничном поле — опасно: колосья могут забить радиатор, мотор перегреется и выйдет из строя. Можно угодить и в яму. Я сделал несколько кругов, ища подходящую полянку. Мочалов тем временем выбрался на дорогу, которая вела к деревне. Как только я начал снижаться, он взмахами рук просигналил мне не садиться здесь и лететь на восток. Убедившись еще раз, что в селе, к которому шел летчик, стоят наши, я полетел домой.

Но Мочалов в часть не возвратился. Что с ним случилось, где он теперь — не знаю. До сих пор не могу простить себе, что не сел тогда и не вывез его.

Два Александра Мочалова… Смотрю на одного и вспоминаю другого, заново осмысливаю ту ситуацию, строю различные догадки, но определенных ответов на волнующие меня вопросы не нахожу.

Очень взволновал меня и недавний случай с Паскеевым. В воздушном бою его машину подожгли, и он в критический момент выбросился с парашютом. Мы хорошо помнили, как когда-то, при налете «юнкерсов» на аэродром в Бельцах, этот летчик, забыв обо всем, бросился к речке и залез по шею в воду. Товарищи долго смеялись над ним. Но «болезнь» Паскеева со временем прошла. Он не раз летал на разведку, успешно провел не один воздушный бой. Вот и в последнем поединке с врагом он действовал очень смело.

Паскеева подобрали и привезли на аэродром колхозники. Он сильно обгорел, но не стонал, лежал спокойно в кузове автомашины. Его сразу же увезли в госпиталь.

Да, возмужала молодежь, закалилась в огне войны и воюет, не жалея сил. Но случай с Паскеевым навел меня на другую мысль: если молодые летчики будут и дальше летать с такой нагрузкой, мы скоро начнем терять их. Переутомление притупляет внимание, ухудшает реакцию в воздушном бою.

И тут снова я подумал: почему же так долго не возвращаются в полк наши старые летчики, погнавшие самолеты в мастерские? Пора бы им приехать и подменить молодежь, не знающую отдыха.

Свои мысли я высказал командиру полка. Он, как ни странно,

сразу согласился со мной и поручил лично мне начать поиски эскадрильи Фигичева и группы Комосы. Я не стал возражать и в назначенный день после боевых вылетов собрался в далекий путь. Пока я шел к У-2, выделенному штабом дивизии в мое распоряжение, мне надавали десятки поручений.

Первой атаковала меня Валя.

— Вы летите туда… к нашим? — взволнованно заговорила она.

— Собираюсь. Найду ли?

— Найдете. Вчера техник приезжал. Они были в Ставрополе.

— Вчера — не сегодня. Что передать, Валюша?

— Пусть возвращается в полк.

— Это первое. Понятно.

— Он даже не захватил с собой второй майки. Если бы взяли узелок… Я сбегаю, принесу…

— В тылу небось находится. Купит, Валюша. В общем вместо сухарей лучше передай ему поцелуй. Согласен доставить.

Через несколько минут У-2 понес меня к Ставрополю. Летел я не в первой, а во второй кабине, в качестве пассажира.

Прижимаясь к земле и используя для маскировки балки, чтобы не попасться на глаза какому-нибудь шальному «мессеру», мы приближались к конечному пункту маршрута. Я посмотрел вниз и насторожился, увидев окопы с солдатами и пушки, нацеленные на город.

Город горел. Мы обошли его с юга и выскочили на аэродром. На нем сиротливо стоял всего один МИГ, окрашенный в желтый цвет, и чернели останки сгоревших автомашин. Садиться было опасно, но как иначе узнаешь, куда улетела группа Фигичева?

Пилот, нервничая, посадил У-2 с высокого выравнивания. Самолет с хрустом плюхнулся на землю и свалился на правое крыло. Выскочив из кабины, мы бросились его осматривать. Болт крепления подкоса шасси оказался сломанным.

— Как же теперь взлетать? — взялся за голову летчик.

— Не отчаивайся. Сейчас, может быть, техников найдем. Но найти никого не удалось. Я подумал: а что, если завести брошенный здесь истребитель? И только залез в кабину, как увидел бегущего летчика У-2. Он возбужденно размахивал руками. Пришлось оставить машину и пойти ему навстречу.

— Надо быстрее улетать. В городе немцы.

— Что же будем делать? — спросил я.

— Немедленно ремонтировать У-2. Бросай эту рухлядь. Мы нашли какие-то ящики, подняли на них плечами крыло У-2 и принялись за ремонт. Нашли кусок толстой проволоки, продели ее в отверстие вместо сломанного болта и закрутили. Когда

закончили работу, уже наступили сумерки.

— Проверните винт! — сказал пилот и торопливо полез в кабину.

Я стоял на земле. Мысль о МИГе не покидала меня.

— Сейчас подожгу его, тогда полетим.

Я решил прострелить из пистолета бензобак и бросить под струю бензина горящую спичку. Мой напарник согласился подождать.

Когда я подбежал к МИГу, мне вдруг стало жалко его «расстреливать». Может, он исправен и на нем можно взлететь? Проверил — все есть: вода, бензин, воздух для запуска, аккумуляторы. Нет, такой самолет уничтожать не резон.

Возвратился и сказал пилоту У-2:

— Буду запускать МИГ! Если взлечу, сделаю круг и покачаю крыльями, тогда взлетай и ты.

Что было в эти минуты на душе у моего спутника — не знаю, но он согласился со мной.

Я положил на сиденье сена, чехлы, поскольку не было парашюта, и завел мотор. Работал он отлично. Прогазовал разок-другой на больших оборотах и пошел на взлет.

В воздухе заметил, что шасси самолета не убираются. Так лететь рискованно. Мотор может перегреться и заклиниться, а выбрать место для посадки будет уже трудно: быстро темнело. Решил сесть и сжечь самолет.

Только начал планировать, вижу: У-2 уже пошел на взлет. Оставалось одно: лететь, даже если мотор перегреется, но непременно на свой уже хорошо знакомый аэродром. Только там можно рассчитывать на благополучное приземление.

Сразу вспомнилась белая будка стрелочника. Чтобы выйти на «Т» в темноте, надо придерживаться этого ориентира.

Я потуже затянул плечевые ремни: при неудачной посадке не выбросит из кабины.

По железной дороге вышел к станции. Она уже погрузилась в темноту. Но белую будку я сразу отыскал. Зашел на посадку. Стартер дал зеленую ракету — садиться можно. Планирую. Проскочил будку. Вот бы теперь стартер осветил «Т». Вторая ракета появилась, но… красная. А я уже был у самой земли и не мог вывести самолет из планирования. Легкий удар, машина катится. Но взлетает новая запретная ракета, предупреждая об опасности, притаившейся впереди. Я даю полное торможение. Самолет, виляя, норовит опрокинуться на нос.

В свете фары прямо перед собой вижу истребитель. Еще торможу. Машина останавливается буквально носом к носу с каким-то И-16. Что такое? Ведь на этом аэродроме, не было ни

одного «ишачка».

Подбегают испуганные незнакомые техники. Спрашиваю, откуда взялись здесь И-16. Оказывается, за мое отсутствие на наш аэродром перебазировался полк Маркелова, который находился вблизи того города, куда я летал. Эти летчики и привезли весть о том, что еще вчера туда нагрянули немцы.

Когда я появился в столовой своего полка, там очень удивились. Меня уже считали пропавшим. Пошли расспросы:

— На чем прилетел?

— На МИГе.

— Нашего полка?

— Нет.

— А где наши?

— Не знаю. Сам еле вырвался оттуда.

Я был очень доволен тем, что угнал самолет из-под носа у гитлеровцев. У-2 приземлился через час. Пилот рассказал, что, ожидая моего сигнала, заметил, как из леса выехала группа немецких мотоциклистов. Потому и пошел на взлет, хотел предостеречь, чтобы я не садился.

Через два дня мы вынуждены были переменить аэродром. Сели неподалеку от станции, где кончалась железнодорожная ветка. Дальше на восток населенные пункты встречались очень редко. Дорога на Баку проходила значительно южнее.

Так через год мы отступили к берегу другого нашего моря. Тяжело и горько было сознавать это. А главное — МНОАІА оставалось непонятным. Почему наши войска продолжают отходить на восток? Почему мы по-прежнему ведем бои на потрепанных машинах? Когда же на помощь нам придут свежие полки, оснащенные новой техникой?

При перебазировании я оказался в затруднительном положении. Мне пришлось перегонять два самолета: ни одного лишнего летчика у нас не было. Перебросив на новое место ЯК, я вернулся с другим летчиком на У-2 за МИГом. Встретил нас мой техник, усталый и голодный. Ночевал он возле самолета и уже сутки ничего не брал в рот.

Проводив взглядом улетевший обратно У-2, Чувашкин вздохнул и унылым голосом сказал:

— И зачем вы, товарищ капитан, приволокли этого пегого на мою и свою голову?

— Что, не нравится самолет?

— Ну, как мы его запустим?

— Сложно?

— Его же нельзя зарядить сжатым воздухом.

— Почему?

— Об этом надо спросить конструкторов, товарищ капитан. Переходник от ЯКа совершенно не подходит к МИГу.

— Значит, каждый конструктор действует по своему усмотрению, не задумываясь о том, что это даст на практике?

— Выходит, так.

Мы начинаем возиться у баллона: как его присоединить, чем скрепить воздушную трубку с самолетом, чтобы воздух провернул мотор? Долго мучились и, наконец, мотор запустили. Чувашкин торопится занять свое место — за бронеспинкой моей кабины. Он и я рады. Радуемся своей маленькой победе, мы летим, мы не оставили самолет на аэродроме, который скоро займут немецкие войска. В конце концов этот самолет где-то отремонтируют и он станет боевой силой.

12. Край войны

Дни стояли жаркие, дул палящий ветер, но чувствовалось, что лето уже на исходе. Хотя мы, фронтовики, отступая по кубанской земле, почти не воспринимали примет времени и местности. Замечали, казалось, только горы. Одни горы! Полк перебрался теперь в самое предгорье. Там, дальше, среди скал, негде ни посадить машину, ни взлететь.

— Куда же дальше?

Ответа не было. Мы его ни от кого и не ждали. На последних самолетах ежедневно летали сопровождать бомбардировщиков. Сбрасывали тяжелые фугаски на вражеские колонны, продвигавшиеся к Грозному. Работали мы очень дружно, но не обходилось и без конфликтов.

Однажды наша шестерка сопровождала группу ПЕ-2. Ее ведущий обнаружил лишь небольшую колонну автомашин противника. И все-таки он сбросил свои бомбы. За ним отбомбились и другие. Я недоумевал: ведь если пролететь над этой дорогой дальше, наверняка можно найти более важную цель. Зачем же так неразумно тратить время и боеприпасы? Вот она, слепая исполнительность! Никакой инициативы!

Отбомбившись, «пешки» развернулись на обратный курс. Только один из всей группы бомбардировщиков продолжал полет по прямой. Я понял намерение командира этого экипажа и повел всю шестерку за ним. Мы, истребители, готовы были умереть за этого смельчака.

Вскоре мы увидели на дороге настоящую лавину немецких танков и автомашин. Несмотря на зенитный обстрел, ПЕ-2 прорвался к цели и, спикировав, точно послал все свои бомбы в самую гущу колонны. На дороге выросли фонтаны огня и дыма. Мы с радостью наблюдали эту картину. Один смелый и инициативный экипаж нанес врагу урон больший, чем вся группа. На обратном маршруте мы сопровождали бомбардировщик, как на параде. И он вполне заслуживал такой чести.

При возвращении домой забарахлила машина моего ведомого Науменко: из патрубков стали выбиваться длинные языки пламени. Явление понятное: разрегулировался карбюратор. В воздухе устранить эту неисправность невозможно, и я решил сесть со своим ведомым на самом ближайшем аэродроме.

Приземлившись, мы отрулили самолеты в сторону от взлетной полосы и приступили к ремонту. Едва успели разложить инструменты, как подъехала «эмка». Из нее вышел молоденький подтянутый лейтенант.

— Я адъютант командира полка майора Дзусова, — представился он. — Вам приказано немедленно рассредоточить машины.

— Мы быстренько отремонтируем и улетим.

— Комполка приказал…

— Понятно, лейтенант. Приказывать мы все умеем. Адъютант уехал. Мы занялись мотором. Но через несколько минут лейтенант снова вернулся к нам.

— Командир полка Дзусов приказал сейчас же рассредоточить машины. Если нужно, мы растащим их на буксире.

— Убирай инструменты, — сказал я Науменко. — Я полечу на твоем самолете, ты садись в мой.

Взлетели. Опять появился хвост пламени. Удлиняясь, он угрожающе тянулся к стабилизатору. Кое-как мне все-таки удалось довести самолет до своего аэродрома и посадить…

На второй день я, возвратившись со штурмовки, увидел на нашем аэродроме много незнакомых самолетов. Два из них стояли посреди летного поля с подломанными шасси.

— Чьи? — спросил я у Чувашкина.

— Сел полк Дзусова.

— Ничего себе аккуратность! — заметил Науменко.

— Да, — согласился я с ним. — Недурно бы сейчас увидеть адъютанта и его командира…

— Зачем они вам? Конец всем хлопотам — с радостью в голосе возразил Чувашкин.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Уходим на отдых. Уже идет передача самолетов полку Дзусова.

Сообщение техника поразило меня. Мной овладело какое-то странное чувство. Было и радостно оттого, что на время сброшена с плеч тяжелая ноша войны, и грустно при мысли, что завтра ты уже будешь лишен возможности стрелять по наглому врагу, загнавшему нас сюда, в черную степь.

Значит, уже не мы, а другие остановят вражеские полчища. А кто будет мстить за смерть боевых друзей?

У землянки командного пункта было многолюдно. Завидев нас, собравшиеся там летчики и техники кричали, чтобы мы шли скорее. Там, оказывается, начиналось пиршество не хуже запорожского. Техник Лоенко стоял возле бочки и разливал по кружкам кавказское вино. То и дело раздавались тосты:

— За победу!

— За жизнь!

Неподалеку от КП собирались подчиненные Дзусова.

Очевидно, они завидовали нашим ребятам.

Но вот звучит команда всем летчикам построиться. Перед общим строем двух полков появляются Краев и Дзусов. Наш командир зачитывает приказ о передаче самолетов. Потом он объявляет, что часть летчиков будет выделена для перегонки самолетов в район, куда перебазируются соседи.

— А их не задержат там? — спрашивает кто-то из наших. Дзусов отвечает не сразу, обдумывая, как лучше ответить. Он явно хитрит, желая заполучить вместе с машинами и нескольких молодых ребят из гвардейского полка.

— Самолеты перегоним мы, гвардейцы! — заявляю я, сообразив, что летчиков, уже имеющих гвардейское звание, Дзусов не вправе оставить в своем полку.

— Комэски нам не нужны, — говорит Дзусов. — Своих хватает.

Я жду, что скажет наш командир, но он молчит. Неужели Краев не понимает, что его хитрый сосед не вернет наших молодых истребителей? Или ему это безразлично? Может быть. Ведь он не ходил с ними в бой. Меня возмущает его равнодушие к будущему нашего полка. Разве трудно понять, что Бережной, Козлов, Степанов, Вербицкий и другие летчики уже прошли хорошую школу войны, что это готовые ведущие пар? Молодые посматривают на меня. Неужели, мол, вы не можете нас отстоять.

— Мы с Крюковым и командиры звеньев перегоним вам самолеты, — снова вступаю я в разговор, чувствуя одобрение товарищей.

Дзусов, конечно, недоволен. Это видно даже по выражению его черных кавказских глаз.

— Обойдемся без ваших услуг, — говорит он, метнув недовольный взгляд в мою сторону. — Сами заберем самолеты. Когда строй распустили и Дзусов со своими летчиками ушел, майор Краев сказал мне:

— Вы, капитан, неправильно ведете себя.

— А вы разве не понимаете, что нам не вернули бы летчиков?

— Я не обязан вам объяснять, что понимаю и чего не понимаю! — обрезал он меня.

Вскоре передача самолетов была закончена. На автомашины стали грузить ящики со штабными делами.

— Беда, товарищ капитан, — подбежал ко мне Чувашкин.

— В чем дело?

— Ваш пятнистый МИГ не принимают. Он нигде не оформлен. Майор приказал лететь на нем дальше, пока не найдем где-нибудь мастерские.

Значит, мои хлопоты с этим МИГом еще не окончились. Мы

уже знаем, что полк следует в город на берегу Каспийского моря. Где-то в том направлении находится и наша блуждающая эскадрилья Фигичева. Разыскать бы ее, тогда можно было бы избавиться и от МИГа. На моей карте горы, горы и лишь одна долина Терека. Придется лететь на старой, ненадежной машине над такой местностью. Да еще с Чувашкиным за спиной. Он соглашается на это, чтобы помогать мне на земле, если вынуждены будем сесть.

К вечеру Лоенко уже угощал летчиков и техников из других полков, сидевших на нашем аэродроме. Бочка была опустошена и под всеобщий смех сброшена с холма, на котором, словно скифы на кургане, пели и плясали веселые техники и механики, — они ведь впервые с начала войны отдыхали.

По сигналу начальника штаба полковая автоколонна с людьми и имуществом двинулась в долгий путь к Каспийскому морю. А мы с Чувашкиным полетели на своем МИГе на юго-восток.

Поселок в долине я разглядел уже в сумерках. Вообще мне везло на сумерки. Сколько раз они настигали меня на воздушной дороге! Но чем труднее было читать с высоты землю, то есть ориентироваться на местности, чем труднее было садиться в сумраке, тем больше появлялось сосредоточенности, внимания. Сумерки еще ни разу не заставили меня ночевать на чужом аэродроме, чего я очень не любил.

На аэродроме нашлось местечко для моего самолета. Только я вылез из своего МИГа, смотрю — рядом знакомый номер на ЯКе. Что за дьявольщина? Неужели мой ЯК? Чувашкин сразу определил: наш. Оказывается, полк Дзусова, приняв наши машины, перелетел сюда тоже. Ну, еще раз встретимся с придирчивым командиром. Надо осмотреть все, чтобы завтра не попасть впросак. Только оставили свой самолет — навстречу майор Дзусов. В сопровождении еще каких-то командиров обходит стоянки.

— А-а, это ты! — окинул он меня взглядом. — Как очутился здесь?

— Прилетел.

— На личном самолете, что ли?

— Да. На угнанном МИГе.

— Ишь ты!..

В столовой много людей, толпа. В этой тесноте, в шуме слышится уже что-то не фронтовое. Занимаешь очередь к столу и думаешь о том, что ожидает нас, летчиков, там, в глубоком тылу? Понимаешь, что в маленькие горные селения и поселки набилось столько армейского люда, что нет возможности разместить всех,

предоставить то, чего ждут они, уставшие, изнуренные. Понимаешь это, а нервы, напряженные до предела, не выдерживают. Кое-кто возмущается, бушует…

Утром прибыли грузовики нашего полка. Люди, не привыкшие к таким переездам, запыленные, утомленные, бросились к горной речушке. Разбрелись по берегу…

Здесь я нашел майора Краева. Вытираясь полотенцем, разговаривая с другими, он делает вид, что не замечает меня. Нетрудно было понять причины такого отношения ко мне: мой новый командир не забывал ничего сказанного против него. Я уже встречал таких людей в жизни. Они в других видят только плохое. Плохими они считают прежде всего тех, кто в чем-либо не соглашается с ними, не поддакивает им, не подхваливает их в глаза. Я легко распознавал таких людей.

— Куда мне лететь дальше, товарищ майор? — спросил я, когда Краев развесил свое полотенце на кусте.

— Ты уже здесь?

— Я на самолете, разве забыли?

— О тебе не забудешь… Добирайся к городу. Кажется, там сидит Фигичев.

— Есть!

Я возвратился на аэродром. Чувашкин копался в моторе МИГа.

— Дрейфуем дальше, — сообщил я своему технику, но он не обратил внимания на мои слова. Лишь когда высвободил свои руки, повернулся ко мне.

— Еще один перелет, капитан, и вы прямо из фюзеляжа понесете меня в гроб. Я задохнусь в этой собачьей конуре.

— В кузове, на ящиках ехать приятнее? Что же, я дальше полечу один.

— Если вы, капитан, собираетесь на этой «зебре» долго путешествовать над горами, я не ручаюсь и за вашу жизнь.

— В городе ее сдадим.

— Чем скорей, тем лучше!

Горы здесь действительно опасные: приходится лететь между скалами, над долиной Терека. Как только внизу появляется какое-нибудь селение, сразу вспоминаю о Чувашкине, который, скрючившись, лежит за моей спиной. Я понимаю, как ему тяжело: жарко, тесно, даже ноги нельзя выпрямить.

Вот показался какой-то аэродром. Может быть, приземлиться здесь? Пусть Чувашкин немного отдохнет. Потом решаю, что не следует этого делать. Уж лучше ему раз потерпеть. Вот достигнем Тулатова — и все, не буду больше мучить ни его, ни себя.

…Прилетели наконец. Иду на посадку. На пробеге замечаю,

что неподалеку валяются обломки МИГа. Если здесь находится эскадрилья Фигичева и группа Комосы, значит разбился кто-то из наших.

— Чей самолет? — спрашиваю у техника, который стаскивал в кучу обломки.

— Супруна, — грустно отвечает он.

— Супрун погиб?

Техник молча достает из обломков окровавленный планшет.

На душе новая рана. Под Харьковом я летал со Степаном Яковлевичем Супруном. Он сбил пять немецких самолетов, стал зрелым летчиком-истребителем. Конечно же, его мог подвести только самолет. Какая нелепость: провести столько боев и погибнуть вдали от всех опасностей!

Узнаю, что эскадрилья Фигичева улетела дальше, чтобы сдать, наконец, самолеты в мастерские. За ней должна была следовать группа Комосы. Но после гибели Супруна его боевые друзья остались пока здесь.

Подходим с Чувашкиным к ним, молча пожимаем руки. Спрашиваю:

— Где могила Супруна?

Он еще в морге. Сегодня похороны, Надо подождать, пока прибудет весь полк, — говорю я.

Комиссар эскадрильи собирается сегодня похоронить. Передайте ему, что машины прибудут ночью. Летчики рассказывают, как погиб Супрун. На взлете у его старенького МИГа отказал мотор. За спиной летчика сидел инженер Копылов. Он случайно остался жив. Получил лишь несколько царапин.

— Покрышкин! А где ты эту «зебру» взял? — спрашивает Комоса, наверное, для того, чтобы отвлечь летчиков от мрачных мыслей.

— Подобрал…

— Так это же тот самый самолет, который мы видели. Точно! Какой-то испытатель гнал его из мастерских. Помню, он оставил машину на аэродроме и пошел в город.

— Наверно, загулял и забыл о своей «зебре».

— Куда там забыл! Скорее всего пешком драпанул.

— Теперь ясно, по чьей вине мы с Чувашкиным мучились. Вечером, во время ужина, я подошел к столу, где сидели летчики, и заметил, что вид у них очень унылый.

— Ну чего носы повесили?

— Веселого мало. Знаешь, Супруна без нас похоронили.

— Как похоронили? Почему же не подождали, пока приедут все?

— Вон его спроси, — кивнул Голубев на сидевшего за

отдельным столом капитана Воронцова. — Взял в помощь мотористов, отвез и закопал.

Стиснув зубы, чтобы не выругаться, я пошел к Воронцову.

— Почему не подождали полк? Кто дал вам право так относиться к нашим погибшим боевым товарищам?

— Не ваше дело! Как нашел нужным, так и поступил.

— Плохо, что таким бессердечным людям, как вы, доверяют власть. Разве Супрун не заслужил того, чтобы его похоронили с почестями? На его счету пять сбитых фашистских самолетов. А вы сбили хоть один самолет?

— Прекратить разговоры! Я приказываю вам замолчать! Я начальник!

— Начальник! Да вы знаете, что такое начальник? Это же самая человечная должность в армии. Почитайте газеты. Настоящие начальники, как отцы, заботятся о подчиненных, а в бою впереди всех идут в атаку. А вы… трус. Может, забыли, как бросили мою пару под Изюмом, когда мы сопровождали ИЛов. Трус не может быть начальником!

Не знаю, чем бы закончился наш бурный разговор, если бы капитан Воронцов, бросив вилку, не удалился из столовой.

— Не горячись, Саша! — сказал подошедший Комоса. — И вообще ты напрасно затеял этот разговор. Такому не докажешь. Только наживешь себе неприятностей. Он тебе не простит.

К сожалению, Комоса оказался прав.

Через несколько дней я привел эскадрилью в Махачкалу. На аэродроме узнал, что в этом приморском городке живет наш бывший летчик Викентий Павлович Карпович. С адресом в кармане пошел к нему.

В небольшой комнатке, которую снимал Карпович, собралась уже целая компания. Раньше меня туда пришли Фигичев, Речкалов и Труд.

Карпович встал из-за стола и шагнул мне навстречу. Тут я увидел, что одна рука у него неподвижна. Мы обнялись. Потом он познакомил меня со своей женой.

Стол хозяев не ломился от яств и напитков. А мы тоже после долгих странствий вдали от полка пришли в гости, как говорится, без «снаряжения». Я предложил Карповичу вместе сходить на базар и что-нибудь купить.

Мы вышли на улицу. Ветер доносил шум и запах моря.

— Ну, как тебе живется в тылу?

— Какой же здесь тыл, Саша! Теперь тут край войны. Не передний, конечно. Но куда отступать дальше?.. Я промолчал.

— А насчет жизни, что ж, — продолжал Карпович. — Пока рана не заживет, меня, наверное, будут кое-как снабжать. А

потом… из армии не уйду. Как вылечусь — поеду в Москву, попрошусь в академию…

— Верно! — поддержал я. — Где-то на фронте я уже видел такого, как ты, однорукого. Распоряжался исправно.

— Мне еще полетать надо, Саша. Вся война — впереди.

— Да, сражения еще будут. Пружина только сжимается!

— Вот именно — сжимается, — поддержал Карпович. — И скоро разожмется!.. Я верю в это.

Когда мы кое-что купили на базаре и в магазине, Карпович заторопился домой. А я решил прогуляться к морю, пока его жена приготовит закуску.

В памяти снова ожило все пережитое от первого взлета в Новосибирске до последнего изнурительного путешествия. То ли нервы начали сдавать от усталости, то ли море навеяло грустные думы, но на душе у меня стало тоскливо. Постояв несколько минут на берегу, я пошел к Карповичу. Там мы и заночевали всей компанией.

А на следующее утро мы, к огорчению гостеприимного хозяина, стали собираться в путь. Полк покидал город.

— Если оставят в армии, обязательно разыщу вас! — дрогнувшим голосом сказал Карпович, прощаясь с нами.

— Где искать-то будешь? — спросил Речкалов.

— Надеюсь, где-нибудь на Украине, в Молдавии.

— Копи харчи на дорогу — пригодятся. Из кабины автомашины выглянул комиссар полка.

— Наговорились? Счастливо оставаться, Карпович! Грузовик, в кузове которого мы разместились, медленно двинулся по городу. Мимо поплыли низенькие, словно вросшие в землю, домики с плоскими крышами.

За Дербентом мы по предложению комиссара купили несколько мешков яблок. Старая пятитонка стала скрипеть еще больше, особенно на поворотах.

На одном из горных спусков я, услышав какой-то неестественный скрежет в кабине, наклонился к окошку и увидел, что шофер никак не может включить меньшую скорость. Попробовал тормозить — тоже безуспешно.

Я взглянул вперед: дорога с резким поворотом шла круто вниз. Шофер суетился, но у него ничего не получалось. Надо было спасаться.

— Прыгайте! — крикнул я и первым бросился за борт. За мной выскочили все летчики. Последним с подножки прыгнул комиссар и кубарем покатился под откос. Через несколько мгновений машина на бешеной скорости развернулась вправо и исчезла в пропасти.

Большинство из нас отделалось ушибами, а Погребной, Федоров и Шульга пострадали серьезно. Остановив первую же попутную машину, мы добрались до ближайшего городка, где находился госпиталь. Трех товарищей врачи сразу же положили в палату, а остальным оказали помощь.

Когда выходили из госпиталя, я увидел в вестибюле здоровенного детину с бородой. Согнувшись, он чистил сапоги.

— Фадеев!

— А-а, Покрышкин, — весело отозвался он, выпрямившись во весь свой богатырский рост.

— Ты чего здесь?

— После ранения. А теперь вот собираюсь на танцульки! Товарищи уже ожидали меня на улице, но мне не хотелось так быстро расставаться с Вадимом.

— Значит, подлечился, если к девчатам бегаешь?

— Дня через два выпишусь и в Баку подамся.

— Зачем?

— Там теперь собираются все безлошадные, — ответил Вадим и засмеялся.

— Нас тоже туда направляют. Слушай, переходи в наш полк. Вместе будем переучиваться на новые самолеты.

— С превеликим удовольствием, дружище. Где вас там искать?

— Вот подъедет сюда наш штаб — и спросим. Да я тебя еще здесь представлю командиру полка. Если понравишься ему, то…

— Я не барышня, чтобы нравиться, — перебил меня Вадим. — Нужны летчики — пойду и не подведу гвардию.

Вадим так грохотал басом, словно уже сейчас говорил с командиром полка.

Не успели мы закончить разговор, как подъехали наши машины.

— Вот они, легки на помине, — сказал я Фадееву. — Пошли.

Командир стоял в кругу моих недавних спутников и слушал рассказ Искрина о печальном происшествии.

— Товарищ гвардии майор, — обратился я к Краеву. — Вот «завербовал» в наш полк хорошего летчика.

Фадеев сделал шаг вперед и представился. Командир подал ему руку. Вадим так пожал ее, что Краев чуть не вскрикнул.

— Ну и силища!

— Я считал, что гвардейцы намного крепче нас, — пошутил Фадеев. — Извините, товарищ гвардии майор.

— Где ты такой вымахал?

— На Волге.

— Истребитель?

— Конечно.

Летчики с любопытством рассматривали богатыря, на груди у которого красовался орден Красного Знамени.

— Бороду-то зачем отрастил? — спросил Фигичев.

— На страх врагам! — все так же весело ответил Вадим под общий смех.

Переночевав в этом городе, мы двинулись дальше на юг. Полк разместился в небольшом приморском городке. Здесь было много частей, ожидавших получения самолетов. В очереди мы оказались далеко не первыми.

Летчики и техники, привыкшие к напряженной фронтовой жизни, томились от неопределенности и безделья. Перед обедом или ужином у небольшой столовой всегда собиралось много народу. Каждый стремился первым ворваться в столовую, чтобы не париться на жаре и не стоять в очереди у столов. На этой почве нередко возникали ссоры, порой довольно бурные, когда кто-нибудь от скуки переусердствовал в «дегустации» местных вин. В такую историю случайно попал и я.

Во время ужина ко мне и сидевшим рядом Голубеву и Труду пристали трое подвыпивших старших офицеров. Не стерпев грубости и оскорблений, я дал резкий отпор и за нарушение субординации оказался на гауптвахте.

Этим не замедлили воспользоваться уже давно косившиеся на меня командир полка и его друг капитан Воронцов. Вернувшись в полк, я услышал, что уже снят с должности командира эскадрильи и выведен за штат. Решил проверить этот слух и пошел к начстрою полка старшему лейтенанту Павленко. Он сидел один за столом, заваленным ворохом бумаг.

— То, что снят с должности, не самое страшное, — огорошил меня Павленко. — Ведь тебя, капитан, из партии исключили!

— Неужели и на это пошли?

— Вчера на заседании партийного бюро командир тебе все припомнил: споры с ним, самовольство в тактике, или, как он назвал, «нарушения требований устава истребительной авиации». Ну и, конечно, последнюю ссору с начальством соседнего полка.

Пораженный услышанным, я молча смотрел на него.

Как же так? Я честно воевал с самого начала войны, был в коллективе на хорошем счету, сбивал фашистов, а сейчас, в первые же дни пребывания в тылу, — оказался недостойным носить звание коммуниста, быть командиром-гвардейцем.

— Но и это еще не все, — продолжал Павленко. — На тебя передано дело в Бакинский военный трибунал. Почитай вот, какую характеристику на тебя направил туда Краев. Можешь взять себе. Это копия.

Я прочел, и все во мне закипело. Запечатленная на бумаге подлость обжигала. Хотелось немедленно пойти к Краеву и высказать ему все начистоту. Но я понимал, что в таком возбужденном состоянии этого делать не следует.

Расхаживая из угла в угол, я пытался осмыслить, что же со мной произошло. Я глубоко сожалел, что находился в тылу, а не на фронте, что не имею сейчас возможности сесть в самолет и ринуться в бой. Только перед лицом опасности, в жаркой схватке с врагом я мог освободиться от угнетающих мыслей, заглушить растущее в душе возмущение, доказать, что я не тот, кого можно так легко втоптать в грязь.

Выскочив на улицу, я торопливо зашагал к берегу моря. Необходимо было уединиться, чтобы лучше разобраться в своем поведении, трезво оценить положение, в котором теперь оказался. Нужно было как бы со стороны посмотреть на себя и других.

До сих пор я был убежден, что живу и поступаю правильно. Воевал так, как подобает коммунисту, никогда не переоценивал своих заслуг, с одинаковой требовательностью относился как к себе, так и к другим, не мирился с тем, что считал неправильным в нашей фронтовой жизни. И теперь вот моя прямота обернулась против меня.

Кто же мне может помочь? Виктора Петровича рядом нет, Комиссар полка Михаил Акимович Погребной — в госпитале.

По приказанию майора Краева к занятиям меня не допускали, а находиться в общежитии, на глазах у начальства, было невыносимо. Поэтому я с утра до вечера пропадал на берегу моря, осмысливая накопленный боевой опыт, разрабатывая новые тактические приемы. Моя тетрадь ежедневно пополнялась интересными выводами, а альбом — схемами. Я верил, что скоро все это пригодится, если не мне, то другим летчикам. А сама работа отвлекала меня от тяжелых дум, помогала хоть на время забыть, что надо мной сгущаются тучи.

Друзья-летчики в свободное время, вечерами, навещали меня, рассказывали все новости, связанные с моим «делом». Оказывается, командование полка уже затребовало обратно документы на присвоение мне звания Героя Советского Союза.

Здесь, на берегу, однажды произошел у меня интересный разговор с Фадеевым.

— Саша! Ты на меня не обижаешься?

— За что?

— Ну как за что?.. Вышло нескладно. Ты меня рекомендовал в полк, а теперь я командую твоей эскадрильей.

— Да при чем же тут ты? — рассмеялся я. — Чудак. Я даже рад, что именно тебе передали эскадрилью. Народ там чудесный.

Ты их лучше готовь к предстоящим боям. Вот тебе, Вадим, мои записи по тактике и учи только по ним. Помни: чтобы побеждать в бою, надо иметь превосходство в высоте, скорости, маневре и огне. Тут обо всем сказано. А как хотелось самому проверить в бою эти выводы!

— Ну и проверишь. Мы еще не раз подеремся вместе против фашистов.

— Боюсь, что нет.

— Ты что надумал, Сашка? Брось дурить!

— Дай мне самому в этом деле разобраться.

Позже, успокоившись, я осознал, что поддался тогда слабости. Даже если меня исключили из партии, я душой и мыслями был и останусь коммунистом. А самоубийство — это «лекарство» для слабовольных людей. Надо бороться за свою правоту, и бороться делом. Умирать — так в бою! Нужно любым способом вырваться на фронт, пойти в какой угодно полк, если в своем уже нет для меня места. И я решил немедленно послать письмо Маркелову, полк которого стоял где-то под Грозным.

Через несколько дней пришел обнадеживающий ответ. Но вырваться на фронт мне не удалось. «Делу» дали ход. Разбухая, оно, словно меч, висело надо мной. Следователи вцепились в меня мертвой хваткой.

Оставался единственный выход — самовольное бегство на фронт. Но без документов сделать это было очень трудно, да и опасно. Меня могли задержать и обвинить в дезертирстве.

Однажды вечером, как только я вошел в общежитие, ко мне бросились почти все летчики эскадрильи:

— Погребной здесь!

— Где он? — встрепенулся я, готовый немедленно бежать к нему.

— Сегодня привезли. Еще болен, лежит у себя на квартире.

На следующее утро я разыскал дом, в котором остановился комиссар.

— А-а, Покрышкин, входи, входи, — сказал Погребной, приподнимаясь с постели, чтобы подать мне руку.

На его бледном лице уже заметно проступал румянец, глаза светились бодростью. «Значит, поправляется», — с радостью подумал я. И, словно угадав мои мысли, Михаил Акимович сказал, что скоро поднимется, что его уже давно тянуло в полк, поэтому он и уехал из госпиталя.

— Ну, рассказывай, что случилось с тобой, — вдруг перевел он разговор и опустил голову на высокую подушку.

Я доложил комиссару обо всем, что произошло, и вынул из кармана копию отношения в трибунал, подписанную Краевым.

Прочитав эту стряпню, Погребной долго лежал молча, закинув руки за голову. Я тоже молчал, ожидая, что он скажет.

— Да, Покрышкин, положение сложное. Надо хорошенько подумать, как тебе помочь.

Я признался, в чем конкретно виноват, но заметил, что подошли ко мне предвзято, бесчеловечно. Одно дело — наказание за провинность, и совсем другое — безжалостная расправа. Я попросил Михаила Акимовича написать на меня правдивую характеристику и направить ее в военный трибунал.

— Я немножко тебя знаю, — улыбнулся Погребной. — Ты правильно говоришь, что нельзя перечеркивать в человеке все хорошее, если он допустил ошибку. А некоторые наши начальники поступают иначе: если кто споткнулся — топчи его в грязь, а не то, поди, еще поднимется да выше станет… Сколько у тебя вылетов?

— Больше четырехсот.

— А сбил сколько?

— Официально двенадцать, да есть еще не засчитанные. — Ну вот. Этого, брат, не перечеркнешь.

Комиссар снова приподнялся на локоть. Он осуждал меня за горячность, сетовал на то, что дело зашло слишком далеко, потом стал расспрашивать о товарищах, об учебе. Мне показалось, что мы снова сидим с ним под крылом самолета и беседуем, как это часто бывало на фронте.

— Иди включайся в жизнь полка. Я сегодня же напишу характеристику на тебя и передам в штаб. Сегодня! — Он крепко пожал мне руку.

Я ушел от комиссара окрыленный, с чувством твердой уверенности в завтрашнем дне. Оставалось ждать: за меня уже действовала сама правда.

Однажды ко мне прибежал посыльный.

— Вас разыскивает командир полка, — сказал он и ушел.

Его посещение меня встревожило. «Что ж, — подумал я, — видно, сейчас отправят в Баку». В штабе Краев встретил меня деланной улыбкой.

— Бродяжничаешь, — процедил он сквозь зубы. — Звонил из штаба армии генерал Науменко. Езжай завтра на аэродром, летчикам соседнего полка надо рассказать о «мессершмитте».

— Есть! — ответил я.

Приехав туда, я неожиданно встретил человека, с которым у меня произошла ссора в столовой. Он приветливо протянул мне руку:

— Подполковник Тараненко.

— Капитан Покрышкин.

Мы поговорили о теме занятия и сразу же направились в класс.

Два часа я жил боями, полетами — своей стихией. Я рассказал летчикам все, что знал, что нужно знать о вражеском самолете, который еще хозяйничал в нашем небе. Было много вопросов, ответы на них заняли времени больше, чем сама лекция.

Потом меня пригласили на аэродром и показали новенькие самолеты. Хотелось сесть в один из них. Полетел бы, конечно, на фронт!..

После занятий командир полка предложил пообедать у него дома. Здесь, за столом, я увидел и уже знакомого мне майора — комиссара полка. Они расхваливали меня и между прочим спросили, как мне живется. Казалось, оба делали вид, что не помнят инцидента в столовой, и я решил рассказать им о всех своих огорчениях. Они были удивлены таким оборотом дела, сочувствовали мне, а подполковник пообещал написать начальнику гарнизона благожелательное объяснение по этому поводу.

Шли дни. Полк получил приказ перебазироваться в другой район, где он должен был получить самолеты и начать переучивание. Узнав об этом, я спросил Краева, как быть мне. Он приказал оставаться здесь до рассмотрения дела трибуналом.

— Товарищ командир, а характеристику комиссара отослали в трибунал?

— Отослали, не беспокойся, — ответил он.

— Нет, не отослали, — сказал я, зная, что это именно так.

— Выходит, ты больше меня знаешь, — ехидно заметил Краев. — Говорю же, отправил.

— Давайте проверим, товарищ майор, — предложил я. — Она лежит в строевом отделении. А вы должны понимать, какое она имеет значение для меня.

— Давай проверим.

Мы направились в соседнюю комнату, где сидел начстрой.

— Скажи Покрышкину, отправили характеристику Погребного на него? — Тоном вопроса Краев давал Павленко понять, как ему надо ответить.

Только вчера Павленко сообщил мне, что характеристика лежит в штабе. «Что он ответит? — с волнением подумал я. — Неужели покривит душой?»

— Нет, не отправили, товарищ майор.

— Как так? Что ты чепуху мелешь?'.

— Правду говорю, товарищ майор. Вы сами приказали не отправлять.

Я внимательно посмотрел на Краева и, ни слова не говоря, вышел.

За дверью я слышал, как майор «разносил» начстроя, грозил отправить его на гауптвахту.

Полк выезжал ночью. Автомашины были погружены на платформы. Летчики и техники разместились в пассажирских вагонах. Я, вспомнив детство, устроился «зайцем» в кабине грузовика. В запасном полку мне оставаться было нельзя. В своем меня все знают и всегда встанут на защиту, если дело дойдет до суда. А там я для всех чужой. Да я просто и не мог оторваться от своего коллектива! Кстати, когда я обратился к начальнику гарнизона за разрешением выехать, он сказал:

— Езжай с полком. Я не понимаю, что там у вас творится…

Услышав гудок паровоза, потом перестук колес, я обрадовался, что оставлял этот городишко со всеми бедами, которые он мне принес.

Во время разгрузки в новом пункте я старался не попадаться на глаза начальству. Да и потом держался подальше от дома, где расположился штаб полка. И все-таки, когда я вдруг понадобился, меня нашли быстро. Ко мне пришел мой бывший ведомый Науменко.

— Товарищ гвардии капитан, вам приказано немедленно явиться к командиру дивизии, — сообщил он и чему-то улыбнулся.

Я подумал, что меня вызывают затем, чтобы отправить обратно. Но Науменко рассеял мои опасения. Вот что он рассказал по дороге.

Когда Краев представлял полк новому командиру дивизии полковнику Волкову, тот вдруг спросил:

— А у вас был летчик Покрышкин, где он?

— Был, товарищ полковник, — ответил Краев. — Он оставлен в Баку. Его должны судить.

— За что?

— Нахулиганил, и вообще…

— Ну, ну, что вы еще хотели сказать? Краев молчал.

— А я знаю его по фронту как хорошего истребителя.

— Раздувают, товарищ полковник.

— Вы неправильно оцениваете Покрышкина, товарищ майор! — отозвался комиссар и, обернувшись к комдиву, продолжил: — В этом деле надо разобраться.

— Покрышкин тоже с нами приехал, его можно вызвать, — сказал кто-то из летчиков.

— Найдите его немедленно и позовите ко мне, — приказал комдив.

Передав этот разговор, Науменко весело толкнул меня в плечо и заключил:

— Не робей, докладывай все, как было!

Командир и комиссар дивизии, выслушав меня, переглянулись. Затем я кратко изложил сказанное на бумаге и ушел в общежитие.

Вечером меня вызвали на заседание партийного бюро. Там находился и комиссар дивизии. Жалкими выглядели те товарищи, которые два месяца тому назад, не вникнув в суть дела, даже не поговорив со мной, голосовали за исключение меня из партии. Сегодня они как ни в чем не бывало выступали в мою защиту. Я ненавидел их беспринципность и радовался, что вся эта история так благополучно кончается.

Меня восстановили в партии. А на другой день командир полка пригласил меня поговорить о назначении на должность.

— Думаю поставить тебя своим заместителем.

— Нет, товарищ гвардии майор, — возразил я, — на эту должность подберите кого-нибудь более заслуженного. А мне, если можно, дайте эскадрилью.

Хотелось сказать иначе: разве я могу идти заместителем к тому, кто оставил на моей душе больше рубцов, чем война на теле?..

Так я вернулся в родной полк и принял эскадрилью Фигичева. А Валентина назначили заместителем командира полка. Летчики встретили меня с радостью. Особенно был доволен Фадеев, с которым у нас складывалась хорошая дружба.

Жизнь опять возвратила мне все, к чему я стремился в последнее время.

Каждый день начинается полетами. Мы с Фадеевым тренируем летчиков по новой методике. Особое внимание уделяем отработке маневров, полетам в ущельях гор и над морем. После обеда занимаемся тактикой.

Очень редко приходится нашим летчикам бывать в местном клубе и на танцевальной площадке. Они упрекают меня за то, что, наверстывая потерянное, я не всегда даю им возможность повеселиться.

Надо спешить с подготовкой. Немецкие армии сквозь горящий Сталинград упорно рвутся к Волге, а через горы Кавказа — к Черному морю. Врага надо сломить. В этом нашей армии никто не поможет.

В один из напряженных дней учебы радио принесло долгожданную весть: союзные армии открыли второй фронт. Но радость была недолгой. Высадка союзников в песках Африки не уменьшила числа вражеских дивизий на нашем фронте. Африка

была далеко, очень далеко от логова фашизма.

Вскоре был готов аэродром, который строили для нашего полка. Штаб переехал в небольшой рыбачий поселок под холмами на берегу Каспийского моря. Поступила и нам, летчикам, команда перебазироваться. Под вечер наша шестерка учебных ЯКов пронеслась бреющим над крышами рыбацких избушек и приземлилась за горной речушкой.

Поехали осмотреть поселок Манас. С кузова грузовика он был весь как на ладони. Домики, бараки и окруженный деревьями на возвышенности большой дом. Там промелькнула девушка в белом халате.

В этом доме, в санчасти, лечится Комоса. Я решил в тот же вечер навестить его. Со мной пошли Труд и Бережной.

В окнах тускло мерцал свет. В доме покой, тишина. Проходим по темному коридорчику, открываю дверь, и вдруг…

Таким впечатляющим, наполняющим в одно мгновение душу бывает только чудесное изображение талантливого художника на холсте. Передо мной была чистая комнатка, маленький столик, на нем керосиновая лампа и в ее свете — девушка в белом. Ее руки положены на книжку, глаза настороженно устремлены на меня.

— Добрый вечер!

— Здравствуйте, — ответила девушка.

— Капитан Комоса у вас лежит?

— Да.

— Разрешите проведать?

— Почему же так поздно?

Поэты могли бы назвать чувство, с которым я смотрел на девушку, любовью с первого взгляда. Мне хотелось стоять и стоять рядом с этой стройной, просто глядевшей на меня белянкой.

— Он наш друг, и мы хотим его сейчас же видеть, — настаивал я.

— Пожалуйста, пройдите по коридору, вторая палата. Только ненадолго.

Труд и Бережной пошли. А я стоял, должно быть, смешной в неопределенности своего намерения.

— Что читаете?

Книга уже была закрыта, я мог прочесть ее название.

— Вы, кажется, пришли проведать больного?

— Я передумал.

Девушка засмеялась. Ее улыбка еще больше очаровала меня. Я спрашивал ее еще о чем-то, вызывая на разговор. Уже давно нужно было идти к Комосе, но что-то приковало меня к этому месту. По существу, я очень давно не слышал девичьего голоса,

обращенного ко мне, не испытывал на себе ласкового взгляда. Их так не хватало в моей жизни. Они так нужны были мне сейчас.

— Я вижу, вас надо проводить к больному, сами вы дороги не найдете. Пойдемте!

Перед уходом я задержался у стола медсестры, подумал: могла бы она сейчас оставить эту комнатку с керосиновой лампой?.. Я готов был всю ночь бродить с ней по берегу моря, под лунным небом. Как мне уйти отсюда одному? Надо хотя бы договориться о завтрашнем вечере, о танцах. Ждать и надеяться на новую случайную встречу? Нет! Лучше взять с собой ее книгу, тогда обязательно увижу ее еще раз.

— «Отверженные». Давно читал. Сам недавно был отверженным. Дайте мне ее почитать.

— Не могу, не моя.

— Скажите, когда вам ее вернуть? — спросил я, забирая со стола книгу.

— Вернете хозяйке — нашей медсестре Вере.

— Нет. Хочу вернуть только вам.

Итак, отныне я был не один. Со мной были ее имя и ее книга. Я вспомнил об этом утром, когда проснулся. Подумал о ней, когда проезжали на машине через поселок. Я почувствовал на себе взгляд Марии, когда поднялся в воздух.

Дни побежали торопливее, жизнь приобрела новое содержание. Возвращение в полк, взгляд девичьих глаз, искавших меня в толпе у танцплощадки, провожавших меня, как мне казалось, в каждый полет, — разве это не могло не обновить мою душу?

Каждый день, возвращаясь из зоны после выполнения учебного задания, я пролетал над домиком медсанбата. Мне хотелось, чтобы Мария обязательно увидела мой самолет. А чтобы она не ошиблась, я всегда выполнял три восходящие «бочки» подряд. Это был условный сигнал: «Я вижу тебя».

В один из таких радостных дней меня вызвали в штаб полка. Краев, который по-прежнему был со мной подчеркнуто официален, сказал, что меня хочет видеть командующий армией генерал Науменко. Я догадывался зачем, и мне стало грустно. Если совсем недавно я готов был оставить даже родной полк, чтобы вырваться на фронт, то теперь мне уходить не хотелось.

Шел от Краева и думал: неужели меня сразу заберут из полка? Так, наверное, и будет. Полечу в штаб армии и не возвращусь в поселок, не увижу больше ни друзей, ни Марии…

Вечером я, как обычно, встретился с ней. Когда пришло время расстаться, сказал:

— Завтра улетаю.

— Надолго?

— Возможно, навсегда…

Мария ждала, что я скажу дальше. Но я не находил слов. Тогда она сказала тихим, дрогнувшим голосом:

— Может быть, мы больше никогда не увидимся. Возьмите на память ту книгу, которая нас познакомила и сдружила. Пусть она будет всегда с вами, если время не подарило нам счастья быть вместе.

Мария сжала мою руку. Я обнял ее и увидел, что большие любимые глаза наполнены слезами.

На другой день я явился к командующему армией генералу Н. Ф. Науменко. Он сначала подробно расспросил меня о моем «деле», а потом уже объяснил, зачем я понадобился. Мне предложили должность заместителя командира полка. Я попросил оставить меня в своем полку.

— В свой полк вам возвращаться нельзя. Подумайте. Вечером жду ответа, — сказал командующий и распорядился доставить меня на аэродром.

Там стояли новенькие самолеты ЛА-5. Ими-то и вооружался полк, в который мне предложили идти заместителем.

Расчет генерала был правильный. Увидев новые машины, я забыл обо всем. До вечера бродил по аэродрому, любуясь истребителями, поднимался в кабину, включал рацию.

Ходил и думал: что сказать командующему? Мысленно советовался с Вадимом, с Валентином, со своими воспитанниками. Вспомнил о «приемном сыне» Островском. Недавно ему пришел ответ из Подмосковья. Увидев, что юноша плачет, я взял у него из рук письмо, и его боль передалась мне. Односельчане сообщали, что мать, отца, братьев, сестер и всех родных Островского расстреляли гитлеровцы за связь с партизанами. Не знаю, откуда взялось у меня такое «взрослое» решение, но я сказал, прочитав письмо: «Считай меня своим „батей“, нигде и никому не дам тебя в обиду…»

Нет, нельзя мне расставаться с такими людьми. Слишком тяжелый боевой путь мы прошли вместе. Слишком многое нас роднит и связывает. Сообщив командующему о своем решении, я поздно вечером улетел в родной полк. Напряженная боевая учеба снова захватила меня.

Осень вступала в свои права. Когда-то приветливое море стало мрачным и суровым. Дождь и слякоть загоняли людей в бараки. Летчики относились к занятиям уже без огонька.

Отпраздновали присвоение Валентину Фигичеву звания Героя Советского Союза. К этой высокой награде нас представляли вместе. Но я «не прошел». И все-таки я от души радовался, что

мой друг стал Героем. Вскоре мы с ним расстались: он уехал на учебу в военно-воздушную академию.

Однажды нас всех срочно вызвали к штабу. Еще издали мы услышали знакомые позывные сигналы московской радиостанции. К репродуктору подходили медленно, торжественно. Каждый чувствовал, что передают что-то очень важное.

— Видно, союзники в Европе второй фронт открыли, — сострил кто-то.

— Ха!.. Шутник! — послышалось в ответ. — Они еще не один месяц будут гоняться за Роммелем по пустыням Африки.

— Второй фронт давно открыт. Это наш тыл. Разговор прервал голос Левитана, торжественно разносившийся по поселку. Все затаив дыхание слушали сообщение о разгроме немцев под Сталинградом, об окружении 6-й армии Паулюса.

От радости хотелось и петь и плакать. Началось то, чего мы с нетерпением ждали все лето и всю осень.

— Товарищи! По случаю замечательной победы наших войск под Сталинградом открываю митинг, — прервал тишину Погребной. — Кто желает взять слово?

Потянулись вверх руки. Каждый стремился высказать свою боль за черные дни отступления и радость победы, свое желание скорее попасть на фронт.

Наш маленький поселок, как вся страна и весь мир, жил в эти дни великой победой на Волге. Все как-то пошло быстрее, словно минуты и часы стали короче. Даже пасмурные осенние дни вроде посветлели.

В один из декабрьских дней Мария сказала мне под «строжайшим секретом», что их батальон аэродромного обслуживания покидает поселок, отправляется на фронт.

На следующий день утром по улице прошла колонна нагруженных машин. Я провожал их, поднявшись на холм. Смотрел им в след, пока они не скрылись вдали…

Кончилось мое короткое счастье. Где и когда я увижу ее? Знаю только, чувствую сердцем, что нас с Марией уже ничто не разлучит — ни расстояния, ни время, ни война.

Я возвратился в опустевший для меня поселок. Пошел к морю. Оно штормило. Здесь думалось о чем-то большом.

Спустя несколько дней и наш полк оставил навсегда запомнившийся мне поселок у Каспия. Через Баку наш путь пролегал на фронт, на запад.

13. Формула грозы

Новая, пахнущая чужой краской «аэрокобра» послушно набирает высоту. Зеленая весенняя земля все глубже погружается в голубую дымку.

Впереди последние горы. За ними кубанская равнина.

Летим на фронт. Где-то позади, возле Баку, оставлен наш аэродром, а вместе с ним и трудные полгода тыловой жизни.

«На фронт!» — эти слова будоражили наше воображение, заставляли снова и снова проверять свою готовность к новым боевым испытаниям.

Если бы плохая погода не задержала нас, мы бы уже сегодня дрались с «мессершмиттами». Перед самым фронтом пришлось еще два дня скучать в ожидании вылета. Когда в твоих руках боевое оружие, а родную землю топчет враг, думаешь только о сражениях, мысли и чувства зовут к расплате.

Под крыльями проплывают заснеженные вершины. Они воскрешают в памяти совсем другие, недавние перелеты.

…Наш полк, закончив переучивание, некоторое время ожидал новые самолеты. Их должны были доставить из Тегерана специальные летчики-перегонщики. Но дни шли, а машин все не было. Наконец кто-то решил, что мы сами можем получить их за границей.

В Иран мы вылетели на транспортном ЛИ-2. Преодолев на большой высоте горный кряж, разделяющий долину Куры и персидские степи, увидели огромный город с белыми дворцами и мечетями. Это был Тегеран.

«Аэрокобры» плотными рядами стояли вдоль полосы, готовые к перегону. Мы с парашютами находились на аэродроме, ожидая распоряжений, кому в какой самолет садиться. Но нашим временем здесь не очень дорожили. Никто не позаботился заранее подобрать лидера, который бы провел нас через горы на обратном маршруте.

День был на исходе. Нам предложили переночевать в одной из тегеранских гостиниц.

Впервые очутились мы лицом к лицу с чужим миром.

С роскошью дворцов соседствовала нищета бедняцких жилищ. Странно было видеть женщин, закрытых паранджой. Знакомство с Тегераном, откровенные дружеские разговоры с американскими летчиками за ужином в какой-то мере вознаградили нас за потерянное время. Но дикий случай снова испортил все настроение: на наших глазах английский офицер надавал пощечин солдату-негру.

Утром мы уже снова были на аэродроме. Когда гурьбой направлялись к самолетам, Вадим Фадеев вдруг остановился и, окинув взором даль, продекламировал грохочущим голосом:

Мне пора обратно ехать в Русь, Персия! Тебя ли покидаю? Навсегда ль с тобою расстаюсь? Из любви к родимому мне краю Мне пора обратно ехать в Русь.

Знаменитые есенинские строки очень точно передавали наше настроение.

Через два дня мы вернулись за новой партией самолетов. И опять на аэродроме не оказалось лидера. Летчикам, как и в первый раз, предложили ночевку в Тегеране и подали автобус.

Все ребята сели, а я с ведомым остался.

У меня была довольно веская причина немедленно возвратиться домой. Мы выходили из ЛИ-2 без стремянки. Я как-то неудачно прыгнул и встал не на обе, а только на правую ногу. А я повреждал ее уже дважды до войны, когда занимался планеризмом, и на фронте — при вынужденной посадке в Молдавии. Теперь, чувствуя, что нога распухает, я боялся, что завтра мне вообще не позволят сесть в самолет и оставят в чужой стране лечиться.

Как только автобус уехал, я пошел искать наших представителей. С большим трудом мне разрешили самостоятельный перелет через горный хребет.

На всю жизнь мне врезались в память величественные картины, раскинувшиеся под крылом самолета: глубокие черные тени ущелий, мощные вздыбленные облака с окнами, через которые были видны сверкающие под солнцем вершины гор Эльбурс. Потом вдали, в голубоватой дымке, обозначился Казбек.

Теперь оживал в памяти перелет, который дал мне право вести большую группу через Кавказские горы, вселял уверенность в моих действиях…

Постепенно горы становились все ниже, а скоро их сменили холмы. За ними открылся огромный разлив Кубани. Я не раз видел с воздуха кубанское половодье, но такого, как теперь, что-то не запомнил. Река затопила все плавни, слилась с лиманами и речушками, казалось, Азовское море подступило к самому Краснодару.

А там, за голубым простором полой воды, небо подпирали знакомые столбы дыма. Да, мы летели на фронт. Только сейчас он проходил уже не там, где мы оставили его осенью прошлого года. За шесть месяцев на всех фронтах Отечественной войны произошли серьезные перемены. Советская Армия одержала уже немало побед над гитлеровскими захватчиками. Эту весну Кубань встречала уже освобожденной от оккупантов. Фашистским

войскам удалось задержаться лишь на небольшом клочке кубанской земли — на Таманском полуострове.

О воздушных боях над Кубанью, в которых с обеих сторон участвуют одновременно сотни самолетов, мы уже знали из газет. Противник пытается наглухо закрыть для наших бомбардировщиков небо над своими войсками, прижатыми к морю. Советское командование точно оценило обстановку на этом участке фронта, разгадало планы вражеских штабов. Потому мы и летим теперь в Краснодар.

Под крыльями — прямоугольники черных коробок сожженных домов, прямые длинные улицы, выходящие в степь, белые цветущие сады. Это дорогой мне Краснодар. Утверждают, что жизнь человека идет кругами, по спирали вверх. Я вынужден поверить в это: в Краснодаре началась моя служба в авиации. Здесь я впервые подготовил своими руками боевой самолет и, встав перед пилотом, доложил о том, что машина готова к вылету. Теперь я вступал на уже раз пройденную мной тропу, но в совершенно иное время, другим человеком.

На земле стало ясно, почему все самолеты теснятся на бетонированной полосе — чернозем набух водой.

Наши эскадрильи шли каждая отдельно, взлетев с некоторым разрывом во времени. Две из них — моя и капитана Тетерина — уже прилетели, а третьей, которую вел штурман полка Крюков, почему-то не было.

Мы толпились у командного пункта и волновались. Где же они? Все сроки уже прошли. Неужели с ними что-нибудь приключилось на маршруте? Да, уже можно их не ждать — время прошло.

Погребной вместе с летчиками направился к бараку, в котором нам предстояло жить. В просторном продолговатом помещении вдоль стен громоздились двухэтажные нары. Полки, прилетевшие раньше, заняли низ, нам достался верх.

Похлопав по черному, туго набитому соломой матрацу, Искрин пошутил:

— На такого высокого скакуна не каждый взберется.

— Это еще полбеды, — отозвался Андрей Труд, пробуя прочность тоненьких стоек. — Вадима Фадеева эти нары ни за что не выдержат. Клянусь!

По длинному коридору прохаживались, о чем-то разговаривая, командир БАО и наш комиссар. Я подошел к Погребному и попросил разрешения съездить в город — не терпелось увидеть его, пройтись по знакомым улицам. Конечно, причину указал другую: «Надо постричься и побриться». Комиссар разрешил, а командир БАО дал для поездки «газик». Когда

летчики узнали об этом, у меня оказалось очень много попутчиков.

Возвращение в разрушенный знакомый город — печальное путешествие. Руины, заваленные обломками улицы, опаленные, почерневшие деревья, которые уже никогда не распустят своих листьев, никак не увязываются с тем, что помнилось мне с чудесных довоенных лет. Залитые солнцем, сверкающие огнями нарядные улицы… Где они? Яркий людской поток… Гул жизни… Где все это?

Вот и большой дом, «стоквартирка», в котором я прожил почти три года. Его коробку я заметил еще с воздуха. Теперь можно остановиться перед ним, как перед могилой друга. Через обугленные отверстия окон снизу видно небо. Повисли лестничные пролеты. Вот стена бывшей когда-то моей комнаты. Половина стены…

Мы шли дальше по улице. Я показывал ребятам, где до войны были кинотеатры, Дом офицеров. Они понимали мои переживания, сами вздыхали, глядя на развалины.

Многое воскресила моя память в эти минуты. Но особенно сильно защемило сердце, когда мы подошли к полуразрушенному зданию аэроклуба с черной, обугленной дверью парадного входа.

Встреча с Супруном в Хосте, наши беседы укрепили меня в намерении стать летчиком. Я возвратился в Краснодар уже зимой. На дворе стояла слякоть, и приходилось только вспоминать сибирские снега, морозы, захватывающие дух, лыжные тропы. Но и здесь землю изредка притрушивало снежком, и тогда я поспешно вставал на лыжи.

Той зимой я пришел в Краснодарский аэроклуб, чтобы продолжать свои занятия планеризмом. Рассчитывал услышать интересные беседы инструкторов, летчиков, а меня самого сразу сделали там «преподавателем». Я почти каждый вечер торопился в этот большой, залитый светом дом и проводил здесь занятия с юношами и девушками по аэродинамике, помогал им изучить мотор самолета. Это было одновременно и общественным поручением комсомольской организации, которое совпадало с моими намерениями и мечтами. Оно отбирало уйму времени.

Кружок при аэроклубе не имел своего планера. Увлеченные любимым делом, мы решили сами, своими силами построить его. Нам представлялось все доступным, и мы взялись за дело. Пришлось быть и конструктором и инженером. Вечерами трудились в столярных мастерских, в комнате аэроклуба, поставив перед собой задачу соорудить свой паритель. В этих хлопотах незаметно прошла зима. Осенью мы достроили планер. Снова наступила зима, и занятия перенесли в классы. Весной нас

ожидало что-то интересное: надо было испытывать наш паритель. Перед намеченным днем мне пришлось выехать в командировку в Ростов, сдавать в ремонт самолеты. Возвратясь в Краснодар, я не застал нашего планера, а вместе с ним и одного летчика-планериста: они разбились. Виной была неопытность испытателя. При заходе на посадку он забыл сбросить буксировочный трос и зацепился им за провода высокого напряжения.

Из Краснодара я отослал несколько рапортов на имя наркома обороны и командующего ВВС РККА, в которых просил направить меня учиться в летную школу. На мои просьбы не отвечали — или потому, что они были такими надоедливыми, или потому, что их нельзя было удовлетворить. Но вот однажды в часть пришел совершенно неожиданный вызов: командованию части предписывалось отправить меня для сдачи экзаменов в Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. Я мечтал о летном училище, чтобы стать истребителем, а поступить в академию — значит еще дальше уйти от своей намеченной цели.

Экзамены в академию я сдавал, скажу прямо, без особого желания. Однако совесть и гордость не позволяли мне получать плохие оценки. Все шло к тому, что я не возвращусь в свою часть, в аэроклуб. Снова пришлось брать судьбу в свои руки.

Я зашел в отдел кадров ВВС с просьбой направить меня учиться на летчика. К моей огромной радости, там сообщили, что есть приказ наркома обороны, разрешающий посылать лучших техников на переучивание в летные школы, но раз меня вызвали в академию, там и надо учиться.

Экзамены закончились. Меня принимали в академию с условием: в первом семестре сдать немецкий язык и физику. Я воспользовался этим и отказался от «скидки», к удивлению членов приемной комиссии. Посоветовавшись, они решили откомандировать меня в часть.

Возвратившись в Краснодар, я прямо с дороги забежал в аэроклуб. Здесь с лета шла подготовка летчиков-спортсменов. Я подумал: если мне удастся сюда устроиться и пройти курс обучения, значит до заветной цели останется недалеко.

Начальник аэроклуба, к которому я обратился, ответил, что в этом году меня не могут принять: занятия идут уже давно, через два месяца будет первый выпуск. Сколько я его ни упрашивал, он не соглашался. Тогда я сказал, что если меня не зачислят сейчас, то я перестану проводить здесь занятия. Это подействовало.

В тот же день я оформил очередной отпуск и решил приложить все усилия для того, чтобы за месяц пройти летную подготовку. Снова аэроклуб стал моим родным домом. Работал я и занимался, не зная отдыха. Эти дни напряженной учебы,

волнений навсегда остались в моей памяти.

Настал долгожданный день. Это было 3 сентября 1938 года. Я поднялся в кабину самолета уже не как техник, а как пилот, хотя за моей спиной еще сидел инструктор. Проверив работу мотора, вырулил на старт. Оглянулся — инструктор махнул рукой. И я повел машину на взлет.

В воздухе я старался все делать так, как советует чудесная книга Пестова «Полет на У-2», по которой мне пришлось готовиться. Без ошибок, конечно, не обошлось. Инструктор не раз делал мне замечания и даже иногда вмешивался в управление самолетом.

После третьей посадки он спросил:

— До этого когда-нибудь летали?

— Только на планерах.

— Хорошо. Вас можно выпускать самостоятельно. Попробую сейчас добиться разрешения.

Однако начлет не разрешил.

После девятого контрольно-провозного полета, когда я еще не покинул кабину У-2, ко мне подошел начальник летной части аэроклуба.

— Сделайте круг над аэродромом, — распорядился он.

Я запустил мотор, повернулся к нему. Он кивнул головой.

Вот он — первый самостоятельный, вершина, до которой я так долго шел.

В этот день я стал летчиком.

В конце сентября, когда были сданы все зачеты, мне вручили удостоверение летчика-спортсмена. А через два месяца с аттестатом Краснодарского аэроклуба, от которого остались теперь одни руины, я отправился в Качинскую авиашколу.

Путешествуя по городу, мои спутники порядком устали.

— А все-таки надо бы постричься, — напомнил кто-то. Мы как раз подходили к парикмахерской. Здание, в котором она находилась, чудом уцелело. Обслуживал знакомый мастер. До войны я довольно часто бывал у него. Теперь он работал здесь один, к нему стояла очередь. Но разве можно уйти, не поговорив со знакомым человеком?

Наконец и я подошел к его креслу.

— Прошу, — вежливо пригласил он садиться. «Не узнал», — решил я. Сел и тут же спросил, оставался ли он в городе или эвакуировался. Только теперь он, пристально посмотрев на меня, вспомнил своего довоенного клиента.

Мастер прослезился. Он всегда любил летчиков, и для него эта встреча явилась событием. Ну конечно же, я и мои друзья были побриты и подстрижены, как женихи перёд свадьбой. За

работой парикмахер рассказал нам, как внезапно был взят город и как жестоко гитлеровцы расправлялись с жителями.

Потом он проводил нас на улицу и на прощание сказал:

— Надеюсь всех вас увидеть в моем кресле после победы над врагом!

Его пожелание звучало не банально, а тепло, трогательно.

Возвратившись на аэродром, мы застали все ту же неясную обстановку. Об эскадрилье Фадеева по-прежнему не было никаких вестей. Все терялись в догадках, что с ней могло произойти. Ведь ее вел штурман полка, опытный летчик Крюков.

Краев собрал летчиков у командного пункта, молча прошелся вдоль строя и начал объяснять, как завтра будем изучать район предстоящих боевых действий. Все оставшиеся эскадрильи совершат утром облет переднего края. Поведет группу кто-то из командиров соседнего полка, может быть сам Дзусов.

Слушая Краева, я представил скопление большого числа самолетов, похожее на толпу экскурсантов. Хотелось возразить и сказать, что было бы лучше лететь четверками или шестерками. При встрече с противником такие группы окажутся более маневренными и боеспособными. Но я сдержался, наученный горьким опытом. Командир полка опять мог по-своему расценить мое замечание.

Вечером из штаба дивизии сообщили, что эскадрилья во главе с Крюковым сидит у станицы Т. Ведущий группы, приняв разлив Кубани за море, решил, что сбился с маршрута, и взял намного правее. Поэтому Краснодар остался в стороне.

Что ж, такое вполне могло случиться. Надо было выручать заблудившихся. Но там наши самолеты никто горючим не заправит. И бензовозы немедленно отправились в далекую дорогу.

После ужина летчики со смехом и шутками стали взбираться на нары. Не успели улечься, как послышался треск и грохот. Неужели бомбежка? Нет. Это почти весь второй ярус рухнул. Снова рассыпался хохот и полетели реплики в адрес БАО. Хорошо, что никто не пострадал.

Стали устраиваться спать кто где мог. Первый ярус потеснился, и мы благодаря этому «несчастью» еще ближе познакомились с летчиками, уже побывавшими в боях над так называемой «Голубой линией».

В завязавшихся разговорах лучше прояснялась обстановка на нашем фронте. Кто-то из полка Дзусова несколько дней тому назад сбил знаменитого немецкого аса, который спустился с парашютом. Фашист рассказал, что их командование перебросило сюда несколько частей из-под Харькова и даже с ленинградского

направления. Другие «спущенные на землю» гитлеровцы недавно прибыли из Африки.

Воспользовавшись затишьем на других фронтах, противник сосредоточил на Таманском полуострове свои лучшие воздушные эскадры. Многие вражеские авиационные части базировались также в Крыму и на юге Украины. Немецкие бомбардировщики совершали массированные налеты под мощным прикрытием истребителей.

Наши летчики в боях над «Голубой линией» встретились с новейшими самолетами противника МЕ-109Г-2 и МЕ-109Г-4. Они рассказали, что эти истребители обладают мощным вооружением и сильными моторами. За ними трудно угнаться, особенно на пикировании. Появилась здесь и новая машина типа наших штурмовиков — двухмоторный «хеншель-129». Эскадры носили имена известных немецких летчиков Удета и Мельдерса, которые, по мысли гитлеровского командования, должны вдохновлять молодых арийцев на стойкость и отвагу.

Так еще до боевых вылетов у нас, «новичков», создалось ясное представление о том, что собой представляет вражеский плацдарм на Кубани, что нам предстоит делать завтра же. Однако на следующее утро боевая обстановка продиктовала иные задачи.

Уже было определено, кто за кем идет в группе, и летчик из полка Дзусова ждал, когда мы вместе с ним направимся к машинам, как вдруг из штаба дивизии приказали выслать шестерку истребителей в район станицы Крымской. Там шел воздушный бой.

Крымская была по ту сторону переднего края. Одно упоминание о ней взволновало меня.

…Наша часть на лето выезжала туда в лагеря. Мы жили в палатках недалеко от консервного комбината. Однажды, приехав на это предприятие, в его механический цех, по делам службы, я узнал, что на комбинате есть планерный кружок, есть планер, недавно приобретенный и еще не собранный. Мне очень захотелось осмотреть его. Ребята, охотно показавшие мне свое сокровище, сразу догадались, что я не безразличен к этому виду спорта. Они попросили меня помочь им собрать планер и облетать. Я согласился.

И вот мы вывезли ящики за станицу, собрали там аппарат и притащили его на холм, чтобы оттуда легче было оторваться от земли. Я занял место в кабине, грузовик натянул буксир. Планер взмыл над полем. Я сделал несколько разворотов, проверил управление. Наступило время идти на посадку. Но свободной площадки здесь не оказалось. А планер не ждал. Вот он уже над самыми огородами окраины. Я протянул еще немного и посадил

его прямо в чью-то картошку.

Пока я освобождался от ремней и вылезал из кабины, к месту приземления планера уже примчалась куча местных ребятишек. Они, конечно, не обращали внимания на межи, на грядки, и потому вслед за ними от каждой хаты бежали кричащие хозяйки.

Последние дали понять, что нам надо убираться куда-то в поле. Мы решили разобрать планер и вывезти его подальше от станицы. Там снова собрали и отправились на клеверное поле. Я опять сел в кабину. Взлетаю. Внизу четко вычерчены ряды подсолнуха, кукурузы, в балках, на склонах, ярко алеет полевой мак.

В воздухе вдруг обнаруживаю, что кто-то в спешке неправильно соединил тяги управления: планер не подчиняется моим движениям. Как ни старался посадить его, он все-таки рухнул на землю. Меня вытащили из-под обломков. Когда я пришел в себя, увидел над собой кружковцев и какого-то пожилого человека. Дядька грустно качал головой. Ему, видно, было жаль меня. Я не мог встать на ногу. Он, оказывается, появился здесь, чтобы прогнать нас отсюда, отругать за вытоптанный совхозный клевер, а теперь пришлось ему даже дать свою машину, чтобы отвезти меня в лагерь.

Планер был вскоре отремонтирован. Его крылья пронесли не одного юношу и девушку над полем у Крымской, не в одном сердце разбудили жажду высоты и полета…

»…Над Крымской идет бой…» — эти слова звучали для меня настоящим и прошлым.

Краев вызвал меня и приказал:

— Полетите на прикрытие Крымской. К ней идут «юнкерсы» и «мессершмитты».

— Есть!

— Справитесь? — Командир, конечно, имел в виду прежде всего ориентировку на незнакомой местности.

Этот вопрос задержал меня на полушаге. Я ответил своему командиру, что его приказ будет выполнен, а сам подумал о более обширных задачах, которые мне предстояло решить во время этого боевого вылета.

Целых полгода я не был во фронтовом небе. Полгода неустанной учебы, глубоких раздумий над тактикой истребителя. За это время я в своих размышлениях и выводах совершенно отрекся от многих устаревших тактических приемов в действиях пары и группы, вся боевая работа истребителей была мной четко разделена на определенные виды, продиктованные этой войной, и каждому виду была найдена современная, с учетом боевого опыта тактика.

Моя тетрадь, приобретенная еще в Маяках, начерченные в ней схемы, занятия в землянках и тренировочные полеты над аэродромом, весь коллективный боевой опыт нашего полка, вся наша воля к победе — все теперь кристаллизировалось в новой тактике, душой которой была до конца созревшая жажда бить врага без промаха.

Такую задачу можно было поставить перед собой и перед всеми летчиками своей эскадрильи потому, что мы теперь сели на совершенные, современные скоростные истребители, какими были и наши «кобры», и ЛА-5, ЯК-1, ЯК-9, поступившие на вооружение других полков; потому, что почти все летчики прибыли на фронт с большим опытом за плечами; потому, что страна уже дала нам столько боевой техники, что этот перевес противника на многих участках войны сводился к нулю. Дух победы нашего народа, витавший в весеннем небе сорок третьего года, вдохновлял и нас, летчиков, на дерзкие действия в боях.

…Взлетели шестеркой. Сразу установили связь с «Тигром» — командиром дивизии генералом Борманом, который находился на наблюдательном пункте у самого переднего края. Это он вызвал нас для прикрытия войск.

Мы шли следом за группой истребителей соседнего полка. Комдив сообщил обстановку:

— В воздухе спокойно. Будьте внимательны. Скоро должны появиться «юнкерсы».

Район, который прикрывала моя группа, был строго определен: передний край у станицы Крымская. Раньше в аналогичной ситуации мы действовали так: приходили туда, строились в круг и кружились на малой скорости, оглядываясь на хвосты своих самолетов. «Мессершмитты» обычно наваливались на нас сверху и сковывали боем, имея самое важное, решающее преимущество — в скорости.

Анализируя десятки воздушных поединков, изучая последовательность и взаимосвязь элементов боя на вертикалях, я в мыслях как бы «расщепил» само понятие скорости. Если она является решающим фактором для выигрыша схватки, то из чего же она состоит сама? Как достичь необходимой скорости — этой аккумулированной мощи истребителя, которую можно превратить в любой неожиданный маневр, во внезапное нападение, в разящий огонь?

На эти вопросы я нашел ответ для себя в дни переучивания на «кобре». Мои выводы, сообща осмысленные всеми летчиками, уже были приняты на вооружение полка.

От наших «ножниц», которые мы применяли над Каховкой и позже, настало время отказаться. Ведь надо было не «ходить» над

районом, не барражировать, прикрывая «собою» небо от «юнкерсов», подставляя себя под трассы «мессершмиттов», а самим обрушиваться на противника, атаковывать вражеские самолеты внезапно, бить наверняка. Этой задаче должны быть подчинены все элементы полета.

В этом первом вылете я применил все то, что выносил в мыслях и в душе за многие дни и ночи раздумий. Строй нашей группы не был похож ни на один из тех, которым пользовались мы до сих пор. Это была «этажерка» пар, сдвинутая в сторону от солнца, с превышением одной пары над другой на сотни метров.

Шли мы на высоте четыре тысячи метров и держали курс не точно на Крымскую, а преднамеренно отклонились намного в сторону — на юг, к морю. Мы углубились в территорию, контролируемую противником, придерживаясь направления переднего края. У нас был такой запас высоты, такой огромный обозреваемый простор, что никакие неожиданности нам были не страшны. Во-первых, потому, что мы прекрасно видели друг друга и каждый из нас смотрел за своим товарищем, а не за собой, — это было важным пунктом нашей договоренности. А во-вторых, мы, проинформированные «Тигром», знали, что вражеские самолеты встретим только над Крымской. На встрече с ними именно там мы и сосредоточивали все свое внимание.

Но как мы готовили себя к этому? Совсем не так, как раньше. Прикинув расстояние от Новороссийска, над которым мы сейчас шли, до Крымской, я определил, что именно теперь нужно начать наше стремительное снижение, чтобы через несколько минут, в момент самой высокой скорости и на заданной высоте, оказаться над Крымской. Свою высоту мы превращаем в скорость. Скорость нам обеспечивала нужную внезапность, маневренность, уничтожающий огневой удар и опять же высоту на выходе из атаки.

Высота — скорость — маневр — огонь! Вот она, формула грозы, формула победы.

В тот вылет я, конечно, еще не нашел такого четкого выражения словами нашей тактической формулы, но в мыслях, в действиях она уже полностью сложилась.

Именно так, как предполагали: молниеносно прочесали своей шестеркой воздушное пространство и точно над Крымской увидели самолеты.

Но это были наши ЛАГи той группы, которая вылетела перед нами. Проносясь над ними, крутившими устаревшую «карусель», я подумал, что, появись тут пара «мессершмиттов», как появились мы, они могли бы легко разделаться с ЛАГами.

Наша шестерка снова ушла на высоту. Внизу нам нечего

делать. Да, мы выполняли задание по прикрытию наземных войск, мы обязательно пробудем в заданном районе один час двадцать минут времени. Мы пробудем это время здесь, как и те ЛАГи, но мы, совершая движение маятника — пологое снижение с высоты и уход вверх после пролета района прикрытия, — достигаем большой скорости. Наши коллеги, взаимно прикрывающие свои собственные «хвосты», этого не имели.

Когда мы набрали приличную высоту, я подал команду: «Разворот на сто восемьдесят!» Опять идем со снижением на Крымскую. Всего пять минут отсутствовала наша группа в заданном районе. Но картину мы встретили здесь совсем иную: над Крымской появилось больше десятка «мессершмиттов». Они пикировали на четверку ЛАГов, продолжавших кружиться на малой скорости. Теперь решающее слово было за нами. Я бросился в атаку на ведущего вражеской группы. У меня был запас скорости. За ними было преимущество — высота.

Нет, мы недаром корпели над схемами и расчетами, не зря отрабатывали новые тактические приемы. Вражеский истребитель был расстрелян внезапно, он вспыхнул, словно от удара молнии. Я чуть не столкнулся с ним: дымом от него обдало мой самолет. Несколько сот метров мой истребитель шел ввысь, пока я пришел в себя после перегрузки на выводе машины.

Григорий Речкалов, ведущий самой верхней пары, тоже атаковал «мессершмитт» и сбил его первыми очередями пушки и пулеметов.

Когда мы опять набрали высоту, под собой увидели неожиданную картину: немецкие истребители, в одно мгновение лишившись двух из своей группы, уже удирали из этого района. Сюда они пришли, очевидно, чтобы очистить небо от наших истребителей перед приходом «юнкерсов». Наши ЛАГи, которым было бы несладко при том положении, которое они занимали, безусловно, стали б обороняться. Они и теперь не представляли надежной защиты наземникам. Но наша шестерка, готовая снова ринуться с высоты на любого противника, захватила простор, ждала немецких «бомберов».

Наверно, наши атаки и наш уход в сторону солнца так ошарашили вражеских наземных радионаводчиков, что они вернули своих бомбардировщиков, которые до сих пор всегда обязательно появлялись после «мессершмиттов». Небо оставалось чистым.

Мы патрулировали заданное время, то снижаясь, то исчезая в высоте. Не дождавшись «юнкерсов», возвратились на свой аэродром. Я был доволен действиями всей группы, каждым летчиком в отдельности, а особенно тем, что они выдерживали

дистанции, четко выполняли маневры группой, что все показали новый стиль работы.

Как только мы приземлились, к нам пришли соседи — те, которые первыми летали на прикрытие Крымской. Они благодарили за выручку, с восхищением говорили о наших атаках.

— Здорово вы их! — говорил один из летчиков. — Сразу всех как ветром сдуло. Если бы не вы, наделали бы, гады, дырок в моей машине.

— Не летайте, как куропатки, безобидной стайкой! — весело отозвался Речкалов, вытирая вспотевший лоб.

— Да, ребята, — поддержал я его, — ваша тактика уже изжила себя.

Мне хотелось обстоятельнее поговорить на эту тему с соседями, но я увидел Вадима Фадеева, который размашистой походкой шел к нам. Радость за его возвращение заставила забыть обо всем.

— Ты это что ж, чертяка, — забасил он, широко разводя руками, — пока мы плаваем по морям и болотам, ты фрицев крошишь? Слыхал, молодец: по-новому, по-нашему действовал?

— Да, Вадим.

— Поздравляю! Кто по-старому воюет, тот одни дырки привозит.

И Фадеев, засмеявшись, похлопал по спине летчика соседней части.

Подошел Крюков.

— Хорошо начали! — сказал Пал Палыч, пожимая всем руки. — Комдив передал, что доволен вашей работой.

Да, это было только начало.

Успешный вылет моей шестерки избавил нашу эскадрилью от «академичного» провоза над районом боевых действий, затеянного Краевым. Мы не увидели, как две другие эскадрильи полка, сведенные в одну группу, торжественно двинулись к переднему краю. Говорят, они пошли под облаками на одинаковой высоте. Теперь мы ожидали их возвращения.

Наконец в воздухе появились и наши «кобры».

— Ну, как дела? — спросили мы у летчиков, когда они приземлились.

— Потеряли одного, — неохотно ответил кто-то из них.

Позже стали известны подробности этого вылета. Группу атаковала всего лишь пара «мессеров», внезапно вынырнувшая из-за облаков. Сбив «кобру», она тотчас же скрылась. Летчику удалось выпрыгнуть с парашютом. Но новую машину потеряли ни за что. Этот случай еще раз доказал, что надо самым

решительным образом отказаться от всего устаревшего. Разве нельзя было новый район боевых действий осваивать не всем полком, а малыми маневренными группами?

Но в напряженной фронтовой обстановке много рассуждать об успехах и неудачах некогда.

На взлетную полосу каждую минуту выруливает или садится самолет. Над аэродромом кружат, выстраиваются в группы и уходят на запад истребители. К стоянкам, к складам то и дело подъезжают спецмашины. Узкий участок фронта, мало земли в руках противника, но много неба, которое нужно защищать. Приказы начальников и росчерки ракет торопят в бой. Я снова лечу во главе шестерки прикрывать свои наземные войска.

То, что я уже видел над Крымской (первые «мессершмитты» появились на большой высоте малой группой, и удар «охотников» из-за облаков), подсказывает новый строй моей шестерки. Мы с Голубевым идем с превышением над четверкой Паскеева. Пусть ударная группа завяжет бой, а мы будем расправляться с теми самолетами противника, которые ринутся на высоту, готовясь к повторной атаке.

Доверив Паскееву ударную четверку, я решил узнать, как он будет действовать после длительного перерыва. Его последний боевой вылет летом прошлого года закончился неудачно, хотя вел он себя тогда стойко и мужественно.

Я уже видел и его робость и храбрость. Как он теперь среагирует на первую встречу с «мессершмиттами» или «фоккерами»?

…Высота пять тысяч метров. Через просветы в облаках хорошо видна земля. Осматриваюсь. В небе спокойно. Знаю — это ненадолго. Вот-вот покажутся вражеские самолеты.

Так и есть. Ниже нас, далеко впереди, темной стаей появляется большая группа фашистских бомбардировщиков. Они идут в плотном строю и почему-то без прикрытия. Неужели истребители опаздывают? На немцев это не похоже. Нет, вот с аэродрома Анапы, вздымая пыль, взлетают «мессеры». Расчет точный: к переднему краю они придут вместе.

Там, за всем этим движением в воздухе, лежала необозримая синь моря, сливавшаяся с небом. Хотелось еще разок посмотреть в нежную, спокойную даль, но тревога уже заставляла сосредоточиться на группе бомбардировщиков, разраставшейся на глазах.

Сообщив «Тигру» о приближении бомбардировщиков, приказываю Паскееву подготовиться к атаке и осматриваюсь сам. Вижу: пара «мессеров» идет на нашей высоте. С ними первыми нам придется скрестить огненные трассы.

— Голубев, иду в атаку, прикрой!

Этой командой как бы подводится невидимая черта, за которой начинается воздушный бой.

«Мессершмитты» лезут вверх. Нам тоже надо увеличивать высоту. Через просветы в облаках время от времени слежу за четверкой Паскеева. Ведь она наша опора.

«Мессеры» — «охотники», как я мысленно их квалифицировал, — уклоняются от боя с нами. Их замысел ясен: оторвать нас от четверки.

Я не ошибся: к группе Паскеева устремляются десять «мессершмиттов» — те, которые взлетели с аэродрома Анапы. Надо развернуться им навстречу, рассеять их лобовой атакой и прорваться к бомбардировщикам. Паскеев так и делает. Он идет впереди. Противники сближаются. Вот-вот сверкнут трассы пулеметного огня.

— Паскеев, атакуй? — кричу я, не сдержавшись.

Но в этот момент ведущий нашей ударной группы вдруг резко отвернул в сторону и со снижением пошел в направлении Краснодара. За его машиной потянулась лента густого дыма. Нет, она не загорелась. Просто летчик включил форсаж.

«Что он делает? Почему уходит? — с тревогой и досадой думаю я. — Неужели струсил и бросил на произвол судьбы троих молодых летчиков?»

Прекратив возню с «мессерами»-охотниками, стремительно бросаюсь вниз, на помощь нашей рассыпавшейся тройке. Но поздно. Самолет Козлова — ведомого Паскеева — уже потерял управление и пошел к земле.

Оставшаяся пара молодых летчиков пристраивается ко мне, и мы вместе начинаем отражать атаки «мессершмиттов». И только в эти минуты я вдруг вспомнил о Голубеве. Где же он? Когда отстал?..

Армада вражеских бомбардировщиков подходит все ближе и ближе к нашему переднему краю. А преградить ей путь мы не в силах. Единственно, что мы можем, — это врезаться в гущу девяток, нарушить их строй и заставить «юнкерсов» сбросить бомбы сейчас же, не доходя до цели.

И я веду тройку в атаку. Молодые летчики смело идут за мной. Стремительно заходим сзади сверху и открываем мощный огонь из пушек и пулеметов. Нас не смущает ответная стрельба вражеских стрелков. Нервы гитлеровцев не выдерживают. Бомбардировщики отваливают в стороны и начинают беспорядочно бросать свои фугаски. Рассеяв одну группу «юнкерсов», врезаемся во вторую, затем — в третью. Мы в самой гуще бомбардировщиков, и «мессерам» очень трудно нас

атаковать. Но вот бомбардировщики повернули назад, и мы оказываемся втроем против десяти истребителей противника. Оторваться от них невозможно. Значит, надо драться. А боеприпасы на исходе.

Но что это: «мессеры» разворачиваются и берут курс на запад. Осматриваюсь и с радостью замечаю: на помощь нам спешит большая группа наших истребителей.

…Возвратившись с задания, я прежде всего поинтересовался, дома ли Голубев и Паскеев. Мне ответили, что Голубева нет, а Паскеев благополучно приземлился.

— Что с его машиной?

— Мотор заклинило, — сказал техник.

Все стало ясно: при длительном полете на форсаже мотор может выйти из строя. Неужели Паскеев специально это сделал, чтобы прикрыть свою трусость в бою? Нет, для такого обвинения одного факта недостаточно. Да и его нужно тщательно проверить. Но одно ясно: мы ни за что потеряли двух летчиков и две новые машины. И в этом в первую очередь повинен он.

Паскеев стоял в стороне от группы летчиков и поджидал нас. Когда мы подошли, он, бледный, с бегающими глазами, начал что-то говорить. Я не слушаю его, меня душит злоба, еле сдерживаю себя, чтобы не бросить ему в лицо страшное обвинение в подлости и трусости.

Командир полка, выслушав мой рапорт о результатах вылета и поведении Паскеева, сказал:

— Ладно, разберемся. Готовь группу к вылету. Тяжелое впечатление затмило все радости первого успеха эскадрильи. Но жизнь не позволяет углубляться в переживания неудач — ей нужны от нас только мужество, только боевая активность. Я снова в кабине самолета. Включив приемник, слышу возбужденный голос Фадеева. Где-то там высоко и далеко идет тяжелый воздушный бой — голос Фадеева словно доносил сюда, на поле нашего аэродрома, грозный гул и жаркое пламя схватки. Тревога за судьбу друзей, бросавшихся в эти минуты в смертельные поединки, звала в высоту.

Совершив в этот день еще несколько вылетов на прикрытие наших войск, полк к вечеру получил приказ перебазироваться в район станицы Поповической. Этот приказ никого не удивил: Краснодарский аэродром был забит самолетами, а весна сделала свое — надежно подсушила кубанскую землю.

Сборы, суматоха переезда напомнили мне о других перебазировках в сорок первом и сорок втором годах. Между ними не было ничего общего. На сей раз мы впервые переезжали с одного аэродрома на другой не потому, что вынуждены были, как

тогда, уступать свою базу противнику. Нет, мы, наступая, меняли боевую позицию.

Укладывая свои вещи в чемодан, я натолкнулся на вещь, купленную еще накануне Нового года в Баку. Однажды, перед самой разлукой с Марией, я ездил туда из Манаса. Это было одно из тех путешествий, которые случались редко. Командир разрешил мне поехать в город приобрести кое-что для себя. Я прибыл в Баку утром, целый день ходил по магазинам, осматривал город, купил для себя брюки, бельишко и, сам не ведая почему, отрез на платье. Так как поезд из Баку отправлялся поздно, я прямо со своими свертками пошел в театр, на оперу «Кармен». Еще подростком я слушал ее в Новосибирске в исполнении самодеятельных певцов. Меня пленили тогда тореадор и, конечно же, Кармен. Встреча с этими яркими, запоминавшимися образами взволновала меня, и я, не колеблясь, приобрел билет на спектакль.

Стоя теперь над своим чемоданчиком, я снова переживал тот день, проведенный в Баку, вспомнил, для кого был приобретен этот отрез.

Отдаляясь от того места, где мы встретились с Марией, где сказали друг другу слова, которые произносятся только раз в жизни, я все чаще думал о ней. Из-под Баку, где задержался наш полк на переучивании, в эти дни один наш инженер выезжал по делам службы в Махачкалу. Я попросил его: «Если вдруг встретишь там Марию, забери ее из батальона и привези к нам. Обязательно забери!» Тот посмеялся надо мной и уехал. Конечно, он никак не мог увидеть в Махачкале Марию, так как она в это время уже была на фронте.

Сегодня, готовясь к перелету, я с какой-то глубокой тоской подумал о Марии. Прошло почти четыре месяца, как мы не виделись с ней. Они изменили мою жизнь, привели меня на фронт, принесли мне первые победы в бою, первые огорчения. А где она? Что с ней? Почему не написала мне ни строчки? Неужели все то, что наговорили ей обо мне неприятного, взяло верх над теми хорошими чувствами? Да, все может быть. Ведь и там, где она служит, есть молодые летчики, и там летчики посещают своих больных друзей в вечерние часы, как посещали мы Комосу в тот вечер, когда я познакомился с ней.

Мысли о девушке, о ее отношении ко мне не покидали меня и во время перелета к Поповической. На новом аэродроме базировался неизвестный нам батальон. Чего не бывает на войне! За четыре месяца часть, уехавшая на фронт из Манаса, могла проделать большой путь и оказаться здесь, на Кубани.

Станица утопала в цветущих садах. Ее белые хаты напомнили

мне сотни украинских сел, через которые мы отступали летом сорок первого года.

Первый день на новом месте выпал хмурый, с дождиком. Как только облака поднялись, пришел приказ вылететь на патрулирование.

Подбирая группу, я заботился теперь не только о ее составе, но и о расстановке летчиков в группе. От этого будет во многом зависеть успех выполнения поставленной перед нами задачи.

Летим шестеркой. Пару обеспечения ведет Речкалов. Он отличается тем, что быстро улавливает идею каждого боя. И как бы ни складывалась обстановка в воздухе, почти всегда доводит до конца начатую схватку, добивается победы.

Уже в воздухе, на маршруте, слышу по радио:

— Я «Тигр», я «Тигр». В направлении Краснодара идут три девятки «юнкерсов». Прикройте город.

Я ответил командиру дивизии, что приказ принял, и немедленно изменил курс.

Не долетев до Краснодара, увидел ниже нас восьмерку «мессершмиттов». Значит, бомбардировщики еще прибудут. Я с ходу спикировал из-под самых облаков и атаковал одну из вражеских машин. У меня было преимущество в высоте, удар получился внезапным. Вспыхнув, «мессершмитт» пошел вниз. Речкалов сбил второго.

Группа противника рассыпалась и, прижимаясь к земле, бросилась наутек. Паника, известно, никогда не прибавляет силы. Мы начали преследовать врага. Даже мой ведомый, молоденький паренек, с которым я сегодня летел впервые, увязался за «мессершмиттом».

— Атакую, атакую, прикройте, прикройте! — кричал он по радио.

Мне было понятно состояние молодого летчика, впервые участвовавшего в бою. Один из тех, кого мы старательно учили почти целых полгода, кому не раз говорили о выдержке при встрече с противником, сейчас вошел в азарт и проявлял торопливость, желая сбить врага и показать себя перед командиром и товарищами.

— Прикрываю, прикрываю, атакуй! — ответил я спокойно и пошел за ним.

Ведомый не вытерпел и открыл по «мессершмитту» огонь с большой дистанции.

— Спокойней, не торопись стрелять, — поправил я его. — Подойди ближе…

Эти слова он услышал в момент наивысшего напряжения нервов и мысли, когда стремление уничтожить врага и ощущение

близкой победы могут затуманить рассудок даже опытного воздушного бойца. Мое напоминание о расчете и точном прицеливании как бы отрезвило молодого летчика. Он спокойнее и увереннее стал сближаться с противником. Новая выпущенная им пулеметная очередь оказалась неотразимой: «мессершмитт» загорелся.

Тут я вспомнил о главной нашей задаче: прикрыть Краснодар, куда рвутся вражеские бомбардировщики. Даю команду, и группа разворачивается к городу. Мой ведомый хорошо держится в строю, уверенно ведет машину. «Молодец!» — говорю ему по радио.

Одна группа «юнкерсов», очевидно, уже успела прорваться к цели: над окраиной города висело облако дыма. В небе кружились наши друзья, истребители из части, которая базировалась на краснодарском аэродроме.

«Где же остальные девятки „юнкерсов“? — подумал я. — Неужели их уже перехватили другие наши истребители?» Вот к нашей шестерке пристроился какой-то самолет. Присмотрелся- это «киттихаук» из полка Дзусова. Знать, нелегкой была схватка с врагом, если он, отбившись от своих, не сумел их найти. Но летчик не торопился домой: пока тянул мотор и действовало оружие, он жаждал драться. Это радовало.

Только я перенес взгляд с «киттихаука» на облака, как заметил группу «мессершмиттов». Форсируя моторы, фашисты догоняли нас. Мы резко развернулись и пошли им навстречу. Атакой снизу, в «живот», я сбил ведущего. Оставляя позади полосу дыма, он пошел к земле. Остальные поспешили нырнуть в облака.

Мы взяли курс на Крымскую. На встречном курсе показалась новая группа «мессершмиттов». И опять завязалась схватка. Их вдвое больше, чем нас. Но уходить нельзя. Надо хоть еще немного продержаться над передним краем. Когда наши пехотинцы видят в воздухе своих истребителей, они чувствуют себя намного уверенней.

А «мессершмитты» наглеют. Вижу, как один из них устремился в атаку на «киттихаук». Доворачиваю машину и пристраиваюсь ему в хвост. Он уже в прицеле, но за ним виден и наш самолет. Если дать очередь из пушки, то вместе с врагом можно поразить и своего. Поэтому открываю огонь только из пулемета. «Мессершмитт» как бы нехотя переворачивается и срывается вниз. Опоздай я хоть на секунду, наш истребитель не отделался бы несколькими безопасными пробоинами.

Не буду описывать всех так или иначе повторяющихся подробностей боя. Скажу только, что закончился он так же

внезапно, как и начался. Мне в этот вылет удалось сбить четыре «мессера».

Когда возвратились домой, с удивлением узнали, что за нашим поединком наблюдал с переднего края командующий ВВС фронта генерал К. А. Вершинин. В полк уже пришла от него радиограмма, в которой он объявлял всем летчикам моей группы благодарность за смелые действия и сбитые вражеские самолеты.

Через некоторое время на аэродром возвратилась четверка, которую водил Крюков. Вслед за ним тоже пришла благодарственная радиограмма. Крюков на глазах у Вершинина сбил три немецких истребителя. Его и меня командующий приказал представить к награждению боевыми орденами.

К чувству радости внезапно примешалась тревога. Мне вдруг подумалось: как отнесется к радиограмме Краев? Наверное, прочтет и скажет: всего несколько дней воюем — и уже к награде представлять? Рано! А главное — кого? Того, кого он собирался под суд отдать?

Но я тут же отбросил эти мысли. Самым важным и самым приятным для меня было то, что нам удалось одержать верх над численно превосходящим нас врагом. А что будет, когда полк введет в бой всех молодых летчиков, когда в воздух поднимутся полнокровные эскадрильи?! Держитесь тогда, «мессеры» и «фоккеры»!

На земле, в полку, пока мы были в полете, жизнь тоже приготовила новость. К Вадиму Фадееву приехала молодая жена. Когда мы отправились на фронт, она осталась в городке возле Баку. И вот не выдержала разлуки.

Фадеев, не доехав до общежития, на ходу спрыгнул с машины у домика, который Людмила сняла под квартиру. Махнув ему рукой, я смотрю вослед, думаю о нем. С доброй завистью думаю. В первых же боях над Таманью он снова отличился, упрочив за собой славу храброго и умелого истребителя. У нас в полку все его любят за добрый и веселый характер, за отвагу в боях. Я радуюсь успехам друга, мне приятно, что не ошибся в нем.

Правда, мне не всегда по нутру удаль Фадеева, порой я ругаю его за отсебятину и лихачество, которые могут привести к печальным последствиям. Вот и сегодня он всех заставил изрядно поволноваться.

Мы возвратились с боевого задания. Самолеты один за другим стали заходить на посадку. И вдруг Вадим выкинул очередной фокус. Он стремительно пронесся над самыми верхушками деревьев, круто ушел вверх и начал крутить «бочки». Эффект, конечно, был потрясающим. Мы, разумеется, поняли, для кого старался Фадеев, кто, кроме нас, наблюдал с земли за его

цирковыми номерами.

Неожиданно в небе появились немецкие истребители-охотники. Вывалившись из облаков, четверка «мессеров» как снег на голову обрушилась на наш одинокий самолет. А Вадим, увлекшись фигурами, ничего не замечал вокруг себя.

Находившиеся на аэродроме летчики встревожились не на шутку. Федоров бросился к своей машине, чтобы включить рацию и предупредить Фадеева об опасности. Успеет ли? Но, к счастью, Вадим сам как-то догадался оглянуться. И когда в воздухе сверкнула вражеская пулеметная очередь, он резко бросил машину в сторону и затем круто спикировал почти до самой земли. Спасся, как говорится, чудом. Не сумев сбить его внезапной атакой, «мессеры» сразу же развернулись и ушли за облака.

Когда мы оказались с Вадимом наедине, я по-дружески поругал его и посоветовал отказаться от ребяческих замашек. Он попытался все свести к шутке, но наш разговор случайно услышал подошедший Погребной.

— Он дело говорит, Фадеев, — поддержал меня замполит, — тебе надо крепко подумать над своим поведением в воздухе.

Фадеев остался на аэродроме, а мы с Погребным пошли на КП. По дороге замполит попросил меня:

— Поговори с ним еще раз. Он тебя лучше поймет. Верно, что ребячество в нем скоро перебродит. А летчик он замечательный.

— Я тоже боюсь за него, — откровенно признался я Погребному. — Ухарство всегда кончается плохо.

Из этого случая были сделаны и другие выводы. Учитывая, что вражеские истребители-охотники стали подкарауливать наших летчиков на посадке, командование полка приняло меры предосторожности. Теперь при возвращении группы с задания одна пара самолетов обязательно оставалась в воздухе для прикрытия аэродрома. Она садилась последней. А тот, кто приземлился первым, оставался в кабине до тех пор, пока не сядет патрулировавшая пара, готовый сообщить по радио об опасности. Пришлось снова, как когда-то при обучении молодежи под Зерноградом, повторять летчикам известную истину: пока ты не оставил кабину самолета, полет для тебя не кончился, все время будь начеку.

Попутной машиной приехал в Поповическую Козлов. Он рассказал, что произошло с ним в воздухе, не умолчал и о странном поведении ведущего четверки в решительный момент боя. Мне стало ясно, что Паскееву больше доверять нельзя. Но командир полка все еще медлил с выводами.

Несколько успешно проведенных боев окончательно убедили

летчиков, насколько правильны новые найденные нами тактические приемы. Но для того чтобы применять их с наибольшим эффектом, у нас просто не хватало пока сил: в каждом полете численный перевес был на стороне вражеской авиации. Да и командование полка все еще считало, что для прикрытия переднего края нашей обороны лучше посылать мелкие, чем большие группы.

Что ж, гудеть так гудеть. Летая над боевыми порядками своей пехоты, мы замечали, что к фронту подходят наши свежие резервы. Значит, готовится наступление. Скорее бы!

14. Над «Голубой линией»

На гигантском фронте от Баренцева до Азовского моря стояло относительное затишье. Весна лишила войска дорог, сделала недоступными реки.

Но к середине апреля обстановка на Таманском полуострове улучшилась: «Голубая линия» сузилась, полевые дороги просохли. Передышка для немцев кончилась. Наши войска перешли в наступление. О нем мы узнали, когда до аэродрома донеслась артиллерийская канонада.

А потом нас информировали и о цели этого удара — овладеть Крымской — важным опорным пунктом вражеской обороны.

Нашему полку поставили задачу — прикрыть с воздуха свои наземные части в районе прорыва. Мы понимали, что сделать это будет нелегко, поскольку противник сосредоточил здесь крупные силы бомбардировочной и истребительной авиации.

На аэродроме стоял неутихающий гул моторов. Одна за другой к Крымской отправлялись четверки и шестерки истребителей нашего и соседнего полков. Глядя на них, хотелось встать посреди летного поля и не выпускать их в воздух такими мелкими группами. Пусть летят только вместе, громят врага кулаком, а не растопыренными пальцами.

С раскрытым планшетом Краев стоит в окружении летчиков и делает в блокноте какие-то отметки.

— Науменко! Поведете четверку, — негромко объявляет он.

— Есть! — отвечает летчик.

Я смотрю на Александра Науменко, стараясь взглядом подсказать ему, чтобы просил группу побольше. Мы много раз летали с ним вместе еще в сорок втором году. Он-то хорошо знает, что значит сложная обстановка в воздухе.

Науменко выжидающе уставился на командира: не назовет ли он ведущего еще одной группы, которая полетит рядом с ним?

— Покрышкин! Поведете четверку. Ведущий второй пары — Крюков.

Науменко оборачивает ко мне довольное лицо. Вижу: он рад.

— Есть! — отвечаю командиру.

— Взлетите через полчаса после Науменко, — сухо уточняет Краев. — Для наращивания сил.

— Для какого наращивания? — вырывается у меня вопрос. — Пока я появлюсь над полем боя, немцы съедят четверку Науменко. Надо идти сразу восьмеркой.

— Вы поняли мою задачу? — каким-то чужим голосом спрашивает Краев и смотрит на меня в упор. Его глаза

наливаются непроницаемой чернотой, а губы сжимаются, словно стараются сдержать очередь ругательных слов. — Выполняйте!

— Есть, товарищ командир!

Летчики расходятся. Какое-то время Краев даже не замечает, что остался один. Расстроенный, я подхожу к своему самолету. Как хочется, чтобы командир полка поскорее ушел в штабную землянку. Если он не будет точно знать, когда взлетела первая группа, я смогу подняться в воздух пораньше и помочь ей.

Вот четверка Науменко взмыла в небо и вскоре скрылась из глаз. Сидя в кабине самолета, я отсчитывал про себя минуты. Надо поскорее взлетать и моей группе. Мне отчетливо виделось, что творится сейчас над Крымской. Такое представление о воздушных боях может иметь лишь тот, кто сам каждодневно участвует в них и не раз испытал радость побед и горечь поражений. А что может знать о войне Краев, если он ни разу не ходил с летчиками на выполнение боевых заданий? Он только посылает людей в огонь, только приказывает… именем Родины и народа.

Не взглянув на часы, я подал рукой знак — запускаю мотор. Мне показалось, мы опаздываем. Лишь в воздухе я увидел, что взлетели на пятнадцать минут раньше.

В наушниках шлемофона гулко плескался голос Науменко:

— Иду в атаку… Не растягиваться! Над нами восьмерка «мессеров»!

Я передал по радио на командный пункт, что иду работать. Воздушная обстановка над Крымской звала в бой.

На фоне земли я различил «юнкерсов» лишь вблизи. Они тоже были зеленые, только чуть посветлее. Гитлеровцы уже сыпали бомбы вниз.

Я веду свою группу на девятку «юнкерсов», которые разворачиваются на боевой курс. От кабин стрелков навстречу мне тянутся огненные трассы. Захожу сзади снизу и открываю огонь. Один бомбардировщик начинает дымить.

— Сзади «мессеры», — слышу тревожный голос моего ведомого Федорова. Оглядываюсь: над нами действительно нависли четыре «мессершмитта». Но мне не хочется оставлять «юнкерса», который вот-вот вспыхнет. Рядом проносятся огненные трассы. Рывком вывожу самолет из атаки и бросаюсь на четверку «мессершмиттов», которая увязалась за Федоровым.

И закружилась карусель. Отбиваясь от атак вражеских истребителей, мы в то же время стараемся прорваться к бомбардировщикам. Но такой малочисленной группой это невозможно сделать. Приходится думать лишь о собственной защите. Поэтому большинству «юнкерсов» удается сбросить

бомбы на цель. Мы, таким образом, не сумели надежно прикрыть свои войска.

Возвратились на аэродром. Ко мне подходят летчики. Все живы, здоровы. Радуюсь этому, как победе. И все-таки на душе тягостно оттого, что не выполнили задания.

Направляемся на КП, идем мимо стоянок звена Науменко. Там вместо четырех только три самолета.

— Где Науменко?

— Сбили. Иду и думаю, что сказать Краеву. Молчать уже нет сил. Так дальше воевать нельзя!

Возле командного пункта рядом с Краевым вижу заместителя командующего армией генерала Н. Ф. Науменко (однофамильца нашего погибшего товарища). Доложив о результатах вылета, отхожу в сторону. Сказал только о том, что делала в воздухе моя четверка. Обо всем остальном умолчал. И не потому, что смалодушничал. Что говорить, если генерал сам знает о малочисленности наших групп, отражающих массированные налеты противника? Очевидно, такая тактика обусловлена нашими возможностями. Раз у нас самолетов меньше, чем у немцев, значит нужно хотя бы непрерывным патрулированием создать у нашей пехоты впечатление, что она не беззащитна.

— Покрышкин, ты почему такой злой? — спрашивает Науменко. Внимание всегда трогает, особенно если оно проявлено со стороны большого начальника. Оставив Краева, он подходит ко мне и ждет, что я скажу.

— Нельзя так воевать, товарищ генерал!

— Чем недоволен, говори!

И я высказываю то, о чем не раз думал, что меня давно мучает и угнетает:

— А тем, что мы до сих пор пытаемся бить врага растопыренными пальцами. Это же не сорок первый год, товарищ генерал, а сорок третий. У нас позади Сталинград!

— Как же, по-твоему, надо бить?

— Кулаком! Только кулаком и, как говорится, под самую скулу. Разве мы не можем послать на перехват «юнкерсов» большую группу и встретить их еще там, за линией фронта? Что мы, как шмели, жужжим только над полем боя? И много ли может сделать четверка?

— Не горячись, расскажи подробно, что произошло, — негромко говорит Науменко и приглашает меня пройтись.

Я открыл ему все, что тяготило мою душу. Речь шла и о чувствах, вызванных последней потерей, и опять же о тактике, о разумном расчете. Факты были налицо: немцы приходят на передний край группой до двадцати истребителей для очистки

неба перед появлением бомбардировщиков. Потом группы истребителей сопровождают армаду «юнкерсов». А мы что противопоставляем им? Наращивание боя четверки четверкой. Смешное сравнение! Да скорее печальное, чем смешное. Если мы видим, сколько авиации бросил на этот участок враг, значит нужно не дать ему здесь ни в одном вылете жить иллюзиями о своем численном превосходстве. Ни в одном вылете! Если это нужно, значит надо бросать в бой только большие группы.

Неизвестно, что думал в те минуты обо мне генерал. Знаю только, что замечательной была сама дружеская беседа генерала с командиром эскадрильи. Мои мысли, высказанные здесь, на тропке у тихой зеленой лесополосы, очевидно, не были для него новыми — они могли только в какой-то мере дополнить его собственные размышления и соображения на этот счет. Генерал все время молчал. Какое впечатление увез он с собой в штаб от нашего разговора, я не узнал.

Утром, посылая мою группу первой на задание, также всего-навсего четверку, Краев сказал, чтобы услышали все присутствовавшие на КП:

— Быть все время над самой Крымской! Чтобы ни одна бомба не упала на головы нашим. Понятно?

Мы ответили в один голос: «понятно». По пути к машинам я сказал ведущему второй пары Речкалову:

— Будем встречать «бомберов» не над Крымской, а дальше — над морем!

Речкалов удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Он хорошо понимал, что значит вести бой в глубине вражеской территории, но он также понимал, что такой бой может принести гораздо больший успех.

Мы увидели их на фоне облаков. По силуэтам я определил, что это бомбардировщики Ю-87. Они шли, конечно, на Крымскую, где наши войска вклинились во вражескую оборону.

Нам повезло: «юнкерсы» летели совсем без прикрытия. Очевидно, немецкие истребители проскочили несколько раньше и теперь ищут нас над линией фронта. Они уже привыкли встречаться с нами именно там. Что ж, мы воспользуемся просчетом фашистов и постараемся как следует отомстить им за гибель Науменко.

Девятки бомбардировщиков летели одна за другой, словно на параде. Вероятно, гитлеровцы даже не следили за воздухом, уверенные в том, что на дальних подступах к цели их никто не побеспокоит.

«Подождите же!» Я дал команду атаковать и перевел машину в пике. Я сближался с «юнкерсами» под таким углом, который

позволял при пролете над ними обстрелять сразу несколько самолетов. По моим расчетам, выпущенная мной длинная очередь из пушки должна напоминать своего рода огненный меч, на острие которого будут напарываться вражеские самолеты. Эта неоднократно проверенная в боях атака показалась мне сейчас наиболее подходящей.

Нажимаю на гашетку и вижу, как «юнкерс», лишенный возможности быстро изменить направление полета, буквально налезает на пулеметную очередь. Перевалившись через крыло, он срывается вниз. Вот и второй уже чертит дымом свой последний путь. Этого сбил из пушки. Всего несколько снарядов попало в его фюзеляж, но и такой порции оказалось достаточно.

В прицеле промелькнул следующий. Его счастье. За ним идут еще и еще. Ярость, жажда уничтожить их всех переполняет меня, овладевает всеми моими чувствами. Я непрерывно атакую и стреляю. Уже горит третий… Оглянувшись назад, убеждаюсь, что он падает, и продолжаю полет над цепочкой врагов, выстроившихся для того, чтобы через несколько минут методично, аккуратно, ровными порциями сыпать смертоносные бомбы на кубанскую землю.

Но вот строй «юнкерсов» ломается. Видя, как вспыхивают и падают машины ведущей девятки, гитлеровцы высыпают бомбы, не доходя до цели, на… свои войска! Потом бомбардировщики разворачиваются и ныряют вниз, чтобы, маскируясь местностью, побыстрее уйти. Струсили! А ведь их почти полсотни против четверки!

Развернувшись, я увидел, как Речкалов расстреливает «юнкерсы», проскочившие подо мной. На земле их уже пять. Перспектива для тех, что еще не подошли, малоинтересная, и они поворачивают вспять. Бросаемся им вдогонку и в то же время посматриваем за воздухом. Могут прилететь «мессершмитты». Они появляются с востока.

Их в несколько раз больше, чем нас. Разделившись на две группы, они устремляются ко мне слева и справа. Но Речкалов со своим ведомым уже успел выскочить на высоту. Стремительной атакой он срывает замысел противника. При таком умении взаимодействовать, каким обладает Речкалов, нам нечего бояться численного превосходства гитлеровцев. Мы смело идем в лобовые атаки, делаем крутые горки, оттягиваясь на свою территорию. Там, над передним краем, наверняка есть наши ЛАГи, они нам помогут…

Возвратившись на аэродром, я сразу же пригласил к самолету инженера по вооружению капитана Жмудя. В напряженном бою у меня родилась интересная мысль, надо было посоветоваться со

специалистом.

Дело в том, что много снарядов я привез обратно. Произошло это потому, что во время атак мне приходилось сначала нажимать на гашетку пулеметов, а потом уже пускать в ход пушку. Такая последовательность диктовалась отнюдь не тактическими соображениями или какими-либо расчетами. Просто две гашетки находились под разными пальцами, причем пулеметная располагалась удобнее. А если бы я посылал пули и снаряды в цель одновременно, эффективность огня была бы значительно выше и «юнкерсы» падали бы вниз гораздо «охотнее».

Выслушав мои соображения, инженер сказал: — Можно и объединить, это нетрудно сделать.

В следующем бою от моей массированной очереди вражеский бомбардировщик почти сразу развалился в воздухе. Видевшие это однополчане потом стали расспрашивать, с какой дистанции я стрелял, куда целился. Я раскрыл им свой секрет. А на следующий день капитан Жмудь разыскал меня и стал жаловаться:

— Ну что же вы наделали! Теперь все летчики просят перестроить гашетки.

— Раз просят, надо сделать. Командиру докладывали об этом?

— Пока нет. Такие вопросы инженер может и сам решать.

— Правильно! — поддержал я капитана, зная, что Краев ни за что бы не одобрил эту рационализацию.

В последующие дни нашим летчикам не довелось использовать возросшую огневую мощь своих самолетов.

Погода внезапно испортилась, небо затянуло облаками, начались дожди. Видимо, из-за этого и наступление наших войск приостановилось. Крымская осталась в руках противника.

Обсуждая итоги напряженной боевой работы, летчики в один голос заявили, что полеты малыми группами себя не оправдывают. Нужно действовать крупными силами, перехватывать и уничтожать вражеских бомбардировщиков на дальних подступах к линии фронта.

Вскоре все мы испытали необыкновенную радость. На наш участок фронта советское командование перебросило два крупных соединения истребительной авиации. Причем вооружены они были новенькими скоростными ЯКами.

В дни, когда прибыло подкрепление, в небе над Таманским полуостровом царило затишье. Летчики нашего полка в основном прикрывали катера, когда те поутру возвращались из разведки. Ночные рейды моряков к северному побережью Азовского моря вызывали большой переполох во вражеском тылу. Мы искренне

радовались успехам катерников, но прикрывать эти малые суда было довольно скучно.

В период непродолжительного затишья только один полет запомнился мне своей необычностью. Как-то Краев отозвал меня в сторону и, раскрыв карту, сказал:

— Полетите во главе восьмерки. Вот на этом аэродроме должен стоять наш ЯК. Надо его сжечь во что ни стало. Одна четверка будет подавлять зенитный огонь, другая — выполнять задачу.

— Есть уничтожить ЯКа, — ответил я, хотя такое задание меня крайне удивило. Как мог оказаться на вражеском аэродроме наш новенький истребитель? Командир, к сожалению, ничего не сказал об этом.

Прикрываясь облачностью, наша группа скрытно подошла к указанному пункту и выскочила на аэродром. Но на нем, к моему удивлению, вообще не оказалось никаких самолетов.

Когда я по возвращении доложил об этом Краеву, он сокрушенно заметил:

— Успели спрятать, черти. Теперь глядите в оба, немцы постараются использовать нашу машину.

Его предупреждение я воспринял со всей серьезностью. Ведь сам когда-то летал на «мессершмитте». Фашисты, конечно, не станут закрашивать звезды.

В тот же день, а точнее, вечером за ужином, я узнал, наконец, как попал наш самолет в руки противника. Случай этот невероятно нелепый и печальный. ЯКи летели на Кубань с Дальнего Востока. Каждую группу лидировал летчик, хорошо знающий прифронтовые аэродромы. Не долетая Ростова, одна группа попала в сплошную низкую облачность и сбилась с курса. Заметив внизу большой аэродром, летчики приняли его за ростовский и пошли на посадку. Когда два самолета уже приземлились, кто-то заметил на аэродроме немецкую автомашину с крестом и солдат. Группа прекратила посадку и ушла на свою территорию.

Те двое, что уже сели, тоже сразу заметили, что попали в лапы к фашистам. Один успел взлететь, а второй нет…

Я живо представил состояние этого летчика. Так стремиться на фронт — и сразу же попасть в плен… Появится ли этот ЯК на нашем фронте? Однажды возле командного пункта я увидел незнакомого летчика, высокого, стройного, в шлемофоне и кожаной куртке. Он, видимо, кого-то ожидал. По его внешнему виду и осанке я предположил, что это какой-то большой начальник, и постарался, не попадаясь ему на глаза, пройти в землянку. Но когда я вышел оттуда, он сам меня окликнул:

— Покрышкин?

— Так точно! — отозвался я, отдавая честь. И только тут заметил на его галифе генеральские лампасы.

— Ну, как воюете? — спросил он, подавая руку. По каким-то едва уловимым приметам я заключил, что генерал только что возвратился с боевого задания и полет этот прошел не совсем удачно.

— Савицкий, — назвал он свою фамилию.

Так вот он каков, командир прибывшего к нам соединения истребителей! Только прибыл на фронт и уже сам побывал в бою. Генерал стал расспрашивать меня о поведении противника, о нашей тактике, о боевых делах моей эскадрильи. Вскоре нас окружили летчики — и наши и те, что прибыли с Савицким. Завязались оживленные разговоры, замелькали руки, изображая различные эволюции самолета. Генерал внимательно выслушал фронтовиков и сказал:

— Это очень важно. Мы обязательно проведем конференцию по тактике современного воздушного боя и пригласим вас, гвардейцев, поделиться с нами опытом. Не возражаете?

Генерал как-то сразу расположил к себе всех наших летчиков. Я невольно подумал: вот таким и должен быть командир — простым, общительным, умным. Он умеет ценить и людей и все, что они предлагают во имя победы над врагом.

В ближайшие дни Савицкий не мог собрать летчиков для изучения нашего боевого опыта. Противник, стараясь вернуть утраченные позиции на Мысхако, перешел в наступление. На земле и в воздухе снова закипели бои.

На наших полетных картах Малая земля была заштрихована красным карандашом. Мы, летчики, знали, что этот ничем не приметный с воздуха прибрежный участок песка и глины обильно полит кровью советских воинов. Дорогой ценой отобрал его у врага морской десант, возглавляемый капитаном Куниковым, и теперь героически удерживал в своих руках. Этот плацдарм имел, пожалуй, не столько стратегическое, сколько моральное значение. Противник все время чувствовал наши штыки за своей спиной.

Когда немцы перешли в наступление, перед нами, истребителями, встали трудные и очень ответственные задачи. С одной стороны, нужно было надежно прикрыть с воздуха моряков, обороняющих Малую землю; с другой — обеспечить успешные действия наших бомбардировщиков и штурмовиков, которые наносили удары по вражеским наступающим войскам.

Рано утром восемь истребителей вылетели сопровождать пикировщиков, которые шли двумя группами бомбить скопление пехоты и танков противника в балке у Мысхако.

Одну из них прикрывал я со своими ведомыми, другую — звено Дмитрия Глинки.

На подходе к Цемесской бухте нас встретили «мессершмитты». Глинка сразу вступил с ними в бой. Я подумал, что ему не следовало этого делать. Надо было просто отпугнуть «мессеров», а не оставлять своих подопечных бомбардировщиков ПЕ-2 без прикрытия. Ведь для очистки неба выделены другие группы истребителей.

Беспрепятственно отбомбившись, «Петляковы» стали разворачиваться над морем на обратный курс. Я усилил наблюдение за воздухом: именно на развороте вражеские «охотники» чаще всего их подлавливают. В этот момент группа растягивается, а некоторые бомбардировщики даже отстают.

Посмотрев в сторону Анапы, которая с высоты была очень хорошо видна, я заметил там, над аэродромом, клубы пыли. Все стало ясно: взлетают немецкие истребители.

В это время в воздухе появилось несколько групп вражеских бомбардировщиков. Они шли встречным курсом, точно на нашей высоте. У меня даже сердце сжалось от боли. Какая армада самолетов! Сколько бомб под крыльями этих хищников! И все они будут сброшены на голову защитников Малой земли. Нет, не бывать этому! Не задумываясь, веду свое звено в атаку. Вихрем налетаем на ведущую группу вражеских бомбардировщиков и открываем огонь.

Наши «пешки», сблизившись с «юнкерсами», тоже вступают в бой. В одно мгновение вдруг все перемешалось. Образовался какой-то клубок из огня и металла. Гитлеровцы в конце концов не выдерживают, беспорядочно сбрасывают бомбы и поворачивают назад.

«Пешки», прекратив стрельбу, смыкают строй, чтобы идти домой. Я пересчитываю их. Все целы! Вот бы так и долететь до аэродрома! Но где-то недалеко от нас уже находились «фоккеры», настоящие испытания лишь только начинались.

На развороте два наших бомбардировщика приотстали.

Их нельзя оставлять. Им будет труднее защититься от вражеских истребителей, чем тем, которые идут в монолитной группе.

Слежу за воздухом. Так и есть. Вот уже снизу к отставшим ПЕ-2 крадутся два «фокке-вульфа». Видимо, они ждали этого удачного момента.

Резко перевожу свой самолет с переворотом в пикирование и захожу в хвост «фоккеру», второго атакует мой ведомый. Гитлеровцы не замечают нас, увлеченные преследованием наших бомбардировщиков. Теперь вопрос «кто — кого» будут решать

скорость и мастерство.

Наконец «фокке-вульф» в моем прицеле. Но он уже стреляет. Во мне закипает злоба. На, сволочь, получай и ты!.. И я хлестнул по нему из всех пулеметов и пушки.

Кажется, мой удар оказался мощнее и точнее, чем его. Наш бомбардировщик как ни в чем не бывало продолжает лететь, а «фоккер» вдруг осел и, нехотя перевалившись через крыло, пошел вниз. Не могу оторвать от него взгляда. Выскочит ли летчик? Нет, уже поздно. Самолет врезается в море. От него остаются лишь облачко дыма да круги на воде. Все!

Догоняю своих бомбардировщиков. Они уже летят над сушей и чувствуют себя как дома, хотя совсем рядом в карусели воздушного боя крутятся десятки истребителей — вражеских и наших.

Надо быть внимательным. Правда, гитлеровцам сейчас не до нас. Все они уже скованы ЯКами. А через несколько секунд им придется еще хуже. Невдалеке уже появилась новая большая группа наших истребителей.

Возвратившись на аэродром, я крепко поспорил с Глинкой. Ведь он же не новичок и отлично знает, что бомбардировщиков нельзя оставлять без прикрытия. Меня не успокоило даже то, что все обошлось благополучно и что Дмитрий тоже сбил одного «фоккера».

В конце дня Краев собрал летчиков и на основе информации, полученной из штаба дивизии, поставил новую задачу. Нам опять предстояло лететь на прикрытие ПЕ-2, которые должны были нанести удар по скоплению вражеских войск у Мысхако.

Меня радовали такая оперативность и такое четкое взаимодействие. Как только разведчики выявили район сосредоточения живой силы и техники противника, командование решило немедленно направить туда авиацию.

На долю нашей четверки выпало сопровождать группу ПЕ-2, состоящую из двух девяток.

Едва мы отошли от аэродрома, как мой ведомый Островский стал почему-то отставать. Капризы мотора «кобры» мне были хорошо известны. Он довольно часто барахлит и, если полет не прекратить, может заклиниться, а потом даже загореться. Островский — молодой летчик. Поэтому сейчас я спросил его, не лучше ли ему возвратиться домой. Он отказался, заверив меня, что с машиной у него все в порядке. Задор и молодость в нем брали верх над благоразумием. Он редко летал на такие задания, и ему не хотелось возвращаться назад. К тому же он понимал, насколько трудней нам будет, когда мы останемся втроем.

При подходе к линии фронта самолет Островского задымил,

и я категорически приказал летчику прекратить выполнение задания. Не скрою, по-человечески мне было жаль его: он так рвался в бой, так хотел отомстить гитлеровцам за смерть своих родных и близких!

Над Цемесской бухтой небо кишело самолетами. Выше нас сновали ЯКи и «кобры», параллельно нам, на той же высоте, шли большие группы наших бомбардировщиков и штурмовиков. Такое количество своей авиации я видел впервые.

Сомкнувшись поплотнее, «пешки» продолжали полет к цели. Я перестал думать об Островском. По моим расчетам, он уже должен был быть дома.

Когда наши бомбардировщики вышли в заданный район, «мессершмитты» попытались помешать им прицельно сбросить бомбы по балке. Но мы отбили все их атаки.

Отбомбившись, ПЕ-2, как и в прошлый раз, вышли на море для разворота, И опять на них с высоты свалились вражеские истребители. Крюков со своим ведомым отразил их нападение, а я перехватил пару «мессеров», которая мчалась к нашему отставшему бомбардировщику. Тяжело было вести бой против двух опытных фашистских летчиков. Не раз огненные трассы вражеских снарядов проносились буквально рядом с моей кабиной. И все-таки я оказался удачливее своих противников.

Одна из выпущенных мной пушечно-пулеметных очередей достигла цели. Новенький МЕ-109Г-2 вспыхнул и пошел к воде.

Возвращаясь домой, я думал, как мне в этом бою недоставало Островского; надо обязательно взять его с собой. Пусть умножает свой личный счет мести врагу.

Приземлившись, я не увидел на стоянке самолета Островского. Техники сказали, что он не прилетел. Где же он, мой «приемный сын»? Что с ним случилось? Стал звонить по телефону — бесполезно. Никто ничего не знал.

Всю ночь я не мог уснуть. Никогда у меня на сердце не было так тревожно. Память снова и снова воскрешала вчерашний разговор с ним и те слова, которые поколебали мое решение не брать его в этот трудный полет. «Мне моя биография не позволяет сидеть на аэродроме!» — с обидой заявил Николай, видя, что никакие другие доводы в расчет не берутся. И тогда я сдался.

Утром в числе многих звонков раздался и тот, какого мы ожидали. Кто-то глуховатым, едва слышным голосом сообщил, что летчик 16-го гвардейского полка Островский похоронен у станицы Кубанской. Его подбили вражеские «охотники», когда он возвращался домой. Островский выбросился из горящей машины на парашюте и был расстрелян «мессерами» в воздухе.

Узнав об этом, я места себе не мог найти. У меня даже в

сознании не укладывалось, что можно поступить так с безоружным человеком. Сколько раз я, сбив «мессера», видел, как спускается на парашюте немецкий летчик. Но у меня и мысли не возникало уничтожить его в воздухе.

А они вон как с нашим братом поступают! Ну что ж, твердо решил я, теперь пусть и они не ждут от нас никакой пощады. Не будет ее!

В тот же день, когда нервы мои были напряжены до предела, я узнал о позорном поступке Паскеева. Во время воздушного боя над Малой землей он бросил своего ведомого Вербицкого, и тот погиб. Взбешенный, я решил собственной рукой пристрелить труса, но ребята не дали мне этого сделать. Тогда мы всей эскадрильей пошли к Краеву и потребовали убрать его из нашей летной семьи. Командир полка вынужден был, наконец, согласиться с мнением коллектива.

Он приказал арестовать Паскеева и предать суду военного трибунала.

На следующий день мы уже не полетели к Малой земле. Захлебнувшись собственной кровью, враг прекратил наступление на этом участке фронта.

Затишье на фронте не убавило нам забот. Мы по-прежнему жили войной, упорно учились, готовясь к новым боям. И все-таки в настроении людей появилось что-то новое, необычное. Мы острее почувствовали утрату друзей, стали больше думать о родных и знакомых. Даже песни девчат, возвращающихся с полей, казались теперь почему-то грустнее.

А вокруг бушевала весна. Затопленная цветущими садами станица благоухала пьянящими ароматами. Может быть, поэтому и заползала в сердце тоска. Поглядишь вокруг и вдруг вздрогнешь при мысли, что Вербицкого, Мочалова, Островского и многих других летчиков уже нет среди нас…

В один из таких дней во второй половине апреля Крюкова, Дмитрия Глинку, Семинишина и меня неожиданно вызвали в штаб воздушной армии. Он находился в Краснодаре, в одном из его пригородов. Поэтому мы вылетели туда на своих боевых машинах. Только так можно было быстро добраться по срочному вызову.

Садились на незнакомой площадке ограниченных размеров. А главное, она оказалась очень неровной. На пробеге машину вдруг затрясло, я притормозил и угодил колесом в глубокую засохшую колею. Одна «нога» самолета подломилась, и он, развернувшись, лег на крыло. Среди людей, прибывших мне на помощь, был командир эскадрильи связи старший лейтенант Олефиренко. Я попросил его связаться со штабом нашего полка и передать,

чтобы к вечеру они выслали за мной ПО-2.

— Да вы не беспокойтесь, товарищ капитан. Доставим. У нас же есть самолеты.

Мы пошли рядом, разговорились. Олефиренко был недоволен своим положением и не скрывал этого. В бытность инструктором аэроклуба он дал многим парням путевку в большую авиацию, а сам вот застрял на «кукурузниках». Когда мы подошли к ожидавшей нас автомашине, старший лейтенант вдруг остановил меня и, заметно смущаясь, сказал:

— У меня к вам просьба, товарищ капитан… поговорите, пожалуйста, с нашим командующим. Пусть он отпустит меня в ваш полк.

— Так у нас же истребители.

— Переучусь. Машины я знаю. Не подведу вас, товарищ капитан!

Мы ехали на «виллисе» неподалеку от берега реки, где до войны я провел с друзьями не один летний день. Сюда, на краснодарский пляж, молодежь заглядывала при любой возможности: поплавать, попрыгать с вышки в воду, погонять в футбол. Даже теперь здесь было немало народу.

Товарищи, сидевшие рядом, шутили и строили догадки — зачем нас вызвали в штаб армии. Я слушал их рассеянно и все время думал об Олефиренко. Да, он всей душой стремился в истребительную авиацию. И, наверное, уже не раз просил об этом кого-то, но ему отказывали. Я тоже когда-то открывался каждому, кого считал способным мне помочь. Несколько лет прошло, пока добился своего. Видно, нет в жизни ровных и гладких дорожек.

…В штабе армии нас прежде всего накормили вкусным и сытным завтраком. На стол подали даже полный чайник красного вина.

— Никто не засекает, сколько мы пьем? — спросил Глинка, с нарочитой подозрительностью оглянувшись назад.

— Да вроде бы нет.

— Тогда давайте еще нальем.

У нас был настоящий праздник: на столе вино, закуска. Полетов сегодня нет и не предвидится, начальство словно забыло о нас. Мы сидели и обсуждали, какие вопросы нам могут задать и как лучше на них ответить. Ведь за все время войны нас, летчиков, первый раз пригласили в столь высокий штаб на деловой разговор. А давно бы пора поинтересоваться нашей жизнью, мыслями и опытом. Меня лично всегда удивляло и беспокоило то, что мы живем как-то обособленно: ни о наших находках никто не знает, ни нам не говорят, что есть интересного в других частях.

Нас принял генерал Вершинин, высокий, статный, с усталым лицом. Поздоровавшись с каждым за руку, он предложил сесть. Мы разместились на стульях, расставленных у стен кабинета. Стол с зеленым сукном и вся обстановка напоминали мирное, довоенное время.

Однажды я уже видел командующего. В прошлом году он вручал нашему, полку гвардейское знамя. С тех пор виски его еще больше поседели, мне это сразу бросилось в глаза.

— Давайте, товарищи, посоветуемся, — просто начал Вершинин, — как нам лучше бить врага в воздухе.

Генерал подробно обрисовал обстановку на фронте, охарактеризовал наши и немецкие воздушные силы, а затем остановился на наиболее важных проблемах боевого применения бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации. «Самая неотложная задача, которую нам предстоит решить, — это завоевание здесь, на Кубани, подавляющего господства в воздухе. Мы должны стать полными хозяевами неба».

Слушая его, я начал отчетливее понимать те закономерности, которыми определялась боевая работа нашей авиации в эти дни — характер заданий, количественный состав групп, расчет времени на патрулирование, тактика. Все это, оказывается, обусловлено не прихотями таких людей, как наш командир полка, хотя и от них многое зависит, а конкретной обстановкой на фронте и планами вышестоящего командования.

Здесь, в штабе, я узнал, например, что бомбардировщики и штурмовики станут действовать теперь массированно. Это дает им возможность успешно строить самооборону, и нам не придется опекать их так, как раньше. Располагая достаточным количеством истребителей, наше командование будет в состоянии не только посылать на сопровождение крупные силы истребителей, но и постоянно держать определенное количество самолетов над передним краем, а также организовывать перехват вражеских бомбардировщиков на подходе к линии фронта.

— Раньше нам противник навязывал свою волю, — подчеркнул генерал, — а сейчас он приспосабливается к нашей тактике. Разве от хорошей жизни «юнкерсы» теперь все чаще сбрасывают бомбы, не доходя до цели и куда попало? Нет! Просто вместе с численным преимуществом враг все больше теряет и веру в свои силы. Наша задача — целиком захватить инициативу в свои руки.

Я едва сдержался, чтобы не сказать: «Правильно!» А когда генерал начал говорить о значении мастерства для достижения успеха в воздушном бою, мне захотелось выступить на этом совещании, поделиться своими мыслями о тактике, сказать о том,

что волнует нас, истребителей.

И мне предоставили слово. В своем выступлении я, между прочим, высказал несогласие с приказом, в котором была установлена строго определенная скорость патрулирования истребителей над своими войсками. Она была настолько мала, что сковывала нас, не давала возможности быстро переходить на вертикаль, когда завязывался воздушный бой с противником. Такие условия патрулирования не отвечали современным требованиям. Свои суждения я подкрепил примерами из практики.

Потом затронул другой волновавший нас вопрос: почему летчикам-истребителям не засчитывают тех сбитых немецких самолетов, которые упали за линией фронта, на оккупированной врагом территории? Получалась какая-то нелепость: ставится задача встречать и уничтожать воздушного противника в глубине его обороны, а результаты этих боев не принимаются в расчет. Не случайно многие летчики стараются держаться своей территории.

После меня выступили другие товарищи. Генерал Вершинин внимательно выслушал всех и даже сделал какие-то записи в своем блокноте.

Совещание закончилось во второй половине дня. Мы расходились с предчувствием, что в ближайшее время на фронте развернутся большие события. Каждый уносил с собой также уверенность в том, что отныне будет больше цениться боевой опыт летчиков, что командование пересмотрит кое-какие приказы, касающиеся нашей работы.

Прощаясь с генералом, я передал ему просьбу Олефиренко.

— Какой же из него истребитель? — удивился Вершинин.

— Разрешите взять его в свою эскадрилью? Я помогу ему переучиться. Он очень хочет стать воздушным бойцом. А если человек всей душой рвется к цели, то непременно добьется своего.

— Что ж, не возражаю, — сказал командующий. — Но смотрите, капитан, не торопитесь выпускать его в бой, пока он как следует не будет подготовлен.

Когда я возвратился на аэродром, у землянки меня встретил Олефиренко. Он прохаживался и курил.

— Чего волнуетесь? — сказал я ему. — Готовьтесь сдавать эскадрилью.

— Неужели?

Глаза его сверкнули радостью.

— Командующий отпускает вас.

— Спасибо, большое спасибо… — только и мог сказать растерявшийся от счастья Олефиренко.

Он сам доставил меня на У-2 в наш полк. Наблюдая за ним в полете, я думал: какое это прекрасное качество — целеустремленность. А еще думал о хороших, по-настоящему братских взаимоотношениях между людьми в нашей армии. И от этих мыслей на душе стало по-весеннему светло.

После совещания в штабе армии в наш полк зачастили корреспонденты газет. Раньше, бывая у нас, они писали главным образом о подвигах, а теперь стали больше интересоваться опытом боевой работы истребителей и особенно тактическими новинками.

Однажды в беседе с корреспондентом я подробно изложил свои взгляды на тактику современного воздушного боя и рассказал о недавних поединках с вражескими истребителями на Кубани. Вскоре в «Красной звезде» появилась большая статья, в которой автор дал четкую формулу нашего соколиного удара: высота — скорость — маневр — огонь. Потом это выражение стало крылатым.

В полк начали приходить брошюры, листовки, плакаты о мастерах воздушного боя. Мы внимательно изучали опыт лучших летчиков всех фронтов, брали его на вооружение.

На пороге стоял Первомай. Замполит и парторг полка уже наметили, какие мероприятия провести в праздничные дни, решили кое-кого послать с докладами в ближайшие станицы. Но последующие события изменили все. 28 апреля я получил приказ немедленно перелететь с эскадрильей на аэродром бомбардировщиков.

— Будете работать вместе, — сказали мне в штабе. Я направился к своим летчикам. За мной неотступно бежал мой верный друг — собачонка из породы овчарок, подаренная мне местным жителем. Назвали мы песика Кобрик. Он крепко привязался ко мне. Мне впервые предстояло оставить его одного в Поповической. Кобрик не отставал, он чувствовал по моим торопливым шагам, по возбуждению, что мне сейчас не до него. Он прибежал со мной к самолету и, лишь когда я поднялся на крыло, вдруг отскочил от возвышавшейся над ним машины. Я порулил к старту. Он уселся точно там, где стоял мой самолет. Я долго видел его на том месте, пока не поднялся на высоту.

На базу «Петляковых» мы пришли перед заходом солнца. Здесь царило полное спокойствие. Четкие ряды «пешек» выстроились вдоль полосы. Наверное, этот парад и тишина толкнули меня продемонстрировать перед бомбардировщиками наше истребительское преимущество. Я распорядился, чтобы группа садилась, а сам, набрав высоту, решил пронестись на предельной скорости над самой землянкой КП.

Стремительно снижаясь, я подумал, что малой высоты для настоящего эффекта все-таки недостаточно, и у самой земли перевернул самолет вверх колесами.

В таком положении прогремел я над аэродромом, а когда выровнял машину, почувствовал запах гари. Что такое? Дым лез в кабину. Горела проводка. Как быть? Срезав круг на развороте, пошел на посадку. Успел сесть. Ко мне подбежали, начали гасить самолет.

Торжественное утро большого наступления для меня было испорчено: пришлось сопровождать две девятки бомбардировщиков тройкой. Я взял самолет своего ведомого и один осуществлял непосредственное прикрытие восемнадцати ПЕ-2. Мое смешное одиночество красноречиво напоминало всем экипажам о моем вчерашнем «трюке». Речкалов своей парой должен был сковывать встреченных «мессершмиттов» и в трудную минуту выручать меня.

Вот «Петляковы» дошли до цели и встали на боевой курс. Я посмотрел вверх и увидел, что Речкалов уже дерется с четверкой «мессеров». Меня беспокоило одно: не пришло бы к противнику подкрепление. Но сегодня в небе появилось столько советских самолетов, что немцы оказались не в состоянии уделить нашей группе должное внимание. Анапа не пылит…

Сбросив бомбы на вражеский штаб, «пешки» повернули домой. Шли прямо на солнце. Оно, огромное, красное, только встало над землей. На него можно посмотреть, но не засматриваться. В небе появился какой-то одиночный самолет. Он быстро приближался к «Петляковым». Мне нетрудно было узнать в нем ЯКа. В первые минуты я было проникся к нему сожалением: «Бедняга, отбился от своих или потерял друга». Но он тут же заставил меня насторожиться: ЯК не пожелал пристроиться ко мне, а прошмыгнул прямо к бомбардировщикам. Я, снижаясь, пошел ему наперерез. Он не изменил курса. Когда мы были на одинаковом расстоянии от последнего «Петлякова», ЯК выпустил по нему очередь и взмыл вверх.

«Вражеский ЯК! — обожгла меня догадка. — Тот самый, таганрогский…» Я уже не мог перехватить его.

— Речкалов, сбей ЯКа! Сбей его! — закричал я в микрофон.

Для Речкалова эти слова были такой неожиданностью, что он не среагировал на мой призыв. ЯК исчез. Обстрелянный «Петляков» нормально следовал за группой. Я шел над ним и думал о ЯКе. Несколько дней назад он уже появлялся в воздухе. Мы дрались с «мессершмиттами», прикрывавшими группу «юнкерсов». Кружили под самой облачностью. Ко мне только что подошел Труд, отставший от четверки Фадеева. И вдруг снова

какой-то одиночка. Но уже ЯК. Летел прямо на меня.

— ЯК, я свой, я свой, — поспешил я «представиться» ему. Он надвигался. Я подвернул свою машину, чтобы показать ее в плане, со звездами. И это не повлияло на него. Тогда я резко рванул в сторону — ЯК проскочил мимо, а от него вниз посыпались гильзы. Стрелял по мне! На некотором расстоянии от нас ходили «мессершмитты», и он подался по направлению к ним.

И тогда я не сомневался в том, что на нас напал ЯК, которого мы должны были уничтожить на аэродроме в Таганроге. И вот вторая встреча…

На аэродроме выяснилось, что очередью, пущенной по бомбардировщику, был ранен воздушный стрелок. Кто же и как сожжет этот пиратский самолет?

Мы возвратились к себе домой. Все наши «кобры» были в полетах. Шла беспрерывная боевая работа. Доложив Краеву о своей машине, которая нуждалась в ремонте и оставалась на аэродроме бомбардировщиков, о злополучном ЯКе, я попросил командира разрешить пойти на задание на его машине.

— Бери, проветри ее, — ответил он, не подозревая, какой издевкой над самим собой прозвучала его шутка.

Самолет Краева чуть не подвел меня. Он был из другой серии выпуска, и на нем включение радиоприемника устроено несколько по-иному, чем на моем. На обратном маршруте на меня внезапно напал «фокке-вульф». Я считал, что мой приемник включен, шел спокойно, надеясь на то, что мне сообщат об опасности. Мне действительно передавали о приближении вражеского истребителя. В последнее мгновение, когда трасса уже была нацелена в мой самолет, я увидел нависший «фокке-вульф». Рывок машины в сторону спас меня.

Со времени прибытия на Кубань я летал на машине под № 13. В первый день этой операции она, как уже сказано, вышла из строя. Но на второй день к вечеру я уже на ней пошел в бой. В одной из схваток, когда в воздухе было очень много истребителей, моя небольшая группа как-то потеряла меня из виду или я заплутался где-то в «карусели», и мы на свой аэродром возвратились отдельно.

— Почему оторвались? — спросил я.

— Нельзя было распознать в такой заварухе.

— Номер незаметный, что ли?

— Незаметный.

Я попросил Чувашкина нарисовать цифру «13» крупно, во весь фюзеляж. С этим роковым числом на бортах своей «кобры» в боях за освобождение Крымской я сразил еще не один вражеский самолет.

…С первого дня наступления мы прочно захватили господство в небе над Таманским полуостровом. Тогда гитлеровцы начали практиковать воздушные засады. Летая на больших высотах, они подкарауливали наши отставшие от строя машины и внезапными атаками сбивали их. Так они подловили Островского и Вербицкого, чуть не сбили над аэродромом Фадеева. Мы вынуждены были принять ответные меры, стали посылать специальных охотников, снабженных кислородным оборудованием. Вскоре наши снайперы заставили фашистов отказаться от коварной тактики.

Однако борьба за господство в воздухе в эти дни ярко проявилась не в одиночных схватках, а в больших ожесточенных сражениях. Они начинались с утра и кончались вечером, нарастая, как нарастает шторм под непрерывным мощным ветром. Мы постепенно, но уверенно овладевали воздушным простором.

Однажды я во главе восьмерки вылетел на прикрытие своих наземных войск. Западнее Новороссийска нам встретились три группы вражеских самолетов. Восемьдесят один бомбардировщик в сопровождении десяти «мессеров». Я приказал Федорову сковать четверкой истребителей противника, а сам вместе с парой Речкалова пошел в атаку на «юнкерсов».

Мы напали на них сверху. Первым же ударом я сбил ведущего головной группы. Строй бомбардировщиков рассыпался. Вторая атака — и еще один «юнкерс» падает на землю, охваченный пламенем. Удачно атакует врага и пара Речкалова.

Противник в панике беспорядочно сбрасывает бомбы. «Юнкерсы» снижаются до бреющего и спасаются кто как может. Мы наваливаемся на вторую группу. Картина повторяется. У меня дух захватывает от этого зрелища. Вдруг слышу по радио:

— Покрышкин! Покрышкин! Я «Тигр». Над нами немцы. Атакуйте!

Это звала станция наведения. Надо было спешить к переднему краю. Я собрал восьмерку и взял курс на восток. Позади, словно сигнальные костры, догорали сбитые нами «юнкерсы».

Над Крымской мы застали двенадцать «мессершмиттов». Они, конечно, явились сюда, чтобы очистить небо перед приходом своих бомбардировщиков. А мы как раз только что рассеяли ту армаду, которую они поджидали.

Набрав высоту, моя восьмерка обрушилась на «мессершмиттов». Но они не приняли боя и быстро ушли в направлении Анапы. Мы не стали их преследовать. Боеприпасы и горючее у нас были уже на исходе.

В это время справа показались две группы «юнкерсов». Их сопровождала восьмерка истребителей. Что делать? Я повел группу в атаку.

Меткой очередью мне удалось сбить ведущего первом группы. Но патроны и снаряды кончились. Опустели контейнеры и у других летчиков. А вражеские бомбардировщики продолжали продвигаться к линии фронта.

Тогда я приказал группе:

— Сомкнуться! Имитируем таран!..

Летчики поняли мой замысел. Правда, раньше мы ни разу не ходили в «психическую» атаку всей группой, но сейчас другого выхода у нас не было.

Гитлеровцы не выдержали нашего дружного удара. Беспорядочно сбрасывая бомбы, они ныряли вниз и разворачивались на обратный курс. И как раз в это время появились наши истребители. Теперь нам можно было уходить. Мы свою задачу выполнили, не потеряв ни одного самолета.

5 мая наши войска овладели станицей Крымской. В этот день на аэродром не вернулся Вадим Фадеев.

Вражеская авиация окончательно утратила свое превосходство в небе Кубани. Наши бомбардировщики и штурмовики наносили теперь массированные удары по так называемой «Голубой линии» немцев. Истребители тоже действовали большими группами, встречая врага на дальних подступах к фронту.

Противник непрерывно укреплял оборону, подбрасывая на Кубань все новые и новые подкрепления. Казалось, именно здесь разыграется решающая битва. Но 8 мая и у нас смолкли орудия, притихли аэродромы.

На следующий день, теплым весенним утром, у КП собрался весь полк. Замполит Погребной, носивший, как и Фадеев, почетную фронтовую бороду, повел речь о победе войск фронта, об успехах наших летчиков. Затаив дыхание мы ожидали, что он скажет о Вадиме Фадееве. Вчера поздно вечером возвратились люди, ездившие туда, где упал его самолет. По отрывочным рассказам уже была восстановлена вся картина боя, в котором участвовал Фадеев, связаны в целое подробности последних минут его полета. Мы знали, что плавни, заросли камыша, над которыми Фадеев тащился на подбитой машине, навсегда поглотили тайну его гибели.

Погребной перечислял имена героев битвы за освобождение Крымской. Его голос звучал звонко, сильно и вдруг надломился. Замполит умолк и опустил голову. Мы поняли, чье имя было ему тяжело произнести. Оно жило, звучало в этом свежем воздухе, в

лучах солнца. А человека не было. На лице Погребного мы увидели слезы и тоже безмолвно склонили головы. Эта минута общего молчания была солдатским прощанием с нашим другом, товарищем, коммунистом.

Замполит снова заговорил о бессмертии наших подвигов, о счастье народа, за которое мы сражаемся, о завоеванном господстве в небе Кубани. Все это сливалось с образом Вадима Фадеева. Он был человеком большой души, неисчерпаемого оптимизма, железной веры в победу. Я слушал Погребного, призывавшего нас крепиться духом, отомстить за Фадеева в грядущих боях, слушал — и думал, думал о Вадиме.

Он стоял передо мной. Богатырь, щедро наделенный добротой, искренностью, душевной чистотой, юношеской неиссякаемой веселостью, выдумкой, энергией. За непродолжительное свое пребывание в полку он оставил в каждом из нас глубокий, неизгладимый след. А я с Вадимом не только взлетал с одного аэродрома, жил в одном общежитии, встречался за одним столом, обсуждал проведенные вместе бои. Я крепко дружил с ним.

Вадим еще там, в Манасе, умел шуткой, вызовом на откровенный разговор быстро устранять недоразумения, которые возникали в наших взаимоотношениях с Марией. Он сам затащил нас к местному фотографу, усадил перед объективом и сказал:

— Сними их, пожалуйста. Они, понимаешь… Ну, в общем они должны быть навсегда вместе. Снимай быстро!..

Он очень тонко угадывал настроение, состояние товарища и находил для него нужное хорошее слово.

Когда я узнал, что Фадеева не нашли, что он упал со своим самолетом в плавни, как было с Никитиным, мне стало еще дороже все то, что было пережито с ним вместе. Но я, привыкнув анализировать свои действия и поступки, теперь и потом еще много раз думал о поведении Фадеева в полетах и на земле, доискивался причин, которые привели его к гибели. Ведь все с чего-то начинается и к чему-то приводит.

Фадеев был командиром эскадрильи, как и я, мы занимали в полку одинаковое положение, но я был старше его, больше летал, больше сбил, на суровое дело войны смотрел несколько серьезнее, чем он, — этому научил меня жизненный, боевой опыт. Как друг, я всегда старался кое-что подсказать Вадиму, кое в чем поправить его. Так было после его «трюков» над аэродромом и в других случаях. Вадим, выслушав меня, обещал не делать больше ошибок. Речь шла об очень важных вещах — о тактике, об излишней самоуверенности в оценке врага, об образе жизни. Однако Вадим по молодости не всегда следовал моим советам,

иногда больше полагался на свою стихийную могучую волжскую натуру.

Людмила, стремясь больше быть рядом с Вадимом в эти заполненные боями дни, невольно отдаляла его от дружного коллектива летчиков полка. Мы же не только вели бои вместе, но и за товарищеской беседой на ужине и в общежитии, пока не засыпали, всегда обсуждали проведенные схватки с противником и особенности его действий. Вадима же после боевого дня с нами не было. Все это не могло не отразиться на боевой форме Вадима.

Группу, в которой летал в последний раз Фадеев, возглавлял я. В том вылете мы шли на линию фронта шестеркой: ввиду низкой облачности к моему хорошо слетанному звену подключили пару Фадеева. Я, как всегда, взял курс в тыл к немцам, чтобы там подловить бомбардировщиков. При подходе к реке Кубани Вадим стал отклоняться восточнее. На мои призывы приблизиться ко мне он отвечал согласием, но все дальше отходил от нас. Опытный летчик, он, конечно, понимал, что не должен отрываться своей парой от всей группы. Может быть, он, командир эскадрильи, поставленный мне в подчинение, старался показать, что сумеет действовать и без моих указаний, целиком самостоятельно. Над станицей Варениковской мы наскочили на группу «юнкерсов», которые, прикрываясь облаками, крались к линии фронта. Мое звено завязало с ними бой. Вадим же, идя далеко от нас, восточное, вышел на Крымскую, где в это время кружилась группа «мессершмиттов». Очень тяжело было Вадиму и Андрею Труду парой вести бой с двенадцатью вражескими истребителями. В том бою самолет Вадима был подбит. Андрей Труд, скованный боем, не смог оказать ему помощи. Мы же дрались с бомбардировщиками и истребителями далеко западнее и не знали, в какой ситуации оказался Вадим. Его израненную машину добили фашистские стервятники. Через некоторое время к нам пристроился его ведомый Андрей Труд.

И в последнем своем бою Вадим проявил присущие ему мужество и мастерство, но дали себя знать и обычные для него недооценка сил врага, пренебрежение реальной опасностью.

Эти мои раздумья, с которыми я ни с кем не делился, ибо не хотел бросить ни малейшей тени на светлый образ Вадима Фадеева, еще крепче утвердили меня в некоторых незыблемых нормах поведения летчика на земле и в воздухе. Нарушишь их — расплата придет неминуемо…

В эти дни, когда я бродил по земле как оглушенный, ко мне вдруг подошел незнакомый летчик и доложил о том, что он явился в мое распоряжение. Глядя на показавшееся мне знакомым лицо, я не сразу сообразил, почему, собственно, он явился именно

ко мне. А стоял передо мной не кто иной, как Олефиренко.

— Отпустили? — спросил я.

— Отпустили, товарищ капитан.

— Значит, будем начинать с самого начала?

— Да, с полетов по кругу, — смущенно улыбнулся Олефиренко. Он, немолодой уже летчик, действительно должен был начинать с азов.

— Устроились с жильем?

— Да. Спасибо.

— Когда ж начнем?

— Хоть сейчас, товарищ капитан.

— Пошли к машине!

Настроение энергичного, целеустремленного Олефиренко передалось и мне. Я тоже загорелся желанием поскорее подняться с ним в небо.

15. Молодые крылья

За месяц пребывания на фронте мы потеряли несколько летчиков и десять самолетов. В середине мая командир поручил мне слетать в Ставрополь, где находился запасной полк, подобрать пополнение. Я с удовольствием взялся за это дело. Хотелось и в городе побывать и самому выбрать хороших летчиков.

— Завтра утром этим займемся, — сказал начальник штаба запасного полка, возвращая мне командировочное предписание. — Соберу резерв и познакомлю вас с летчиками. Их у нас много.

«Их у нас много...» Это же замечательно! Значит, я смогу выбрать лучших.

Когда я на следующее утро пришел в расположение полка, люди уже стояли в строю. Тут были и совсем молодые и постарше, одни в летной форме, другие в общевойсковой; у некоторых на груди сверкали ордена и медали. Летчики с любопытством посматривали на меня, фронтовика. Они уже знали, с какой целью я сюда прибыл. Всем хотелось обратить на себя внимание и попасть в число отобранных. Я шел вдоль строя и старался выбрать таких, которые хоть чем-нибудь — взглядом, осанкой, выправкой — напоминали бы Атрашкевича, Дьяченко, Миронова, Никитина, Науменко, Овсянкина, Фадеева, Островского... Хотелось, чтобы на смену погибшим в полк пришли надежные бойцы, достойные звания гвардейца.

В конце шеренги навстречу мне шагнул лейтенант в новеньком солдатском обмундировании. В глаза мне сразу бросилось его обезображенное шрамами лицо. Красные обгоревшие веки казались свежими ранами, даже губы имели какой-то неестественный цвет. Передо мной стоял образ самой войны.

На фронте я боялся только одного — стать калекой. Сама смерть казалась ничтожной по сравнению с увечьем. Ведь не зря даже в песне поется: «Если смерти — то мгновенной, если раны — небольшой». И вот передо мной человек, которого постигла настоящая трагедия.

— Товарищ капитан, возьмите меня, — тихо сказал лейтенант, и я заметил, как глаза его увлажнились. — Мне надо воевать! А я отсиживаюсь здесь.

Я не сразу нашелся, что ему ответить.

— На какой машине летал? — спросил его наконец, надеясь, что он окажется не истребителем.

— На «горбатых». Штурмовал. Подожгли «худые», — ответил лейтенант.

— Нам ведь нужны истребители, — пояснил я, довольный, что нашелся предлог для отказа, хотя в душе мне было искренне жаль лейтенанта.

— Я быстро переучусь, — поспешил он меня заверить. — Вы не знаете, сколько во мне сейчас ненависти к врагу и желания драться. Я должен стать истребителем. Мне нужно сполна рассчитаться с фашистскими гадами за то, что они сделали со мной.

На глазах у лейтенанта сверкнули слезы.

— Хорошо, я запишу вашу фамилию, — вынужден был ответить я.

Потом я беседовал с другими летчиками, расспрашивал, где воевали, как попали в запасной полк. Слушал их ответы, а сам все время думал о лейтенанте. Нет, решил я, нельзя брать такого в полк. Один его вид будет морально угнетать молодых летчиков. И не только молодых. А в бою, когда понадобится полезть на огонь пулеметов или пойти на таран, человек может и дрогнуть, вспомнив, что лицо у него может оказаться таким же, как у этого лейтенанта. И я окончательно решил: лучше никого не брать отсюда, чтобы не обидеть обгоревшего летчика.

Под вечер зашел в штаб, отметил командировку и попросил автомашину, чтобы побыстрее добраться до аэродрома. Мне отказали. Я высказал недовольство: если меня не подвезут, мне придется еще одну ночь провести здесь без дела.

В комнату вошел полный, высокого роста подполковник. Внимательно посмотрев на меня, он грубо сказал:

— А, это ты здесь поднял бучу? Что, опять хочешь попасть на «губу»?

Я тоже узнал его. Это был командир запасного полка Губанов, с которым мне когда-то довелось столкнуться под Баку.

— Никто никакой бучи не поднимает, товарищ подполковник, — возразил я, стараясь сохранить спокойствие.

Просто мне нужна машина, чтобы доехать до аэродрома, иначе я не успею сегодня вылететь. Я же сюда прибыл не на гулянку!

— Дойдешь и пешком. И чем скорее уйдешь, тем лучше для тебя. Идите!

Губанов еще что-то сказал, но я не расслышал его слов. Во мне все кипело. Зачем он напомнил о тех днях, когда надо мной нависала угроза расправы? Может быть, его злят мои новые ордена? Откуда это грубое отношение к человеку, и в такое время, когда люди должны быть особенно чуткими друг к другу?

Неужели подобных типов даже война не очищает от мелочных чувств? Война... Но чувствует ли он ее здесь, в запасном полку?

Возвратившись домой, я доложил обо всем, что помешало мне отобрать в ЗАПе летчиков. Краев и Погребной согласились с моими доводами. А дня через два к нам прибыла большая группа летчиков из соседней части, уходившей в тыл на переформирование.

В тот день, прилетев с боевого задания, я встретил у КП Дзусова. Недавно его назначили командиром нашей дивизии, повысив и в должности и в звании. Высокий, плечистый, в ладно сшитом обмундировании, Ибрагим Магометович первый раз появился в нашем полку как комдив. Был он в хорошем, приподнятом настроении.

— Покрышкин, пополнение прибыло, — сказал он, кивнув на стоявших в сторонке летчиков. — Будешь учить молодых по своей системе. Ваши летчики, вам и карты в руки.

— У меня есть другие карты, товарищ комдив, — ответил я, похлопав по планшету. — Надо летать и воевать.

— Одно другому не помеха. Будешь и летать и учить молодежь.

— Есть!

— Идем, познакомлю тебя с ребятами.

Когда мы подошли к группе летчиков, мне, как и в запасном полку, первым попался на глаза лейтенант со следами ожогов на лице. Правда, у него были обожжены лишь щеки, обычно не защищенные шлемом.

Летчик выделялся среди товарищей не только лицом, но и атлетическим сложением.

— Лейтенант Клубов, — представился он, когда мы подошли к нему.

— Где горел? — спросил Дзусов.

— Под Моздоком, товарищ полковник.

— Знакомые места, — оживился комдив, щуря черные осетинские глаза. — На чем летал?

— На «чайках».

— У нас «кобры». Видел?

— Видел. Осилим, товарищ полковник. Пошли дальше.

— Лейтенант Трофимов, — степенно козырнул худенький низкорослый летчик с голубыми выразительными глазами.

— Воевал?

— Три сбитых, товарищ полковник.

— А вы?

— Солдат Сухов.

— Как так солдат? Зачем мне солдаты?

— Я летчик, товарищ полковник. Только после школы воевал в кавалерии.

— Непонятно. Проверьте, в чем дело, — обратился ко мне комдив.

— Есть проверить!

Я бегло взглянул на стройного, подтянутого Костю Сухова. На нем было все старенькое, выцветшее — брюки, гимнастерка, обмотки. Только черные глаза глядели молодо, весело, даже озорно. Он как бы говорил взглядом: «Что ж, проверяйте. У меня все в порядке. Уже не одному рассказывал свою историю, расскажу и вам».

Я улыбнулся ему и сказал:

— Значит, солдат? Ну что ж! Мы тоже солдаты. Потом представились остальные летчики: Голубев, Жердев, Чистов, Карпов, Кетов, Березкин... Последний чем-то напомнил мне погибшего Островского.

— Чего такой худой? — поинтересовался я.

— В школе кормили плохо, а летали много, — смущенно ответил младший лейтенант. Мне показался он скованным и нерешительным.

Как-то, возвратясь из полета, я увидел, что замполит Погребной беседует с молодыми, расположившимися в тени на траве. Прислонясь плечом к дереву, я стал слушать. Погребной рассказывал о боевом пути нашего полка, о его людях. Он называл имена, которые им, пополненцам, ничего не говорили, потом перечислял подвиги летчиков, выдающиеся бои, коснулся наших тактических новинок. Последнее захватило их. Они слушали замполита с интересом — он умел все рассказанное объединить одной мыслью: вот история нашего полка, и вы, молодые, должны продолжить ее не хуже, а еще лучше тех, кто уже отдал своему полку, Родине много сил, а то и свою жизнь.

Мне хотелось поскорее сблизиться с этими людьми, передать им все, что я знал, что умел. Было уже ясно, что мы не будем долго стоять на Кубани, что лето потребует от нашего полка участия в больших сражениях на Украине, и летчиков нужно было немедленно готовить к серьезным боям.

В тот же день я почти со всеми молодыми побывал на учебном самолете в воздухе. Там, в зоне, убедился в том, что Клубова, Трофимова, Голубева, Сухова, Жердева, Кетова можно быстро подготовить и выпускать на боевое задание. А Вячеслава Березкина, очевидно, придется отправить доучиваться в запасной полк. Такого летчика, у которого не отработана координация движений, четкость при управлении машиной, во фронтовых условиях готовить очень трудно.

Начались занятия. Молодежь училась летать в составе группы, постигала секреты летного мастерства, накопленные в нашем полку.

Как-то во время перерыва я услышал рассказ Сухова о том, почему он, летчик, остался без звания.

— Давай, Костя, со всеми подробностями, — предложил Клубов, смеясь. — О верблюдах, о фотографиях.

— Вы разве уже слышали об этом? — удивился я.

— Десятки раз! — сказал Жердев. — В резерве, когда нечего было делать, мы то и дело упрашивали его: расскажи, как воевал на верблюдах, время пройдет быстрее.

Сухов, улыбаясь, подождал, пока все смолкли.

— Военная история, да и только. Чего они ржут, не знаю, — начал он. — Я на «гражданке» занимался фотографией, работал, значит, по этому делу и учился в аэроклубе. Поступил в училище, здесь же, на Кубани. Окончил, сдал зачеты, школа послала на присвоение звания, а в это время немец взял Ростов, форсировал Дон и попер на кубанские степи. Нас послали как курсантский батальон на фронт. Там попал в кавалерию пулеметчиком. Действовали на Черных землях. Кто-то подал идею использовать верблюдов.

Сели мы на верблюдов, пулеметы даже приспособили на их спинах и так сражались в калмыкских степях. Там и ранило меня. Потом пришел приказ всех летчиков направить в авиачасть. И вот вам солдат-летчик! Пока привыкли ко мне, не одному начальнику рассказывал свою историю. «Так, может, тебя в кавалеристы или в верблюдисты записать? — спрашивали. — Летчиком ты ведь не воевал». Я настоял на своем. Потянуло меня в авиацию, как влекло когда-то мальчишкой. Все-таки я не зря попросился в авиашколу, я когда-то мечтал о ней!

— Расскажи, Сухов, как ты перепутал все фотографии и тебя чуть донские казаки не побили, — предложил кто-то из слушателей.

— Это в следующий раз, — смеясь, отмахнулся Сухов.

Виктор Жердев, Александр Клубов и Николай Трофимов раньше всех овладели «коброй». С ними я начал отрабатывать учебные воздушные бои. А сибиряк Георгий Голубев стал моим ведомым.

Регулярно проводились и теоретические занятия с молодыми летчиками. Они изучали конструктивные особенности и вооружение вражеских самолетов, тактику немецкой авиации. Пользуясь макетами, мы разыгрывали различные варианты воздушных боев, отрабатывали наиболее выгодные маневры и способы атак:

— ...Нам навстречу летит девятка «юнкерсов»... Вы ведущий шестерки истребителей. Ваше решение?

Летчик отвечал, как он намеревался организовать атаку.

— Схватка уже началась. Но вот из-за облаков вывалилась шестерка «мессершмиттов». Ваше решение?

Чаще всего я разбирал с молодыми летчиками отдельные поучительные бои, проведенные истребителями нашего полка. При этом ставил им конкретные вводные, развивая у них тактическое мышление, приучал самостоятельно анализировать свои ошибки.

Нашу землянку в Поповической называли классом, авиашколой, даже академией. Стены ее были увешаны схемами, плакатами, на столе стояли макеты вражеских бомбардировщиков и истребителей.

Вскоре Клубов, Трофимов, Сухов, Жердев и Кетов закончили подготовку к боевым полетам. Не ладилась учеба лишь у Вячеслава Березкина. Он загрустил, чувствуя, что его откомандируют обратно в резервный полк. Однажды Березкин подошел ко мне и, чуть не плача, попросил:

— Товарищ капитан, разрешите мне летать. Я не знал, что ответить. Жаль было «убить» парня плохим отзывом о нем. Я пообещал заняться им, но меня опять отвлекли боевые полеты. С этим же вопросом — когда выпустите в полет Березкина? — однажды обратился ко мне и комсорг полка Виктор Коротков. Он заявил, что говорит со мной по поручению комсомольской организации, что с комсомольцем Березкиным по его настоянию беседовали на бюро, на собрании. Березкин там заявил, что он, комсомолец, не имеет права в эти дни болтаться без дела на аэродроме, когда другие сражаются с врагом.

С тех пор я стал больше присматриваться к Березкину. Послать его в полет с группой без предварительной подготовки у меня не было и в мыслях. Больше всего я боялся подвергнуть молодого летчика в первом же бою смертельной опасности. Если он и выходил из подобного испытания живым, над ним потом очень долго довлел инстинкт самосохранения. Этот инстинкт так сковывал некоторых, что в нужный момент такой летчик не мог проявить дерзость, смелость и погибал там, где можно было легко выйти из опасного положения.

— С завтрашнего дня начнем тренировку, — сказал я комсоргу и Березкину.

Но на следующий день и потом почти целую неделю я не смог летать с Березкиным. В первом боевом вылете с молодыми, в трудной схватке с «мессершмиттами» Клубов, лучший из всех пополненцев, моя надежда, со своим ведомым Жердевым

оторвались от группы, потеряли ее в «карусели» самолетов и не возвратились на аэродром. Только вечером нам стало известно, что они все-таки сбили одного немца и приземлились в Краснодаре. Меня это очень огорчило, и я начал тренировки с молодыми на отработку взаимодействия. Надо было научить их железному соблюдению главного закона слетанности: не отрываться от своих! Нарушение этого закона стоило нам уже не одной жизни.

В конце мая пришла, наконец, долгожданная весточка от Марии. Она писала, что жива и здорова, что много думает обо мне и очень переживает, когда читает в газетах о воздушных боях над кубанской землей. Письмо так сильно взволновало меня, что я решил, пока позволяет затишье на фронте, немедленно повидаться с ней. Сразу же пошел к Краеву.

— Товарищ командир, — обратился я к нему, — разрешите на денек слетать к Марии. Она сейчас находится под Миллеровом.

— К той самой блондинке?

— Да, к ней, — ответил я, стараясь быть спокойнее.

— Ох уж эта мне любовь! — продекламировал Краев, прохаживаясь по комнате. И, остановившись передо мной, сказал:

— Ладно. Лети.

— А можно на УТ-2? — осмелился я еще на одну просьбу.

— Бери, бери... Вижу, пропал Покрышкин! — захохотал Краев, хлопнув меня по плечу. — Но учти, послезавтра быть в полку.

— Есть! — радостно козырнул я и побежал на аэродром.

В своем письме Мария не могла точно указать, где находится их часть. Но одна строчка прояснила все: «Таисия живет под Миллеровом». А Таисия — подруга Марии.

Подлетая к Миллерову, я стал внимательно следить за воздухом. Аэродром обнаружить было не так сложно: над ним почти всегда кружат самолеты.

Приземлившись, я увидел возле одной из стоянок полуторку и решил узнать у водителя этой машины, где располагается нужная мне часть. Им оказался хорошо знакомый мне по Манасу пожилой усач.

— Капитан Покрышкин! Здравия желаю! — еще издали приветствовал он меня.

Я поздоровался, радуясь, что именно он первым встретился на моем пути... Не забыла ли Мария обо мне? Ведь мы расстались с ней очень давно, а жизнь фронтовая. И решил, если услышу, что стала другой, — немедленно улечу назад.

Шофер стал расспрашивать о положении на нашем фронте, о

моих личных успехах, но я отвечал рассеянно и все думал, как перейти к нужному для меня разговору. Но меня выручил мой собеседник. Вспоминая манасских знакомых, он упомянул и приветливых девушек из медсанбата.

— А вы не помните медсестру Марию?

— Ну, как же не помнить! — оживился шофер. — Недавно она мне руку перевязывала. Добрая девушка. У нас все ее уважают. Постойте, постойте! — хитро улыбнувшись, воскликнул шофер. — Да вы же, наверное, к ней прилетели! Ну конечно, к ней. Ведь в батальоне все считают ее вашей женой.

Мне стало стыдно за свою подозрительность.

— Точно, к ней, — весело ответил я. — А ты не подбросишь меня на своей машине?

— О чем разговор! Конечно, — отозвался он. И, садясь в кабину, добавил: — Вот обрадуется!

— Вот здесь санчасть, товарищ капитан, — сказал водитель, остановив полуторку у побеленной хаты.

Поблагодарив шофера, я выпрыгнул из кабины и сразу заметил в окнах мазанки несколько любопытных лиц. Потом там кто-то вскрикнул. И вот выбежала она, Мария, за ней веселой стайкой все медсестры.

Девушки всей гурьбой провели меня к той хате, где они стояли на квартире. Начались хлопоты. Марии предстояло впервые принимать, угощать парня.

— Чем же тебя покормить? — спросила она каким-то неуверенным голосом. — Вы же народ капризный.

— Что приготовишь, то и ладно.

За один день, который мы провели вместе, мы исходили все тропки вокруг Старой станицы. Поговорили, кажется, обо всем, насмеялись и погрустили. Первого, конечно, вспомнили Вадима. Когда я сказал Марии, что он погиб, она заплакала. Припомнились вечера, проведенные втроем, в Ма-насе, все шутки и выдумки Вадима. Однажды Вадим прибежал к Марии в санчасть среди дня, когда там стояла большая очередь на перевязку, протиснулся к столу и вдруг громыхнул своим голосом:

— Я пришел узнать, ты Сашку очень любишь или нет? Мы посмеялись тогда и над собой и над «лобовыми приемами» Вадима. В оценке своих и чужих поступков мы с Марией почти всегда сходились. Наверно, эта общность объединила нас. Мы одинаково угадывали искренность и фальшь в поведении других, любили честность, прямоту. В моих глазах Мария сразу стала на голову выше других девушек еще тогда, в Манасе, когда она, все узнав обо мне, о моих неурядицах по службе, отнеслась к ним точно так, как относился к ним я. Она поняла меня, поверила

мне, но она также требовала отрешиться от некоторых холостяцких привычек. Я реагировал на ее замечания по-разному: то поступаясь чем-либо, то ощетиниваясь против нее. Погостив целый день, я собрался к вечеру улетать. Мария захотела проводить меня на аэродром, к самолету. Я не согласился. Она удивилась. Объяснить ей свои мотивы я не мог: все летчики на фронте считали, что женщина у самолета — дурная примета. Мария этого, очевидно, не знала, но не настаивала на своем. Я простился с ней в станице и ушел на аэродром.

Здесь обнаружилось вдруг, что нечем заправить мой УТ-2, так как для него нужен особый бензин. Такой бензин был только на соседнем аэродроме. Я улетел туда, а когда снова поднялся в воздух, было уже поздно. Что ж, пришлось опять садиться у станицы Старой и стучать в окно к Марии...

Рано утром я улетел на Кубань. Тот же маршрут, те же степи и станицы. Но и земля, и сегодняшняя моя жизнь, и будущее казались обновленными. Все вокруг стало родней, дороже. Моим чувствам словно прибавилось силы. Мечта о завтрашнем дне приобрела конкретность. Имя Марии слышалось в звуках мотора. Эх, скорее бы покончить с этой войной!..

На нашем аэродроме было очень мало самолетов. Такое в последнее время случалось довольно редко. Я подрулил к стоянке. Вижу, от моей машины ко мне бежит техник Чувашкин. Почему он так торопится? Это удивляло и тревожило. Запыхавшись, он на расстоянии перешел на шаг и что-то прокричал. Я посмотрел в небо — там ничего не видно.

— Слышали?.. Сегодня...

Мне хотелось посмеяться над всегда спокойным, даже медлительным Чувашкиным.

— Поздравляю, товарищ капитан!.. Сегодня по радио... Вы Герой Советского Союза!

Стараясь скрыть мгновенно наполнившую меня радость, я спросил:

— Еще кто?

Чувашкин обеими руками схватил мою руку, я обнял его за плечо другой. Мы прижались друг к другу.

— Поздравляю! Как это хорошо! На Кубани!.. Еще кому? Крюкову, Борису Глинке, Речкалову, Фадееву. Еще из других полков ребята.

Имена летчиков, руки техника... Они говорили мне о годах, о боях, о дорогах войны... Эх, Вадим! Не дожил...

Мы шли по мягкой, молодой траве. В небе нарастал гул. Он был необычно мощным. Прямо через наш аэродром с востока на запад шли одна за одной, целой армадой девятки «Петляковых».

Звонким ревом наполнился весь небосвод.

— Наступают, — просто сказал Чувашкин.

— Да.

— За два дня столько событий. Сегодня наши наступают. А вчера они, гады... Такая неприятность в полку.

— Что случилось?

— Налетели «фоккеры» и обстрела и стоянки. Ранили летчика, убили инженера. Как будто знали, что вас нет дома.

— Ну, при чем тут я!

— Может, побоялись бы. Все ж говорят, когда вы там, наверху, они такой галдеж в эфире поднимают: «Ахтунг, ахтунг, Покрышкин в воздухе!»

— Кого убили?

— Урванцева. Единственная пуля попала в его будку и прямо в висок. Из летчиков молодого ранило. Ногу ампутировали ему, умер.

Вот так и воспринимай все как есть: свою радость вместе с общим горем. Дели свою радость на всех, бери на себя часть гнетущей печали утрат.

Фамилии «молодого» Чувашкин не смог назвать. Это подсказывало мне, что он не из тех, кто уже был на виду, имел свою машину. Неужели Березкин?..

Мы подходили к землянке КП — оттуда вышло несколько человек. Они приветливо улыбались. Первым среди них я узнал Погребного. Он погладил свою бороду и поднял над собой обе руки. Рядом с ним стояли Березкин, Коротков, Пыжиков — мой земляк из Новосибирска, друг по ФЗУ, недавно назначенный в наш полк на должность пропагандиста. Где-то из-за них показалась голова майора Краева. «Да, летчики все на работе», — подумалось мне. Погребной первый шагнул мне навстречу, и я обнял его как родного.

16. Знакомые маршруты

До свидания, Кубань!

Эти слова звучали гулом наших моторов над уже колосившимися нивами, над рекой, затененной вербами, над станицами и городами чудесного края, пережившего короткую, но тяжелую, опустошительную немецкую оккупацию.

Кубань... Она уже трудилась для фронта, для победы. Наш полк в числе других частей оставлял ее, чтобы влиться в другие фронты. Небольшой плацдарм на Таманском полуострове, еще удерживаемый немцами, был окружен надежным кольцом.

Полк перелетел в район Донбасса. Августовская жара, грозы, высокое, пепельного цвета небо, пыльные дороги, духота южных ночей, хорошо знакомый маршрут, пролегавший через Тихорецкую, Ростов, Новочеркасск, — все это напоминало ветеранам нашего полка о прошлогоднем лете. Сегодня мы летели на другой участок фронта, чтобы громить, гнать врага на запад. Мы чувствовали в себе силу, уверенность, ждали решительных боев, победоносных наступлений нашей армии.

Мы помнили лето сорок первого и сорок второго годов. Противник отброшен далеко, но он силен, его резервы еще огромны. Не прорвутся ли где-нибудь его танковые армии и е заставят ли нас снова отходить, бросать города?

Что таила в себе эта тишина на переднем крае, пролегавшем по нашей земле на тысячи километров, тишина, слышимая в каждодневных сводках Совинформбюро: «Существенных изменений не произошло»?

Да, мы чувствовали это затишье. Когда вели бои на Кубани, понимали, что это были схватки «местного значения», хотя и очень тяжелые. Мы ждали больших событий, наступления наших войск. Нам хотелось участвовать именно в таких крупных операциях.

Все, что ожидало нас впереди, было пока что неопределенным, но оно рисовалось нам в светлых красках потому, что на Кубани мы победили.

Небо Кубани... Здесь, в районе наступления, собиралось одновременно несколько сот наших и немецких самолетов. Взятые в плен немецкие летчики засвидетельствовали, что сюда в конце мая были переброшены свежие отборные части из-под Харькова. На Кубани их здорово потрепали. В одном бою, который длился около часа — он расчленился на мелкие группы, нарастая, охватывая огромное пространство, — было сбито сорок два самолета противника. Кстати, вражеский ЯК был сбит здесь

таким образом: в один день запретили появляться в воздухе всем нашим ЯКам, и тот, оказавшись в небе один, был сражен летчиками соседнего полка.

В боях над Таманским полуостровом получили первое испытание наши молодые летчики — они показали, что гвардейский стиль истребителя им по душе. Основные неприятности и тревоги при вводе их в сражения уже были позади. В мае мы провели трудный бой с «мессершмиттами», в котором Трофимов открыл свой счет в нашем полку. Трофимов, Кетов, Клубов, Сухов, Жердев, Голубев здесь сдали «экзамены» на зрелость. Однажды во время боя Сухов включил высотный корректор мотора вместо форсажа. Мотор ужасно задымил. Я спросил летчика по радио, в чем дело, но он не смог мне ответить. На земле определили его ошибку.

— Спокойней надо действовать, — сказал я ему.

— Понимаю и знаю, товарищ капитан, — ответил он. — Но этому как раз я еще не научился. К нам подошел Клубов.

— Здорово у вас получилось, — сказал он.

— Что получилось? — спросил я.

— Атака «мессера» на спине.

— Я что-то не обратил внимания.

— Точно, на спине. Это все видели. Отличное попадание — сразу вспыхнул.

В эти дни наш Искрин, гармонист, весельчак, друг певучего Труда, выпрыгнув с парашютом из горящего самолета, ударился о киль и раздробил ногу. Теперь уже не быть ему летчиком. Еще одного своего ветерана лишился полк.

Кубанская земля... Она уже была где-то за голубым горизонтом, а я все думал о ней, о друзьях, навсегда оставленных в ее могилах, на дне морском... Они погибли недаром. Поглядывая на боевой порядок группы, я радовался, что смена погибшим так четко идет в строю. Наши бои, наши могилы на Кубани помогут тем, кто сражается на других фронтах. Выстояв на Кубани, мы верили, что враг теперь не пройдет нигде.

На Кубани я почти все время воевал на самолете под № 13, сбил на нем более двух десятков вражеских машин. Когда пришли новые «аэрокобры», я решил заменить свою на одну из них, более мощную по вооружению. Мою передали Степанову. Он не пожелал летать на «тринадцатой», и ему дорисовали 0. В первом же бою его сбили. Сейчас на моей машине трехзначный номер, и мне приказали не называть себя по фамилии, потому что немецкие истребители уже охотились за мной. Попробовав представиться летчикам этой цифрой, я чуть не сломал себе язык. У ребят эта тарабарщина вызывала общий смех. «Нарисуйте мне

сотку, — сказал я. — Я сотка, я сотка. Кратко и хорошо, не правда ли?» С тех пор я летал на самолете под №100.

...Как-то в начале июля меня подозвал к себе Погребной.

— Есть для тебя общественное поручение, Александр.

— Что, тренировать молодых летчиков? — пошутил я.

— Нет, дорогой. Завтра тебе надо быть в Краснодаре. Там начинается судебный процесс над изменниками Родины. Послушаешь, потом расскажешь нам, что там происходило.

— Сами бы поприсутствовали и лучше бы рассказали, — ответил я.

— Тебе, летчику, Герою, оно сподручней. Там представители из Москвы будут. Алексей Толстой, говорят, прибыл.

— Писатель? — спросил я, хотя понимал, что речь идет именно о нем.

— Конечно.

Уж куда тут отказываться! На второй день я полетел на ПО-2 в Краснодар.

Здание, где происходил судебный процесс, окружала огромная толпа народа. Меня провели в помещение через двор. Я очутился в комнате, где собралась коллегия, представители общественности. Заседание еще не началось. Знакомясь с присутствующими, я искал глазами Алексея Толстого. Его романы я читал. «Петр Первый» вызывал во мне восхищение не только как художественное произведение, изображавшее выдающуюся личность в истории России, но и как свидетельство большого творческого, научного труда писателя.

В тесном кругу гражданских людей увидел рослого, полного человека в сером костюме, с покатыми плечами, чуть сутуловатого, с крупным лицом, седоватыми, обильными на затылке волосами.

— Познакомьтесь, — произнес кто-то, обращаясь к Толстому. — Летчик-герой с нашего фронта.

Писатель обернулся ко мне, не изменив серьезного, даже немного угрюмого выражения на своем лице. Он подал мне руку. Я назвал свою фамилию. Толстой кивнул головой и продолжал прерванный разговор. Я стоял, слушал, смотрел на него. Вскоре нас всех пригласили в зал заседаний.

Несколько часов мы слушали обвинительное заключение по делу военных преступников, изменников Родины, действовавших в Краснодаре в дни оккупации города немецкими войсками. Здесь впервые я постиг всю сложность событий, которые разыгрывались в наших оккупированных городах, всю глубину падения отдельных людей, продавшихся врагу, услышал, какие тяжелые злодеяния творили гитлеровские офицеры и солдаты.

Концлагеря, машины-душегубки, рвы, заполненные расстрелянными стариками, женщинами, детьми... От этих страшных подробностей в жарком зале по спине пробегал мороз. Хотелось скорее идти в бой.

На скамье подсудимых я узнал учителя танцев, который в Доме офицеров обучал молодых военных, в том числе и меня. Среди замученных я услышал фамилию краснодарского врача, с дочерью которого я был знаком. Факты, предъявленные комиссией по расследованию злодеяний, потрясали своей неимоверной жестокостью. Приговор преступникам краснодарцы — те, кто был в зале и там, за окнами, на улице, встретили бурными аплодисментами.

После суда нам, приглашенным на процесс, устроили здесь же, в этом здании, обед. Когда все зашли в тесную комнатку, я снова обратил внимание на Алексея Толстого. Он стоял мрачный, угнетенный. Усаживаясь, я взялся за спинку стула.

— Летчик, садись-ка тут, — услышал я. Толстой подзывал меня к себе.

Завязался разговор. Я задал ему несколько шаблонный, но законный вопрос: почему литераторы так мало пишут об авиации? В то время действительно о летчиках-фронтовиках в литературе ничего серьезного, значительного сказано не было.

— Это верно, — согласился Толстой. — Но надо полагать, что это не потому, что авиация не заслужила очерков, повестей, романов. Просто ее мало знают наши писатели. Я считаю, что каждый воздушный бой истребителей — это неповторимое произведение военного искусства. Кто из нас, писателей, разбирается в нем? Никто. — Алексей Толстой все горячей увлекался темой нашей беседы. — Вот я читал в газете о том, что летчик во время боя неожиданно выполнил какой-то маневр, кажется, переворот, и это сразу изменило всю ситуацию. А что такое этот переворот? Каждый такой специфичный термин — это слиток опыта, мысли, энергии, заложенных в нем, а я не понимаю его. Мне нужно изучить ваше дело, прежде чем взяться писать о вас.

Он предложил выпить за летчиков, и все наполнили бокалы вином.

Возвращаясь домой, я думал над тем, что расскажу товарищам о процессе, вспоминал все, что сказал Толстой. Да, если писатель не берется за тему, которую он не знает, считая, что прежде ее нужно глубоко изучить, это говорит о его талантливости, о серьезном отношении к своему труду и к труду других.

Кубань... Ты будешь помниться мне всю жизнь и встречей с

большим русским писателем, посетившим тебя в трудное время.

До свидания, Кубань!

На горизонте уже показались знакомые приметы шахтерского края. Терриконы, терриконы...

Приземлились в городе Н. Оставив самолет на стоянке, я направился к командному пункту: по поручению Краева, который задерживался в Поповической, мне надлежало присмотреть за полком на новом месте.

Дул горячий, порывистый ветер, было жарко. Кажется, точно такой день на этом же аэродроме с чем-то связан в моей жизни... Да, это было год тому назад. Я прилетел сюда за «мессершмиттом», чтобы перегнать его в Славяносербск. Тогда я услыхал у изрешеченного самолета рассказ о подвиге капитана Середы. Точно так же дул обжигающий степной ветер, под которым никла молодая трава.

Наши прибывали поэскадрильно, аккуратно заходили на посадку, отруливали к стоянкам. Кто-то промазал, протянул дальше, чем надо. Номер на самолете не разобрать. Вот почему, подумалось, начальник штаба иногда выходил на землянку с биноклем и обозревал аэродром, как поле боя.

У КП собирались летчики, готовые идти на задание. Но заданий нет. Наша дивизия теперь на особом счету — резерв главного командования, и его не торопятся бросать в дело. Времена изменились.

Приземлился наш УТ-2, и почти все повалили к нему. В багажнике этого самолета находились наш Кобрик и с ним еще одно приобретение полка — такса Киттихаук. Повзрослевшие собачонки, ставшие общим развлечением, перевозились впервые, и это событие вызвало интерес.

Гурьбой окружили самолет. Открыли багажник. Из него, сверкнув глазами, с лютым оскалом выпрыгнула овчарка Кобрик. Кто-то попытался приласкать его, но он прошмыгнул между ног и помчался в поле. Его звали, кто-то пробовал перехватить. Не тут-то было! Кобрик ошалело гнал дальше, пока не скрылся из виду.

Пока мы наблюдали за странным поведением овчарки, такса преспокойно уселась у самолета и, вывалив язык, ждала, что ей предложат дальше. Флегматик Киттихаук оставался верным себе.

Так я лишился своего четвероногого друга. Видимо, не авиационная была у него «душа», если покинул нас, летунов.

Настоящей, большой боевой работы, о которой мы все мечтали, здесь пока что нет. Прорыв немецкой обороны у Матвеева кургана заглох. Танки противника и авиация оказали нашим войскам сильное сопротивление. Наступления не получилось. На фронте до поры до времени все приутихло.

Наш полк перебазировался ближе к фронту. И это место было хорошо знакомым мне. Даже слишком хорошо! Год тому назад меня присылал сюда генерал Науменко, чтобы я предупредил зенитчиков о прилете наших «мессершмиттов». Я разыскал штаб, изложил наше предупреждение. Командир, выслушав меня, подозрительно осмотрел мои документы и позвал часового: «Мы задерживаем вас до выяснения». Под охраной я просидел здесь полдня, пока сюда не прилетели наши «мессершмитты» и не выручили меня. Но зенитчики все-таки не открыли по ним огонь.

На прикрытие переднего края теперь чаще всего водит эскадрилью Александр Клубов. Ведомыми ходят Олефиренко и Березкин. Каждый раз, когда они возвращаются с задания, я спрашиваю Клубова о том, как вели себя молодые бойцы. «Отлично, — отвечает Клубов, — но мы не дрались. Противник избегает встреч».

Но вот грянула битва на курской земле. Мы услыхали о ней в тот же день, когда началось наше наступление. На картах обозначались стрелы, вклинившиеся в оборону врага. Теперь все мысли, все чувства были там — под Курском. Нас звали тяжелые бои в районах Орла и Харькова. Газеты сообщали о больших воздушных сражениях. Вот бы где нам, гвардейцам, развернуться во всю силу! Но там летчики успешно делали свое дело и без нас. Наступление молниеносно развивалось. Посветлело небо, отлегло на душе, радость разлилась по всей нашей земле. Теперь всем стало ясно, что это лето будет нашим, что враг навсегда потерял свои преимущества, что наша победа близка.

Курская дуга разгибалась — Советская Армия освобождала город за городом. Противник начал перебрасывать свои части из Донбасса под Харьков. Мы ждали, что скоро и Южный фронт, возглавляемый генерал-полковником Толбухиным, перейдет к активным боевым действиям.

Наша авиация осуществляла налеты на железнодорожные узлы Харцызск, Ясиноватая, Макеевка. Эшелоны, нагруженные танками и машинами, были прекрасными целями. Немецкие истребители оказывали нашим штурмовикам и бомбардировщикам упорное сопротивление. Надо было блокировать их аэродромы. Мы с бомбардировщиками вместе уходили на задание, но они направлялись на железнодорожные узлы, а мы — на аэродромы, где базировались истребители. Группой, стреляя, проносились над стоянками. «Мессершмитты» сидели, прячась в капонирах. Мы кружились над замершим аэродромом, над спрятавшимися в укрытия «королями воздуха» и думали об «Ильюшиных» и «пешках», свободно действовавших над целью.

Вскоре и наш фронт перешел в наступление. Прорвав оборону противника, наземные войска двинулись вперед, в обход Таганрога. Застонала, задымила знойная украинская степь. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, цеплялись за каждый выгодный рубеж. В воздухе все чаще вспыхивали ожесточенные схватки.

Полки шли вперед по знакомым, омытым слезами и кровью дорогам, вспоминая имена тех, чьи могилы остались у Днестра, Днепра. Буга. Освобождая родную украинскую землю, плечом к плечу сражались воины всех национальностей нашей страны.

Нашему полку была поставлена задача прикрыть боевые действия кавалерийского корпуса генерала Кириченко, который вместе с приданными ему танками и артиллерией вводился в прорыв.

...Мы вылетели на задание шестеркой. Было очень рано. Наша станция наведения еще молчала, но мы специально выбрали такое время, зная, что гитлеровцы теперь чаще всего бомбят передний край на рассвете.

Шли на высоте четыре тысячи метров. Несмотря на утреннюю дымку, я по отблескам света на крыльях все-таки заметил пролетающую внизу группу «юнкерсов». Где-то поблизости должны были появиться и «мессеры». Оставив пару Андрея Труда для того, чтобы в нужный момент сковать их, я повел четверку в атаку.

Но бомбардировщики, оказывается, тоже нас увидели и стали в оборонительный круг.

Разогнав большую скорость, я не смог подвернуть машину для прицеливания и проскочил мимо «юнкерса». Пришлось резко выходить из пике и гасить скорость на горке. Мой ведомый Голубев должен был следовать за мной. Увидев, что он взмыл, повторяя мой маневр, я пошел в атаку. «Юнкере» был в прицеле. После первой очереди он перевернулся, подставил мне брюхо. Я тут же дал второй залп из пушки и пулеметов. Загоревшийся «юнкерс» вывалился из круга и пошел к земле.

— Сотка, бей «бомберов», идет подкрепление! — послышался голос нашей станции наведения.

Выходя из атаки, я заметил выше себя какие-то самолеты. Сначала решил, что это и есть подкрепление, но, когда они приблизились, понял: навстречу летят четыре «мессершмитта».

Лобовая атака успеха не принесла. Развернувшись, я стал заходить «мессерам» в хвост. Глянул вниз: «юнкерсы», беспорядочно сбросив бомбы, уходили на запад. Среди них мотались Сухов и Жердев.

В этот момент и пришло обещанное подкрепление. На

помощь нам спешила восьмерка ЯКов. Ей мы и передали эстафету боя. Пусть преследуют «юнкерсов».

Наша группа выполнила задачу. На земле горели уже четыре вражеских самолета.

— Иду на Куйбышево, иду на Куйбышево, — услышал я голос Жердева.

Мне тоже нужно было следовать к месту сбора.

Домой возвратились впятером, без моего ведомого. Я даже не заметил, когда и как его подбили. Но Сухов все видел. Он рассказал, что Голубев выскочил выше меня, когда я после безуспешной атаки пошел на горку. Заметив, что с высоты ко мне устремились два «мессера», мой ведомый пошел им наперерез, чтобы сорвать их атаку. Голубев сознательно подставил свою машину под удар вражеских истребителей. Он, можно сказать, грудью прикрыл своего командира.

Так доложил Сухов. А о том, что произошло с Голубевым на самом деле, мог рассказать только он сам. Я надеялся, что он остался жив.

Вскоре вернулась группа Речкалова. Олефиренко вылез из самолета мрачный.

— Ну, как дела, кубанский казак? — спросил я его. Так мы окрестили его еще на Кубани, и он гордился этим прозвищем.

Расстроенный Олефиренко только теперь заметил, что перед ним стоят все летчики группы и я, заместитель командира полка. Забыв доложить о вылете, он сорвал с головы шлемофон и швырнул его на землю.

— Плохо, товарищ гвардии майор! Никчемный из меня получился истребитель. Слабак, и больше ничего.

— В чем дело? Расскажи толком.

— В том-то и дело, что толку во мне никакого. Подкрался к «фоккеру», стрелял, стрелял, а он хоть бы хны — летит дальше, и все.

— Даже спасибо не сказал! — добавил Речкалов. Ребята засмеялись.

— А ты понял, почему его не сбил?

— Потому что не попал.

— А почему не попал?

Олефиренко умолк, и все притихли. Летчики привыкли к таким разборам прямо у неостывших самолетов. Они знают, что именно сразу после боя можно разобрать его во всех деталях, увидеть даже незначительные ошибки, сделать правильные выводы. Теперь они ждали от меня объективной оценки своих действий.

— На каком расстоянии открыл огонь? — снова задал я

вопрос Олефиренко.

— Метров с двухсот, как положено.

Я выбрал ровное место на земле, взял палочку и начал чертить схему. У меня тоже когда-то были подобные ошибки: открывал огонь с дальности, определенной старыми наставлениями.

— Посмотри, — сказал я, указывая на схему, — как расходится пучок пуль, выпущенных из пулемета. На расстоянии трехсот метров они так рассеиваются, что только некоторые из них попадают в цель. Да и эти уже теряют убойную силу. А ты подойди к «мессеру» поближе, ударь по нему, скажем, метров со ста и тогда не будешь бросать шлемофон на землю. Правда, для того чтобы подойти к противнику на такое расстояние, истребителю необходимо иметь волю, выдержку, непоколебимое стремление уничтожить врага. Понятно?

— Понятно, товарищ гвардии майор!

— Не горюй, — ободрил я его. — Впереди еще много боев. Еще не одного фашиста отправишь с небес на землю.

Мне нравилось стремление Олефиренко до тонкостей изучить законы воздушного боя и стать настоящим асом. Ради этого он оставил свою тихую должность командира эскадрильи У-2 и пошел на фронт рядовым летчиком. У него на Кубани семья, родители. Он хочет возвратиться домой с доброй боевой славой истребителя.

Среди дня вернулся из разведки командир звена лейтенант Цветков, один, без ведомого — Славы Березкина. Их пара встретилась со злосчастным «фокке-вульфом-189», из-за которого когда-то погиб Даня Никитин. «Раму» прикрывали четыре МЕ-109. Цветков связал боем истребителей, а Березкину приказал уничтожить корректировщика. Молодой летчик атаковывал «раму» несколько раз, но безуспешно. Круто разворачиваясь, она уходила из-под огня. Тогда Березкин пошел на таран. Он на скорости ударил «раму», и она развалилась в воздухе. Сам Слава успел выпрыгнуть с парашютом. Но это случилось над передним краем. И Цветков, занятый боем, не успел заметить, в какую сторону отнес его ветер.

Весь полк тяжело переживал потерю молодого летчика. Всем было ясно, почему Березкин пошел на таран. Он не сбил ни одного самолета, и его, смелого и честного парня, мучила совесть. Я решил, если он возвратится в полк, побеседовать с ним об этом, поговорить о выдержке, предостеречь от неоправданно рискованных поступков.

Перед вечером нам сообщили из штаба наземной части, что лейтенант Березкин жив. Его, раненного, подобрали пехотинцы

на переднем крае и отправили в свою санчасть. Значит, помог ему счастливый ветерок.

В этот день, полный тревог и волнений, мы немного утешились, узнав об успехах наших наземных войск. Кавалеристы генерала Кириченко уже вышли в тыл врага и повернули своим левым крылом на Буденновку и Мариуполь. Штаб дивизии определил Буденновку как очередную базу нашего полка. Услышав об этом, Леонтий Иванович Павленко сразу обвел ее на карте красным карандашом. Когда спросили, зачем он это сделал, начстрой восторженно объяснил:

— Так це ж первое украинское село, в котором мы завтра или послезавтра будемо. Я на колена стану и поклонюся ридной земли. Оттуда ж будет уже Киев видно. Ей-богу ж, правда!

До наступления темноты мы еще несколько раз летали на прикрытие наземных войск. С высоты каждый наблюдал чудесную картину: наши танки и самоходные установки, пехота и кавалерия лавиной катились по дорогам и полям Приазовья. Полоса наступления советских войск настолько расширилась, что гитлеровцам стало невозможно заткнуть эту зияющую брешь. Наши войска выходили на оперативный простор.

Возвращаясь перед вечером с задания, я еще с высоты заметил у КП толпу людей. Сердце екнуло: значит, явился кто-то из потерянных. Сам или привезли?

Сел, поставил на место самолет и пошел к землянке. Туда тянулись другие люди. Словно поняв мое волнение, из толпы выбежал улыбающийся Голубев. Потом показался и перевязанный бинтами Березкин.

Нашлись, нашлись, дорогие мои соколята! Я крепко пожал руку Георгию Голубеву, обнял за плечи Славу Березкина: одна рука у него была забинтована и подвязана, второй он опирался на костыль. Подошел Сухов и, сверкая черными глазами, горячо заговорил:

— Все было так, как я рассказывал, товарищ гвардии майор. Точно! Вы тогда, увлекшись атакой на «юнкерса», не видели, что произошло.

Высокий горбоносый Голубев с улыбкой смотрел на Сухова. Ему не терпелось самому рассказать обо всем, что тогда случилось, но он из-за присущей ему скромности не решался. Да, он действительно подставил свою машину под огонь «мессершмитта», который атаковал меня.

— Это был единственный выход, — только и добавил Голубев к рассказу Сухова.

За такие героические поступки воинов награждали, о них писали в газетах. Но теперь, в разгар бурного наступления, когда

летчики нашего полка ежедневно отличались мужеством, находчивостью и показывали образцы верности долгу, мы отмечали добрые дела чаще всего тостом во время ужина. Хотя Краев и не собирал нас к столу, как это делал Иванов, мы сами сходились все вместе — по зову сердец, по закону боевого товарищества.

Вот и сегодня вся наша крылатая семья была в сборе: Речкалов, Клубов, Труд, Табаченко, Сухов, Жердев, Олефиренко, Трофимов, Голубев, Березкин... Я сердцем прирос к каждому из них. Добрая половина их — мои воспитанники. Мы по-прежнему не разлучались ни в воздухе, ни за столом. Даже машина моя все так же стояла рядом с их самолетами.

Сегодня у всех было особенно приподнятое настроение. Сколько радостных событий слилось в один праздничный аккорд: успешное наступление наших войск, прорвавших вражескую оборону на Миусе, подвиг Голубева и Березкина, предстоящий перелет полка в Буденновку, на берег Азовского моря.

Березкин сидел за столом с краю, худой и бледный. Когда кто-либо проходил мимо, он испуганно поднимал на него усталые глаза, боясь, как бы не задели его раненую ногу. Он рассказал, как обстреляли его свои же солдаты, потому что приземлился прямо на переднем крае, почти рядом с фашистами из экипажа «рамы».

Я смотрел на Березкина, слушал его и думал: конечно, таран — это подвиг, который может совершить только сильный духом и преданный Родине человек. Но теперь он, как говорится, вышел из моды, летчики не считали его главным оружием. К нему можно прибегать лишь в исключительных случаях, когда сложилось безвыходное положение и не осталось других средств для уничтожения противника. Березкин же, очевидно, имел возможность повторить атаку.

— Скажи, почему пошел на таран? — спросил я у него.

— Да я и не хотел таранить, просто столкнулся, — ответил он, заметно краснея. Все засмеялись.

— Как же так? — удивился я.

— Так вышло, товарищ командир. Жаль, что самолет потерял.

— Самолет найдется. Хорошо, что жив остался. Он вздохнул.

— Ну рассказывай, как все было.

— Я атаковал «раму» сверху. Думал, она сразу бросится в сторону и тут я прошью ее очередью. Но вражеский стрелок успел полоснуть по мне из пулемета. Наверное, я растерялся, почувствовав, как обожгло ногу, и не успел отвернуть в сторону. А потом — удар, треск, еле выпрыгнул... Рана у меня пустячная. В

полковой санчасти полежу, пока кость срастется.

— Нет, Березкин, — возразил я, — лечиться надо серьезно. Хочешь снова держать штурвал — ложись в госпиталь. Завтра же самолетом отправим.

— А потом вы меня примете? Я хочу вернуться только сюда.

— Зачем об этом заранее говорить? Вылечишься — тогда решим. Пошли отдыхать.

Утром Березкина отправили самолетом в госпиталь. Полк начал готовиться к перелету в Буденновку.

В это село мы прилетели перед началом нового учебного года. И нас как на грех разместили в здании школы. Додумался же какой-то начальник!

— Мы не должны засиживаться здесь, — в первый же вечер сказал кто-то из летчиков. — Ребятам надо учиться.

— Аэродромы освобождаем не мы, — послышалась ответная реплика.

— Кавалерия и пехота продвигаются, будь спокоен! Обеспечь только прикрытие с воздуха.

Сознание, что все — победа во имя счастья людей и даже вот учеба школьников — зависит от них, удесятеряло силы летчиков. Летали они много, сражались мужественно и умело. Клубов, Трофимов, Сухов, Лукьянов и Жердев, которых совсем недавно считали молодыми истребителями, теперь сами водили большие группы и успешно выполняли боевые задания в любых условиях. Особенно выделялся своей отвагой и мастерством Александр Клубов. Спокойный и немного флегматичный в обычной земной жизни, в воздухе он преображался, становился дерзким, решительным и инициативным бойцом. Клубов не ждал, а искал врага. У него была душа настоящего истребителя.

С таким летчиком уверенно идешь в бой — его не только уважаешь, а любишь, как дорогого и близкого человека.

В боевой обстановке часто бывают критические моменты, когда жизнь летчика буквально висит на волоске. Именно в эти минуты с наибольшей силой проявляются лучшие качества воздушного бойца. Клубов был смел, но не бесшабашен. Спокойный, хладнокровный, он умел в нужную минуту дерзнуть, пойти на риск больший, чем кто-либо.

Таким проявил себя Клубов однажды вечером, возвращаясь из воздушной разведки. Мы тогда здорово переволновались.

Он почему-то задержался в полете. Уже прошли те сроки, когда он должен был показаться на горизонте. Я запросил его по радио. Клубов коротко ответил: «Дерусь». Потом замолчал. Летчики в воздухе не любят многословия, да оно и не нужно. По-видимому, с ним что-то случилось. Тревога нарастала с каждой

минутой. Но в глубине души я верил, что Клубов возвратится.

И вот он появился... Его машина странно ковыляла в воздухе. С ней происходило что-то непонятное. Она вдруг резко клевала носом, и казалось, что вот-вот рухнет вниз. Потом так же неожиданно выравнивалась и даже слегка набирала высоту. Так повторилось несколько раз. Мы поняли,. что на самолете Клубова перебито управление и он держит машину одним мотором. Она могла в любую секунду камнем рухнуть на землю.

Я приказал Клубову по радио покинуть самолет. Но его рация не работала и услышать моего приказания он не мог. Клубов шел на посадку. Было страшно смотреть, как, уже планируя, самолет вдруг снова клюнул. Вот-вот врежется в землю. Клубов дал газом рывок. Машина чуть взмыла вверх. В тот же момент он прикрыл газ и мастерски приземлил самолет на «живот».

Мы подбежали к нему. Самолет был весь изрешечен пулями. Клубов вылез из кабины и, сдвинув на затылок шлем, молча, не спеша обошел машину. Покачав головой, тихо сказал:

— Как она дралась!

Присев на корточки, он стал на песке рисовать нам схему боя. Он парой сражался с шестью «мессершмиттами». Двух он сбил, но его машине повредили управление. После этого она стала «зарываться» носом. Клубов уже решил прыгать с парашютом, когда машина по какой-то игре случая вышла из пике. И Клубов привел «полуживой» самолет на аэродром. Рассказав это, он встал, раскрыл планшет и в своей обычной спокойной манере доложил мне о результатах разведки.

Клубов один из тех пяти молодых летчиков, которые стали гордостью нашей части. Они не только восприняли боевой стиль ветеранов, но, в свою очередь, внесли много нового в тактику воздушного боя.

На Тамани еще стояли немцы, держась за последние метры изрытой бомбами и снарядами кубанской земли, а моряки оставляли Кубань и высаживались десантом западнее Жданова. На огромных баржах, нагруженных пушками, пулеметами, ящиками, они выплывали в открытое море среди бела дня. Маленькие катера медленно тащили большие баржи. Единственной защитой для транспорта, набитого людьми, были мы, истребители.

Нашему полку поручили прикрывать эту десантную группу. Мы встречали баржи среди водного простора. Шли они медленно. Волны обгоняли их. Четверка самолетов то поднималась высоко над ними, чтобы дальше видеть, то снижалась. Я часто пикировал почти к самой воде и шел, наблюдая за баржей, залитой солнцем.

Когда в моей группе летел Жердев, я внимательно следил за

его поведением. Исключительно смелый в бою над сушей, в полете над морем Жердев все время пребывал в напряжении. Его обращения по радио ко мне, к товарищам выдавали его волнение, неуверенность. Я понимал Жердева — море пугало его.

Жердев оставался на высоте. Я шел над баржей и думал о том, как и где сохранилась эта старая, громоздкая посудина, об отваге моряков, о том, что жизнь вот этих людей, сидящих под палящим солнцем, идущих на подвиг, нынче полностью зависит от наших действий. Одна бомба врага принесла бы всем конец... Но немцам теперь не до этих барж. Их самолеты вот уже несколько дней совсем не появляются в этом месте Азовского моря. Круто приходится врагу, круто. Расплата идет!..

Когда мы вылетаем на штурмовку дорог западнее Жданова, видим, что поток машин, тягачей, солдат противника устремлен от фронта, а не к фронту. Нас радует эта паника, этот страх перед нашей силой, и мы стремимся как можно больше уничтожить машин, бензоцистерн, повозок, орудий — они ведь на каком-то рубеже снова ощетинятся против нас.

Вылеты на штурмовку теперь доставляют нам истинное боевое удовлетворение. Мы уходим далеко в море и появляемся над колоннами с тыла, с запада. Вражеские солдаты принимают нас за своих. Вот тут и начинается. Подожженная цистерна с горючим сразу перекрывает дорогу, а в сутолоку, в затор летят трассы. Дым, пламя, пыль. Разбегающиеся во все стороны солдаты. Картины знакомые, но смысл их совсем иной. Убийцы детей, женщин, стариков, расстрелянных у переправ, на степных украинских шляхах, получают достойное возмездие.

Мы проносимся над колонной один за одним, поливая ее свинцом.

Возвращаясь с задания, получаем приказ о новом вылете с последующей посадкой на другом аэродроме. Войска неудержимо продвигаются вперед, мы шагаем за ними бросками с одного аэродрома на другой.

Оставив сельскую школу — пусть ребятишки становятся ее хозяевами! — мы приземлились у города М. Еще до этого я пролетал над этим хмурым, будто присыпанным сажей городом. Словно землетрясение вдруг сдвинуло под ним почву, и его здания повалились, доменные печи перекосились, перекрытия над большими длинными цехами обрушились. Немцы оставили здесь одни руины.

Личный состав нашего полка разместился в уцелевших домиках на окраине приморского города. От местных жителей мы услышали немало жутких рассказов о зверствах оккупантов. Но были и такие разговоры, которые радовали нас.

Как легенда, из уст в уста передавался случай, происшедший на железной дороге перед самым отходом немцев. Покидая город, фашисты решили вывезти в Германию всех оставшихся трудоспособных жителей, главным образом девушек. Но это им не удалось сделать. Когда эшелон отошел от станции, в небе вдруг появились самолеты с красными звездами на крыльях. Советские летчики словно чувствовали, что это за поезд. Они стреляли не по вагонам, а по паровозу и разбили его. Эшелон остановился. Немецкие конвоиры, заслышав близкую стрельбу, разбежались. А тут подошли наши войска. Так летчики спасли несколько сот жителей города.

Мы вдвойне гордились героями этой правдивой легенды. Ведь они были летчиками нашего полка. Тот паровоз, который вез советских людей на фашистскую каторгу, уничтожил не кто иной, как ведущий группы Иван Бабак.

Хозяйка дома, где остановился я с Голубевым, рассказывала:

— С нашего аэродрома немцы этой весной на Кубань летали. Сперва были нахальные, дерзкие, потом приутихли немного, а позже и совсем носы повесили. Утром перед выездом на аэродром все молились, причитали, чтобы смерть их миновала. А вечером не все возвращались домой. Уцелевшие напивались допьяна, безобразничали, а утром снова молились. Услышали мы от нее и о подвиге знаменитого сталевара Макара Мазая. Он отказался плавить металл для наших врагов, и его расстреляли. Мы долго обсуждали мужество Мазая. Настоящий советский человек. Свои руки, искусство сталевара он не отдал на служение врагу.

Мы уже летали за Осипенко на штурмовку отступающих войск. Снова прикрывали в море баржи — они теперь держали путь к городу Осипенко. Там тоже должен высадиться десант, чтобы «оседлать» дороги. Немецкая авиация, базирующаяся уже где-то за Днепром, начинает оказывать сопротивление. Группа наших истребителей, возглавляемая Клубовым, встретилась с «юнкерсами» и провела блестящий бой. Клубов выполнил здесь тот самый прием, которым пользовался я на Кубани: он повел в скоростную атаку свою группу против трех эшелонов немецких бомбардировщиков и расстрелял трех «юнкерсов» за один заход. Его напарники Жердев, Сухов повторили наглядный урок командира. Шести «юнкерсов» недосчитывались на этот раз немцы. Они сгорели в полях у Осипенко, куда мы вскоре и перелетели.

Все эти дни я замещал заболевшего Краева. Забот и хлопот у меня, естественно, прибавилось. Приходилось не только командовать полком, направлять его боевую деятельность, но и решать вместе с замполитом Погребным многие другие

немаловажные вопросы.

Однажды ко мне подошел инженер по вооружению капитан Жмудь.

— Разрешите, — говорит, — обратиться по личному вопросу.

На нем лица не было, бледный, осунувшийся, даже руки дрожат. Я сразу догадался, о чем он меня попросит. Вчера наши войска освободили Ногайск. А там перед войной жили родители, жена и дети инженера. Он ничего не знал о них.

Очевидно, они остались в оккупации. Я тоже полагал, что это так, но очень не хотел, чтобы инженер сам узнал страшную правду о гибели своих родных и близких. Мне было жаль этого замечательного человека. А на радостную весть ему трудно было рассчитывать. Ведь в Таганроге, Жданове и Осипенко немцы уничтожили всех евреев. Ногайск стоит на той же большой дороге.

Но, подумав, решил, что мой отказ будет еще более бесчеловечным.

— Что ж, дорогой, — сказал я инженеру, — если такая беда случилась, ее уже не поправишь. Надо крепиться. Бери машину и поезжай.

Он ушел, подавленный горем. И у меня защемило сердце.

Вспомнил я и о тех наших летчиках, которые были сбиты над оккупированной территорией. Где они сейчас, что с ними? Обязательно надо связаться с жителями сел, над которыми мы потеряли самолеты. Может быть, они что-нибудь знают о судьбе наших однополчан. Ведь в полк будут писать матери и жены погибших. А что мы им ответим?

В один из дней к нам приехал заместитель главкома ВВС генерал Ф. Я. Фалалеев. В штабе поднялся переполох. Начали срочно готовить данные, которые могли ему понадобиться. Я быстро восстановил в памяти, кто и где сейчас находится, какие задания выполняет.

Но Фалалеев оказался вовсе не придирчивым. Расспросив о положении дел в полку и поинтересовавшись, кто из летчиков находится сейчас в воздухе, он завел разговор о важной и злободневной проблеме. Он сказал, что пришло время вести воздушную разведку отдаленных районов — Мелитополя, Перекопа, Крыма... Одни эти наименования открывали перед нами огромный простор, возвращали нас к незабытым местам и дорогам степной Таврии, Приднепровья.

Получилось как нельзя лучше: именно в нашем полку на двух машинах — на моей и Голубева — сохранились подвесные бачки для горючего, позволяющие намного удлинять маршруты полетов. Мы, таким образом, имели полную возможность

выполнить специальное задание командования фронта.

Генерал остался доволен нашей готовностью к дальним полетам на разведку. Поставив нам задачу, он уехал с надеждой получить от нас завтра необходимые данные.

Из госпиталя возвратился Краев. Я доложил ему о боевой работе полка и вылетел на разведку.

Советские войска подходили к реке Молочной. Противник лихорадочно готовил здесь оборону. Воздушной разведкой нужно было выяснить, подтягивает ли он сюда войска из Крыма и где в этом районе расположены его аэродромы.

Задача была ясна, маршрут знаком. Два года назад я не только летал над этими местами, но и исколесил их на автомашине с подбитым МИГом на прицепе.

И вот мы в воздухе. Под крылом самолета ширь южных степей сменилась величественным простором Азовского моря.

Пролетев над Крымом, взяли курс на Мелитополь — главный опорный пункт на этом участке вражеской обороны. На подступах к нему заметили усиленное передвижение немецких войск в северном направлении, к реке Молочной.

Запас горючего позволил нам осмотреть и район западнее Мелитополя. Там мы обнаружили несколько полевых площадок, на которых стояли самолеты. Добытые сведения были немедленно доставлены в штаб дивизии. В штабе дали высокую оценку нашему полету и приказали послать на разведку еще одну пару, чтобы держать дороги из Крыма под постоянным наблюдением.

Краев вызвал к себе Речкалова и спросил:

— У твоей машины есть подвесные бачки?

— Нет.

— А где же они?

— Бросил в Поповической, как и другие.

— Тогда возьми у Покрышкина. Пойдешь со своим ведомым на разведку в Крым.

Во время этого разговора я сидел в уголке КП и писал донесение.

— Из-за этих бачков Покрышкина надо лететь в самое пекло. Зачем он таскает их за собой? — как нельзя откровенней выразился Речкалов.

Я не выдержал, подошел к столу командира и сказал:

— Хорошо! Я с Голубевым еще раз схожу на разведку. Но ты, Речкалов, запомни. Когда наши отрежут Крым, я с этими бачками буду перехватывать «юнкерсов» далеко над морем. Тогда ты тоже не проси их у меня.

Речкалов опешил. Он что-то буркнул в свое оправдание, но я

не разобрал его слов.

Уточнив задание, мы с Голубевым пошли к своим еще не остывшим самолетам. А перед самым вылетом узнали, что вслед за нами вылетят наши бомбардировщики, чтобы нанести удары по выявленным аэродромам противника. Мне понравилась такая оперативность.

Вечером, возвратившись с задания, я увидел инженера Якова Жмудя в окружении однополчан. Он рассказывал им о своей поездке в Ногайск. Голос у него был тихий, надломленный, глаза красные. За один день он, казалось, постарел на несколько лет.

— И детей постреляли? — услышал я чей-то возмущенный вопрос. Стало тихо.

— Все в одной яме лежат: сестра, старики, дети... Все...

— Вот изверги!

Жмудь заплакал. Гнетущая тишина, казалось, давила на плечи. Все стояли окаменев, словно видели перед собой могилу, заваленную окровавленными телами.

Рассказ инженера Жмудя напомнил мне о недавнем страшном эпизоде. Мы перелетали на новый аэродром. Один самолет при заруливании провалился у лесопосадки колесами в яму. Когда его вытащили, обнаружили присыпанные землей трупы. Чтобы выяснить, откуда они здесь взялись, пригласили нескольких местных жителей. Вскоре сюда прибежала вся соседняя деревня. Начались раскопки. В глубокой траншее оказалось несколько сот трупов. Тут были русские, украинцы, евреи, татары — словом, люди самых разных национальностей. Местные жители вспомнили, что незадолго до прихода нашей армии мимо их деревни немцы прогоняли большую группу советских военнопленных. Все думали, что их ведут работать на аэродром. Слышали они и выстрелы. Но ведь на аэродроме все время стреляли. Так что никто и не знал, что все те военнопленные были расстреляны фашистами.

Мы тогда с почестями похоронили своих погибших братьев, поставили на могиле обелиск с красной звездой и поклялись отомстить врагу за их смерть. Теперь это неостывающее чувство ненависти к фашистам с новой силой запылало в наших сердцах.

Я подошел к инженеру и просто, по-мужски сказал:

— Не плачь. Слезами горю не поможешь. Надо бить их еще крепче, еще злее. Обещаю тебе завтра же в отместку за гибель твоей семьи уничтожить несколько немецких самолетов.

Инженер поднял заплаканное лицо, посмотрел на меня и молча протянул руку. Я крепко пожал эту трудовую руку, умеющую так искусно налаживать наши пулеметы, пушки и навигационные приборы.

На следующий день определились новые маршруты боевых вылетов нашего полка. Кавалеристы корпуса Е. А. Кириченко, натолкнувшись севернее Большого Токмака на сильно укрепленный оборонительный рубеж противника, приостановили наступление. Гитлеровцы немедленно бросили на них большие силы бомбардировщиков. Авиационные представители при корпусном штабе стали группу за группой вызывать наших истребителей для прикрытия наземных войск. Первые ожесточенные схватки на земле и в воздухе показали, что противник намерен удерживать этот рубеж всеми имеющимися у него силами и средствами.

Утром мы с Голубевым летали на «свободную охоту». Назад возвращались налегке: почти все боеприпасы были израсходованы при штурмовке вражеских автомашин на дорогах. Вдруг с командного пункта дивизии нам передали:

«Севернее Большого Токмака „бомберы“. Атакуйте!»

Мы поспешили туда. С первого же захода я поджег одного «юнкерса». Но вторую атаку сделать не успел: на нас обрушилась шестерка «мессершмиттов». Скованные боем, мы не смогли помешать вражеским бомбардировщикам сбросить свой груз на наши войска. Домой возвратились злые. Одно меня утешало: я заметил, что «юнкерсы» шли к Большому Токмаку с северо-запада. Значит, они взлетели с аэродромов, расположенных где-то у Кировограда. А раз так, то надо встречать их западнее, ближе к Днепру, чтобы перехватить на дальних подходах к цели.

Примерно в полдень я повел к Большому Токмаку свою испытанную четверку. Меня по-прежнему прикрывал Голубев, а вторую пару составляли Жердев и Сухов. Это было по-настоящему слетанное звено.

На большой высоте мы пересекли линию фронта и со снижением направились к Никополю. Такой план я принял на свой страх и риск. Как раз вчера командир дивизии Дзусов, заглянув в наш полк, крепко поругал нас за то, что мы плохо прикрываем конников.

— Прикрываем как положено, товарищ командир, — попытался я отвести незаслуженное обвинение.

— Что толку в таком прикрытии? — возмущался Дзусов. — Вы или бродите где-то так, что вас не видно и не слышно, или карусель с «мессершмиттами» кружите. А «юнкерсы» в это время свободно делают свое дело.

Я снова возразил:

— Если мы будем гудеть прямо над кавалеристами, то даже своими телами не остановим падающих бомб. «Бомберов» надо ловить на маршруте, как на Кубани мы это делали. А для этого

нас нужно посылать не парами, а большими группами.

Действительно, на Кубани мы хорошо научились встречать вражеских бомбардировщиков на подступах к фронту. А теперь нас опять заставляли возвращаться к старому.

Пока мы летели к Днепру, я вспомнил не только вчерашний разговор с командиром дивизии, но и трудные времена сорок первого года. Тогда мы тоже прикрывали свои войска парами, «гудели». Схватки с «мессершмиттами» были всегда неравными и редко кончались в нашу пользу. Но ведь тогда у нас самолетов не хватало. А сейчас?

«Юнкерсы» не подвели нас. Как я и рассчитывал, они появились со стороны Никополя. Шли они очень высоко, но без прикрытия. Видимо, надеялись на свою группу очистки, которая должна была находиться уже над нашим передним краем.

До Большого Токмака мы сумели набрать высоту и оказались теперь над «юнкерсами». Стремительно сближаясь с ними, я бросил в эфир:

— Сомкнуться плотней! Бью ведущего.

Навстречу неслась армада бомбардировщиков. В последние секунды, перед самым открытием огня, мне почему-то показалось, что на их крыльях не кресты, а звезды. Я крикнул:

— Наши! Не стрелять!

И «юнкерсы» с желтыми крестами на крыльях пронеслись под нами. Меня охватила злость на себя за то, что из-за чрезмерной предосторожности я допустил такую глупую ошибку.

Я сделал резкий переворот и сразу же оказался в гуще бомбардировщиков. Поймав в прицел ведущего, я дал по нему короткую очередь из всех пулеметов и пушки.

В одно мгновение передо мной возник огромный огненный шар. Взрыв поглотил «юнкерса». Стена огня неслась мне навстречу. Огромный обломок бомбардировщика пролетел совсем рядом.

Мой самолет по инерции врезался в пламя, его сильно тряхнуло, что-то ударило в обшивку, и, наконец, огонь остался позади. Я осмотрелся; слева и справа шли бомбардировщики. Один из них горел, видимо, его поразил взорвавшийся сосед.

Взял в прицел крайнего справа и дал очередь. Из крыла «юнкерса» вырвалась струя дыма. Он круто развернулся, свалился в пике и стал уходить. Я бросился вдогонку и второй очередью по левому мотору добил его.

Потом рванул свою машину вверх. Правее меня падал «юнкерс», подожженный парой Жердева. А чуть выше нас в небе висело несколько парашютистов — экипаж сбитого самолета.

«Вспомни Островского!» — подсказала мне память. Да, он,

которого я любил, как сына, вот так же спускался тогда на парашюте. И фашисты безжалостно расстреляли его в воздухе. Не сдержав гнева, я надавил пальцами на гашетку.

Мы вышли из боя на последних граммах горючего. Сели на ближайший аэродром.

Под вечер возвратились домой. На стоянке меня встретил инженер-капитан Жмудь.

— Как я волновался за вас, товарищ гвардии майор, — сказал он, помогая мне освободиться от лямок парашюта. — При всех такое пообещали, а могло быть...

— Ничего, дорогой мой капитан, не случилось. Конечно, порой бывает трудно выполнить товарищескую клятву. А за пулеметы и пушку спасибо: работали отлично. Сбил обещанных три «юнкерса».

Осматривая мою машину, мы обнаружили на крыльях и капоте брызги масла, копоть и множество пробоин. Ей тоже досталось от вражеского огня.

Наступила украинская осень. Когда поднимаешься в воздух, видишь необозримые, отливающие желтизной поля. Здесь хлеба уже убраны, на этой земле уже снова начинает властвовать труд. А вдали, над Днепром, горизонт еще затянут облаками дыма: горит Запорожье.

Наш полк перелетел в Розовку и получил короткую передышку. Но что это за отдых, если он то и дело прерывается сигналами боевой тревоги, гулом моторов и поединками в небе.

Нас, авиаторов, особенно злили ежедневные пролеты над аэродромом дальних самолетов — разведчиков противника. Они появлялись, как правило, в одно и то же время, на большой высоте, оглашая небосвод воющим гулом.

Жизнь на аэродроме сразу замирала. Хотя наши самолеты были замаскированы неплохо, все равно враг как-нибудь мог их обнаружить. Перехват разведчиков нам не удавался.

Подумав, я решил устроить засаду в воздухе. План мой сводился к тому, чтобы, используя немецкую педантичность, а вернее — шаблонность и косность их тактики, встретить вражеских разведчиков где-то вдали от нашего аэродрома, на маршруте. Командир одобрил мой замысел.

И вот однажды утром, в строго определенное время, мы с Голубевым поднялись в воздух. Набрав высоту, мы стали ходить над линией фронта, контролируя зону, через которую обычно пролетали разведчики.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в небе появился уже знакомый нам двухмоторный немецкий самолет. Он летел примерно на высоте семь тысяч метров. Когда разведчик пересек

линию фронта и стал углубляться на нашу территорию, мы, уверенные в том, что он нас не видит, быстро развернулись на восток и, набирая высоту, бросились ему вдогонку. Настигли его над Розовкой.

Заметив позади истребителей, немцы сразу поняли, что попали в ловушку, и со снижением стали уходить в сторону, надеясь оторваться от нас. Но было уже поздно. После первой нашей атаки разведчик вспыхнул, а после второй — развалился на куски. С того дня в небе над Розовкой перестали завывать моторы вражеских разведывательных самолетов.

В октябре 1943 года бои в районе Мелитополя разгорелись с новой силой. Особенно упорными они были на правом фланге фронта, у Большого Токмака. Наш полк в это время перебазировался несколько раз: то взаимодействовал с войсками, штурмующими Мелитополь, то прикрывал боевые порядки наших старых друзей — конников, наступающих в направлении станции Пришиб. Речкалов и Клубов водили свои группы на штурмовку вражеских войск, а мы с Голубевым чаще всего летали на «свободную охоту».

Во время очередного перебазирования на новый полевой аэродром командир полка, летавший на УТ-2 вместе с инженером Копыловым, потерпел при посадке аварию. Когда я прибыл туда, Краева уже не было — его увезли в госпиталь. А Копылов снова отделался только царапинами. Говорю «снова» потому, что однажды мы уже вытаскивали его из-под обломков МИГа. Тогда погиб наш замечательный летчик Супрун.

— А тебе, вижу, опять посчастливилось, — по-дружески сказал я Копылову.

— Наверное, в последний раз, — хмуро отозвался инженер. — Больше в самолет не сяду.

Слушая рассказ Копылова о том, как при посадке самолет УТ-2 ударился колесами о землю и перевернулся, я думал о Краеве. Самоустранившись от выполнения боевых заданий, он совсем перестал чувствовать машину и растерял летные навыки. А когда-то, говорят, летал неплохо. Да. Краев уже не летчик. И войны с ее напряженными боями, опасностями и кровью он, по существу, не знает. А как такой человек может руководить боевой деятельностью полка?!

На место происшествия вскоре прибыл Дзусов. Выслушав мой доклад о случившемся, он, видимо, успокоился тем, что Краев получил лишь легкие ранения.

— Ну, как, не сердишься на меня за прошлый разговор насчет прикрытия? — спросил комдив.

— На начальство, товарищ полковник, сердиться нельзя — во

всяком случае, вслух.

— Это правильно, — с улыбкой отозвался он. — Но вот за последний бой кавалеристы сердечно вас благодарят. Молодцы! Хорошо разделали «юнкерсов».

Вдруг он задумался, помолчал немного и продолжал:

— Значит, Краев в госпитале. И видимо, надолго туда попал. Что ж, принимай полк и командуй.

Узнав о приказе комдива, летчики потянулись к штабной землянке. Мне было приятно оттого, что каждый из них крепким рукопожатием или простым словом старался высказать свое искреннее желание во всем поддерживать меня. В эти минуты я особенно хорошо осознал, какие большие обязанности, пусть хотя бы на время, возлагает на меня новая должность.

Но размышлять было некогда. Требовалось немедленно отправить группу на боевое задание в район Мелитополя. Там нашим войскам удалось, наконец, преодолеть очередной оборонительный рубеж противника. Наступление возобновилось.

17. Жизнь с нами

Полеты, бои, занятия, штабные хлопоты… Обычная наша фронтовая жизнь. А где-то далеко Новосибирск. Там мои родные, там мир моей юности. Каждая весточка из дому возвращала мои мысли к домику над Каменкой. По редким письмам, поступающим оттуда, я старался составить себе представление о жизни в глубоком тылу. Жилось там всем несладко. Изнурительный труд для фронта, невзгоды быта и, конечно же, постоянные тревоги за близких, за нас, которые все время находятся под огнем. Я знал, как тяжело сейчас моей матери. Она осталась одна с младшим сыном-школьником. И хотя я отсылал им все свои деньги, жили они впроголодь. Зимой прошлого года умерла бабушка. Только теперь, став взрослым, я понял, какой это был чудесный человек. Всегда спокойная, сильная, она держала весь дом в разумной строгости. Мы, мальчишки, уважали ее и слушались. У меня навсегда останется в памяти образ этой замечательной русской женщины-крестьянки.

В последних письмах матери я перестал спрашивать о брате, пропавшем без вести. О нем мне стало известно больше, чем знали дома.

Еще в Краснодаре, в кулуарах суда над предателями народа, ко мне подошел какой-то незнакомый сержант и спросил:

— Вы Покрышкин?

— Да.

— У вас был брат Петр?

«Был»? Само это слово таило в себе что-то недоброе. Рассказ незнакомца подтвердил мою горькую догадку. Вместе с Петром сержант находился на кадровой службе. Война застала их на финской границе. А дальше…

— Нас отрезали и прижали к Ладожскому озеру. Боеприпасы кончались, и мы вынуждены были перед отходом утопить свои пушки. Сделали плоты и ночью отправились через бушующее озеро. Под покровом темноты еще можно было надеяться на спасение от немецкой авиации и переплыть к своим. Петр подобрал небольшую группу и остался прикрывать наш отход. На прощание он сказал мне: «Есть гранаты и немного патронов, будем пробиваться через леса». Когда мы отплыли, позади долго слышались стрельба и взрывы. Больше я его не видел. Вам ничего не известно о нем?

— Нет.

— Значит, он там и сложил голову. Да, это был Петр Покрышкин. Между прочим, вы похожи с ним, особенно глазами.

Когда я услыхал: «Герой Советского Союза Покрышкин», то подумал: «Неужели это Петр?» Его характер я немного знал. Такой не сдастся в плен. Он, конечно, пошел на врага с гранатами.

Простившись с сержантом, я ушел на заседание. Слушая новые показания подсудимых, я определил главное в поведении изменников Родины — животный страх перед врагом, перед малейшей опасностью. Из этого мерзкого страха, как из лесного мха, выползала гадючья голова измены. Как противны эти жалкие людишки, продавшие свои души ради того, чтобы выжить!.. И наоборот, в людях, ненавидящих всей душой захватчиков, — сколько в них мужества, верности своим отцам, матерям, братьям, сестрам, невестам… Своей Родине!

…О разговоре с сержантом мне хотелось написать в Новосибирск еще с Кубани. Но я до сих пор не решался этого сделать. Ждать все-таки легче, чем думать, что сына уже нет. Я решил: если представится случай побывать дома, тогда и расскажу обо всем.

Когда я мысленно представлял себе поездку в Новосибирск, то невольно думал и о своих двух Золотых Звездах. Чего греха таить: хотя мы, фронтовики, и редко говорили между собой о наградах, но каждый понимал их значение. И кому из нас не хотелось, чтобы его заслуги по достоинству оценили?!

Две Золотые Звезды, которыми наградило меня наше правительство — вторую я получил в конце августа 1943 года, — часто обращали мои думы к прошлому, заставляя заново переосмысливать свою жизнь. Когда, например, мне вручали вторую Звезду Героя, я почему-то сразу подумал о Степане Супруне, о словах, сказанных им при встрече в Хосте, за несколько лет до войны. Он верил, что я добьюсь своей цели, видел во мне еще тогда качества, необходимые летчику-истребителю.

Человеку всегда приятно сознавать, что он осуществил заветную мечту. То же чувство испытывал и я, став летчиком-асом, десятым в стране дважды Героем. В памяти оживали самые тяжелые дни моей жизни, дни, когда решалось главное: пойду ли я дальше по избранной дороге или препятствия столкнут меня с этого пути?

Самым главным, самым священным для меня был всегда долг перед Родиной. Я не останавливался перед трудностями, если они вставали на моем пути, не хитрил ни перед своей собственной совестью, ни перед товарищами. В бою старался как можно лучше выполнить поставленную задачу, нанести врагу как можно больший урон.

Своими высокими наградами я во многом был обязан боевым друзьям-однополчанам. Без их надежной поддержки в бою я бы не сбил и половины тех самолетов, которые значились на моем счету. Да, я рисковал в поединках с врагом, но моя дерзость всегда опиралась на четкое взаимодействие с ведомым и другими летчиками.

Размышляя о прошлом, я признавал, что порою был резковат по отношению к некоторым старшим товарищам. Но и они не всегда правильно оценивали мои суждения и поступки. Это относилось прежде всего к Краеву. Позже, когда признание моих заслуг заставило его изменить свои взгляды, мы никогда не вспоминали о наших прежних стычках, словно их и не было. Но, как говорится, полного примирения между нами так и не произошло, поскольку мы были и остались совершенно разными людьми. Время подтвердило это.

Мечты о кратковременной поездке домой переплетались и с думами о Марии. Она служила на другом фронте и в своих письмах разными намеками все время давала знать, где находится ее часть. Поэтому я всегда имел возможность изредка видеться с ней,

В этих «залетных» визитах, казалось, не было ничего порочащего девушку. Но вокруг нее были разные люди, и некоторые из них по-своему оценивали наши встречи. Всякие пошлые намеки омрачали наши взаимоотношения. Особенно тяжело воспринимала их Мария. И мы договорились с ней в первом же большом городе обязательно оформить брак. Но где он, этот город, в котором сольются наши разделенные войной дороги? Не оборвет ли одну из них огонь сражений?

А Мария все больше и больше тревожилась за мою судьбу. Нет, она не требовала, чтобы я забрал ее к себе, хотя такое решение нам давно подсказывали чувства. Мы стремились быть вместе. О нашей любви уже знали и ее и мои родители. Но боялись, как бы кто-то со стороны не принял нашу близость за пошлые издержки войны.

Долг перед Родиной требовал от нас безраздельной преданности боевой службе. Мысли о личном счастье отступали на второй план.

К концу октября наши войска, очистив от врага Таврию, устремились в Крым. В начале ноября кавалерийский корпус Кириченко, который мы продолжали прикрывать, во взаимодействии с другими частями вышел к Перекопу. Несколькими контрударами немцам удалось на некоторое время задержать его продвижение. Но части генерала Крейзера сломили сопротивление гитлеровцев, форсировали Сиваш и захватили

большой плацдарм в северной части Крыма.

Конники и пехотинцы шли по трудному, но славному пути героев гражданской войны. Они вели себя так же мужественно и стойко, как когда-то их деды и отцы: шагая по грудь в соленой ледяной воде Сиваша, переносили на себе ящики с патронами и снарядами, смело, несмотря ни на что, шли в атаку на вражеские укрепления. Их пыталась уничтожить вражеская артиллерия. По хмурому небу к ним пробивались «юнкерсы» с тяжелыми фугасами.

Наш полк из Донбасса перебрался поближе к месту решающих боев — в Асканию-Нова. Вскоре после перелета к нам прибыл командующий воздушной армией Герой Советского Союза Т. Т. Хрюкин. Встретив прославленного генерала-летчика, я представил ему личный состав. Командующий познакомился с людьми, рассказал об обстановке на фронте и поставил перед нами задачу: прикрыть с воздуха Сиваш.

— Ни одна вражеская бомба, — говорил он, — не должна упасть на наших пехотинцев. Представьте себе их положение. Против них сейчас все — холодная вода, пули и снаряды. Давайте избавим их хотя бы от бомб. Для этого у нас достаточно и сил и возможностей, надо только сполна проявить свое умение воевать.

Мне, как командиру и летчику, хотелось прежде всего уяснить пути и способы выполнения поставленной задачи. Решить ее методом патрулирования было невозможно. Для этого потребовался бы не один, а несколько истребительных полков. В голове у меня родился другой план. Я только попросил командующего выделить в мое распоряжение радиолокатор и мощную радиостанцию. Генерал заверил, что эти средства завтра же будут доставлены на наш аэродром.

Когда все главные вопросы были решены, я обратил внимание генерала на то, как обуты летчики. Сапоги у всех были потрепанные, и это производило очень неприятное впечатление.

— Почему же не замените? — спросил Хрюкин.

— Не дают. Говорят, «срок не выносили».

— Срок? — удивился командующий. — Да разве летчики повинны в том, что здесь целый месяц стоит распутица и им приходится месить грязь?

— И мы так говорим, но наши слова оставляют без внимания.

— Сапоги будут!

…Прикрыть Сиваш, чтобы ни одна бомба не упала на пехотинцев, — это было первое специальное боевое задание полку. Мне надлежало хорошенько продумать его и найти наиболее верные способы надежного прикрытия своих наземных войск в этих условиях.

Я решил одну эскадрилью посадить у самого Сиваша, в Дружелюбовке, и установить там дежурство. С появлением на горизонте немецких бомбардировщиков дежурное звено должно было взлетать «по-зрячему».

А с основного аэродрома мы вели наблюдение за воздухом с помощью радиолокатора. Он позволял обнаруживать вражеские самолеты задолго до подхода их к линии фронта.

Как только планшетист докладывал о появлении противника, я выпускал сигнальную ракету и дежурная эскадрилья немедленно поднималась в воздух. В назначенный час она была уже над Сивашем. Эскадрилью, расположенную в Дружелюбовке, за исключением звена, взлетевшего «по-зрячему», я нацеливал командой по телефону. Если я сам не вылетал на задание, то руководил боем по радио, ориентируясь в обстановке с помощью локатора.

Эскадрилью, выдвинутую на площадку у Сиваша, возглавлял ветеран полка Аркадий Федоров. С основного аэродрома группы водили в бой Речкалов, Клубов и Еремин — тоже испытанные командиры и закаленные воздушные бойцы.

Мы, таким образом, отказались от непрерывного патрулирования с рассвета до темна. Зато в нужный момент над Сивашем появлялись крупные силы наших истребителей и успешно отражали налеты врага. Летчики эскадрильи Федорова использовали даже вечерние сумерки, чтобы выскочить со своей площадки и перехватить немецких бомбардировщиков.

На наши переправы бомбы больше не падали. Зато в Сиваш падали горящие «юнкерсы».

В плохую погоду, когда над Сивашем в воздухе было спокойно, я уходил с Голубевым на «охоту» в море.

Низкие облака, не позволяющие авиации действовать на линии фронта, не мешали немецким самолетам поддерживать связь Крыма с Одессой, а нам с Голубевым — «охотиться» за ними. Когда надвигалась осенняя хмарь, мы радовались ей: лишь в такой день мне можно было надолго оставить полк. При такой погоде, предполагал я, над морем свободно разгуливали немецкие самолеты. Подвесные бачки у наших самолетов позволяли нам с Голубевым искать их далеко от берега.

Серая, промокшая земля, пустынные, раскисшие дороги, словно обезлюдевшие села. Чаплинка, Калончак, Скадовск, Тендеровская коса с белыми песками. И вот под нами, совсем близко бурное, с пенными загривками на гребнях волн, такое же серое, как и нависшие над ним облака, вечно живое море.

На бреющем у самой воды нам нужно лететь долго, забыв о земле. Только где-то там, над морем, мы сможем случайно

напасть на вражеский самолет, а для этого надо походить немало времени, доверясь машине, себе. Нам только бы увидеть самолет противника. Где проходит один, там курсируют десятки. Маршрут между Саками и Одессой обязательно существует! По суше связи уже нет.

Я приучил себя к морю еще на Кубани, потом летал у Таганрога, Осипенко, Мариуполя. Но, взглянув сейчас на него, вниз, я думаю о его глубине, о том, что берег в случае чего нам ничем не поможет. Спокойствие поддерживает во мне ровно гудящий мотор, застывшие стрелки приборов. Но сказать «приучил» — это слишком категорично. Каждый раз, когда я смотрел за борт и видел темное, штормовое море, я на какие-то секунды отключался от восприятия звуков мотора — меня всего поглощала страшная стихия воды. Усилием воли я избавлялся от ее «магнетизма», возвращался к надежному мирку своей кабины, к стрелкам приборов. Но теперь в первые секунды мне казалось, что и мотор гудит не так, как раньше, и стрелки угрожающе сдвинулись к критическим пределам… Нужно было некоторое время, чтобы снова проникнуться уравновешенной мощной силой машины. Несколько слов, обращенных к Голубеву, его ответ приносили ощущение обычности нашего полета.

Берег давно остался позади. Чтобы обнаружить предполагаемый маршрут пролета вражеских самолетов, мы начали бродить над морем, то и дело меняя курс.

И вдруг… Он шел левее и чуть выше нас, под самыми облаками. Это был крупный трехмоторный «юнкерс-52».

Прижимаясь к воде, я подкрался к нему очень близко, но он никак на это не реагировал. Экипаж бомбардировщика, видимо, и не предполагал, что в такую погоду над морем могут оказаться наши истребители.

Первая очередь заставила «юнкерса» опуститься к воде. После второй он загорелся и рухнул в море. Раздался взрыв, по воде разлилось пламя.

Через несколько минут мы встретили другого «юнкерса». Только я подумал о развороте для атаки, как вдали на горизонте появилась целая группа самолетов.

Что делать?

Горючего у нас было в обрез, и мы могли «заняться» только одиночкой. Да и не стоило сейчас тревожить группу. Управиться с ней мы все равно не успеем, а свое появление на этой трассе выдадим противнику. Упавшие в море, конечно, не сообщат о наших «охотниках», а долетевшие до берега всполошат всех!

Атакую «юнкерса» в «живот». От его крыла тянется тоненькая струйка дыма. Я проскакиваю под падающим самолетом,

разворачиваюсь и вижу: еще один костер заполыхал над волнами.

Когда мы по возвращении домой проявили пленку фотопулеметов, летчики стали с любопытством рассматривать кадры, запечатлевшие летящих и падающих «юнкерсов». Я немедленно доложил в штаб дивизии о результатах «охоты» на трассе Крым — Одесса.

Речкалов, услыхав о нашем удачном полете, пристал ко мне:

— Хочу слетать. Дай бачки!

— А твои где?

— Ну, это старая песня, — обиделся Речкалов. — Сам же знаешь, выбросил.

— Тогда можно вспомнить мотив поновей. Ты что говорил когда-то в землянке?

— Память у тебя злая!

— Нет, не злая, а строгая, Гриша! Я знал, что бачки нам пригодятся. — И тут же успокоил его: — Подожди немного. Вот слетаю еще несколько раз, уточню маршрут, тогда выпущу и других.

Речкалов отошел. На КП прибежал один из техников:

— Товарищ командир, сапоги прибыли! Но раздают кому попало.

— Как так?

— Штаб дивизии распорядился выдать в первую очередь своим связистам, писарям и машинисткам.

Когда я примчался на склад, новенькие кирзовые сапоги уже пошли по рукам штабистов.

— Грузите на машину! Обуем тех, кто месит грязь на аэродроме. В помещении посидят и в старых.

Новые сапоги получили летчики, техники, механики.

Когда все было роздано, я улетел с Голубевым на море. И на этот раз мы уничтожили немецкий самолет на том же самом месте. Стало ясно — трасса вражеских перелетов проходит именно здесь.

Возвращаясь домой, я строил большие планы: найдем у моря площадку, посадим здесь звено и будем «щелкать» Ю-52.

На аэродроме мне сообщили: звонил командир дивизии и приказал немедленно связаться с ним.

— Почему без разрешения вылетел? — спросил Дзусов, когда я представился ему по телефону.

— Воевать никому не запрещено, товарищ комдив.

— А тебе я запрещаю летать на море.

— Как так запрещаете?

— А вот так. Пусть летают другие.

— Там, над морем, целыми стаями ходят немецкие самолеты.

— Все равно. Одна пуля попадет и… У нас дважды Героев немного.

— Она везде может быть, эта пуля.

— Отставить возражения! Командующий армией тебе запретил… Да, вот еще что: начальник штаба докладывал — партизанишь, орел?!

Догадываюсь — речь идет о сапогах.

— Я ж просил для полка, ребята разутые, а сапоги начали распределять среди штабистов.

— Вот оно что! Ну, тогда правильно сделал. Завтра быть у меня к десяти часам.

— Есть!

Задержавшись как-то на аэродроме, я поздновато возвратился в общежитие. Взрывы смеха задержали меня в прихожей. Сухов рассказывал друзьям историю, которую уже знал весь полк. Она могла стать не веселой, а печальной.

— Ну, поболтали мы с девушками, — рассказывал летчик, — и пошли домой. Подошло время, отбоя.

— Скажи уж, что вам дали отбой!

— Возможно, и так. Потому что мы с Жердевым, прежде чем явиться к ним, выпили для храбрости. Ну вот, бредем мы, шлепая по лужам, а вокруг темно, хоть глаз выколи. Идем, идем и вдруг натыкаемся на проволочную сетку. Что за наваждение? Решили перелезть через нее. Мы же твердо знали, что идем в нужном направлении. Жердев начал взбираться в одном месте, я в другом. Прыгнув на землю, я шагнул вперед и вдруг увидел большие, горящие, как у совы, глаза, а над ними — рога. Подался назад, к изгороди, а глаза и рога — за мной. Вот уже сетка. Я вцепился в нее руками и только стал подтягиваться, как эти самые рога поддали мне под зад. Меня словно катапультой перебросило на другую сторону сетки. Оглянулся и вижу — дикий козел, архар какой-то. Слышу — Жердев кричит: «Костя, тут бизоны!» Бросился ему на помощь. Его тоже взметнуло вверх, и он плюхнулся на землю возле меня…

В общем все обошлось, можно сказать, благополучно. Только у меня и у Жердева оказались распоротыми сзади новенькие галифе. Пришлось попросить девчат зашить эти чертовы прорехи.

— Хороши кавалеры! — послышался голос, показавшийся мне знакомым.

«Березкин!» — обрадовался я.

— Да, дорого обошлось нам свидание, — продолжал Сухов. — Золотые часы Жердева мы еле выкопали — так зубробизон втоптал их в землю… Словом, ты, Славка, заранее запомни все эти тропки.

— Из Березкина я вам не дам сделать такого бродягу, как вы, — перебил я Сухова, входя в комнату.

— Пока не подкреплюсь — безусловно, товарищ командир! — И Слава, все такой же худой и бледный, бодро доложил о прибытии в полк для «дальнейшего прохождения службы».

Потом он не без гордости рассказал, как во время медицинской комиссий вертел рукой, хотя от боли у него искры сыпались из глаз.

Я заметил, что Слава с завистью смотрит на Жердева. Трофимова и Сухова. В полк они прибыли когда-то вместе, а на груди у тех было уже по ордену.

Березкин сказал, что ему давали месячный отпуск, но он отказался и решил сразу же возвратиться в полк.

— Хочешь летать? — спросил я у него.

— Да! — твердо ответил он.

На следующее утро погода была неважная. Мы с Голубевым сходили на море, но ни одного самолета там не встретили. Видимо, немцы перенесли маршрут перелетов. Обдумав план последующих действий, я пошел в штаб дивизии. Там царила какая-то праздничная атмосфера.

— Гости у нас, — шепнул мне дежурный.

В кабинете комдива за накрытым столом сидели несколько незнакомых мужчин и женщин. Оказывается, это делегация из города Мариуполя, наименование которого только что присвоили нашей дивизии.

Усаживаясь рядом с гостями, я вспомнил о предстоящем полете и решил ничего спиртного не пить. Но когда дело дошло до тостов, налили и мне стакан водки.

— Не могу. Сегодня я еще должен лететь на задание. На меня насели с уговорами:

— Командир отменит задание.

— Ради встречи выпейте.

— Мы были о летчиках лучшего мнения.

Комдив подмигнул мне: «Выпей».

Я выпил, закусил, распрощался с шефами, пригласил их побывать в нашем полку и пошел на аэродром. Там меня уже ожидал Речкалов.

Взлетели. Небо было затянуто грязно-серыми облаками.

Над морем вражеских самолетов не оказалось. Мы взяли курс на Одессу. На обратном пути решили проштурмовать хорошо знакомую нам дорогу вдоль берега. Здесь было чем заняться. К Николаеву двигался сплошной поток машин.

Первая атака оказалась удачной: загорелся бензовоз. Делаю второй заход, прицеливаюсь в легковую автомашину и нажимаю

на гашетку. Что такое? Очередь прошла мимо.

Раньше я никогда не выпивал перед вылетом. Сегодня по принуждению отступил от этого правила и теперь вот жалел. Опьянение, пусть даже незначительное, мешало точно определять расстояние до цели и рассчитывать упреждение.

Я, как говорится, встряхнулся, мобилизовал свою волю и снова атаковал цель. Вспыхнул второй бензовоз. Наконец-то настроился! Нет, теперь я уж никогда не возьму в рот спиртного перед полетом.

На следующий день Речкалов в составе другой пары отправился «поохотиться» над морем. Почти у самой Одессы они подловили летающую лодку «савойя» и сбили ее.

А я в этот день ходил на прикрытие войск в паре с Березкиным. Из первого вылета он вынужден был возвратиться: забарахлил мотор. Во втором вылете Березкин увеличил свой боевой счет — уничтожил «юнкерс». Вечером он подробно рассказывал ребятам, как заходил в атаку и как прицеливался. Голос его звучал уверенно. Меня это радовало: значит, на него не повлияло ранение и неудача в поединке с «фокке-вульфом-189».

Из-за плохой погоды «свободная охота» стала чуть ли не единственным видом боевой работы авиации. Поэтому штаб армии собрал конференцию, чтобы опыт лучших воздушных «охотников» сделать достоянием всех летчиков.

Прибыв вместе с Голубевым в указанное село, я представился руководителю конференции генералу Савицкому. Мы не виделись с ним с самой Кубани. Он был все такой же энергичный и подтянутый.

Савицкий попросил меня помочь ему составить план работы конференции. Посоветовавшись, мы решили всех участников разделить на две секции: на «охотников» за воздушными целями и мастеров стрельбы по наземным объектам. Руководство первой взял на себя генерал, вторую поручил мне.

В выступлениях участников конференции было высказано немало интересного и поучительного. Обобщив опыт лучших «охотников», мы направили весь этот материал в штаб ВВС в Москву.

В воздухе, над линией фронта, я раньше не раз слышал фамилию ведущего группы Лавриненкова. Он служил в другом полку и часто сменял нас на прикрытии наших войск. Имя летчика, часто звучавшее в эфире, запоминается крепко, потом оно как бы само по себе живет в памяти, требуя новых и новых подробностей о нем. Позже к нам в полк дошла и почти легендарная история этого летчика. На конференции я познакомился с Владимиром Лавриненковым. Здесь легенда

ожила для меня в его правдивом рассказе.

Мы обедали, ужинали все за общим столом, деловые беседы сменялись воспоминаниями. Там я увидел этого скромного, молчаливого, державшегося как-то в стороне капитана, имя которого в эти дни было самым популярным среди летчиков. Эту славу он добыл не только своими воздушными боями, которых он провел десятки, но и героическим поступком.

Лавриненков тоже пострадал от немецкой «рамы» — воздушного разведчика и корректировщика «фокке-вульф-189». Он атаковал ее над рекой Миус, там же, где пострадал Березкин, когда во время атаки столкнулся с ней. «Рама» свалилась на землю, а за ней на парашюте и Лавриненков. При раскрытии парашюта оторвало пистолет. На немецкой территории его схватили солдаты, что называется, «за ноги». При нем не было ни орденов, ни документов — только в кармашке гимнастерки последнее письмо из дому.

— Лавриненкоф? Это фамилия нам известно, — обрадовался производивший допрос немецкий офицер.

Капитан, конечно, отрицал, что это его фамилия. Но у немецких разведчиков нашелся альбом фотографий летчиков, среди которых легко можно было узнать характерное, бровастое лицо Лавриненкова. Отпираться дальше было невозможно. На летчика навалились с расспросами о дислокации, о боевых машинах наших полков. Говорить об этом или не говорить — полностью зависело от Лавриненкова, его идейной стойкости, убеждений. Он молчал. Его били. Он молчал.

В простой хате донецкого села, где происходил этот допрос, применялись методы гестаповского застенка. Но они не сломили стойкости летчика-коммуниста. Немцам не оставалось ничего другого, как отправить Лавриненкова в глубокий тыл. Авось там развяжут ему язык ужасы концлагерей и изощренные пытки. Но на всякий случай, чтобы расположить летчика к себе своим обхождением, Лавриненкова и еще одного нашего летчика-штурмовика направили в тыл не этапным порядком, не в товарняке, а в купе пассажирского вагона, за компанию с немецкими офицерами, ехавшими домой в отпуск.

И Лавриненков решил твердо: бежать, обязательно бежать, удача или гибель — все равно. Нужен был только момент. А его можно было выбрать лишь ночью.

Вот и наступила уже последняя ночь. Поезд подходил к Одессе. Конвоиры, поставив на колени и открыв свои набитые бутылками и консервами чемоданы, увлеклись едой. Автоматы отложены в сторону. Лавриненков и штурмовик сделали вид, что крепко спят. Штурмовик все время держался за гимнастерку

Лавриненкова, чтобы по первому его движению броситься вместе с ним. Дыхание сдавливалось, прерывалось непреодолимым волнением.

Пировавшие за столиком о чем-то заспорили. Вот они оба наклонились к чемодану, что-то пересчитывая и укладывая.

Настала долгожданная минута. Лавриненков стукнул по чемодану. Все, что было в нем, полетело на конвоиров. Крик в купе. Советские летчики выбросились из вагона на полном ходу поезда. Удар о землю, кувыркание. Выстрелы, вспышки огня, свист пуль. Поезд отправился дальше.

В деревне летчики обменяли все, что было на них и при них, на простую одежду и побрели на восток. Не скоро они, заросшие бородами, в лохмотьях, попали в один из местных партизанских отрядов и стали его бойцами. Через некоторое время их перевезли на самолете через линию фронта, и они возвратились в часть. Здесь должна была начаться проверка заподозренных в таком «легком» бегстве из плена. И она бы, эта проверка, возможно, затянулась надолго, если бы наша армия не освободила Донбасс, в частности и то село, где немецкие разведчики допрашивали Лавриненкова. Старики, ютившиеся в каморке этой хаты, все слышали, что происходило за стеной. Они с восхищением вспоминали молодого бровастого летчика, который «мовчав як камень». К этим свидетельствам присовокупились и данные партизанского отряда, который вышел навстречу нашим частям, и имя Лавриненкова, его подвиг в поединке с немецкими офицерами стали известными всей стране.

Я слушал тогда этот рассказ, смотрел на молчаливого капитана и думал о других летчиках, наших однополчанах, чья судьба затерялась где-то там, за линией фронта. Как они ведут себя? Что делают для того, чтобы приблизить победу над врагом? Чтобы возвратиться в родную семью? Трудно ответить. Но мы на своем пути наверняка разыщем еще не одну такую хату, поляну, дорогу, немецкий концлагерь, которые засвидетельствуют нам верность людей с голубыми петлицами и погонами своему высокому долгу, нашей Родине.

Накануне Нового года полку приказали перебазироваться в село Черниговку на отдых и доукомплектование.

Черниговка… Я помнил ее, раскинувшуюся по балкам и оврагам, которые помогли нам выбраться из окружения.

Я сразу подумал о Марии. Вот здесь и встретимся с ней. Чтобы не расставаться никогда.

Начались сборы. Когда была дана команда на перелет и одна эскадрилья уже поднялась в воздух, мне позвонили из штаба дивизии: срочно явиться к командующему армией. Эта

экстренность и неизвестность меня взволновали.

«Наверное, даст нагоняй за переправу», — решил я, выбрав, как всегда, самое худшее. Несколько дней назад немецкие бомбардировщики разрушили одну из наших переправ. Произошло это вечером. Наш локатор вовремя засек приближение группы вражеских самолетов. Я решил выслать на перехват два звена: одно из Аскании-Нова, другое из Дружелюбовки. Но только что возвратившийся из госпиталя Краев отменил мое распоряжение.

— Время позднее, — сказал он. — При посадке могут случиться неприятности.

Я настаивал, но не смог его убедить. И вот результат: переправа пострадала. Теперь командующий, очевидно, заинтересовался этим случаем…

Генерал Хрюкин встретил меня так приветливо, что я сразу же забыл о своих опасениях. Он повел разговор об «охотничьих» полетах над морем.

— Летчики других полков летают пока вхолостую. В чем дело?

— Потому что всякий раз на берег поглядывают. Надо где-то на побережье найти площадку, чтобы иметь возможность летать дальше, чем это делали мы. Очевидно, немцы отодвинули трассу перелетов в глубь моря.

— Это верно, — согласился генерал. — Вот что: поезжай в полк Морозова и помоги им наладить перехват.

— А я надеялся, товарищ генерал, что вы какой-либо нашей эскадрилье доверите это дело, Я бы базировался с ней где-нибудь на побережье и…

— Нет, нет, Покрышкин, ваш полк уходит на отдых.

— Тогда разрешите мне взять с собой своего ведомого. Может быть, придется сделать несколько показательных полетов.

— А-а, ты опять за свое! — насторожился командующий. — Тебе же я запретил летать над морем, и не хитри, пожалуйста. Направляйся в полк Морозова один, на У-2!

Да, командующий разгадал мой не такой уж хитрый ход: мне действительно хотелось «поохотиться» над морем, пока полк будет отдыхать. Но я посчитал нетактичным настаивать на своем. Об одном лишь решился попросить генерала:

— Разрешите слетать в Павлоград и на время отдыха забрать к себе жену. Она служит в БАО медсестрой.

— Жену? — удивился генерал, пристально посмотрев на меня.

— Будущую жену, товарищ генерал.

— Хорошо, — сказал он. — Дам тебе свой самолет. Путь-то не

маленький. Еще заморозишь свою любовь!

Я был счастлив от такого доброго отношения к себе. Полк Морозова находился где-то в районе Чаплинки.

Я всматривался в забеленную легким декабрьским снежком ровную степь и под однообразный напев мотора думал о встрече с Морозовым.

Я хорошо помнил его по Кишиневу. Это он в первый день войны над Кишиневом сбил один немецкий самолет, а другой таранил и благополучно приземлился на парашюте. Теперь, спустя почти два трудных военных года, оживали в памяти встречи с Морозовым в Тирасполе, Григориополе…

В его полку народ был боевой, истребители опытные. Однако эскадрилья Аллелюхина, севшая на подобранную для «охоты» площадку, действовала не особенно блестяще. Сейчас она подменялась эскадрильей Лавриненкова.

С Морозовым мы встретились в жарко натопленной землянке. Южная вьюга знакомо свистела за окошком.

Мы вспомнили солнечный зеленый Кишинев, палаточный городок у Григориополя, наших общих друзей. Морозов прошел с ними много дорог, называл, кто и где служил теперь, кто и на каких рубежах битвы погиб.

— В живых осталось мало, мы ведь побывали и в боях под Сталинградом, — сказал Морозов и вдруг спросил: — Не летал на «харикейнах»?

— Не летал. Бог миловал, — ответил я.

— Скажи спасибо своему «богу»! — засмеялся майор. — А нас он наказал. Англичане сняли их с вооружения в войсках, которые стояли в Африке, как устаревшие, передали нам. Они прибыли к нам в серо-желтой окраске, под песок пустыни. Скорости нет, оружие слабое…

— У вас был такой молодой и уже совсем седой лейтенант, — вспомнил я одного из тех, с кем виделся в последний мирный вечер.

— Да, был. Там же погиб, на Волге, — ответил Морозов, так и не назвав мне ни его имени, ни фамилии.

Меня охватила грусть. Был человек, очень много переживший, умный, храбрый, поседевший в юности от испытаний, выпавших ему. Его рассказы о себе, его образ сохранились в моей памяти и еще долго будут жить. «Седой лейтенант» — это звучит так необычно. Седина в двадцать пять лет…

На второй день Морозов проводил меня в обратный путь, после того как я в беседах оставил на этом степном аэродроме, выглаженном ветрами, все то, что знал, что мог отдать летчикам

из своего скромного опыта «свободной охоты». То, что мы, два ветерана Великой Отечественной войны, сошлись на третьем ее году в степи под Херсоном и вспомнили всех своих друзей, поделились своим сокровенным опытом фронтовой жизни, взглядами на события, на наше родное дело — авиацию, имело для нас обоих большое значение. Казалось, что мы остановились вдвоем на высоком горном перевале, оглянулись назад, на пройденный трудный путь, и смело обратили взор к новым нелегким дорогам.

Я возвратился в Асканию-Нова. Там на аэродроме стоял мой единственный самолет. Через несколько минут я взлетел. Пронесясь над вольерами, в которых паслись по молодому снежку уцелевшие обитатели заповедника, взял курс на Черниговку.

Петухи возвещают рассвет.

Детские голоса и следы по снежку заставляют вспомнить детство, школу…

Вчера были вылеты, бои, под крыльями бурное море. Сегодня вокруг тихое степное село, спокойствие обыкновенной, трудовой жизни.

Переночевав, мы рано утром выехали на аэродром, расположенный на западной окраине. В первый день оборудовали комнаты для занятий. Приводили себя в порядок, готовясь к встрече Нового года.

Я снял квартиру в центре села, во второй хате от церквушки, навевавшей своим ветхим видом тоску. Вечером у меня собрались друзья отметить праздник.

Веселья за нашим холостяцким столом, правда, было немного. Вся обстановка скорее напоминала прощальный вечер. Ведь в ближайшие дни многие из нас должны были покинуть Черниговку. Замполит Погребной уезжал в Москву на учебу. Клубов, Сухов, Жердев и Олефиренко собирались лететь в Баку за новыми машинами, а я по своим личным делам — за Марией, под Днепропетровск.

И все-таки это был праздник. Спокойное звездное небо над селом, огоньки в окнах домов, песни, оглашающие улицу, на какое-то время вытеснили войну из нашего сознания. Вокруг хозяйничала жизнь, а не смерть.

…На следующий день прибыл самолет, обещанный командующим армией. Я положил в кабину меховой комбинезон для своего будущего пассажира и зашел в землянку, где собрались товарищи проводить меня в не совсем обычный полет. Со всех сторон посыпались шутки, напутствия:

— Один не возвращайся!

— Особенно без нескольких бутылок «Московской».

— Откуда там может быть такая роскошь?

— В Днепропетровск загляни. С пустыми руками в село не пустим.

— Посматривай в полете в сторону Днепра. За рекой еще немцы. Такой «скороход», как у тебя, для истребителей — семечки.

— Ну, хватит каркать!..

Когда я два часа спустя нашел в почти таком же, как и Черниговка, селе хату, в которой помещалась санчасть, Мария, увидев меня, заиндевевшего, воскликнула:

— Неужели ты?.. В такой холод!

— Прилетел за тобой, — сказал я.

Я имел право произнести эти слова, а она — услышать их. На лице Марии, в ее глазах отразилась растерянность. Мы начинали в своей жизни что-то новое, наше. В дни войны это было чем-то большим, чем просто любовь и просто женитьба. Суровое время, война, бои щадили нас, а мы, разделенные фронтами, щадили наше чувство, берегли его. Теперь мы имели право на свое счастье, пусть непродолжительной совместной жизни — нам было ясно, что Мария все время при мне находиться не сможет.

На оформление всяких переводных документов ушел целый день. Наутро все было готово к отлету, но вновь разразилась пурга. На аэродроме оторвало наш самолет и повернуло, понадобился ремонт. Мы еще задержались на сутки.

Вечером пошли в клуб на танцы. Подружки Марии, подходя к нам, говорили ей какие-то особые, полные искренности и волнения слова.

После танцев нас пригласил к себе на ужин командир авиационного полка, базировавшегося в этом селе. Майор был уже немолодой, его семья жила в глубоком тылу. Когда мы пришли к нему, нас встретила молоденькая красивая девушка в военной форме и принялась накрывать стол.

— Моя жена, — полушутливо представил ее майор. По его тону, по тем тонким признакам, которые мы очень быстро разгадываем, я понял, что эта молоденькая девушка не назвала бы майора своим мужем. Это сразу испортило и мне и Марии настроение. Мы поужинали, обмениваясь общими, пустыми словами, говорить было не о чем. Взаимоотношения, такие, как между девушкой и майором, кое-где бытовавшие на фронте, были не похожи на наши. Мы обменялись взглядами. Уже собираясь домой, закуривая на кухне с майором, я спросил его:

— Кто это?

— Хороша? — ответил он вопросом, улыбаясь.

Я поддакнул. Он загорелся желанием похвастаться.

— Как-то по дороге встретил, забрал в часть, оформили в БАО.

Пока дошли с Марией до своего дома, поссорились, наговорили Друг другу глупостей. Мы не понимали тогда, что с нами произошло. Наше чувство, наши чистые намерения связать навсегда свою жизнь оказались перед лицом этой легкой связи как бы поруганными, униженными, обесцененными.

Когда мы приземлились на аэродроме в Черниговке, летчики окружили нас.

— Мы издалека угадали, что это свадебный самолет.

С аэродрома мы всей компанией поехали ко мне на квартиру. Хозяйка дома, предупрежденная моими друзьями, приготовила свадебный стол.

Через некоторое время я, потеряв надежду оказаться в большом городе, зарегистрировал свой брак с Марией в сельском Совете Черниговки.

Началась напряженная учеба — занятия в классах и на аэродроме, полеты над заснеженной степью. Мы снова и снова изучали боевой опыт, анализировали свои прошлые воздушные бои, готовились к вылету на фронт.

В одном из полетов я решил отработать стрельбу по наземным целям из перевернутого положения. Идя на бреющем над полем, я делал горку и, перевернув самолет, стрелял по кучкам старой соломы, торчащей из-под снега.

Выравнивал машину почти у самой земли. .

Только приземлился, как меня срочно вызвал Дзусов.

— Ты чего там фокусы устраиваешь? — строго спросил он, когда я доложил ему о прибытии.

— Это не фокусы, а тактический прием, — возразил я.

— Я не сомневаюсь в этом. Но на тебя смотрят молодые летчики. Они тоже захотят попробовать выполнить то, что делаешь ты. А это им пока не под силу. Хочешь, чтобы они разбились?

— Этого не учел, — признался я, испытывая чувство неловкости.

— Если понял, иди.

— Больше такого не будет, — заверил я, осознав правоту слов командира дивизии.

Вечером Дзусов снова вызвал меня. «Неужели опять по поводу этих полетов?» — подумал я, поднимаясь на крыльцо штабного домика. Но по приветливому лицу комдива сразу понял, что причина вызова совсем другая.

— Отвоевался ты, Александр Иванович, — сказал Дзусов. — Тебя отзывает Москва. Бери расчет, личное дело, выписывай

проездные документы и отправляйся в штаб ВВС. Едешь на выдвижение. Поздравляю!

Я так растерялся, что не нашелся, что ответить. Мысли смешались. Ведь я все время жил надеждой улететь на фронт.

— Отбыть сегодня, — уточнил Дзусов, пожимая мне руку. — Специально звонили и просили поторопить с отъездом.

Я вышел на улицу.

Бросить полк, уйти с фронта?..

Мне было жарко, хотя на дворе стоял морозный солнечный день.

18. Москва близко

В столицу я отправился вместе с Марией сразу после празднования Дня Красной Армии. Его отмечали в этом году широко и торжественно. Многие десятки тысяч воинов были награждены орденами и медалями, на вечерах и собраниях вспоминали павших в боях за честь и славу Родины.

В приказе Верховного главнокомандующего перечислялись освобожденные советские города и области. Цифры и наименования убедительно говорили о великом подвиге нашего народа и его армии. Советские войска успешно продолжали наступление на правом берегу Днепра, все дальше гнали врага от измученного блокадой Ленинграда, начинали освобождение Белоруссии. Грозным предупреждением прозвучали в этот день слова приказа: «Близится час окончательной расплаты за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле и в оккупированных странах Европы».

Красная Армия обретала мировую славу спасительницы человечества от кровавого гитлеризма. В своей поздравительной телеграмме Ф. Рузвельт восхищался ее «великими, многозначительными победами». В ознаменование 26-й годовщины Красной Армии в Лондоне, Мельбурне, Веллингтоне состоялись массовые митинги, а в Алжире — парад французских, американских и английских войск.

На юге стояла капризная зима с частыми оттепелями. Пассажирский поезд, в котором я и Мария так давно не ездили, мчал нас на север. Уже за Донецком появились заснеженные поля, а на окнах вагонов мороз стал рисовать узоры.

Станции, городки, города. Их страшные руины теперь прикрывались снегом. Названия многих из них были написаны от руки на уцелевших стенах развалин. Но над этими городами витала гордая слава. Харьков, Белгород, Обоянь, Курск… Какие битвы отгремели здесь!..

Праздничные лозунги и картины напряженной трудовой жизни радовали, говорили о том, что скоро все разрушенное войной будет восстановлено.

Приближаясь к Москве, я вспомнил о своем прошлогоднем посещении столицы. Это было летом. Нас, двух братьев Глинка — Дмитрия и Бориса — и меня, срочно вызвали в штаб ВВС. Во фронтовых, впитавших пот и пыль гимнастерках, в старых кирзовых сапогах, в полинявших, не раз мятых под сиденьями самолетов фуражках, мы, оставив кубанский аэродром, через несколько часов лету очутились среди шумного людского потока

на улицах Москвы. Такая перемена — станичный аэродром и вдруг столичный городской шум, многолюдье — ошеломила нас, как настоящих провинциалов.

Мы шли, засматриваясь на все, радуясь мирной, обычной жизни. Но наша радость оказалась недолгой: мы не заметили майора и не поприветствовали его. Нас задержали.

— Нарушаете приказ! Надоело напоминать таким, как вы, — поучал майор, хотя мы извинились перед ним.

Рассказав об этом Марии, я кивнул на ее солдатскую шинель:

— Тебе-то придется больше козырять, чем мне.

— По Москве я согласна пройти парадным шагом, не опуская руки. Лишь бы побывать в ней, — ответила, шутя, Мария. — Я еще не видела ее!

Тогда меня вызывали в Москву, чтобы вручить американскую медаль «За боевые заслуги». Получив награды, мы на второй день возвратились на Кубань, в Поповическую.

Зачем же вызвали меня в столицу теперь? Я строил предположения, догадки. Переживать надо было уже за двоих. Рядом со мной была жена.

В отделе кадров штаба ВВС все прояснилось: мне предложили должность начальника отдела боевой подготовки истребительной авиации Военно-Воздушных Сил. Такая неожиданность, такой высокий пост! Я не знал, что ответить. Опытный начальник отдела кадров Орехов, когда-то посылавший меня, авиатехника, на учебу в академию, понял мое состояние и не стал торопить с ответом.

— Подумайте. Я закажу вам пропуск на завтра. Я отправился в гостиницу. Надо было и самому подумать и с Марией посоветоваться. По правде говоря, ответ у меня был готов. На эту должность мне идти не хотелось. Конечно, штабная работа спокойней и безопасней, но я думал не об этом. Что скажут обо мне боевые друзья, узнав, что я, научившись воевать, задолго до конца войны ухожу с фронта? Скажут: тихой жизни захотел, а может быть, и того хуже. Нет, я не мог допустить, чтобы мои однополчане имели повод для таких разговоров. Воевать до победы, дойти до самого Берлина было моим единственным и неизменным стремлением.

Когда я поделился своими мыслями с Марией, она во всем согласилась со мной. Ее тоже тянуло на фронт.

Наутро я явился к начальнику отдела кадров с ответом. Мой отказ удивил его и, видимо, огорчил.

— Как так «не хочу»? — сказал Орехов. — Ваш опыт нужен другим… Вам присвоят генеральское звание. Надо было искать новый довод.

— Опыт у меня действительно есть, но я чувствую, что с такой большой должностью не справлюсь.

— Помогут.

И тогда я выпалил прямо:

— До конца войны с фронта не уйду!

Начальник отдела кадров молча отодвинул в сторону мое личное дело.

На следующий день он представил меня Главному маршалу авиации А. А. Новикову. И в разговоре с ним я мотивировал свой отказ теми же причинами. Главный маршал согласился отпустить меня обратно в полк. Я не в силах был скрыть свою радость и мысленно уже летел в Черниговку. Но Главный маршал дал мне одно задание:

— Поезжайте-ка на авиазаводы, ознакомьтесь с новыми истребителями, — сказал он. — Наши самолеты получше «аэрокобр»! Дадим вам ЯК-3 или ЛА-5. Это отличные машины!

Поручение пришлось мне по душе. Летчики нашего полка давно мечтают перейти на отечественные истребители. К тому же я еще ни разу не бывал на авиазаводе и не видел, как делается самолет — самое близкое для меня создание мысли и рук человека.

Вечером пошли с Марией в Большой театр. Нарядная публика, обстановка театра, яркое представление заставили нас забыть о войне, о фронте. Мы видели себя в мирной жизни, до которой было очень близко, подать рукой. Но мы больше не обсуждали этой проблемы — остаться в Москве или нет. Мы думали лишь о том, что не должны изменить фронтовой дружбе людей, которые были далеко-далеко отсюда. В антракте я оставил Марию и пошел покурить. Когда возвратился на то место, где она должна была ждать меня, ее там не оказалось. Мария сидела в кресле чем-то опечаленная.

Она не скрывала свою грусть. Ей очень хотелось быть в театре не солдатом, не в тяжелых кирзовых сапогах. Здесь все пробуждало чувство красивого, ничто не сочеталось с нашими фронтовыми понятиями и условностями. Я понимал это.

Утром, перед тем как отправиться на центральный аэродром, где мне предстояли полеты, мы завернули в универмаг. Продавцы охотно взялись помочь Марии подобрать все необходимое, и я оставил ее на их попечение.

На аэродроме меня встретил известный в стране летчик-испытатель генерал Федрови. Он показал новенький, проходивший испытание истребитель ЯК-3. Ознакомившись с машиной, я сел в кабину, запустил мотор и взлетел. Самолет быстро набрал высоту. Выполнив несколько фигур высшего

пилотажа, я сразу почувствовал его преимущества перед истребителями, на которых мне приходилось летать раньше. Но мне бросились в глаза и некоторые конструктивные просчеты.

Своими впечатлениями я поделился с Федрови.

— Я согласен с вами, — сказал он, — вам, фронтовикам, лучше видны достоинства и недостатки самолетов. Полетаете еще завтра, тогда я представлю вас конструктору.

— Яковлеву?

— Да.

По пути в гостиницу я обдумывал, что скажу прославленному творцу советских истребителей. Мне действительно надо было еще раз проверить свои выводы, хотя многие из них я уже сейчас считал бесспорными. ЯК-3 должен иметь три пушки, но из-за конструктивных трудностей серийные машины предполагалось выпускать лишь с одной. Это снижало боевые возможности самолета. Кроме того, расположение приборов в кабине создавало для летчика определенные неудобства.

Дома меня ожидал сюрприз: Мария предстала передо мной такой нарядной, какой я не видел ее никогда. Красивая и сияющая, стояла она посреди комнаты, демонстрируя свое преображение. Теперь она охотно согласилась пойти в театр, и мы отправились на спектакль. Хотелось побывать везде, наверстать упущенное.

Поздно вечером, возвращаясь в гостиницу, мы медленно шли по ночным улицам, наслаждаясь тишиной. Мы испытывали настоящее счастье от этого покоя и близости, зная, что через несколько дней окажемся снова на фронте.

После новых полетов Федрови, наконец, повел меня к авиаконструктору. Александр Сергеевич Яковлев сидел у горящего камина, пошевеливая кочергой угли. Федрови доложил ему обо мне, о моих полетах и замечаниях. Конструктор слушал, не переставая шуровать в камине. И мне показалось, что мои суждения о машине для него совершенно не интересны.

Разговор не получился.

…Целый день мы с женой занимались подготовкой к отъезду. Вечером к нам в дверь кто-то постучал. Я пригласил. В комнату вошел генерал. Он подал руку и назвал свою фамилию: Лавочкин.

— Решил побеспокоить, — присаживаясь, заговорил он. — Я работаю над самолетом, который будет посильнее ЛА-5. Буду благодарен, если вы взглянете на него глазами фронтовика.

Семен Алексеевич долго расспрашивал меня о воздушных боях, о летчиках, известных ему по прессе, рассказал о своих творческих планах. Уходя, он пригласил меня на завод, где готовилась к испытанию машина ЛА-7.

В цехе, куда я пришел на следующее утро, уже знали, что к ним заглянет летчик с фронта. Меня встретили рабочие, мастера. Я смотрел на их усталые, но энергичные лица, на крепкие руки, и мне захотелось как можно дольше побыть среди них. Здесь все говорило о напряженном и творческом труде людей, об их стремлении дать летчикам самое надежное оружие для окончательного разгрома врага.

— Что вы устанавливаете на новом самолете: пушки или пулеметы? — поинтересовался я, остановившись возле площадки, на которой монтировалось вооружение.

— Зачем же пулеметы? Что же, фашист по вас будет снарядами палить, а вы по нему пулями? Так не годится. Плата врагу должна быть достойной! — ответил мне старик мастер, поглаживая седые усы. — Верно я говорю?

— Очень верно, отец! — ответил я.

— Сам погляди, что делаем, — предложил он. Да, это был замечательный истребитель! Подобные ему машины, правда, уже появились на фронте, но далеко не такие. Чудесная техника! Я невольно вспомнил «чайки», МИГи, «ишаки», на которых мы сражались в первые дни войны, и тех храбрецов, что даже на таких машинах смело шли на огонь пушек бронированных «мессершмиттов». Эх, если бы теперь Миронов, Соколов, Овсянкин, Дьяченко увидели, какие у нас истребители!..

Я поблагодарил рабочих за их самоотверженный труд, за все, что они делают во имя победы. Посещение завода и конструкторского бюро Лавочкина окончательно убедило меня в том, что я поступил правильно, отказавшись от должности в Москве. Надо было немедленно возвращаться на фронт. Теперь наши летчики располагали всем необходимым для скорейшего разгрома хваленой авиации Геринга.

Лавочкин, к сожалению, не смог предложить мне готовой, окончательно испытанной новой машины для опробования ее в воздухе. Но он обещал сразу же сообщить мне на фронт, как только будут выпущены первые ЛА-7, с тем чтобы мы взяли несколько самолетов и испытали их в бою.

В гостинице я получил приятную весть: из штаба ВВС сообщили, что мне присвоено звание подполковника и что Главный маршал авиации хочет еще раз побеседовать со мной. Я немедленно явился к нему. Расспросив меня о поездке по заводам и встречах с конструкторами, Новиков спросил:

— Значит, все-таки не хочешь оставаться здесь, отправляешься на фронт?

— Да, товарищ маршал.

— Хорошо. Отпускаем тебя, чтобы ты там еще подумал о

нашем предложении.

По его улыбке я понял, что эти слова сказаны между прочим. Маршал отлично знал, что на фронте я буду думать только о боях.

…В вагоне поезда, который мчался на юг, я долго не мог уснуть. Отдаляясь от Москвы, думал о ее бурной, многогранной жизни, о ее большой, поистине исторической роли в происходящей войне, о ее людях. Заводы, институты, штабы, театры — все здесь жило фронтом, работало на победу. И все-таки война была далеко от нее.

Когда я буду еще в Москве? Редко кому из фронтовиков удавалось в это время побывать в столице. Теперь она стала глубоким тылом…

Меня ждали на юге родной полк, друзья, новые сражения.

В таврийских степях весна была в полном разгаре. Черниговка утопала в грязи. Туманы и низкие облака приковали самолеты к земле. Но мои однополчане и в этих условиях почти ежедневно проводили тренировочные полеты. Клубов, Речкалов, Бабак, Труд, Лукьянов, Жердев «вывозили» молодежь. Среди новых летчиков были двое, которые помогли нам перегнать с Кавказа в Черниговку полученные машины.

— Почему они еще здесь? — спросил я у Речкалова.

— Отказались возвращаться в тыл.

— Как так?

— Они летчики и хотят воевать.

— Но командование полка, где они служили, все равно их потребует.

— Уже требовало.

— Что же вы ответили?

— Пока отмалчиваемся. Ребята хорошие, летают исправно, рвутся в бой.

«Ну что ж, — подумал я, — будем отстаивать их. Кто просится на фронт, тот в бою плохим не будет».

Мы готовились к перелету на передовые аэродромы, изучали обстановку на нашем фронте. А пока мы «загорали» в Черниговке, наши наступающие войска вышли на юге почти на те рубежи, где начиналась война. В сводках Совинформбюро теперь упоминались плацдармы на правом берегу Днепра, появилось тираспольское направление. Ветераны нашего полка горели желанием скорее приземлиться на знакомых аэродромах, где мы стояли три года назад, и в боях над Днестром отплатить врагу за трагические дни незабываемого июня.

Мы уже знали: перелет намечен на первую половину апреля, и все жили будущими сражениями, мечтой о преследовании врага

до его логова. Вдруг меня срочно вызвали в ставку Главного маршала авиации.

Я полетел туда на боевом самолете со своим ведомым Голубевым. Совершая по маршруту посадки на некоторых аэродромах, мы познакомились со многими соратниками по оружию, с которыми потом пришлось воевать под Берлином и кончать войну.

Командир корпуса генерал Александр Утин и командир полка Анатолий Кожевников помогли нам устроиться, чтобы пересидеть плохую погоду, а мне еще — побывать в знакомом городе.

Я обошел все улицы Ново-Николаевки, проведал квартиру, впервые встретился с Мироновым и Панкратовым. В это время наша армия воевала уже там, где находились могилы этих погибших летчиков.

Когда мы прилетели на конечный пункт, здесь было не до нас. В этот день был тяжело ранен командующий фронтом генерал армии Н. В. Ватутин. К кому бы я в штабе ни обращался с расспросами, мне кратко отвечали:

— Устраивайтесь ночевать, завтра поговорим.

— А зачем нас вызвали?

— Неизвестно.

Меня тревожили такие ответы.

На второй день я был принят Главным маршалом.

— Знаешь, зачем вызвали? — спросил он.

— Не знаю.

— Назначаем тебя командиром авиаполка, который находится в резерве штаба.

«На этот раз мне, наверное, уже не выкрутиться, — подумал я. — Как же быть?»

— Очень не хочется мне уходить из своего полка, товарищ Главный маршал.

— Это я знаю.

— Тогда разрешите перевод в этот полк нескольких летчиков, с которыми я много воевал.

— Нет, не могу.

— Это мои воспитанники, товарищи. Опорой мне будут на новом месте.

— Разрешаю взять только ведомого.

— Без них я не могу согласиться. Прошу отпустить в мой полк.

Маршал безнадежно махнул рукой. Боясь, что он передумает, я поспешно вскинул к шапке руку и вышел. Выкрутился еще раз. От этой радости даже в голове зазвенело.

Голубев, ожидавший меня на аэродроме, бросился навстречу:

— Домой?

— Да.

— Отлично!

«Дома» меня ждала телеграмма: «Самолеты готовы. Срочно забирайте. Лавочкин».

И вот опять поезд отсчитывает километры на север. За окнами проплывают тронутые дыханием весны русские поля, снова приходят дорожные раздумья о том, какие большие изменения произошли на фронте, какой неузнаваемой стала наша авиация, о грядущих воздушных боях, о друзьях. Рядом со мной Георгий Голубев. Это один из многих летчиков, с которыми мне привелось летать в огненном небе войны. И Голубев-то второй. Первый погиб на Кубани.

Наряд на получение ЛА-5 нам дали на завод, расположенный недалеко от города. Туда я отправился на связном самолете с пилотом, обслуживавшим Лавочкина, а Голубев поехал поездом. Мы летели над лесом, нас сильно болтало. Потом внизу появилась речка, и я попросил у пилота ручку управления. Я бросил самолет вниз, почти к самой воде. Мы шли на уровне высоких берегов. На фронте так часто ходят наши «кукурузники», маскируясь от «мессершмиттов». С полчаса я вел самолет, перепрыгивая через провода телефонных линий и подскакивая вверх там, где поворот речки был чересчур крутым. По сторонам стеной вставали могучие леса, и я чувствовал себя словно дома, в родной Сибири. Давно я не видел такой живописной природы.

Вскоре я снова передал управление пилоту. Он повел УТ-2 по-моему, над самой речкой.

Вдруг впереди сверкнула вспышка. Что такое? Оказывается, мы врезались в электропровода, мотаем их, тащим за собой, а они все время искрят.

Скорость начала падать. Я машинально дернул фонарь, чтобы, если сядем на воду, можно было выскочить из кабины. Самолет терял высоту. Винт мотора еще вращался, но пилот, видимо, уже смирился с мыслью, что все кончено. В эти секунды во мне вспыхнуло желание бороться с катастрофой. Я схватил ручку и резко развернул машину к берегу. Она, к счастью, подчинилась мне.

Надвигался берег. Я уперся руками в приборную доску, как делал когда-то давно, когда падал на лес в Молдавии.

Самолет прошел выше береговой кромки и упал на ровное место. Удар. Треск. Машина развалилась. Я тотчас же выскочил из разбитой кабины и увидел, что пилот в крови. Пробежал к дороге, остановил автомашину с людьми, и мы отвезли

пострадавшего в ближайший госпиталь. Там ему сделали перевязку и разрешили вместе со мной добираться до города, где находилась его семья.

Пока мы ехали к нему домой, я все время думал о происшествии. Почему так случилось? Вспомнил свой неприятный разговор с комдивом Дзусовым. Тогда он отругал меня не за сами «трюки», а за то, что я делал их на глазах у молодых летчиков. Вот и сейчас я чувствовал себя виновным; показал малоопытному пилоту, как летаю я. А он сразу стал мне подражать. В результате мы оказались на шаг от гибели. И где могли погибнуть — вдали от фронта, в речке! Неприятно было думать об этом. Я доставил пилота домой. Меня его родственники не отпустили, предложили переночевать. Пришлось согласиться.

Вечером к нам заглянули соседи — проведать пострадавшего. Среди них была приятная интеллигентная женщина средних лет. Подавая руку, она представилась:

— Нестерова.

Я еле удержался, чтобы не спросить, не родственница ли она знаменитому русскому летчику П. Н. Нестерову. Словно прочитав этот вопрос в моих глазах, она сказала:

— Дочь летчика Нестерова. Зайдемте к нам, я познакомлю вас с матерью Нестерова.

Так какой-то нелепый случай привел меня в дом, где жила семья русского летчика-новатора, мастера воздушного боя, автора «мертвой» петли и первого в мире тарана! Здесь мне рассказали о нем много интересного, показали редчайшие фотографии, а одну из них подарили на память.

Утром я поехал на завод и встретил у проходной Голубева. Мы получили здесь новенькие ЛА-5 и отправились на них в Москву. Там предстояло решить вопрос о наряде на машины ЛА-7 для полка.

Самолеты ЛА-5 были превосходные. У авиатора есть особое чутье, которым он воспринимает машину, ее мощную силу, покорность, все ее гармоническое совершенство. Я посматривал на гашетки пушек, на приборы и радовался. Если ЛА-7, которыми обещают вооружить весь полк, лучше этого, то чего еще нам, летчикам, остается желать?

Мы летели над среднерусскими лесами и полями — крыло к крылу.

В штабе ВВС, куда мы явились за нарядом, меня встретили радостным удивлением:

— Ты живой?!

Я попытался шуткой отделаться от вопросов.

— Тут не до смеху, — сказали мне. — Тебя уже похоронили. Нам сообщили, что Покрышкин разбился.

— Откуда сообщили? С авиазавода?

— Нет. Зарубежное радио передало. Специально выделенные люди уже занимаются выяснением обстоятельств.

Моей персоной, оказывается, интересовались зарубежные корреспонденты. Они и распространили ложное сообщение. На него можно было махнуть рукой, если бы оно не всполошило работников штаба. Мне приказали немедленно прекратить хлопоты об отправке истребителей для полка и сегодня же на полученных «Лавочкиных» вылететь на фронт.

Нас с Голубевым тоже напугал неожиданный поворот дела: если в штабе так серьезно рассматривают приключение с УТ-2, то могут задержать нас для всевозможных объяснений и уточнений причин происшествия. Отказав себе даже в обеде, мы добрались до аэродрома и тотчас же взлетели на сверкавших дюралем тупоносых красавцах.

Ближайшим пунктом для заправки горючим был Курск. В Харькове нас пытались задержать из-за плохой погоды на маршруте, но мы дерзнули идти дальше под нависшими над землей облаками. Хотелось скорее быть дома. Может быть, там нас тоже считают погибшими. Надо поскорее опровергнуть эти преувеличенные слухи.

Пролетев над самыми крышами домов Черниговки, мы благополучно сели на своем аэродроме. Выйдя из машины, я увидел, что навстречу бежит начстрой полка лейтенант Павленко.

— Вам телеграмма, товарищ подполковник, — радостным голосом сказал он, подавая свернутую вдвое бумажку.

Я не торопился ее прочесть. Лейтенант не стерпел и выпалил:

— Вас назначают комдивом!

Я прочел телеграмму. Да, в ней сообщалось именно об этом. Голубев и Павленко выжидающе смотрели на меня: что я скажу? А о чем было говорить? Я задумался, как лучше поступить. Отказаться и в этот раз? Ведь если стану комдивом, то редко придется летать на боевые задания. А мне хотелось сбивать и сбивать тех, с кем еще не закончены счеты.

Я еще раз взглянул на телеграмму. Ее подписал Главный маршал авиации Новиков. Нет, это уже не предложение, а приказ. Приказы же даются для того, чтобы их выполняли.

Полковник Дзусов должен был расстаться с нашей гвардейской Мариупольской дивизией. С ней он прошел большой, трудный и славный путь. Теперь его назначали командиром авиационного корпуса, действовавшего на Белорусском фронте.

Встретив меня в штабе, Дзусов долго говорил о том, как

трудно ему расставаться с коллективом, к которому он прирос сердцем. Вспоминал о первых шагах работы на этой должности, давал мне наставления и советы.

Во время нашего разговора в кабинет вошел начальник штаба дивизии подполковник Абрамович. Он, улыбаясь, представился мне и, развернув карту, показал прифронтовые аэродромы, на которые должна перелететь дивизия.

— Справишься с перебазировкой? — спросил Дзусов, внимательно посмотрев мне в глаза.

— Если надо — постараюсь, — ответил я. — А кто у меня будет заместителем?

— Заместителем? — переспросил он и, лукаво улыбнувшись, ответил: — Твой давний знакомый — Краев.

Его ответ меня не обрадовал.

Словно догадавшись, о чем я задумался, Дзусов повернулся к начальнику штаба и сказал:

— Дивизию я сдам после перебазирования, на фронте. Я всегда ценил заботу командира о людях. И теперь в его словах прочел лишь искреннее стремление помочь мне быстро и организованно перебросить полки из тыла на далекий фронт.

— Знакомься с делами. Завтра полетишь к командующему армией на доклад.

— Есть! — ответил я, по-прежнему чувствуя его своим командиром.

Дома мне надо было прежде всего решить личный вопрос: как быть с Марией? Водить с собой жену на фронте означало делать то, за что приходилось осуждать других. Я не мог этого допустить и заблаговременно предпринял некоторые шаги. В частности, я обо всем написал своим родным. Между ними и женой наладилась переписка. И Мария внутренне была уже готова к разлуке с фронтом, со мной, к жизни в глубоком тылу. Она даже не упрекнула меня, когда я вскоре после нашего разговора принес ей документы о демобилизации из армии и проездной билет до Новосибирска.

Жена понимала, что военное время обязывало такие отъезды устраивать быстро, почти молниеносно. Всеми мыслями я уже был на фронте, на новой работе, а все заботы о Марии, готовящейся стать матерью, перекладывал на свой далекий родительский дом.

В тот же вечер на станции Верхний Токмак я посадил Марию на поезд. Пока он не отошел, я стоял у окна вагона, смотрел на жену и невольно думал о том, как снова круто меняется моя жизнь. Мысленно я видел Марию уже там, в домике над Каменкой, где прошло мое детство.

Поезд тронулся.

Когда мы снова с ней встретимся?..

Командующий воздушной армией генерал В. А. Судец прежде всего выслушал доклад о состоянии дивизии, а потом начал беседовать со мной. Его вопросы были лаконичными и конкретными. Он имел ясное представление о боеспособности нашей гвардейской дивизии и заботился лишь о том, как лучше разместить полки на аэродромах, чтобы обеспечить гибкое и четкое руководство ими в бою.

Наконец план перелета был утвержден. Покидая штаб армии, я с особой силой почувствовал, какая большая ответственность легла на мои плечи. Три полка! Надо было быстро перебросить их из-за Днепра к Днестру, на рубежи будущих сражений. Это требовало от меня энергии, предусмотрительности и решительных действий.

Эскадрильи должны были пройти намеченный маршрут с одной посадкой, а батальоны аэродромного обслуживания, технический состав и штабы отправлялись поездом. Приказ о перелете был подписан, когда мы с Дзусовым находились еще в штабе армии.

Возвратившись на аэродром, я застал все полки в сборе. Сотни самолетов наших и других частей — истребители, бомбардировщики, штурмовики — крылом к крылу стояли вокруг взлетной полосы, готовые ринуться в бой. Какая красота и сила! И я с грустью вспомнил, что было здесь осенью 1941 года. Была бы у нас тогда такая авиация, то не маячили бы сейчас перед глазами руины городских кварталов, заводов и верфей.

Среди летчиков моего родного полка — все они собрались у машин, с нетерпением ожидая разрешения подняться в воздух, — был один новичок. Он стоял как-то обособленно, словно чужой. Я направился прямо к нему. Он не выдержал и бросился мне навстречу. Мы крепко пожали друг другу руки. Нас окружили летчики. Они с явным недоумением смотрели на эту сцену. Молодой летчик только что прибыл в полк, а я обращался с ним, как с ветераном. Они не знали, что старший лейтенант Вахненко раньше их начал службу в этом полку, что, будучи авиатехником, он испытал с нами всю горечь первых дней войны. Пришлось рассказать об этом однополчанам. Я умолчал лишь о том, как Вахненко просился на учебу, как, окончив школу, рвался в родной полк и не мог добиться этого. Его послали на фронт, но в другую часть. Там он воевал и был ранен. Выйдя из госпиталя, Вахненко разыскал меня в Москве, и я помог ему вернуться в родную семью. А теперь вот мы встретились снова.

В тот же день мы посвятили молодого летчика в гвардейцы.

Он поблагодарил за оказанную ему высокую честь и рассказал всем о первых героях полка, о незабываемых подвигах Соколова, Овсянкина и Дьяченко.

Когда перебазирование уже началось, пришла радиограмма: приказ о перелете дивизии в ранее указанные пункты отменить, следовать под Яссы. Меня не удивило такое внезапное изменение маршрута — на войне это бывает. Но я оказался в затруднительном положении. Ведь часть личного состава, отправленная поездом, находилась уже где-то в пути. Нужно было, по существу, заново организовывать перебазирование дивизии.

На аэродроме, где мы находились, я заметил несколько транспортных самолетов ЛИ-2. По номерам нетрудно было догадаться, что прибыли они из Москвы и, видимо, туда же должны вернуться. «А что, если использовать их для переброски техников на новое место, — подумал я. — Сколько бы мы сэкономили времени!»

Экипажи ЛИ-2 согласились нас выручить при одном условии: мы должны обеспечить их горючим. Эта задача была быстро решена, и транспортные самолеты увезли наших техников и штабы на Прут. Отправляясь в путь, один из летчиков ЛИ-2 сказал:

— В Москву еще успеем, до нее долететь теперь нетрудно.

Да, в последние несколько месяцев мне пришлось немало времени провести в столице, и там я тоже всегда чувствовал, что к любому участку фронта от Москвы очень близко. Это действительно так, если все пути, наземные и воздушные, ведущие на запад, уже стали свободными, полностью принадлежали нам; если все ветры были теперь для нас попутными; если все дороги вели только к нашей победе.

Маршрут нашей дивизии выводил нас на победные пути к Берлину.

19. Возвращение

Дивизия, когда-то стоявшая в Молдавии, пройдя тяжелые испытания, возвращалась почти на те же аэродромы, где находилась три года назад. Под крыльями наших самолетов снова расстилалась знакомая местность с зелеными холмами, полосками нив, белыми от пыли извилистыми дорогами, густой сетью городков и сел. Но далеко не всем, кто отходил с боями в начале войны, довелось увидеть это и ощутить радость возвращения.

Согласовав вопросы базирования и предстоящие задачи с генералом Утиным, командиром корпуса, в который входила моя дивизия, я посадил свой самолет на заросшем буйной травой аэродроме. Отсюда хорошо был виден Днестр, Зарулил на стоянку и сразу открыл фонарь кабины. Пахло степью. Вокруг все напоминало о мае сорок первого года. Где-то недалеко, чуть южнее, за буграми, скрывались Бельцы.

К самолету с треском подкатил мотоцикл. Я достал из-под сиденья фуражку, чтобы одеться по форме, и вылез на крыло.

Знакомое лицо. Фигичев? Ну, конечно же, он со своими неизменными бакенбардами!

Валентин и Валя всегда жили в моей памяти, но я ничего не слышал о них уже целых полтора года. Мы встретились как давние друзья.

— О, да ты уже дважды! Подполковник! К тебе страшно подступиться.

— Валентин, оставь этот тон! Что здесь делаешь?

— Стою… с полком.

— Командир?

— Да.

— И с тобой, выходит, не каждый осмелится встать рядом. Начальство!

Фигичев рассказал о себе. После окончания курсов при академии в Москве его назначили командиром истребительного полка. Уже некоторое время он воюет на этом фронте.

— Поехали ко мне на пельмени! — вдруг предложил Фигичев.

Мне хотелось поговорить с ним еще, расспросить о событиях на фронте, о поведении противника, узнать, наконец, как живут они с Валей, но надо было заниматься дивизией.

— Дай оглядеться вокруг. Пельмени подождут.

— Ладно, — согласился Фигичев. — Вечером пришлю за тобой машину.

В штабе на меня лавиной обрушились дела. Дзусов, не дождавшись, пока я прилечу, уже отбыл к месту нового назначения. Может быть, его отъезд ускорили неприятности, случившиеся в 16-м полку сразу по прибытии на фронт,

Возвратившийся из 16-го полка Краев явился ко мне вместе с начальником политотдела и доложил о происшествии. Капитан Олефиренко сорвался в штопор, поздно выпрыгнул из самолета и разбился. Его уже похоронили.

Нужно было подробно расспросить, почему так случилось, кто осматривал машину, но я вначале не мог вымолвить ни слова. Слишком потрясло меня это известие. Мы потеряли чудесного парня, замечательного летчика. И главное — его славный боевой путь оборвал нелепый случай.

— В чем же дело? — наконец спросил я Краева, глядевшего в окно.

— В фюзеляже оказался инструмент техника. На вираже нарушилась центровка самолета.

«Значит, — подумал я, — полеты были начаты без необходимой подготовки». Краев ждал от меня именно этой оценки его работы, но я молчал. Решил сказать потом, когда немного успокоюсь. Краев, кажется, понял мое состояние и нарочито безразличным тоном сказал:

— А после похорон Олефиренко Клубов отколол номер… Ребята выпили с горя, забузили, и он во время ссоры убил механика из соседнего полка. Механика уже похоронили.

Начальник политотдела полковник Мачнев обронил удрученно:

— В дивизии творится что-то невероятное. В его голосе я уловил такую же нотку, как у Краева мы, мол, тут ни при чем. Мне это не понравилось.

— Значит, по-вашему, выходит: чему быть, того не миновать. А кто же допустил выпуск самолетов в воздух без осмотра? Кто после катастрофы оставил летчиков без контроля?

Краев резко вскинул голову. Ведь он руководил дивизией в мое отсутствие. Я ждал от него оправданий, но он промолчал. Видимо, трудно ему было опровергнуть мои до воды.

— Ладно, во всем разберемся потом, — сказал я, чтобы подвести черту и перейти к другим вопросам. — Надо нам всем вместе наводить порядок в дивизии.

Потом я, за что бы ни взялся, все время думал об Олефиренко и Клубове… И о Речкалове. Это же и его просчеты, как исполняющего обязанности командира 16-го полка. Мы, командиры, в ответе перед народом за всех и за все — за боевую готовность подчиненных, за их жизнь, быт, поведение. От нас и от

политработников зависят боевые успехи летчиков, их моральное состояние, дисциплина — словом, все, что составляет нашу силу, особенно теперь, в грозное для Родины время. Почему же перед началом полетов ни Речкалов, ни Краев, ни комэск не позаботились об осмотре машин? Почему не приказали это сделать инженеру?.. Все забыли тяжелый урок с Лукашевичем. А такие случаи надо помнить…

Вечером Фигичев встретил меня как желанного гостя. Стол уже был накрыт, но мы на время забыли о нем.

— А где Валя? Он нехотя ответил:

— Ребенок у нее, понимаешь. Дома она.

Мы вспоминали товарищей, свои неудачи, беседовали о предстоящих делах. Полк Фигичева уже несколько недель воюет на этом фронте.

— Враг обороняется очень активно, бросает в бой большие группы бомбардировщиков и истребителей.

— Как над Таманью, — заметил я.

— Точно! Мы на курсах изучали ваши бои и все тактические находки. Но здесь противник дерется еще злее, чем на Кубани. Да и понятно — ворота в Румынию!

Фигичев рассказал о нескольких воздушных боях, которые позволяли сделать определенные выводы. Немцы и здесь применяют авиацию массированно, посылают бомбардировщиков под прикрытием больших групп истребителей. Если мы будем дробить наши силы, потерь не избежать, польза от вылетов будет невелика. Завтра мне предстоит побывать у командира корпуса генерала А. В. Утина. Выскажу ему свои мысли. Интересно, как он посмотрит на это?

Командир корпуса принял меня рано утром у себя на квартире. Он хорошо знал обстановку на этом участке фронта.

— Здесь, — сказал он, — наши наземные войска продолжают бои за улучшение своих позиций, ведут с помощью авиации разведку, ищут слабые места в обороне противника. — Командир корпуса легко пользовался общевойсковой терминологией. Я понял, что и мне надо лучше изучить наземные войска.

Штаб корпуса и некоторые его части располагались у самого Прута, неподалеку от линии, фронта. Утин приказал и моей дивизии завтра же перебраться сюда.

Когда я сообщил о происшествиях в 16-м полку, он спокойно сказал:

— Размещай его поближе к нашему штабу, будем вместе наводить там порядок.

Возвращаясь в дивизию, я летел у самой земли. Высоко в утреннем небе на юго-запад шли группа за группой наши

бомбардировщики и штурмовики. Над ними сновали юркие истребители. Пожелав им удачи, я сразу подумал о своем КП, о станции наведения, об аэродромах, с которых мы сегодня же начнем боевую работу.

Я понимал, что командирские обязанности не позволят мне летать часто. Вот и нынче надо было обязательно побывать в полку Речкалова, проверить работу пункта наведения. И все-таки я не собирался засиживаться в штабе или КП.

После очередного вылета, зарулив самолет на стоянку, увидел поджидавшего меня незнакомого офицера. Он представился и сказал:

— Я, товарищ подполковник, прибыл с предписанием прокурора воздушной армии арестовать Клубова. Его ждет суд и в лучшем случае штрафная рота. В донесении сказано, что он убил человека. За это по головке не гладят.

— В каком донесении? — удивился я.

— Штаба вашей дивизии.

Что я мог сказать ему? Лишь попросить подождать с арестом боевого летчика. Я понимал, что, если Клубова пошлют в штрафную роту, он оттуда не вернется. В первом же бою пойдет в самый ад, как не раз с ним случалось в воздушных схватках. Он себя не жалеет. Такого летчика терять нельзя.

Тяжело было думать об этом. И не только потому, что в беду попал летчик, мой боевой товарищ. Дивизия начинала писать новую страницу своей боевой истории, люди ринутся в бой во имя близкой победы, на счету будет каждый летчик. А мы вот стоим с юристом среди зеленого поля и спокойно говорим о разжаловании, о лишении орденов, об аресте преданного Родине, верного своему долгу человека. Мне не верилось, что Клубов мог совершить такое тяжелое преступление — убить нашего человека.

— Знаете что, — предложил я следователю, — давайте подождем с арестом. Берите УТ-2, летите туда и на месте все расследуйте сами. Ведь во всяком преступлении, очевидно, есть смягчающие вину обстоятельства.

— На них опирается защита, а не прокуратура…

— Ради такого летчика следует все разобрать поподробней.

— Хорошо, полечу.

— Я обязательно буду там завтра.

Старший лейтенант улетел. А мне надо было срочно добираться до пункта наведения, расположенного у линии фронта.

Наблюдать за воздушным боем с земли и активно вмешиваться в его течение — совсем новая для меня обязанность. Кто сам летает, тот не может относиться к ней как-нибудь — она

сразу поглощает. Такие бои, какие разыгрывались здесь, наблюдать интересно и полезно для улучшения организации действий дивизии.

Вот прошла группа в десять самолетов, эшелонированных по высоте. Я узнаю, что это гвардейцы 16-го, еще до того, как в эфир летит: «Я Еремин. Иду на работу». Сразу виден наш «почерк». Провожая группу взглядом, я сообщил ведущему, что в воздухе спокойно. Мне тоже не раз приходилось принимать такую информацию при подходе к линии фронта, и я ясно представляю сейчас, как Павел Еремин, услышав мой голос, еще зорче всматривается в небо: если в данную минуту противника нет, его нужно подождать и вовремя обнаружить.

Я, кажется, вообразил, что сам нахожусь в самолете на месте Еремина, и уже обращаюсь ко всем летчикам словно к своим ведомым: «Будьте внимательны. Бомбардировщики обычно появляются с юга. Ведите наблюдение!»

С высоты они раньше меня заметили вражеские самолеты. Около сорока «юнкерсов» шли маленькими группками — по шесть-восемь машин. Над ними очень высоко кружились «мессершмитты» и «фокке-вульфы». Их тоже много — десятка два.

Я слежу за нашими и за противником. Сближение идет быстро. Микрофон держу наготове, чтобы без задержки передать команду в воздух. Бой начался! В этот момент мои советы могут только помешать Еремину — он сосредоточен, его нервы и мысли напряжены. Но он действует правильно, четко; вся его группа набирает высоту. Сковывающая четверка уже напала на истребителей прикрытия, и те полезли вверх. Ну, Еремин, пора, атакуй «юнкерсов»! Мне хочется бросить эту фразу в эфир. Ведь первый удобный момент решает все. Но разве настоящий истребитель-командир упустит его? Ни за что! Еремин бросается в атаку на ведущего группы «юнкерсов». Трасса пушечной очереди не видна, слышен лишь треск стрельбы. Вражеский самолет не успевает ни отвалить в сторону, ни уйти вниз пикированием. Он взрывается в воздухе, как когда-то «юнкерс», атакованный мной над Большим Токмаком.

— Отлично, Еремин! — не в силах я сдержать одобрения.

Бой расчленился на несколько очагов. Теперь мне надо быть внимательнее. На пару Еремина набросилась четверка вражеских истребителей. Нужно предупредить его об опасности. И вот уже Еремин закрутил с ними «карусель» на виражах. Это один очаг.

Выше его сражается четверка Старчикова, смело атакуя «мессершмиттов» на вертикалях. Выходя из атаки, наши истребители обрушивают свой огонь на «юнкерсы». На большой скорости при меткой стрельбе удары особенно сокрушительны.

Падают два «юнкерса», оставляя дымный след. Это постарались Старчиков и Торбеев. Но вот еще одна наша пара врывается в гущу «юнкерсов». Я слышу голос Старчикова, который следит за ней: «Бей, Онищенко! Бей, Никитин!» Приказ выполняется тут же — еще два «юнкерса» идут к земле.

А на высоте другая наша пара продолжает драться с «фоккерами». Я слежу в основном за ней. Узнав от Еремина, что это Ивашко, я обращаюсь к нему, подбадриваю его. Бой идет энергично. Большой клубок самолетов — в непрерывном движении.

К земле идет какой-то горящий истребитель. Я рассматриваю его в бинокль: чей? Мелькнули кресты… Еще один! Молодцы ребята! Противник поспешно выходит из боя. Теперь удобнее атаковать его. Значит, еще кто-то из врагов не дойдет до своего аэродрома.

К линии фронта уже подходит смена Еремину.

— «Тигр», я Клубов, я Клубов. Сообщите обстановку.

Клубов! Его голос звучит в наушниках так уверенно и сильно, что я забываю о расстоянии. Мне кажется, летчик совсем рядом. В первую минуту я думаю о его моральном состоянии, о юристе, который, конечно, ничего не сказал ему перед вылетом, о решении прокурора армии. Потом мне хочется послать ему в воздух крепкое слово. Он знает, что теперь «Тигр» — это я, а я чувствую, что в обращение к «Тигру» он вкладывает и обычное клубовское «привет». и «как дела», и весточку о себе, и объяснение со мной, и просьбу — «посмотри, как я буду драться».

Я сообщаю ему обстановку, понимая, что на подходе к району патрулирования, он не все видит. Ему можно посоветовать пройти подальше в тыл, так как новые группы «юнкерсов» появляются здесь через небольшие промежутки времени.

Клубов, набирая высоту, ведет свои две восьмерки за Прут. Вон она уже совсем растаяла в голубом небе. Мне слышны только редкие фразы ведущего. Они обращены то к Трофимову, пара которого находится выше, то к Петухову: он держит всю ударную восьмерку в мобильной готовности.

Пока не за чем наблюдать, я закуриваю. Упоминание фамилии Петухова заставляет думать о нем и его друге Кириллове. Они, как и Олефиренко, оставили свою тихую тыловую жизнь и пришли на фронт. Им приказывали вернуться обратно, под Баку, но они остались у нас, хотя понимали, что за это их могут строго наказать. Воюют ребята мужественно, умело — ничего плохого о них не скажешь. Человек совершает дурные поступки чаще всего в таких условиях, которые чем-то не соответствуют его духу, стремлениям, раздражают его. Если же

все в жизни складывается так, как хочется, если осуществляются добрые порывы и намерения, он как бы освобождается от плохих привычек, становится лучше, чище, добрее.

«А чем же тогда объяснить нетерпимый поступок Клубова?» — мысленно задаю я себе вопрос.

Но размышлять некогда. Голос Клубова, настойчивый и тревожный, уже зовет летчиков в атаку. На горизонте я смутно различаю множество самолетов, которые держат курс на Скуляны. Там расположены наши артбатареи, непрерывно обстреливающие вражеские позиции.

Ю-88 идут эшелонирование, несколькими группами. Клубов, имея преимущество в высоте, стремительно нападает на «юнкерсы» с тыла. Строй первой группы нарушен. Наши истребители атакуют снова, и один «юнкерс» загорается. Другой подбитый вражеский самолет — «фокке-вульф» — отваливает в сторону и уходит на свою территорию.

Наш успех, дерзкие действия группы Клубова ожесточают поединок. Истребители противника наседают все яростнее, клубок сжимается, пушечные и пулеметные очереди слышатся все чаще.

— Карпов, бей! — кричит Клубов.

Я вижу, как один из наших круто подворачивает, ловит в прицел противника. Значит, это Карпов. Мне хочется тоже подбодрить его, я подсказываю не торопиться, подойти ближе и бить в упор. Я сражаюсь рядом с ним. Мне радостно смотреть, как вся группа цепко держится своего ведущего, — даже Трофимов на высоте не отрывается далеко. Клубов всех видит, всем вовремя подает команды. Его мужество, его сообразительность, его воля связывают всю группу в мощный кулак. Он верен себе. И полк должен лишиться такого летчика! Эх, Речкалов, Речкалов, как же ты не смог уберечь такого бойца?!

К земле идет «фоккер», атакованный Карповым. Откуда-то с высоты падает еще один — наверное, его снял Трофимов… Хорошо бьются гвардейцы! Вражеские бомбардировщики совсем забыли о Скулянах — свои бомбы сбросили куда попало. Самолетов в небе становится все меньше и меньше. Наши тоже уходят домой. Можно поблагодарить их за успешно проведенный бой.

За два часа — два сражения. Около десятка немецких самолетов упало в районе Ясс, Вултур, Скуляны. Хозяева воздушных просторов — наши истребители. Они идут новыми и новыми группами — «Лавочкины», ЯКи, «кобры»… Передо мной небо — как огромный экран, где разыгрываются героические сцены, напряженнейшие поединки. И почти всегда один и тот же

финал — враг несет потери и первым выходит из боя.

Оставляя пункт наведения, я думаю о том, что немецкое командование учтет неудачи и будет посылать в воздух еще более сильные группы самолетов. Битва здесь по-настоящему еще не закипела. «Ворота в Румынию» враг так просто не уступит.

Рано утром я приехал на аэродром, чтобы отправиться в 16-й полк. У штабной землянки увидел командующего воздушной армией генерала С. К. Горюнова, только что прилетевшего к нам. Он прибыл сюда, чтобы на месте познакомиться с командирами полков, летным составом, со мной. Пришлось задержаться. В беседе о боевых делах, о людях я напомнил генералу о нашей встрече в яру под Черниговкой.

— В Черниговке был, а разговора не помню. Я уточнил, что подъезжал к штабу со своим МИГом на прицепе.

— Вот как! Так это был ты? МИГ помнится, а ты… уж извини… — генерал добродушно засмеялся.

Я доложил генералу о провинившемся Клубове. Краев, стоявший рядом со мной, все время молчал. Когда я сказал, что Клубов убил человека, он отошел в сторону. Командующий, знавший имя Клубова, приказал мне лично расследовать этот случай и доложить ему.

— Разболтались от безделья. Вот начнете по-настоящему воевать… — генерал не докончил фразы, в которой было что-то важное, еще никому не известное.

Когда я проводил его к самолету, он дал понять, что в ближайшее время авиачастям предстоит большая, напряженная боевая работа. Почти вслед за ним я тоже поднялся в воздух.

Вернувшись на аэродром, я увидел идущего мне навстречу старшего лейтенанта из прокуратуры. Он улыбался.

— Чему вы радуетесь? — спросил я.

— Все в порядке, товарищ комдив.

— Как это понимать? Человек-то убит?

— Никто никого не убивал. Все преувеличено. Я попросил юриста пойти со мной, показать механика, которого уже похоронили в донесении прокурору. Вот и он. Да, в перепалке с горячим Клубовым механик немного пострадал.

— Я сам виноват, товарищ комдив, — раскаивался механик. — Поскандалил с ним, ну и попало.

Вот она, правда! ЧП действительно случилось, но кто и с какой целью его так раздул, что вот уже несколько дней только о нем и думаешь?

Юрист доволен, что послушал меня, что возвращаться домой будет один, без арестанта. А меня что-то в этом деле еще и возмущает и тревожит.

Над аэродромом появились самолеты, возвратившиеся с задания. Их много, они спешат приземлиться. Видно, горючее на исходе: бой длился долго.

Ребята идут от стоянок, выразительно жестикулируя, заново переживая все, что происходило в воздухе.

Речкалов сел последним. По всей форме, что редко с ним бывало, он чуть ли не парадным шагом подходит ко мне и впервые докладывает, как командиру дивизии, о боевом вылете большой группы. В подчеркнутой подтянутости и в четкости рапорта командира полка нетрудно заметить его желание смягчить как свою вину, так и проступок Клубова, который стыдливо спрятался са спины товарищей. Все это по-человечески понятно, однако сейчас их «дело» меня занимает меньше, чем вчера. Мне хочется на время совсем отрешиться от него, чтобы выслушать рассказ о воздушном бое. И для летчиков во много раз легче вести речь о поединках с врагом, чем о неприятностях полковой жизни.

А вылет большой группы, возглавляемой Речкаловым, удался на славу. В разговорах часто упоминаются фамилии Федорова, Сухова и командира. Бой начался смелой атакой Речкалова на ведущего группы «юнкерсов» и длился до тех пор, пока самолеты могли находиться в воздухе. Самым примечательным здесь было то, что почти все девять вражеских самолетов были сбиты в моменты, когда требовалось выручить товарища.

Шесть «мессершмиттов» в одном поединке упали на румынскую землю в том самом районе, где погиб наш комэск Атрашкевич, где когда-то немцы поджигали нас не хуже, чем мы их теперь. Молодые летчики полка Лихачев, Иванков, Кириллов и Петухов были довольны своими первыми победами. Мы, ветераны, радовались вдвойне: это была расплата за наши потери летом 1941 года.

После разбора полетов мы с Речкаловым, Клубовым и юристом отошли в сторонку. Извинений и обещаний я слушать не хотел. Надо было решить, как погасить раздутый пожар, хотя самую искру уже никто уничтожить не мог. Все надежды мы возложили на юриста, и он отправился к прокурору армии.

Я с новой группой пошел на задание.

Через два дня этот старший лейтенант явился в штаб дивизии озабоченный и взволнованный.

— Прокурор не отменил своего приказа об аресте Клубова, — сообщил он. — Давайте вместе ходатайствовать о смягчении приговора. Вам надо ехать в Бельцы.

Вот и подвернулся случай побывать в Бельцах.

Я шел по улице ранним утром, когда прифронтовой городок

только просыпался. Каждый уцелевший дом, каждая развалина, каждое дерево напоминали мне о другом июне, совершенно не похожем на тот, какой видел я сейчас в Бельцах. Вот руины канатного завода, коробка мельницы — всюду черные стены. А рядом уже чистые, подметенные тротуары, окопанные деревья и яркие цветы на газончиках. Жизнь берет свое, отодвигая последствия войны на второй план.

Перво-наперво я, конечно, заглянул в дом, где когда-то жил.

Ход с улицы забит. Некоторые окна еще заставлены фанерой, заложены кирпичом. Увидеть бы кого-нибудь, расспросить… Я стою посреди запущенного, грязного дворика и жду, не появится ли кто-либо из тех, кого знал перед войной.

Открылась дверь соседнего дома. Вышла молодая женщина. Я направился к ней. Чем ближе подхожу, тем больше она мне кого-то напоминает. Неужели в самом деле знакомая?

Поздоровался. По глазам, по голосу узнал: Флорика! Но не решился назвать ее по имени. Спросил о хозяине. Ответила: расстрелян, как и многие другие… Дом, где мы прежде жили, теперь временно занят воинской частью.

Расспрашивать больше не о чем. Не о вещах же, которые я когда-то здесь оставил?

Во время нашего разговора к Флорике подбегает малыш и хватается ручонкой за ее платье. Она гладит его по белокурой головке. Я смотрю на карапуза и вдруг вспоминаю Миронова, Костю Миронова!..

— Ваш? — спрашиваю.

— Мой.

Хочется сказать матери, осиротевшему ребенку о Косте Миронове, назвать место, где он похоронен. Но зачем им это? Флорика и так, наверное, отвечает всем любопытным, что ее муж, отец мальчика, погиб на фронте. Это правда. Я жду ее расспросов, жду, чтобы она узнала меня. Нет, она и не присматривается ко мне. В ее душе все военные, особенно с погонами авиаторов, рождают только печальные переживания.

Я попытался было взять малыша на руки, он отпрянул от меня, как напуганный зверек. Да, он, наверно, не знает, как высоко могут поднять его мужские руки.

— До свидания, — говорю Флорике.

— До свидания, — отвечает она, так и не узнав во мне товарища Кости.

Вот и побывал я в том городке, от которого начался длинный и горький путь отступления. Здесь мои друзья услыхали первые взрывы вражеских бомб.

Я шел по главной улице, видел развалины и думал: сколько

бед и страданий принесла нам война! И руки сами собой сжались в кулаки.

Прокурор армии в ответ на мою просьбу и разъяснения показал распоряжение прокурора фронта: Клубова доставить, разжаловать, лишить орденов и направить в штрафную роту для искупления вины в бою. Я немедленно полетел в штаб фронта. Теперь уже надо было не только добиваться смягчения приговора, но и срочно исправлять ошибку, допущенную из-за какого-то подлеца, состряпавшего грязную фальшивку.

В штабе фронта было телеграфное распоряжение из Москвы, определявшее наказание Клубову. Но фронт был решающей инстанцией, и я приложил все свое умение убеждать, чтобы склонить прокурора к пересмотру дела, разраставшегося, как ком снега, пущенный с горы.

— Будем судить, — сказал прокурор.

— За что?

— За хулиганство. — За это следует. Но не за убийство же!

— Если его не было, выдумывать не станем.

Это другой разговор. Стихийное развитие раздутого дела Клубова было остановлено. Теперь следовало ожидать справедливого разбирательства, которое бы не позволило кому-то погреть руки на ошибке человека. Ведь если уже в Москве, в штабе ВВС, знают о проступке летчика, значит этот «кто-то» действовал очень оперативно и злонамеренно исказил факты.

Когда я возвратился в штаб дивизии, сюда как раз передали сообщение о том, что на нашем участке фронта войска противника перешли в контрнаступление. Над передним краем в воздухе непрерывно стоял гул вражеских самолетов. Генерал Утин, позвонив мне, приказал немедленно отправиться на станцию наведения.

По пути на передний край я завернул на полковые аэродромы. Необходимо было рассказать летчикам о контрнаступлении немцев, а главное — обсудить с ними, как мы, гвардейцы, будем действовать в эти дни. Командирам полков я уже дал указание — на каждое боевое задание отправлять по две-три восьмерки. Но мне хотелось, чтобы летчики сами поняли необходимость этого, не ворчали, если им придется в два раза чаще, чем раньше, подниматься в воздух.

Летчики, конечно, дружно поддержали мое решение. Они понимали, что раз противник действует большими группами, то и нам, чтобы не нести потерь, лучше бить его крупными силами — бить кулаком.

Час спустя я наблюдал, как три наши восьмерки действовали над передним краем. Как и на Кубани, они ходили на встречных

курсах, на разных высотах, просматривая небо до самых верхних слоев.

Моя станция наведения, установленная на холме, хорошо замаскирована. Из укрытия, расположенного вблизи батареи «катюш», мне видно, как наши войска отражают атаки танков противника, как, поддерживая пехоту, укладывают бомбы по целям «Петляковы» и «Ильюшины».

Бой достигает наивысшего напряжения. Мне приходится то и дело связываться со штабом дивизии и корпуса, чтобы вызвать новые силы прикрытия, четко управлять действиями самолетов, находящихся в воздухе.

Этот день, наполненный громом артиллерийской канонады, гулом самолетов, свистом бомб, возгласами и криками людей — я до вечера не снимал наушников, ни на минуту не оставлял радиостанции, — этот день страшным штормом прокатился через меня. Своими глазами я видел пылающие вражеские машины, сбитые огнем наших истребителей. Воздушные бои были жаркие, затяжные. Почти каждая группа вынуждена была из-за нехватки горючего совершать посадку на ближайших аэродромах. Заправившись, самолеты снова поднимались в воздух и продолжали сражение.

Вечером дивизия получила новое задание: завтра утром блокировать немецкие аэродромы. Мы решили появиться над ними перед приходом наших штурмовиков и бомбардировщиков. Задание воодушевило всех: ничто не приносит такого удовлетворения на войне, как сознание собственной силы, позволяющей отплатить противнику тем, чем когда-то он донимал нас.

Были составлены группы, определен порядок взлета, выделен резерв для наращивания сил. Начальник политотдела Мачнев распорядился: на рассвете всем политработникам быть на аэродромах вместе с летчиками. Готовился решительный удар по авиации противника, расположенной в Румынии.

Чтобы пойти на боевое задание, я накануне поздно вечером прилетел в 16-й полк. Летчики почему-то еще не спали. Они разговаривали о только что закончившемся суде над Клубовым. Я стал искать глазами виновника всеобщего возбуждения, но его в общежитии не оказалось.

— Что ж ему присудили? — спросил я, не дожидаясь, пока Труд закончит многословное вступление.

— Условно, для острастки.

— Ну и как же он будет отбывать наказание?

— А он его уже почти отбыл, — сказал Речкалов. — За один сегодняшний бой можно списать условный год.

— Где же Клубов?

— В штабе. Готовится к вылету — завтра поведет группу.

Я позвонил в штаб, приказал Александру немедленно отправиться спать.

На рассвете загудели моторы: пришел приказ вылетать. Бомбардировщики тяжело поднимаются в воздух и берут курс на городок Роман. Мы идем следом за ними, чтобы на маршруте обогнать их и первыми нагрянуть на аэродромы.

Самолетов в небе много. Куда ни глянешь — наткнешься взглядом на нашего… Идут на запад громить немецкую авиацию.

Я смотрю на карту, нахожу на ней Роман и испытываю гордость за свою дивизию, за нашу крылатую силу. Было время, когда я один летал на блокировку этого аэродрома, а потом мы даже не могли о ней думать: не было никаких возможностей. Было время, когда вражеские истребители заставляли нас прижиматься к стенкам укрытий и ожидать, когда кончится их штурмовка. Теперь мы идем целой армадой на Роман, на Хущи, чтобы жечь, расстреливать «мессершмитты», «фоккеры», «юнкерсы», по-хозяйски расположившиеся на румынской земле. Нет, теперь мы не дадим взлететь ни одному вражескому истребителю.

Роман. Городок только проснулся. Аэродром тоже. Огненным смерчем проносимся над рядами немецких самолетов, бьем и по вражеским зениткам, которые пытаются огрызаться. Их сейчас намного меньше, чем было в начале войны. Выше нас идет эшелон «Петляковых». Теперь мы можем посторониться. Пусть грянут удары расплаты!

Когда мы возвратились на свою базу, оказалось, что кое-кому из нас все-таки попало от зениток — два подбитых самолета сели на другом аэродроме. Сделав разбор вылета и наметив группы для последующих заданий, я поехал в штаб дивизии.

По пути встретился наш дивизионный автобус. Остановились.

— Куда едете? — В автобусе были работники политотдела.

— На аэродром.

— Не поздновато ли?

По шлемофону, который был при мне, они догадались, что полет уже состоялся, и приуныли.

Я посоветовал политотдельцам впредь раньше подниматься, а сейчас продолжать намеченный путь: работы на аэродроме много, сражение нашей авиации с вражеской на этом фронте только разгорается.

Автобус поплыл дальше.

В начале июня, на исходе третьего года войны, союзники, наконец, высадили десант на севере Франции. Фронтовики

восприняли эту весть радостно, но без особого ликования. Мы, летчики, ожидали этой активной поддержки от союзников много раньше. В дни отступления на Украине и на Северном Кавказе, когда поединки в воздухе часто кончались не в нашу пользу, я слышал от товарищей, сам спрашивал: «Где же второй фронт? Почему союзники не высаживаются на берегах Франции?» Мы думали об этой помощи, подчас обтирая свои окровавленные лица. А теперь мы сами успешно били оккупантов, изгоняя их с нашей земли и из других захваченных ими государств. Правда, мы надеялись, что противник немедленно оттянет с Восточного фронта часть своих сил и нам станет легче драться, меньше будем терять людей и техники. Но и этого не случилось. Бои с немецкой авиацией оставались такими же напряженными и трудными.

В дни открытия второго фронта нас радовали лишь действия полка «Нормандия — Неман». Это была деловая, конкретная помощь нам со стороны французских летчиков.

В июне — июле 1944 года, когда загремели бои на западе, грозя фашистской Германии, Красная Армия осуществляла крупные наступательные операции на севере страны, у Петрозаводска и Выборга, а также громила группу армий «Центр» в Белоруссии.

На участке фронта Яссы — Кишинев противник продолжал удерживать свои позиции. Наша дивизия, действовавшая в направлении Ясс, непрерывно летала на прикрытие своих наземных войск от вражеских бомбардировок. В период контрнаступления противника в этом районе дивизия сбила над Молдавией и Румынией более сотни немецких самолетов, потеряв своих пять. Личный счет Клубова увеличился на девять самолетов. Приумножили свои успехи Дмитрий и Борис Глинки, Речкалов, Трофимов, Старчиков, Сухов, Вахненко, Лихачев, Гурченко, Вильямсон, Труд, Жердев. Здесь мы потеряли Петухова и Ершова.

Во время напряженных боев под Яссами в 16-й полк приехали представители военного трибунала. Они объявили, что интересуются Клубовым. Все забеспокоились: неужели опять с ним что-то неладно? Юристы пригласили весь полк на заседание. Лишь когда оно открылось, товарищи Клубова облегченно вздохнули — с него хотят снять судимость. И ее сняли без каких-либо оговорок — гвардии капитан Клубов искупил свою вину подвигами. Присутствовавший здесь «пострадавший» механик подошел к нему, и они крепко пожали друг другу руки.

В этот период у меня произошел серьезный разговор с Краевым. Потребность в выяснении наших взаимоотношений назревала давно. Я уже точно знал, что именно Краев послал

сразу во все высшие штабы искаженное изложение происшествия в 16-м полку. Именно он, где только мог, пытался и обо мне создать ложное, выгодное для него впечатление. Доходившие до меня факты неприглядной деятельности Краева, я старался всесторонне проверять и очень остерегался поспешных выводов. Скажу откровенно, когда меня возмущали его поступки, его трусость и безынициативность, я не сразу доверял себе, боялся, как бы здравый смысл не захлестнула горечь прежних обид. Но факты вновь и вновь заставляли меня возвращаться к поведению Краева, к мысли о том, что находиться рядом нам больше нельзя.

Однажды начальник штаба полковник Абрамович, который очень много помогал мне в первое время работы на новой должности, принес адресованную лично мне шифровку. Она была уже открытой.

Я спросил, кто читал ее. Начштаба ответил. Я пробежал глазами текст. Писали из Москвы. Там стало известно, будто бы в нашей дивизии много нарушений дисциплины, что я, как командир, якобы защищаю и оправдываю преступников. Мне все стало ясно: Краев при поддержке еще кое-кого хочет опорочить всю дивизию, ее боевые успехи и тем самым лично меня. Тотчас я отправил в Москву ответ: считаю информацию неправильной, в дивизии никаких нарушений нет, личный состав ведет успешную боевую работу. Для проверки прошу прислать инспекцию.

Такое положение, когда за моей спиной сочиняются клеветнические доносы, когда нет дружной работы командования, я дальше терпеть не мог. У нас с Краевым было совсем разное отношение к службе, к жизни, к людям.

Несколько дней спустя меня вызвал к себе командир корпуса. В его кабинете начальник штаба развернул на столе большую карту. Палец Утина остановился на одном из кружочков.

— Перебазируемся под Львов. Ваша дивизия, весь наш корпус включены во вторую воздушную армию.

— На Первый Украинский фронт? — спросил я.

— На берлинское направление, товарищ комдив! — обрадованно воскликнул генерал.

Мы взволнованно переглянулись. В словах генерала было то, что каждый из нас уже давно считал самым заветным. Из Львова через Польшу, равно как из Белоруссии, открывался путь в Германию. Мы готовились преследовать фашистские полчища до самого Берлина! Кто из нас, фронтовиков, мысленно не рисовал тот непостижимо радостный день, когда Красная Армия переступит границу гитлеровского рейха?! Кто не мечтал о личном участии в таком наступлении на главном направлении!

— Когда перелетаем? — спросил я, волнуясь.

— Там на днях начинается дело, если уже не началось сегодня. Мы должны быть под Бродами завтра.

Уточнив место первого базирования, я уже собрался идти, но генерал меня остановил:

— Командующий армией удовлетворил вашу просьбу. Краев переведен в другой корпус. Будете обходиться пока без заместителя.

— Хорошо, — с нескрываемой радостью отозвался я, чувствуя, что с моих плеч свалилась всегда угнетавшая тяжесть.

Дома я Краева уже не застал, он не пришел проститься со мной. Значит, от двух лет нашей боевой службы, которые иногда связывают людей надолго, даже на всю жизнь, у него в душе не осталось никаких добрых воспоминаний. А мне все-таки хотелось еще повидаться с ним, поговорить…

Утром полки, взлетев, взяли курс на север. Я шёл в боевом строю 16-го полка. Под крыльями проплывала украинская земля, ее поля, села, леса и реки. Стоял тихий, солнечный день. Под высокими белыми облаками небо было спокойным. Мы летели навстречу большим, решающим сражениям на земле и в воздухе.

20. Граница уже позади

Даже тогда, когда до Берлина было еще далеко, летчикам казалось, что он уже рядом. Мы не раз прикидывали в уме, сколько нам придется сменить аэродромов и карт в планшетах, чтобы появиться в небе над вражеской столицей.

А здесь, где приземлились полки и расположился штаб дивизии, наши летчики еще реальней, чем в Молдавии, ощутили свою близость к Берлину. Дело тут не только в расстоянии. Сосредоточенные в этом районе авиационные силы убедительно говорили о том, что мы готовимся к могучим завершающим ударам по врагу.

Прибыв по вызову в штаб воздушной армии, я увидел здесь целое созвездие известных боевых генералов — командиров авиационных корпусов и дивизий: В. Г. Рязанова, И. С. Полбина, Н. П. Каманина, Д. П. Галунова, П. П. Архангельского, В. В. Нанейшвили, А. Н. Витрука, А. В. Утина…

Бомбардировщики Полбина… Этот генерал сам водит армады «Петляковых», и по его команде на вражеские позиции обрушиваются сотни бомб. Он много внес нового в тактику бомбардировочной авиации. Штурмовики Рязанова, Витрука, Каманина сражались под Белгородом, за освобождение Киева, правобережной Украины. Какая могучая ударная мощь в их руках! Я с восхищением смотрел на высокого худощавого Рязанова, крепко сложенного, плечистого Витрука, приземистого Каманина. Помнится, Каманин вместе с другими участниками челюскинской эпопеи приезжал в наше училище, мы слушали его рассказ и мечтали о подвигах. Несколько корпусов истребительной авиации на одном фронте — это ли не доказательство нашего возмужания, преимущества нашей авиации над люфтваффе агрессора!

Сияя бритой головой, добродушный и строгий командующий армией генерал С. А. Красовский сначала кратко проинформировал командиров об обстановке на Первом Украинском фронте, а затем перед каждым командиром соединения поставил конкретные задачи. Нашему корпусу было приказано прикрывать с воздуха боевые действия танковых армий.

Намечалось новое грандиозное наступление. Красная Армия должна была освободить последние метры украинской земли, выйти на нашу государственную границу и начать разгром оккупантов в Польше. Осознав размах предстоящих боевых действий, я почувствовал некоторую тревогу: сумею ли обеспечить выполнение дивизией поставленных перед ней задач?

Ведь по возрасту я был юнцом среди собравшихся здесь командиров соединений.

Перед началом наступления нашей дивизии приказали перебазироваться на новый аэродром, расположенный в нескольких километрах от переднего края. Из штаба корпуса поступило дополнительное указание: перелетать парами, на предельно малой высоте, в сумерках, чтоб противник не смог нас обнаружить и накрыть огнем артиллерии. Таких строгих условий раньше нам никогда не ставили.

Вечером я слетал на аэродром, осмотрел подходы к нему, маскировочные средства. На второй день пригласил к себе командиров полков — Бориса Глинку, Лукьянова, Крюкова — и дал им необходимые указания. С наступлением сумерек начался перелет. Пары с ходу одна за другой приземлялись на новом аэродроме. Перебазирование заняло два вечера.

В ночь перед наступлением люди почти не спали, готовились. На рассвете у боевых машин состоялись митинги.

Битва началась буквально на наших глазах. Со своего аэродрома мы хорошо видели, как после мощной артиллерийской подготовки, подкрепленной ударами с воздуха, лавиной двинулись вперед наши танки. С ходу прорвав вражескую оборону, они при поддержке артиллерии и пехоты стали развивать успех.

Настал и наш черед действовать. Противник бросил в бой свою авиацию. Мы ринулись навстречу «юнкерсам» и «мессершмиттам».

Я вылетел на задание во главе двенадцати истребителей 16-го полка. Нужно было перехватить на пути к фронту группу «юнкерсов» и «хеншелей», насчитывающую более сорока самолетов.

Их прикрывали «фокке-вульфы». Облачность не позволяла нам строить маневр по высоте, и я решил атаковать противника с ходу. Увидев нас, бомбардировщики встали в оборонительный круг. Но слабые стороны этого тактического приема мне и моим коллегам были хорошо известны. Мы противопоставили вражеской тактике свою: врываясь в центр круга, обрушивали на бомбардировщиков неотразимые удары. Атаки следовали одна за другой.

Вот пошли к земле первые сбитые нами «юнкерсы». Когда я, расстреляв второго бомбардировщика, начал разворачиваться для очередной атаки справа, над крылом сверкнула огненная трасса. Резким полупереворотом я уклонился от нее. Трасса внезапно оборвалась. Сверху пронеслись Сухов и Жердев. Молодцы! Это они выручили меня.

На одной высоте со мной появился «хеншель». Он прет прямо на меня. Я знаю, что он бронирован, что снаряды его пушек длинные и острые, как игла, — противотанковые. А мне, чтобы дотянуться до «юнкерса», нужны считанные секунды. Но «хеншель» тоже вот-вот откроет огонь. Если он успеет дать очередь, то моя «кобра» разлетится на куски. Я нажал на гашетку, и трассы пошли в цель. Раздался какой-то треск, и подо мной промелькнул силуэт «хеншеля». Неужели он упредил меня с открытием огня? Нет, моя машина ведет себя пока нормально. Гляжу, ко мне приближается «пятидесятка» Голубева.

— Посмотри, нет ли пробоин в моей машине, — говорю ведомому.

Голубев подошел ближе и покачал крыльями: все в порядке.

Какие же звуки я слышал? Что случилось? Видимо, в момент нервного напряжения я забыл снять палец с гашетки. Вначале все мое внимание было сосредоточено на «юнкерсе» и прицеле. Когда же «хеншель» оказался уже подо мной, заработал слух, и я услышал собственную стрельбу.

Советские войска, обойдя Броды, устремились на запад. Танки уже подходили к границе. Наша дивизия сражалась в воздухе над Равой-Русской, над польскими селениями Люблинец, Цешанув, Сенява. Первые немецкие самолеты над территорией Польши были сбиты Клубовым, Вильямсоном и Лиховидом.

Блестящий бой здесь провели группы Крюкова и Боброва. Встретив вдали от фронта стаю «хейнкелей-111», которые шли без прикрытия (видимо, у противника уже не хватало истребителей для сопровождения), они первым же дружным ударом сверху сбили сразу несколько самолетов. Преследуя удирающих в панике бомбардировщиков, наши истребители атаковывали их до последнего патрона. Более десяти «хейнкелей» остались гореть кострами на земле. Кстати, это произошло неподалеку от того места, где когда-то русский летчик Нестеров впервые в мире таранил самолет австрийского пилота.

В боях над советской государственной границей отличился и Слава Березкин. Однажды он рано утром полетел в паре на разведку. «Фокке-вульфы», шедшие впереди своих бомбардировщиков, навязали бой нашим истребителям.

Ведущий Ивашко пошел в атаку. Когда он открыл огонь по одному из «фокке-вульфов», на него напали другие вражеские истребители. Березкин не успел преградить им путь. Подбитый самолет Ивашко отвалил в сторону и пошел в направлении своего аэродрома. Березкин несколько раз окликнул по радио своего ведущего, но тот не отозвался.

Заметив, что «фоккеры» ринулись за ним вдогонку, Березкин

бросился на защиту своего друга и командира.

«Фоккеры» стали атаковывать еще яростней. Теперь Березкину надо было и самому обороняться и защищать ведущего. Чтобы отвлечь «фокке-вульфов» от самолета Ивашко, Березкин смело пошел навстречу немецкой паре. Уклонившись от лобовой атаки, они проскочили мимо. Березкин искусно развернулся и меткой очередью сзади сбил ведомого «фоккера». На него в ярости набросились все вражеские истребители. Это позволило Ивашко вырваться из опасной зоны.

Спикировав почти до самой земли, Березкин тоже сумел оторваться от преследователей. Но они продолжали гнаться за ним.

Уже внизу, искусно обороняясь, молодой летчик подловил и поджег второй «фокке-вульф». Враги поняли рискованность дальнейшего преследования: наш истребитель летел домой, а они — все дальше от своего аэродрома. «Фоккеры» повернули назад.

Березкин не дотянул до своей базы. В этом напряженном бою он потерял и ориентировку и счет времени. Убедившись, что горючее вышло, летчик посадил машину в поле.

Когда Березкин добрался до своего аэродрома, его ожидали здесь три радости: во-первых, ему присвоили очередное воинское звание, во-вторых, командующий армией генерал Н. П. Пухов объявил ему благодарность за храбрость, а в-третьих… Вечером перед строем полка я вручил молодому летчику второй орден — орден Славы.

…Находясь на станции наведения, я внимательно следил за действиями каждой группы. Когда «охотники» уходили за линию фронта, я с нетерпением ожидал их возвращения, смотрел, нет ли среди них подбитых, а если есть — сумеют ли они дотянуть до своей территории.

Однажды я заметил, что над передним краем загорелась «кобра». Кто это? Как поступит летчик? Попытался связаться с ним по радио, но он не ответил. «Значит, плохи его дела», — подумал я, а сам продолжал следить, что будет дальше. Хвост дыма за самолетом разрастался, машина, увеличивая скорость, неслась к земле. «Ну прыгай же, прыгай!» — закричал я в микрофон. В воздухе мелькнул черный комочек, и вскоре раскрылся парашют. Теперь все зависело от ветра: в какую сторону он отнесет парашютиста.

Вскоре я установил: сбит Борис Глинка. Всякая потеря тяжела, а такую, кажется, и перенести невозможно. Какого человека, какого летчика лишились! И это уже второй удар: вчера мне сообщили, что с задания не возвратился старший лейтенант Девятаев. Надо немедленно разобраться, почему происходят

такие неприятности, почему именно опытные летчики стали легкой добычей для врага. Необходим тщательный и всесторонний анализ неудач.

Когда я добрался до полка, стало известно, что Глинку подобрали пехотинцы и доставили в госпиталь. «Кобра» не терпит тех, кто покидает ее в воздухе, — почти в каждом таком случае она калечит летчика своим стабилизатором. Глинке тоже досталось. Выяснилось также, что в этот полет Глинка взял себе ведомым молодого летчика-стажера. А бой оказался очень трудным. В разгар схватки ведомый оторвался от ведущего и вышел из боя. Глинке одному пришлось драться против целой стаи стервятников.

На разборе мне пришлось повторять прописные истины: чем легче даются нам победы над врагом, тем строже нужно соблюдать порядок на земле и в воздухе. От самоуспокоения до поражения — один шаг. Почему Глинка, командир полка, пошел на ответственное боевое задание неслетанной парой? Ответ один: появились признаки недооценки противника.

Возвращался с разбора и думал: «Борис Глинка подлечится, придет в полк. А вот Девятаев… Он выпрыгнул с парашютом на вражескую территорию, что стало с ним?»

Ждали день, другой, звонили в штабы — никто ничего не сказал о нашем Девятаеве. Его поглотила страшная неизвестность. Что ж, не он первый и, видимо, не он последний. Одним, как Лавриненкову, удавалось сравнительно быстро вырваться из фашистских лап, другие проходили мучительный путь через концлагеря, третьи не возвращались совсем.

Вскоре в дивизию поступил приказ: перебазироваться в район Равы-Русской. Решив, что это будет, видимо, наша последняя база на собственной территории, я снова вспомнил о Михаиле Девятаеве. Где же он приземлился? Даже если его не схватят немцы, ему не пробраться к линии фронта. Ведь в лесах Западной Украины хозяйничают шайки бандеровцев.

О судьбе Девятаева мы узнали много лет спустя. Это не просто героическая, а поистине легендарная история.

Фашисты схватили его сразу, как только он приземлился с парашютом. Начались допросы, пытки. Девятаев мужественно перенес все муки, но не выдал военной тайны. Об этом свидетельствует и найденный потом протокол его допроса. Он оказался среди документов гестапо, захваченных нашими войсками.

Девятаева бросили в концлагерь Клейнкенигсберг. Оттуда он решил бежать. Поделился своим замыслом с другими, и к нему присоединились товарищи. Они сделали подкоп из барака.

Тяжелая работа забирала последние силы, изнуряла. Но когда ход был уже готов, какой-то предатель выдал их. Тяжелый моральный удар дополнили новые пытки. Затем Девятаева и его товарищей перевели в лагерь смертников.

В конце сентября 1944 года Девятаева и всех соучастников побега, избитых, голодных, босых и грязных, в одном тряпье пригнали в лагерь Заксенхаузен. Над бараками возвышалась и дымила труба крематория. Ее черный дым целый день прятал от людей солнце. Здесь Девятаеву «посчастливилось»: он избежал сожжения в печи только благодаря помощи таких же, как он, — ему удалось обменять бирку с номером и укрыться под фамилией умершего военнопленного. Под этой фамилией он и попал на немецкий военный аэродром, расположенный на острове Неер в Балтийском море. Работая землекопом у стоянок самолетов, летчик ничем не выдавал себя перед охранниками. Но гулко стучало его сердце, перехватывало дыхание, когда он ковырялся лопатой возле «хейнкеля», украдкой заглядывая в кабину.

Девятаевым снова овладела мысль о побеге. Но для осуществления его плана нужны были верные товарищи. И он нашел их. Однажды, убив охранника, десять советских военнопленных забрались в самолет «хейнкель-111». Теперь их жизнь зависела от рук и воли Девятаева. Сумеет ли он запустить мотор незнакомого самолета и взлететь? Сможет ли прорваться сквозь огонь, который будет непременно открыт по беглецам?..

Удивителен был экипаж «хейнкеля-111», приземлившегося 8 февраля 1945 года на советской земле. Десять человек в полосатой одежде, обросшие, с бирками на груди, вышли из самолета, плюхнувшегося брюхом на мерзлую пахоту. Возглавлял этих людей летчик Девятаев.

Существовавший в то время «порядок» расследования подобных случаев надолго похоронил в бумагах самоотверженный подвиг советских людей, и прежде всего их вдохновителя и вожака. Лишь когда была восстановлена правда и история этого подвига, Девятаев, моторист судна, плававшего по Волге, прибыл в Москву, чтобы встретиться здесь со своими боевыми друзьями и сподвижниками, вспомнить вместе с ними подробности их необычайного перелета.

Тогда и я после многих лет разлуки и неведения увидел бывшего своего летчика, о котором много думал на фронте, не раз мысленно шел с ним по мрачным лабиринтам вражеского плена. Мы с Девятаевым разыскали на карте тот населенный пункт Львовской области, из которого он вылетел на боевое задание, припомнили его последний воздушный бой. Летчик рассказал и о том, как ему буквально за несколько минут удалось

разобраться в приборах «хейнкеля» и как тяжело было взлететь с небольшой площадки… Своим подвигом Герой Советского Союза Девятаев вписал славные страницы в историю нашей дивизии, в боевую летопись Великой Отечественной войны.

Однако вернемся к тому времени, когда нам было известно лишь, что полк потерял еще одного воздушного бойца. Мы послали его родным обычное извещение: «Не вернулся с боевого задания».

На смену Девятаеву прибыли три новых летчика — Довбня, Карпович и Барышев. Довбня был сбит над Молдавией в сорок первом году. Его, как и Барышева, освободили наши войска в одном из лагерей для военнопленных. Карпович прилетел из Москвы. Он окончил курсы начальников штабов и за это время научился даже с неподвижной рукой управлять самолетом. Все трое, возвратившиеся в родной полк разными путями, жили одним стремлением — летать, сражаться!

Они не хотели оставаться ни в штабах, ни в тыловых частях. После дополнительных тренировок мы снова приняли их в боевой коллектив летчиков. При этом пришлось крепко поссориться с некоторыми особенно «бдительными» и осторожными людьми, которые боялись допустить «возвращенцев» к боевым самолетам. И новые летчики оправдали доверие коллектива, подвигами доказали свою преданность Родине, верность воинскому долгу.

Танковые армии М. Е. Катукова и П. С. Рыбалко, которые прикрывали наш корпус, вышли на Сан. Мы перелетели на новый аэродром. Поздно вечером я прибыл в отведенный для меня дом. Старик хозяин встретил меня во дворе и, догадавшись по одежде, что я летчик, сказал:

— Здравствуйте, товарищ летник. Тридцять рокив тому назад у нас булы на постои русски летники. Нимця воевали они и тогда. Нестеров летав над нашою Равою-Русскою, а над Жовквою таранив ворога.

Я не все разбирал в его речи. Частое упоминание «летника Нестерова» ясно дало понять, что крестьянин хранил в памяти важные события из истории нашей отечественной авиации. Мы продолжили беседу в моей комнате, у географической карты. Я показал старику город Горький, рассказал, что недавно был там, на родине Нестерова, что видел мать и дочь прославленного летчика. Старик подробно и красочно нарисовал передо мной картину воздушного боя тех далеких лет, момент отважного «наскока» русского «яроплана» на «германа».

У меня осталось от этой беседы светлое впечатление: как украинцы бережно хранят в памяти подвиг русского летчика!

Мы теперь шли по путям, проложенным в годы гражданской

войны. Тогда молодая Красная Армия освободила эти села от немецких оккупантов и польских панов. Теперь мы, второе поколение, снова отстаиваем независимость этой земли. И опять от немецких захватчиков, и снова ценой человеческих жизней.

Не успели мы обжиться в Раве-Русской — пришлось перелететь на аэродромы у Любачува. Пригодная для взлета полоса здесь узкая, машины садятся между двумя рядами стоянок. Первое приземление явилось последней тренировкой: надо сразу же идти на боевое задание. Других аэродромов нам не обещают — на польской территории не все площадки известны, а известные мало изучены и не подготовлены.

Самолеты всех полков группа за группой отправляются на прикрытие танков. Наступление наземных войск продолжается.

Путь из штаба на аэродром нам преградило большое скопление подвод. На возах с домашним скарбом сидели женщины, дети, старики. К некоторым повозкам были привязаны коровы и овцы. Этот обоз очень сильно походил на те, которые нам приходилось видеть у Днепра в сорок первом году. «Очевидно, крестьяне уходят из прифронтовой полосы, — подумал я. — А может быть, удирают от нашей армии в тыл».

Остановил машину. Крестьяне тотчас же сошли со всех повозок. По их малопонятным выражениям мне удалось все-таки выяснить, что это поляки. При фашистах бандеровцы выгнали их из родного села, теперь они возвратились назад, но не решаются приблизиться к своим домам. Табор на колесах им кажется более надежным убежищем, чем родные хаты.

Слушая их, я невольно связываю в одно целое все, что уже известно о бесчинствах злобных банд, нарушающих спокойную жизнь людей на освобожденной от немцев территории. Поэтому дальше в пути с подозрением поглядываю на встречных прохожих, всматриваюсь в рощи и думаю: это фашизм через разных подонков, изменников, бандеровцев вносит разлад между простыми людьми украинских и польских сел.

В первую же ночь наш аэродром обстреляли бандеровцы. Не ранили никого, ничего не повредили, но несколько выстрелов из леса заставили всех наших людей не спать всю ночь. Пришлось подкапывать землю под шасси и ставить самолеты по горизонту, чтобы в случае необходимости вести по бандитам огонь из пулеметов. В кабинах дежурили техники, механики и время от времени вели по лесу огонь.

Слушая среди ночи периодическую стрельбу, я вспоминал о повозках, женщинах, ребятишках. Да, большая война редко обходится без предателей и враждебных вылазок мелких озлобленных групп. Бандеровцы — это злобная кучка буржуазных

националистов. Они запугивают, терроризируют мирное население. Может быть, они выполняют задание фашистов — не давать нам, наступающим, отдыхать ночью, изматывать нас мелкими наскоками.

Только уснул — телефонный звонок. Открыл глаза, ничего не вижу, в комнате окна завешены. В трубке голос начальника штаба Абрамовича:

— Извините, что разбудил. Посмотрите в окно.

Отодвинул плотное одеяло, выглянул. Напротив, за полем, горит село, куда направились встреченные днем поляки.

Пришлось встать. Подняли в ружье роту связи и роту охраны, отправили на машинах. Вскоре там разразилась яростная перестрелка, которая затихла только к утру.

Утром я объехал село. Фашисты отсюда были уже далеко, а страшные следы разбоя виднелись повсюду: дымящиеся хаты, обгоревшие трупы.

Навстречу бежит мальчик. Заплаканное лицо испачкано грязью. В глазах — страх и отчаяние. Польские слова мне непонятны, но хочется услышать именно от него, этого крохотного свидетеля, рассказ о расправах бандитов над ни в чем не повинными людьми. И кое-что удается понять из его сбивчивого рассказа. При появлении бандитов мальчик спрятался в саду, а когда вернулся к хате, увидел убитых родителей. Он, плача, указывает ручонкой на рощу, куда убежали бандеровцы, просит догнать их и наказать. Темный лес скрывает следы погромщиков…

На аэродроме, расположенном у леса, идет напряженная боевая работа. Самолеты, взмывая с земли, устремляются строго на запад. Маршруты их полетов определены наступлением наших танков, вклинившихся в оборону противника. Острие этого клина, нарисованного на штабных картах, уже достает до синей ниточки Вислы. Диву даешься, как быстро изменилась обстановка на фронте. Львов, за освобождение которого началась эта битва, уже далеко позади. Нам даже не пришлось пролететь над ним, мы пошли севернее.

Вот мы уже и на польской территории, за границей. Пролетая над незнакомой местностью, внимательно изучаем ее приметы. Здесь все как-то настораживает. Теперь летчики опасаются вынужденных посадок и на освобожденной от гитлеровцев территории. Никто не знает, чем его встретит лес, как отнесутся к нему в деревнях. Но такое положение существовало лишь некоторое время, сама жизнь вскоре изменила его. Она раскрыла многое, ранее неизвестное нам, определила наши взаимоотношения с местным польским населением.

Случай, происшедший с летчиком соседнего истребительного соединения, стал известен каждому нашему авиатору. Никто не сомневался — мы вступили на братскую землю. Вот эта история.

Андрей Качковский возвращался с боевого задания на поврежденном самолете и заботился в эти минуты только о том, чтобы перетянуть через реку Сан. Там, за рекой, как видел летчик на своей карте, была советская земля, а здесь, по эту сторону реки, польская. Он не боялся этих неведомых деревень с длинными соломенными крышами, не опасался людей, убиравших хлеб на своих узеньких нивах, но все-таки не хотел очутиться в незнакомой обстановке и всеми силами стремился добраться до своих.

. …Когда Качковский пришел в себя после удара о землю, он прежде всего подумал о том, что река позади него, припомнил, что крылья самолета задевали за ветки лозы, росшей по нашему берегу Сана.

К его самолету сбежались люди. Они были в холщовых штанах и рубахах, в соломенных шляпах, с косами и граблями в руках. Он настороженно смотрел на них из своей кабины и не знал, что делать. К нему приблизился один из этих людей и окликнул на непонятном языке. Качковский почувствовал что-то неладное. Он взглянул на карту, лежавшую перед ним на коленях, и понял, что приземлился на польской земле. Он сидел и думал, как ему поступить, а люди, увидев, что летчик пришел в себя, поднялись на крылья, открыли кабину и, ласково улыбаясь, взяли пилота под руки, помогли ему выбраться из кабины.

Всей гурьбой они повели его в деревню, устроили на ночлег, предложили сменить белье, верхнюю одежду, чтобы постирать и привести в порядок, радушно угостили. У самолета выставили вооруженную охотничьими ружьями охрану. Проснувшись утром, он увидел возле себя чистые, выглаженные вещи, а во дворе — целую толпу любопытных ребятишек.

Днем в поле у истребителя сел ПО-2. Это из полка прилетели за Качковским. Все село провожало двух советских авиаторов — они были для них первыми посланцами нашего народа, и поляки отнеслись к ним с искренним гостеприимством и радостью. Кабину ПО-2 завалили яблоками, забросали цветами.

…В первых числах августа наши наземные войска с ходу форсировали Вислу, заняли плацдарм на западном ее берегу и закрепились там. Мы своей дивизией переместились за Сан, а через несколько дней два полка перебазировались на аэродром, расположенный в нескольких километрах от Вислы. Штаб на продолжительное время расквартировался в деревне Мокшишув.

Наступление наших войск, которое можно были сравнить

только с могучим разливом половодья, приостановилось. Совсем недавно, в июле, войска фронта стояли перед Львовом, а в начале августа мы уже летели на прикрытие своих переправ через Вислу. Танки своими стальными плечами раздвигали тесноватый сандомирский плацдарм.

В эти дни я с утра до вечера находился на КП вместе с командиром корпуса штурмовиков Рязановым. Авиации противника в воздухе стало меньше. Наши истребители, перелетев за Вислу, теперь больше всматриваются в землю, чем в просторы неба: надо помогать пехотинцам отражать контрнаступление немцев. Враг основательно напуган — от Вислы до самой Германии уже нет таких больших водных преград — и знает, что предвещает ему сандомирский плацдарм.

Около нашего КП беспрерывно бьют пушки. Проводив группы на цель, я наблюдаю за расчетами, мечущимися в дыму и пыли, «богу войны» работы хватает. Перед траншеями горят немецкие танки и бронетранспортеры, подожженные артиллерией и ИЛами. Рязанов то и дело вызывает группы штурмовиков, а я — своих истребителей для прикрытия поля боя. Наши самолеты поливают свинцом цепи вражеской пехоты.

Да, немцам нынче приходится несладко.

Вечером, возвратясь в штаб, я часами просиживаю за бумагами, обсуждаю разные вопросы с Д. К. Мачневым, Б. А. Абрамовичем и своим заместителем Л. И. Гореглядом. Надо осмыслить события дня, разрешить назревшие проблемы. Когда забываешь о том, что ты находишься в хате поляка, все кажется обыкновенным, но чуть отвлечешься . от. фронтовых забот, сразу осознаешь, что тебя окружает «заграница»: недалеко отсюда замок графа Тарновского, женский монастырь, на улочках вывески над частными магазинчиками, среди тополей и вязов высоко к небу вознес свой крест старый костел.

Дома тоже всюду видишь приметы иного, незнакомого мира. В моей комнате резная деревянная кровать, крашеные длинные скамейки. На стенах херувимы и бумажные розы.

Хозяин дома, где живем мы с Леонидом Ивановичем Гореглядом, допоздна сидит на завалинке. Когда мы проходим мимо, он молча провожает нас изучающим взглядом. Адъютант уже кое-что разузнал о нем и рассказал мне. Поляк воевал на фронте, был в плену, отморозил пальцы ног. Ходить ему трудно. Его поведение понятно: бывалый солдат присматривается к нам. Буржуазная пропаганда распространяла о нас, советских людях, всякие небылицы, пугала народ.

В селах рядом с Мокшишувом стоят танковая часть и госпиталь. Летчики тянутся к соседям: там в клубах устраивают

танцы, бывает много девушек. К вечеру молодые парни заметно веселеют, надевают новую форму. Да, здесь, в Мокшишуве, во всей нашей жизни чувствуется дыхание приближающегося праздника. Это предчувствие большой радости испытывают все.

Сидя вечером в комнате, еще раз осмысливаю события прошедшего дня. Приподнятое настроение сразу угасает, когда думаю о тех наших летчиках, которые в этот тихий и лунный вечер лежат где-то на госпитальной койке.

Внезапно пришло на память, что судьба одного нашего самолета вот уже больше недели неизвестна. Еще когда вылетали с предыдущего аэродрома, одна подбитая «кобра» села на поле, северо-западнее Львова. Приземляясь, самолет подломил «ногу». Узнав об этом, мы послали туда штурмана эскадрильи Лиховида, техника и механика, чтобы организовали эвакуацию машины. Прошла неделя, но от команды не поступило никаких сообщений.

Вспомнив сейчас об этом, я позвонил Абрамовичу. Он тоже очень обеспокоен неизвестностью, но ничего нового сказать не смог. Только повторил, что несколько дней назад туда послан усиленный отряд из пятнадцати человек.

— Надо бы всех возвратить домой к восемнадцатому, — сказал я.

— Будем надеяться, что вернутся, — ответил Абрамович. — Праздник настоящий, когда все в сборе.

И он, оказывается, думает о празднике. Да, ведь через недельку — День авиации!

Наутро те же заботы. Я уезжаю на передний край, летчики с рассвета остаются у своих машин. Сандомирский плацдарм превратился теперь в главное поле битвы на этом участке фронта, а наш аэродром расположен поблизости от него. Вместе с пехотой и артиллерией мы отстаивали эту Малую землю — самый западный рубеж фронта.

День авиации, 18 августа, мы отметили торжественным построением. Зачитали приказы по дивизии. Многие солдаты и командиры были награждены медалями, получили благодарности. Потом часть летчиков ушла на задание, а остальные стали выполнять тренировочные полеты над аэродромом.

Главные торжества откладывались на вечер, когда действительно все возвратятся домой. После праздничного ужина молодежь ушла на танцы, казармы опустели. В селе звучали песни, музыка, хотя в окнах домов не светилось ни одного огонька.

В воздухе время от времени пролетали вражеские разведчики. Где-то далеко всплескивали зарницы — то ли рвались бомбы, то

ли вели огонь артиллерийские батареи.

Мы с Гореглядом прохаживались возле дома, когда прибежавший адъютант сообщил, что начальник штаба просит срочно ему позвонить. «Неужели что-то из Москвы?»

Абрамович говорит о полученных из армии приказах, о награждении летчиков дивизии, перечисляет фамилии. Я слушаю его с удовлетворением. В воображении возникают родные лица, картины боев. И все это озарено сейчас светом радости — светом Родины, отметившей наградами своих верных сыновей.

За окном слышна гармошка.

— Да, — продолжает Абрамович деловым тоном, — приехала команда с вынужденной.

— Что там? Где Лиховид?

— Печальные вести.

Начальник штаба обстоятельно передает доклад командира отряда.

Когда наши подъехали к лесному селу, возле которого приземлился самолет, их обстреляли с чердаков. Солдаты ответили огнем по крышам крайних хат и вступили в село. Здесь узнали, где находится потерпевший аварию самолет, и отправились туда. Нашли застрявшую в болоте «аэрокобру» и недалеко на бугре остатки костра. Среди поленьев в пепле лежало два обгоревших трупа. По уцелевшим лицам установили, что это были штурман Михаил Степанович Лиховид и техник самолета. Третьего, механика, не нашли.

В этих зверствах нетрудно было угадать кровавый почерк бандеровцев. Положив трубку, я посмотрел на Горегляда и адъютанта. Они ставили на стол, застланный газетами, бутылки, стаканы, закуску. Я вспомнил, что мы собирались пригласить на ужин начальника штаба. В который уже раз за время войны весть о гибели товарищей приходит к нам именно в такие минуты, когда мы как-то по-особенному чувствуем счастье жизни. И тогда смерть друзей угнетает нестерпимо.

Мы наскоро перекусили и легли спать. Погасив свет, я долго не мог избавиться от страшного видения: на костре сгорают люди. Пламя охватывает тела… Кто они, эти подонки, возобновившие приемы инквизиции в наше время?

Только уснул, а может, это лишь показалось, — слышу настойчивый стук в окно.

— Кто там?

— Из штаба. Офицер связи.

— Что случилось?

— Вам телеграмма, товарищ полковник. Я поднял одеяло, закрывавшее окно.

— Из Москвы, товарищ полковник! Одеваюсь в темноте, забыв о лампе. Адъютант вошел, зажег свет.

— Телеграмма из Москвы, — повторяет он.

— Слышу, — отвечаю ему, но мне приятно еще раз услышать: «Из Москвы». Значит, что-то очень важное.

Офицер связи встал на пороге, выпрямился, держит в руке бумажку. По его сияющему лицу, светящейся во взгляде радости, по тому, как он замер, я догадываюсь.

— Позвольте вас поздравить, товарищ полковник. Вы трижды Герой Советского Союза!

С кровати вскакивает Горегляд, в комнату вбегают шофер, часовой. Звонит телефон.

— Направляемся к вам, — говорит Абрамович.

Люди заполняют комнату.

Звонит телефон, звучат откуда-то издалека теплые, возбужденные слова.

Незаметно пришло утро. Во двор повалили летчики, мои боевые друзья. Объятия, пожатия рук. С нами сейчас все воспоминания о боях над Молдавией, Украиной, Кубанью, над Крымом, над морем. Сколько измерено небесных дорог, сколько выпущено трасс по врагу! Если дружба завоевана в небе войны, она проста и немногословна. Она вся выражена во взгляде, в пожатии крепкой, надежной руки.

Речкалов, Труд, Клубов, Трофимов, Федоров, Сухов, Бондаренко, Березкин, Вахненко… Их много.

Это их отвага, их верность товариществу и долгу укрепляли мою отвагу и силу. Они, сподвижники-летчики, рядом со мной, и я испытываю огромную радость.

Я подумал о том, какое счастье испытали бы мы все, если бы сейчас среди нас были Фадеев, Соколов, Атрашкевич, Никитин, Олефиренко!

Сознавая величие этой награды, я чувствовал себя в долгу перед Родиной.

А еще в это утро мне захотелось увидеть Новосибирск, ступить на родную сибирскую землю!

Но день звал к будничным фронтовым делам.

Вскоре Горегляд распростился с нашим домом в Мокшишуве. Его выдвинули на должность командира дивизии. На его место пришел Пал Палыч — ветеран войны Крюков. А полк принял Бобров. Такие перемещения, когда хорошие, уважаемые всеми люди идут в гору, всегда радуют.

Наземные войска медленно, но упорно расширяли сандомирский плацдарм. Этот «мешок» наполнялся могучей силой, способной внезапно загрохотать, разрастись, грянуть новыми

наступлениями.

Но желание побывать в родной Сибири скоро осуществилось…

21. Земля сибирская

Надвигалась осень… А у меня началась своеобразная «страда»: чествования, приемы корреспондентов газет и кинохроники, ответы на письма и телеграммы, статьи для прессы. Все это было, конечно, приятно, но хлопотно. День я проводил на переднем крае и в полках, а вечер посвящал посетителям и переписке. Старался выкроить хотя бы часок для самообразования. В последнее время меня стало сильно тревожить то, что мало читаю, и я обязал себя ежедневно уделять внимание учебе и чтению художественной литературы.

…На фронте наступило затишье. Не добившись успеха, противник примирился с тем положением, которое ему продиктовала наша сила.

Вылетать приходилось все реже. Чем меньше становилось боевой работы, тем больше надо было заботиться об организации учебы летчиков. Затишье невольно расслабляло людей.

Однажды, прилетев на аэродром, я увидел почти на всех самолетах причудливые красочные рисунки. На одном был намалеван пиковый туз, на другом — чертик, играющий на гитаре… Заметив, что я заинтересовался этими изображениями, молодые летчики подошли ко мне с гордым видом, надеясь на мою похвалу.

— Что за символы? — спросил я.

— Отличительные знаки. Сами нарисовали, товарищ гвардии полковник. Выразительнее, чем цифры, — отозвался Графин, плотный, широкоплечий лейтенант.

— А как у вас, товарищ лейтенант, насчет выпивок? Не увлекаетесь? Малевали-то не иначе как после какого-нибудь сабантуя?

Графин растерянно заморгал рыжими ресницами.

— Угадали, товарищ комдив, — подсказал кто-то из летчиков.

— Отмечали назначение Графина комэском, ну и решили пооригинальничать.

Я хотел было приказать смыть всех тузов, чертиков, голубей и прочие картинки, разъяснить, что яркие пятна на самолете очень удобны для прицеливания, но потом решил: пусть немного подурачатся. Просто они в первые дни затишья не знают, куда направить свою молодую энергию. А вот загрузим их учебой, тогда им будет не до озорства. И мы в тот же день вместе с командиром полка разработали конкретный план тренировочных занятий.

На каждом аэродроме были оборудованы землянки-классы для занятий по аэродинамике, для изучения отечественной радиоаппаратуры и авиационной техники противника. Были также построены полигоны для тренировки в стрельбе по наземным целям. Изредка и я поднимался в воздух пострелять по мишеням.

Дивизия готовилась к новому наступлению. Все думали об одном: быстрее захватить Берлин и победоносно закончить войну. Жене и матери я писал о скорой встрече в родном Новосибирске после победы над врагом.

И вдруг… Это «вдруг» всегда открывает какую-то неожиданность. Меня и моих товарищей — Речкалова и Гулаева, награжденных второй медалью «Золотая Звезда», Федорова и Труда, удостоенных звания Героя Советского Союза, — вызвали в Москву для получения высоких наград.

В столицу мы прилетели вечером, а на следующее утро поехали в Кремль. Когда проходили по кремлевской площади, меня охватило сильное волнение. Казалось, что наши шаги слышит вся страна, что мы проходим на виду у всего народа.

Награды вручал Николай Михайлович Шверник. Я принял из его рук Золотую Звезду и Грамоту о присвоении мне звания трижды Героя Советского Союза. Потом мне вручили орден, которым правительство наградило нашу дивизию за успехи в последних боях.

— Мариупольская, Сандомирская девятая гвардейская истребительная дивизия награждается орденом Богдана Хмельницкого… — услышали мы торжественные слова.

«Сандомирская…» Это наименование летчики завоевали уже под моим командованием. Как же было не гордиться такими успехами, такими замечательными людьми!

После вручения наград нас пригласили в штаб ВВС. С нами беседовали Главный маршал авиации А. А. Новиков, генералы Н. С. Шиманов и И. Л. Туркель. Когда мы собрались уходить, Новиков сказал, что из Новосибирска звонил секретарь обкома партии М. В. Кулагин и просил отпустить меня на несколько дней в родной город. Затаив дыхание я ожидал, какое решение примет Главный маршал.

— Земляков надо уважать, — сказал он, немного помолчав. — Даю вам пять суток для поездки в Сибирь. Пять — и ни часа больше. Вас ожидает фронт.

Для меня это было второй большой наградой. А Речкалова отпустили проведать родной Урал.

Выйдя на улицу, мы начали вести счет дорогому времени. Теперь пять суток отделяли нас от войны. Пять суток жизни дома,

в своем городе, в кругу родных и близких — это счастье давалось не всем, потому оно было особенно дорогим и ценным.

Пять суток… Тогда скорей на самолет!

День перед отлетом, до предела загруженный встречами, кончался поздней ночью. В то время руководящие работники последними в городе гасили свет в своих кабинетах, и наш разговор с секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым состоялся в конце его длинного рабочего дня. Москва уже спала, когда мы заговорили о формах комсомольской работы во фронтовых условиях, о воспитании молодых летчиков, о наших юношеских годах.

Здесь, в кабинете секретаря, мне представили молодого журналиста, который уже был в полной готовности для далекого путешествия в Новосибирск вместе со мной.

— Юрий Жуков, — назвал он себя, поспешно освобождая свою руку от увесистого блокнота.

— Пусть это будет началом его знакомства с нашими гвардейцами, — сказал Николай Александрович. — Затем он поедет к вам на фронт. Молодежи надо поведать о летчиках Великой Отечественной войны.

С журналистами много хлопот, но их визиты почти всегда предвещают что-то приятное. Мы пожали друг другу руки и условились рано утром встретиться на аэродроме.

Личный самолет командующего авиацией ЛИ-2, наверное, никогда еще не нес на своих крыльях столько Золотых Звезд Героев и стольких журналистов, фоторепортеров и кинооператоров. Для меня этот полет был краткосрочным визитом домой, отдыхом в кругу своей семьи, для Речкалова — тоже, а для сопровождающих нас — работа.

Мы летели навстречу солнцу. Мне казалось, что оно быстрей, чем всегда, поднимается над горизонтом, заливая светом землю, тронутую то там, то здесь желтыми мазками осени.

Я летел не только навстречу солнцу, но и навстречу своей юности, своему детству. Сидя в мягком кресле, я посматривал вниз и думал о родном доме, о Новосибирске.

Вспоминал, вспоминал…

…Все дни, пока неожиданно прилетевший самолет находился на плацу, за городом, мы, мальчишки, с рассвета до темна просиживали невдалеке.

Возвратясь однажды с очередного «дежурства», я заявил дома:

— Хочу ехать учиться на летчика!

Дело было за ужином.

Вокруг стола сидела наша большая семья. Отец только пришел с работы, уставший и, как иногда случалось, под

хмельком. Здесь, за столом, его особенно раздражали недостатки в семье. Услышав о моем намерении, он вскипел:

— Вот оно что! Так ты, летчик, поэтому и пропускаешь школу?

Братишки и сестренка засмеялись, услышав мое новое прозвище. А мне было не до смеха — отец снимал ремень:

— Я тебе покажу летчика!

Первое наказание за мечту повисло надо мной. Пришлось искать спасения за спиной бабушки.

— Не трожь, Иван! — Бабушка выпрямилась перед отцом.

Ремень полетел в угол, но ужин окончился семейной ссорой.

Интересно, что бабушка совсем по-иному отнеслась к моей мечте. Она любила нас, ребят, но больше всего — меня. Видимо, потому, что, как все утверждали, я был похож на своего деда. Очень часто, когда я подворачивался ей под руку, она, бывало, прижмет к себе, задумается и погладит по голове, приговаривая: «Ох, горемычный ты мой…» В такие минуты глаза ее становились печальными и влажными. Видимо, своим сходством с дедом я напоминал ей о трудной жизни, выпавшей на их долю — долю переселенцев в Сибирь. «Какая-то судьба тебя ожидает? — стоял в ее глазах немой вопрос. — Не такая ли несчастная и злополучная, как у твоего деда?»

Деда я не помнил. Но бабушка очень много рассказывала о нем. Из ее воспоминаний я знаю всю историю его жизни, мытарств в поисках счастья в неведомых краях суровой Сибири.

В неурожайный год — такие бедствия часто охватывали районы Центральной России — дед с бабушкой и малышом сыном, моим будущим отцом, с толпами голодающих направились из родной Вятской губернии в Сибирь. После долгих скитаний по грязным и пыльным дорогам добрались они до реки Оби и остановились здесь на жительство в небольшом поселке с таким же названием. Поселок этот возник на месте рыбацкой деревни, около строящегося моста через реку, и стал быстро обрастать домишками переселенцев, устремившихся сюда в поисках работы.

Это было время строительства Транссибирской магистрали. Нашлась работа и для моего деда — недюжинного силача и хорошего каменщика. Он строил привокзальные здания, клал печи в домах.

Поселок, находившийся на перекрестке большого водного пути и железнодорожной магистрали, быстро рос и превратился в городишко Новониколаевск.

Подрос и мой отец и вместе с дедом стал работать каменщиком.

А вскоре с дедом случилась беда.

Однажды на строительстве нужно было перенести большой гранитный камень. У троих рабочих не хватало сил даже сдвинуть его с места. Ну, а дед любил подшутить над «слабожильными», потому что, как рассказывала бабушка, «был таким силачом, прости ему господи, что никакой тяжести в руках не чуял». Вот дед и затеял спор. Четверть водки на кон, и камень будет перенесен. Сделает это он один, без всякой посторонней помощи.

Дед выиграл спор, но выигрыш дорого обошелся ему. На всю жизнь стал инвалидом — получил грыжу. С каждым днем он чувствовал себя все хуже и хуже и потом уже не смог работать. Благо, что отец к этому времени уже обзавелся семьей, и старикам было, где приютиться.

На следующий год после того, как я впервые в жизни увидел пленившую мое воображение чудо-машину, над городом закружилось уже много самолетов. На улицах стали появляться летчики с яркими нарукавными нашивками — «крылышками». В первые дни летчиков толпами преследовали ребята, среди которых бывал, конечно, и я. Тогда же я начал не без гордости носить вместо шапки купленный в магазине шлем. Подражая взрослым, я иногда баловался папиросой. Моя учительница, узнав, что я хочу стать летчиком, решила использовать это стремление, чтобы заставить меня бросить курить. Она повела меня в анатомический музей. У муляжа легких сказала:

— Смотри, какие легкие у курильщиков! С такими летчиком стать невозможно.

Я сразу же бросил эту недетскую забаву и стал заниматься физкультурой. Хотел стать сильным, здоровым. Раздобыл гири и во время утренней зарядки во дворе ворочал их. Образ летчика, обязательно физически крепкого, сильного, неотступно преследовал меня, во всем определял мое поведение.

В 1926 году мой шестнадцатилетний брат Василий и я заболели скарлатиной. После сорокадневного балансирования на грани жизни и смерти из больницы вышел только я.

Смерть брата, который уже помогал нашей большой семье, вынудила меня пойти работать. Определили меня учеником к моему дяде — кровельщику.

Полуглухой от грохота железа, небольшого роста, худенький, с корявыми, черными от олифы и краски пальцами, дядя Петя считался лучшим кровельщиком города. Я быстро перенял от него эту науку и начал помогать семье.

Дядя меня любил, но нередко мне доставалось от него — «для порядку», как он говорил. С крыш домов неплохо было видно, как взлетали и садились самолеты. Я так увлекался этим

зрелищем, что забывал о работе. Окрик дяди не раз заставлял меня вздрагивать:

— Смотри сам не полети… с крыши. А ну берись за молоток!

На второе лето я уже числился кровельщиком Сибстройтреста. Работы было много — город строился, нужно было крыть крыши больших четырехэтажных зданий. Я часто работал сверхурочно.

Ребята иногда посмеивались: «Недаром у тебя такая фамилия — вон ты как приспособился крыши крыть!» Я улыбался, а сам продолжал упрямо мечтать о той «крыше», которая распростерлась над нами, — о небе.

…Однажды утром, проходя по центральной улице города — Красному проспекту, я увидел в газетной витрине объявление о наборе в летную школу. Остановился, прочел и от неожиданности застыл. Прочел еще раз, а тронуться с места не могу. «В школу принимаются лица, окончившие семилетку…» Так… мне еще нужно ее окончить. Но есть и другое условие: «имеющие специальность токаря, слесаря или столяра».

Огорченный, я брел по улицам. Значит, с моей специальностью в летчики я никогда не попаду! Прощай, моя мечта!

Лазая по крышам, я каждый день думал о том объявлении, о своем терзающем душу намерении. Как же быть? Чтобы попасть учиться на слесаря или токаря, нужно встать на учет на бирже труда, которая была главным распределителем рабочей силы по предприятиям. Предприятий в городе было в то время мало, а безработной молодежи — тысячи! И все же я, как только закончился летний сезон, встал на учет на бирже труда и начал каждый день ходить в эту прокуренную, всегда битком набитую комнату — отмечаться.

Родители, которым я больше не напоминал о своем стремлении стать летчиком, в это время уговаривали другого моего дядю, бухгалтера, устроить меня учеником счетовода. Такая «интеллигентная» профессия для многих была, конечно, вершиной мечтаний. Мне она не подходила, я признавал лишь то, что открывало дорогу в авиацию. И я решительно отказался. Это привело к новым ссорам из-за меня.

Время шло. Я снова работал летом кровельщиком, а зимой учился в школе. В 1928 году окончил седьмой класс. Биржа труда ничем не помогла мне.

Наступил первый год первой пятилетки. Новосибирску, в то время еще маленькому городку, вчерашнему Новониколаевску, в этом пятилетнем плане отводилось одно из ведущих мест. Здесь быстрыми темпами начали строиться крупные заводы. За

широкой Обью, в степи, рядом с деревенькой Кривощеково, закладывался огромный завод «Сибкомбайн» (теперь он называется «Сибсельмаш»). Молодежь радостно вздохнула: дорога всем безработным — на новостройку, а бирже труда, этому атрибуту старого мира, пришел конец!

Кадры рабочих для нового гиганта машиностроения готовились в ФЗУ. Среди трех тысяч первых «фабзайцев» оказался и я. Меня зачислили в слесарное отделение.

Давний план медленно, но верно осуществлялся. Я торжествовал. Но мое появление дома в форме фабзавучника вызвало упреки. Большой нашей семье мой заработок кровельщика был лучшей поддержкой, чем стипендия фабзавучника.

— Нахлебник! — обругал меня как-то отец.

Я остолбенел, хотя он говорил горькую правду. Чтобы не быть семье обузой, я собрал однажды свои нехитрые пожитки и покинул дом. Дом, где родился и рос.

Здесь оставил я свое детство и решительно шагнул в захватывающие и трудные годы юности. Оказалось, что в тот день я покинул родной дом навсегда.

Устроился жить в общежитии. Его четырехэтажное здание стояло на самом краю соцгородка. Выйдешь из дверей — перед тобой степь, уходящая к горизонту. Посмотришь правее — за Обью синеют таежные леса.

Трудными были годы учебы в ФЗУ. Стипендия маленькая, от родителей помощи никакой. Зима, сибирский мороз такой, что кажется, звенит воздух, а на ногах ботиночки, стоптанные летом. В них же надо и на лыжах походить часок-другой…

Распорядок дня у меня был свой, и очень жесткий. До четырех часов дня — учеба в ФЗУ, вечером — в машиностроительном институте при заводе. А после — по поручению комсомола шел в кружок рационализаторов и изобретателей. Эту нагрузку мне дали потому, что я подал несколько предложений по улучшению производства.

В нашей комнате жили шестнадцать человек. И в соседних не меньше. Продукты получали только по карточкам, и их, конечно, всегда не хватало.

На первом этаже под нами был хлебный ларек, который постоянно дразнил запахом свежего хлеба. Как только к ларьку подъезжала подвода, мы всей комнатой с грохотом мчались по лестнице вниз. Нужно было спешить, чтобы нас не опередили другие. За разгрузку хлеба нам перепадала одна-другая буханка.

В самодельном кипятильнике мы кипятили воду и блаженно запивали ею свежий хлеб.

Жизнь в коллективе крепко сдружила нас. С первых дней учебы в ФЗУ я близко сошелся с Мишкой Сихвортом, Костей Лобастовым, братьями Бовтрочуками, Ломовым, Селезневым, Пыжиковым. Спокойный, с сильным характером и волей, Мишка многих сдерживал в минуты безрассудных затей. Когда Сихворт вмешивался в спор, все быстро прояснялось. Работал он с огоньком, аккуратно, и мы подражали ему.

Наша группа первой окончила ФЗУ и была направлена на работу слесарями в цех.

Мишка Сихворт, Костя Лобастов и я жили в одной комнате общежития, наши тиски в цехе находились рядом, в вечернем институте мы тоже умудрялись вместиться за одну парту. Вот только спортом мы занимались каждый самостоятельно. Я — легкой атлетикой, зимой лыжами и коньками, Мишка поднимал тяжести, Костя решал ребусы. Как-то раз я заговорил с друзьями об авиации.

— На чем летать-то будешь? На бумажных змеях? — съязвил Костя.

— На змеях? Приходите завтра, я вам покажу на чем!

Как раз в эти дни создавался планерный кружок. Желающих записалось много, но я хотел, чтобы первыми вошли в него мои друзья.

Было уже назначено первое занятие в клубе Осоавиахима. Мишка и Костя тоже пришли туда и увидели новенький, пахнущий клеем и свежей краской планер.

С переходом на завод я, уже как старший в семье, помогал отцу прокормить мать, бабушку и учившихся в школе четырех братьев и сестру.

В 1932 году меня, Мишку Сихворта и Костю Лобастова перевели инструкторами ФЗУ. Теперь мы сами учили мальчишек и девчонок.

В один из погожих майских дней меня и моих друзей вызвали в комитет комсомола.

— Распишитесь вот здесь, — сказал комсорг ФЗУ и вручил нам красные книжечки комсомольских путевок.

Ошеломленный, я не верил своим глазам: прямо сверху было начертано: «Молодежь, на самолеты!» Я чуть не запрыгал от радости, но меня остановил Сихворт:

— Подожди радоваться. Сначала пройди комиссию.

Мне ли бояться медицинской комиссии? Неужели я зря занимался спортом?

В летные школы отбор был очень строгим, и многим не повезло. Не прошел комиссию Костя, нашли отклонения от нормы и у Мишки. Я один из нашей неразлучной тройки получил

направление в летную школу. Я уже видел себя в самолете; давнишняя мечта вела меня прямо к цели. Ничто уже, кажется, не могло помешать осуществить мое стремление, которым я жил все эти годы.

В конце мая поезд увез меня на запад. Вагоны прогрохотали по мосту через Обь. А там — степь и степь…

Вскоре появились леса, горы. Никогда я еще не видел гор, и эти невысокие хребты казались мне огромными.

Вот они, Уральские горы, под крыльями нашего самолета. Я впервые вижу их с высоты, вижу всю панораму Урала. Самолет снижался. Я оглянулся и увидел сидевшего за мной Речкалова. Он кивнул на окно, радостно заулыбался.

— Смотри! Моя родимая сторонка!

Григорий воскликнул так, что даже сквозь гул моторов все ясно расслышали эти слова.

Под нами был Свердловск. Горы, разноцветная россыпь домов и домиков, вязь улочек и дорог. Трубы и дым заводов. Могучий арсенал страны Урал словно звал нас к себе.

В Свердловске мы имели право задержаться всего лишь на несколько часов.

Что могли показать нам, фронтовикам, поздним вечером руководители большого города? Конечно же, завод, организовать встречу с рабочими. Огромные цехи Уралмаша и сами творцы грозных танков полнее всего представляли тогда Свердловск, олицетворяли единство фронта и тыла.

Мы шли между длинными рядами станков, вдоль поточной линии сборки боевых машин. Под высокие крыши там и сям взлетали голубые сполохи сварки, красные отсветы от раскаленных болванок металла; тяжело грохотали механические молоты, и брызги ярких искр чертили огненные линии; краны медленно несли цельнокованые башни, а где-то беспрерывно ревели моторы.

Кипение труда напоминало бой, наступление на врага. Седые ветераны заводов и юноши, женщины и девушки плавили, обтачивали, ковали металл.

В цехе состоялся митинг. Трибуной для ораторов служил танк. Речи вливались в шум машин. В глазах людей отражались вспышки плавок — горела ненависть к врагу. Наши приветы с фронта, наши заверения разгромить захватчиков на их территории тонули в аплодисментах рабочих, стоящих у «трибуны» и у станков. На лицах людей мы видели усталость, но в трудовом ритме чувствовалось биение неутомимой воли народа, его созидательной энергии.

Нас угостили ужином, и мы отправились на аэродром. Утром

самолет продолжил путь на восток.

После трудных испытаний, после далеких, пройденных с боями дорог родная земля становится еще дороже. Всматриваясь в ее очертания, находишь все новые красоты, с волнением ждешь минуты, когда увидишь что-нибудь знакомое с детства.

Степь. Вьется железная дорога. Дробится, пестрит что-то на горизонте. Это «что-то» оказывается неимоверно большим, оно все растет, надвигается. Неужели это Новосибирск?! Я помнил его гораздо меньшим. Но я не видел его с 1937 года — целых семь лет. Последний раз приезжал сюда из Ленинграда на похороны отца.

Да, это Новосибирск. Пристроившиеся к нашему ЛИ-2 истребители идут совсем рядом — они подняли в небо привет родного города.

Корреспонденты, мои спутники готовятся к приземлению. А я не могу оторваться от окна. С высоты я никогда не видел родной город, но я сотни раз прошел его из конца в конец пешком. Однако сейчас я ничего не узнаю. Аэродром почему-то оказался посередине города, а ведь лежал он за второй Ельцовкой. Что за новые заводы, огромные массивы жилых домов?

Самолет, замкнув круг, пошел на посадку. На земле люди, флаги, блеск медных труб. Неужели все это ради меня? Так встречали, помню, только героев дальних перелетов. Я не покорял полюс, не связывал новыми маршрутами материки. Я сражался за Родину, как многие мои ровесники. Волнение сковывает и заставляет подтянуться. Что скажу им, тысячам людей?

Смолкли моторы. Слышно, как гремит оркестр. Несколько шагов по трапу отделяют меня от матери, жены, от моей земли, а как трудно их пройти, когда тебе рукоплещут, когда звучит торжественная музыка, когда нельзя преодолеть смешанного чувства смущения и гордости.

Кажется, всех обошел, всем, кто был поближе, пожал руку. Но вон там, из-за спин взрослых, проталкиваются мальчишки. Не могу пройти мимо, подался им навстречу. Глазенки их сверкают.

Не так ли и я прилипал взглядом к каждому летчику с того дня, когда впервые увидел самолет? И не так ли у кого-то из них в эти минуты рванулось сердце в голубую высь?..

Только после митинга, наконец, очутился рядом с матерью и женой. Многое готовился им сказать, но слов нет. Радостно видеть их, побыть вместе, думать о том, что впереди есть несколько дней, принадлежащих нам. В наших руках цветы, ярко светит солнце теплого осеннего дня. Наверно, состояние души, какое было у меня теперь, люди называют счастьем. Мария говорит, что ей трудно было ждать этого дня. Марии уже тяжело

поспевать за всеми, и я думаю о том, что жене в таком положении особенно необходима ласковая забота мужа.

По дороге домой, в машине, слушая рассказ матери о братьях, я вспомнил о Петре, но пока умолчал о нем. Расспросил о том, как она сама отремонтировала крышу нашего дома.

Не доезжая до центра, машина раньше, чем нужно было, свернула в улочку.

— Куда же мы едем?

Теперь я замечаю по улыбкам, что от меня что-то скрывают, все хранят какую-то приятную тайну. Мне никто не ответил.

— Сейчас узнаешь куда, потерпи немножко, — говорит секретарь обкома Михаил Васильевич Кулагин.

Улицу запрудила толпа. Мы остановились. Председатель горисполкома Хайновский подходит и говорит, что мою семью переселили в новый дом.

Я поблагодарил товарищей за заботу, но дома пока не вижу: люди окружили, обступили так плотно, что некуда сделать шага. И здесь радостные лица, теплые приветствия, цветы, пожилые новосибирцы и ребята, ребята! И всем надо сказать спасибо за внимание, за сердечность. Какие добрые, какие хорошие люди живут в моей родной стороне!..

В доме просторно, светло, уютно. На стенах фотографии, которые я помню с детства. Мать остановилась перед ними, посмотрела на меня, не вытирая слез. Наверно, вспомнила всех нас, братьев, маленькими, вспомнила об отце, о тяжелых временах своей жизни.

— Когда вы съедетесь ко мне все, родимые мои? Я помолчал, потом решился:

— Все-то, пожалуй, никогда, мать. Петра, считай, уже нет.

— Нет?

— Встретил я одного на фронте. Вместе с Петькой нашим служил…

— Сердце мое чуяло, что погиб Петенька! Прямой он был, не обходил трудного. И за тебя вот… — Она не договорила, захлебнулась слезами.

Я обнял ее, долго гладил по голове, как девочку:

— Ничего, мать, я, видно, заговоренный. Уеду вот… ненадолго теперь уж… А потом вернусь… вернусь…

Потом Мария показала мне свою комнатку. Фронтовые фотографии напомнили нам о других днях. Нам бы присесть у окна — мне так много надо рассказать о наших общих друзьях, о пережитом без нее, о своих чувствах, но надо принимать гостей,

Стол уже накрыт, гости идут и идут…

За обедом Михаил Васильевич Кулагин спросил меня:

— Какой мы план работы примем?

— Работы? Не отдыха?

— Нет, Александр Иванович, не отдыха. — Он вздохнул. — Что поделаешь? Ждут на заводах, в учреждениях. Не на полчаса — побольше! Чтобы объехать все, нам понадобится месяц.

— Мне дали пять дней.

— Знаю. Вот четыре дня людям, один себе. Согласен?

— Если так нужно, конечно.

Заиграла гармошка, с ней соперничает гитара. А вот и запели сибиряки.

Родная песня! Давно я не слышал тебя такой, какой ты звучишь, льешься, окрыляешь душу, зовешь на простор, здесь, в Сибири!

И можно ли острее испытать радость, чем испытываю я сейчас? После напряженнейших, тяжелых боев, после ада войны, после страшного хоровода смерти побывать дома и (чего там скрывать?), гордясь своей славой, ощущать на себе ласковый взгляд матери, чувствовать тепло руки любимой, видеть друзей юности, сверстников-товарищей и слышать песню, с детства родную, грустную и просветляющую:

Эй, баргузин, пошевеливай вал,

Молодцу плыть недалечко.

Существует непередаваемое духовное единение с людьми родного завода, отдавшими тебе частицу своих сил, своего опыта, которым и ты оставил что-то свое. К осуществлению моей заветной мечты я пришел через классы и мастерские фабзавуча, через новостройки и цехи Сибкомбайна. Крылья летчика подняли меня к высокой славе, я возвратился в свой город трижды Героем, и первые слова признательности за то, что меня учили, воспитывали, хотелось сегодня сказать своему заводу. Я должен был разделить свою радость со всеми, кто трудится у станков на меня, на многих.

Прошел по городу, его главным улицам. Осмотрел здание и прекрасный, просторный зал театра оперы и балета, готовившегося к открытию. Как просто звучат эти слова и какой необыкновенный смысл они содержат! Оказывается, еще до Сталинградской битвы, когда Гитлер хвастался, что сотрет с лица земли нашу страну, нашу культуру, было принято решение о достройке этого величественного театра! Кому, кроме советского народа, такое под силу?!

Это поражало воображение, наполняло сердце гордостью. Но меня тянуло на Сибкомбайн.

Во время беседы в заводоуправлении директор сказал, что Сибкомбайн работает на победу, что в его цехах выпускают

оружия больше, чем выпускали все заводы России в 1913 году. Когда я на фронте брал в руки снаряды, патроны, блестевшие чистой медью, всегда задумывался: сколько их расходуется в один день, как успевают обеспечить ими каждый аэродром, каждый танк, каждого бойца? Сейчас передо мной был родной завод. Он сумел с первого дня перестроиться на военный лад.

— С чего начнем? — спросил директор.

— С фабзавуча, — ответил я, ибо рядом со мной стоял Бовтрочук — теперь он начальник цеха.

Мой сверстник улыбнулся.

Бовтрочук и Ломов со вчерашнего дня не расстаются со мной. Они уже рассказали о себе, о том, как стали специалистами, сообщили, кто теперь где из наших товарищей.

Узенькие коридоры, низкие комнаты класса. Неужели они всегда были такими? Приятно очутиться у того стола, где ты отвечал урок, у станка, где сдавал первую отшлифованную деталь.

Ребята плотно окружили, смотрят, ждут, что скажу. Я пожелал им успехов в учебе и попросил:

— Дайте-ка мне напильник, друзья!

— Не забыл ли? — бросает мне широкоплечий Ломов.

— Попробую…

Фабзавучники теснятся, ищут щелку между сомкнутых плеч, чтобы проследить за моей работой. И мастер — моего учителя я, к сожалению, не застал — косит требовательным взглядом: не испорчу ли ценную заготовку? Пришлось, конечно, постараться. Ну, принимай деталь. И вот она в руках мастера, по ней забегал кронциркуль. Под общий смех и гул одобрения объявляется оценка.

Нет, не забыта наука, полученная в этих стенах! И мне очень дорого это признание. Теперь я здесь свой, фабзавучники окружают меня еще плотней, приглашают посмотреть общежитие, столовую…

— До свиданья, фабзайцы!

Мы идем вдоль разрытых котлованов, недостроенных стен — завод разрастается. Но вот и огромные корпуса, которых не было. Здесь голос металла, механизмов, клокотанье труда. Дым, вспышки, звон, шум, движение. Но все это сразу отступает, когда поднимается волна радостных восклицаний собравшихся на встречу. Люди создали этот завод-гигант, они дали фронту оружие, они ждут от нашей армии полного разгрома врага. Их вдохновляют наши победы в боях, меня восхищает их труд, поток оружия, идущего из моего родного города к берегам Вислы.

Они показывают мне свои станки, совершенные автоматы, я

пожимаю им руки, разглядываю уставшие, бледные лица. Молодая женщина смотрит на меня полными слез глазами и тут же отводит взгляд в сторону, наклоняется к станку. Сделав несколько шагов, я оглянулся. Женщина, обхватив ладонями лицо, плачет.

— Вчера получила извещение о своем, — тихо говорит Бовтрочук.

Тыловой город чувствует войну и трудностями, и напряжением в работе, и жертвами.

Передо мной наспех написанный броский плакат: «Трудиться для победы, как сражается Покрышкин!» Улыбающиеся девушки в красных косынках, совсем похожие на тех, которые помнятся со времен первой пятилетки, преподносят мне сибирские осенние цветы. Хочется задержаться у их станков, рассказать о парнях-летчиках, я не прочь назвать даже имена моих друзей из 16-го, которым порой не хватает ласкового письмеца, но впереди такие же лица, девушки, ожидающие у станков рабочие. Они тоже хотят увидеть три Золотые Звезды на груди их земляка…

На второй день — другие заводы, иные встречи. В одном из цехов я заметил девочку лет четырнадцати, которая стояла перед кучкой небольших деталей и утирала глаза.

Я спросил ее:

— Что случилось?

Она быстро оправилась от растерянности, привела себя в порядок. Ответила все так же, сквозь слезы:

— Да вот, старалась, и не признали меня первой в соцсоревновании.

— Стоит ли так переживать!

— Я всегда занимала первое место, а сейчас вот…

— Что же ты делаешь? — спросил я.

Она, маленькая ростом, шустрая, сразу воспрянула духом, быстро взяла несколько деталей, сложила их, и я увидел краник из бронзы.

— Притираю, чтобы плотно приставали… Чтобы не было течи.

Удержаться от похвалы ее искусству я не мог, не имел права. Ведь эта, казалось бы, незначительная работа ее еще детских рук непосредственно относилась к боевому делу, она влияла на судьбу каждого летчика. Мы-то знаем, чем угрожает самолету пусть самая маленькая течь в бензокране.

Директор заметил, что эта девочка — лучший специалист на заводе по этому делу, и я от души поблагодарил ее от имени летчиков.

Митинги на заводах, встречи в школах, учреждениях забрали

почти все время. Пришел срок улетать на фронт. Обком партии «выпросил» у маршала Новикова еще «один денек для комсомола», городские организации которого на самом деле заслужили благодарное слово фронтовиков. За время моего пребывания в Новосибирске они развернули сбор средств на подарок гвардейцам-летчикам. Двенадцать миллионов рублей внесли мои земляки на приобретение самолетов для летчиков нашей дивизии.

Вот она, юность Новосибирска!.. Люди пришли сюда, чтобы передать горячий привет воинам нашего фронта. Пламенные речи, вдохновенные лица, крепкие рукопожатия. Бушует море рукоплесканий. Я смотрю, слушаю и мысленно переношусь к своим товарищам, на аэродром у Вислы. Титанический труд сотен тысяч этих людей, их ненависть к врагу поднимают нас, ведут в бой.

Я говорю об этом юношам и девушкам, я заверяю их, что мы готовы отдать свою жизнь за то, чтобы победила наша страна, чтобы расцветали мой город и другие города и села, чтобы молодежь наша больше никогда не знала войны.

На митинге избирается делегация молодежи, которая направляется одновременно со мной в Москву для вручения подаренных самолетов.

Утром, очень рано, в холодной мгле, у нашего ЛИ-2 я снова вижу знакомых людей. Они желают боевых успехов на фронте, жена и мать — скорейшего возвращения домой.

Кинооператоры задерживают камеры на нас с Марией, а нам тяжело, очень тяжело расставаться. Шесть дней промчались, как один день. Мы не успели даже обо всем переговорить.

До свидания, родная сторона! До встречи, близкие мои!

На фронт!

По пути подобрали в Свердловске Речкалова. В Москве получили ЛА-7 и вскоре вылетели на фронт.

Мокшишув я узнал издалека. Когда мы приземлились, сбежался весь полк. Красивые, мощные истребители вызывали гордость — они были намного лучше «аэрокобр».

Хозяин дома, увидев меня, поднялся с завалинки. Мне показалось, что он хочет что-то сказать, я даже приостановился перед ним. Но он, заметив три звезды, только выпрямился и вдруг, торчком поставив руку, по-польски отдал честь. Меня тронула его искренность.

В комнате на столе лежала целая кипа газет. Рассматривая их, наткнулся на снимок, под которым стояла подпись:

«Подарок будущему ребенку трижды Героя».

Сибирячки преподносили Марии распашонки. Снова все

ожило в памяти. Дни, проведенные дома, отозвались добрым эхом здесь, на польской земле:

«Ребенку…» Теперь очень часто буду об этом думать.

Сегодня канонада переднего края слышится в моей хате раскатами позднего грома.

22. Затишье перед бурей

Железный узел фронтов все туже стягивался вокруг фашистской Германии. С севера наши войска подступили к Пруссии, с юга надвигались через Венгрию, Чехословакию. Плечом к плечу с нашей армией вставали народные вооруженные силы Польши, Румынии, Болгарии, Югославии. С нами рядом воевала армия чешского генерала Свободы.

Осень сорок четвертого года уже писала приговор тем, кто развязал войну и натворил в мире столько бед.

На нашем фронте прочно держалось затишье. Истребители изредка вылетали на прикрытие передовых позиций. Но чем дальше на запад продвигались войска соседних фронтов, тем больше чувствовалась необходимость наступления с сандомирского плацдарма.

Весь октябрь, солнечный и теплый, на аэродромах не утихал гул тренировочных полетов. «Аэрокобры» теперь все чаще отдыхали, «Лавочкины» не остывали с утра до вечера. Переучивание на новые машины стало нашей первой боевой задачей. ЛА-7 для всего полка еще не поступили, их ожидали со дня на день. Но даже если они прибудут не скоро и нам придется продолжать войну на «кобрах», все равно тренировки на отечественных истребителях пойдут впрок. Предстояла решающая битва. К ней надо было готовиться.

После каждой паузы в боевых действиях перед очередным наступлением я всегда испытывал такое чувство, словно впервые включался в войну. Поздней осенью и зимой в этих краях много дней хмурых, с туманами, внезапными снегопадами. Поэтому наши летчики снова засели за освоение опыта полетов при плохой погоде, воздушных боев под облаками, «свободной охоты». Молодежь слушала рассказы бывалых, со «старичками» занятия проводил я.

Опыт нашей дивизии пригодился для всей воздушной армии — газета «Крылья победы» на своих страницах открыла обсуждение нашей «боевой школы». К нам снова зачастили корреспонденты, писатели, кинооператоры. Статьи наших летчиков о взаимодействии истребителей в паре, о перехвате, атаке, разведке не сходили со страниц газет. Пришлось и мне немало вечеров провести за рабочим столом.

В эти дни много было работы политотдельцам. партийным и комсомольским организациям. Поход за границу, в чужие страны требовал укрепления воинской дисциплины, понимания всеми бойцами почетной миссии воина нашей страны.

Политотдел организовал поездку летчиков и техников для осмотра гитлеровского концлагеря в Майданеке. Когда машины с людьми возвратились домой, прямо на аэродроме возник митинг. Слова сами рвались из сердца. Наши авиаторы своими глазами увидели «новый порядок», насаждаемый фашизмом в Европе. Пепел сожженных, трупы заживо зарытых в ямах (об этом можно было судить по их позам), огромные склады обуви тех, кто замучен в лагере (а там замучены и тысячи детей), звали к уничтожению страшной коричневой чумы.

В английской печати в это время публиковались призывы сердобольных леди к всепрощению гитлеровских палачей. Летчики, посетившие концлагерь в Майданеке, отвечали английским буржуа готовностью сполна расплатиться с фашистскими инквизиторами.

Тем, кто творил зверства, прощения быть не могло.

Однажды, возвращаясь из полка домой, я увидел журналиста Юрия Жукова. Он прибыл к нам, чтобы продолжать знакомство с летчиками и работу над своей книгой об авиаторах. Ему необходимо было непосредственное общение с летчиками, наши советы.

Мы вместе приехали на аэродром 16-го полка, я представил корреспонденту Клубова. О нем я много рассказывал журналисту в Москве, в самолете по пути в Новосибирск. Именно о таких летчиках, считал я, надо писать книги. К концу октября на счету Клубова было тридцать девять сбитых вражеских самолетов. Командование уже представило его к званию дважды Героя.

Час спустя мы с Клубовым были на полигоне, расположенном вблизи аэродрома. Истребители, находившиеся в воздухе, пикировали, прицеливались и стреляли по мишеням — квадратам, посыпанным белым песком. Когда в небе затихало, мы проверяли попадание. Клубов радовался: летчики стреляли отлично.

Вечером в том помещении, где жили летчики, демонстрировался американский фильм «В старом Чикаго». Он привлек зрителей из госпиталя и из соседних частей. Кинопередвижка немилосердно тарахтела. Люди стояли, сидели на полу. Со стен на них хмуро смотрели портреты польских графов. В не застекленные еще окна задувал прохладный ветер. Потом играл духовой оркестр, который привезла сюда из соседнего села комсомольский работник политотдела Ирина Дрягина — популярная среди молодежи дивизии своими неисчерпаемыми затеями.

Гудел барабан, резко брали высокие ноты трубы. Но для танцев такая музыка была подходящей. Кружились все, кто мог

поместиться в зале полуразрушенного помещичьего дома. Здесь когда-то гремели мазурки, теперь танцевали вальсы, фокстроты. Но это не удовлетворяло наших рьяных чечеточников.

— Давай «Сербияночку»! — потребовал Андрей Труд. Когда этот лихой танец вовлек многих парней и девушек, когда барабан уже не в силах был заглушить топот ног, позвякивание медалей, горячие восклицания, я вдруг заметил Клубова. Он стоял один, прислонясь к стенке. Его обожженное лицо при тусклом свете было грустным.

О чем он думал? Я никогда не видел его таким отрешенным и подавленным. Неужели человек способен предчувствовать несчастье?

Почему я в тот вечер не подошел к нему, не заговорил с ним, не развеял его мрачные мысли?

Дома я долго размышлял о нем, старался представить себе этого человека после войны, в семье.

Счастье мирной жизни Клубов уже оплатил тяжелыми испытаниями. Ребята рассказывали, как трудно он перенес ожог лица. Оно все было забинтовано. Кормили его друзья — заливали ему в рот сквозь прорезанный бинт жидкую пищу.

Девятнадцать лет спустя я прочел в книге Юрия Жукова «Один МИГ из тысячи» о том, что говорил ему Александр Клубов в свою предпоследнюю ночь. Его высказывания напоминали исповедь человека перед друзьми, перед Родиной. «Нашему народу не нужно с нас, летчиков, иконы писать. Ты так о нас расскажи, чтобы любой школьник прочел и подумал: „Да, трудное это дело. Но если с душой взяться…“

Он был чистый, могучий человек… Да, я говорю наперед, он был… Если бы его не подвела машина… Но он погиб. Нелепо и трагически погиб.

В самолете, на котором он тренировался, отказала гидросистема. Я видел, как Клубов раз зашел на посадку и не сел. Он проскочил посадочный знак, наверное, потому, что не выпустились закрылки, уменьшающие скорость.

Когда он пошел на второй круг, я уже не мог заниматься ничем другим и напряженно следил за ним. (Я был тогда в штабе корпуса.) Над крышей как-то тревожно прогудел «Лавочкин», набиравший высоту. Через несколько минут он опять зашел на посадку. И на сей раз он немного перетянул, но колеса шасси уже «схватились» за землю, помчали. Увидев это из машины, я облегченно вздохнул и подумал уже, что зря волновался. Когда с самолетом в воздухе не все в порядке, тебе, на земле, кажется, что ты сам летишь в нем.

— Он скапотировал! — закричал шофер.

Я успел увидеть, как самолет медленно переворачивался «на спину».

Когда мы подъехали к месту происшествия, Клубов лежал под самолетом.

Мы извлекли его оттуда. Он еще дышал. Приехавший врач спасти его не мог.

Ему покорялось огромное небо. А торфяное болотце, в которое закатился самолет и увяз колесами, принесло ему гибель,

Вся дивизия оплакивала Клубова. Он лежал в гробу, установленном перед ЛИ-2. на котором мы должны были перевезти его во Львов. Все техники, летчики сошлись сюда, чтобы проводить товарища в последний полет. Над нами с грохотом проносились истребители, стреляя в воздух длинными очередями из пушек и пулеметов. Казалось, они пытались растерзать пулями и снарядами саму смерть, впервые навестившую полк после того, как он остановился в селе у Вислы. Она отступала перед Клубовым, бежала от него прочь, когда он носился в небе, и подстерегла, когда он оказался на земле.

Мы, его друзья, произносили речи, не стыдясь мужских слез, говорили о бессмертии храбрых и честных воинов. Трофимов, Труд, Иванков — ведомый Клубова, защитивший его в десятках атак, — поднялись в самолет вместе с другими, чтобы проводить тело Героя на родную советскую землю.

Через несколько дней после гибели Клубова, как раз перед Октябрьскими праздниками, радио передало Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его второй медалью «Золотая Звезда». Он был отмечен этим высоким званием как живой. Мы потом всегда представляли себе Клубова только живым, только стоящим плечом к плечу с нами.

В моей жизни Клубов занимал так много места, я так любил его, что никто из самых лучших друзей не мог возместить этой утраты. Он был беззаветно предан Родине, авиации, дружбе, умный и прямой в суждениях, горячий в споре и тонкий в опасном деле войны.

Октябрьские праздники, прошедшие в наших частях с таким же подъемом, как и во всей стране, тоже не раз напоминали нам о том, что среди нас нет Клубова. В праздничные дни к нам как-то нагрянули целой гурьбой танкисты, стоявшие в соседнем селе. Они помнили Клубова по его боям под Львовом — он не раз там очищал небо от немецких бомбардировщиков.

— Что же вы не уберегли такого сокола? — спросили танкисты летчиков.

— Мы-то берегли. Машина не пощадила.

— Самолет? — возмутился танкист. — Тоже мне машина. Я

на своем броневике одним заходом передавлю все ваши самолеты. Разве можно допускать, чтобы они людей гробили?

Танкисты не могли успокоиться, узнав, как погиб их любимец.

Сразу же после праздников Красовский созвал на большой сбор командиров авиасоединений. Я встретил здесь уже знакомых военачальников.

Занятия начались с «проигрыша» условной военной операции. За огромным столом с рельефной картой стояли командиры корпусов и дивизий. Перед нами ставились задачи взаимодействия с танками, артиллерией, пехотой. Лучше всех эти задачи решал генерал И. С. Полбин. Он чувствовал себя здесь так же уверенно, как над полем боя, в самолете, легко схватывал узловые ситуации наземного наступления, быстро находил объекты для «ударов» с воздуха.

Командиры оперировали большими силами авиации, и всем было ясно, что у нас, как и у наземных войск, достаточно боевой мощи для сокрушения обороны немцев на Висле. Командование заботилось теперь о том, чтобы тщательной подготовкой операции сократить наши потери в людях и технике. Наш народ отдал слишком много жизней, чтобы выйти на эти рубежи войны.

На сборе, во время перерыва, мне подали телеграмму. Я мельком взглянул на текст и, торопясь в класс, сунул в карман. Меня поздравляли с прошедшим праздником новосибирцы. Таких телеграмм в эти дни поступало много. О весточке из дому я вспомнил снова, когда уселся за стол, чтобы слушать лекцию. Вынул телеграмму, прочел: «…Поздравляем. Дочка. Жена чувствует себя хорошо». Дочка? Так у меня теперь есть дочка! Я уже отец!..

Новое, незнакомое чувство переполнило душу… Я, кажется, обратил на себя внимание соседей. Горегляд посмотрел на телеграмму, которую я держал в руках. Еще кто-то прочел ее. По классу прошел шепоток.

Читавший лекцию генерал Утин умолк, потом спросил:

— В чем дело? Что за шум? Поднялся Горегляд:

— Товарищ генерал, извините. Тут новость. У Покрышкина дочь…

Дружные аплодисменты, поздравления были явно вне программы занятий. Утин продолжал лекцию. Когда лекция кончилась, наступило время обеда. Все окружили меня. Ничего не скажешь — с молодого отца причиталось.

За столом было найдено и всеми одобрено имя дочери — Светлана.

Генерала Утина, который назвал его первым, тут же

провозгласили «крестным отцом».

Оставшись наедине, я несколько раз перечитывал телеграмму, находя в ее тексте новые важные подробности. Мне представлялись дочурка, жена, весь наш дом, наполненный чем-то солнечным.

Но надо было ехать на полигон. Там начинался заключительный этап сбора — полеты на прицельное бомбометание, штурмовки, стрельба по мишеням.

Лес. Полянки. Красные флажки, обозначающие границы опасной зоны. Вышка для наблюдений. Телефоны… Полигон оборудован отлично.

Генералы, полковники, подполковники, пожилые и молодые люди разных званий и возрастов собрались здесь, на наблюдательном пункте, и там, на аэродроме, откуда дается старт самолетам. Правда, наблюдающих гораздо больше, нежели тех, кто согласился сесть в боевой самолет. Некоторые генералы уже совсем отвыкли от штурвала, другие не решаются вступить в соревнование.

Первым поднялся в воздух Полбин. Он командир и лучший бомбардир своего соединения. О полетах, о расчетах при пикировании он говорит с огоньком, при одном упоминании об этом преображается, молодеет. Летая ведущим больших групп, Полбин пришел к выводу, что «пешки» могут пользоваться совсем новыми приемами: вместо того чтобы высыпать бомбы все сразу, им можно встать в круг, как делают ИЛы, и бить по объектам противника прицельно каждой бомбой. Впоследствии этот прием был назван «вертушкой». Хорошо запомнил враг эту «вертушку».

Полбин заходил на цель. Глубокое пикирование. Взрыв. Самолет взмыл, пронесся над нами, покачав крыльями. Наблюдатели передали, что цель поражена отлично. Появившегося вскоре Полбина все от души поздравили с успехом.

Вот отправились на работу штурмовики. У них трудная задача. По трем рядом расположенным мишеням надо ударить сначала бомбой, потом реактивными снарядами и под конец из пушек и пулеметов. Рязанов и Каманин гордятся мастерством своих коллег. Сами, как говорится, уже отлетались.

Настал наш черед побывать в воздухе. Для нас подготовлена своеобразная цель: среди кустов поставлены бочки, набитые паклей, пропитанной бензином. Меткому стрелку нет надобности ждать сообщений с полигона: о его попадании сразу возвестит победоносное пламя. Но попробуй-ка попади в бочку с круто падающего истребителя!

Отстрелялся один, другой, третий, а бочки стояли целехонькими. Пришло время лететь мне. Моя задача

неожиданно усложнилась тем, что все истребители «промазали». Надо было спасать нашу репутацию. Это волновало. А волнение всегда мешает в таком деле. Я отношу себя к тем людям, которые владеют собой, умеют укрощать возбужденные чувства. Как это делается — не знаю. Возникает сложное психологическое состояние. В подобные моменты я стараюсь переключать свои мысли на что-то другое, подумать о чем-то светлом, хорошем.

И теперь, садясь в самолет, я перестал думать о том, что кто-то не попал, что мне обязательно надо поджечь эти проклятые бочки. Я вспомнил о телеграмме из дому, о маленькой дочурке. Да, она будет названа прекрасным русским именем.

Навстречу движется рыжим пятном дубняк. Скоро увижу бочки.

…Когда же закончится война? Какой я увижу свою дочь? Когда мы с Марией возьмем ее за ручонки и поведем по зеленой, мягкой траве? Какая густая, высокая трава вырастает на таежных полянах! Сколько огоньков расцветает на них весной!.. Скоро увижу бочки…

Полигон открылся внезапно. Я ищу цель. Сначала нужно пройти так, чтобы присмотреться, прицелиться. Я спикировал, перевалив нос машины, и сквозь прозрачный круг пропеллера увидел точку. Она быстро приближалась, увеличиваясь в размерах. Уже можно стрелять. Там, на наблюдательном пункте, генералы ждут моих очередей, ждут эффектного попадания. В эти секунды я почувствовал, что обязательно подожгу бочки, я воспринимал их сейчас, как настоящие цели, которые необходимо поразить. Не для впечатления, не для репутации истребителей. Пули посылаются на землю не для этого!.. И все-таки я ощущал на себе взгляды тех, кто ожидал от меня демонстрации.

Вот они — бочки с порохом, взрывчатка, ящики со снарядами — в общем, что хотите, только не «игрушки». Я их прощупал взглядом, я возненавидел их и сейчас уничтожу. Пикирую по-своему, с переменным профилем. Бочка в прицеле.

Очередь — на земле вспыхнуло пламя. Второй заход, вторая атака, очередь — второй костер.

Теперь можно пронестись над зрителями совсем низко, чтобы все почувствовали, что такое истребитель.

Прекрасно на душе, когда возвращаешься из полета, совершив что-то нужное и для себя и для товарищей.

Началась европейская сырая, неуютная зима. Она настигла нас в том же селе, в которое перелетели жарким летом. Кажется, нигде мы так долго не засиживались на одном месте. Затишье на фронте, неподвижность угнетали; желание идти вперед, сражаться переполняло душу.

Когда полили дожди и залегли тяжелые туманы, мы ожидали начала наступления с похолоданием, с первым морозцем. Но декабрь не оправдал наших надежд — снежинки, скользя в воздухе, таяли, не долетая до земли.

Поняв, что наступление на нашем фронте, стоявшем на главном направлении, зависело от событий на всем театре войны, мы внимательно следили за ними. В начале декабря Советский Союз заключил договор о союзе и взаимной помощи с Францией. Указывалось, что этот договор должен служить «конечной победе над гитлеровской Германией». «Очень хорошо. Значит, скоро пойдем вперед», — рассуждали фронтовики. Но затишье продолжалось. На юге Второй и Третий Украинские фронты, освободив Белград, окружали Будапешт, продвигались к Австрии, еще одной державе — союзнице Германии в этой войне. Во второй половине декабря газеты сообщили о большом наступлении немцев в Арденнах. Их первые контрудары заставляли союзников, недавно открывших второй фронт, откатываться на запад.

В Будапеште гитлеровцы расстреляли советских парламентеров, не пожелав вести переговоры о капитуляции окруженного гарнизона. Неслыханная подлость!

Мы с жадностью вслушивались в последние известия. Будут ли остановлены американскими и английскими войсками немецкие дивизии, рвущиеся к Льежу и Антверпену? Если нет, второй фронт будет фактически обесценен и немцы бросят против нас новые силы. А радио передавало: за восемь дней немцы продвинулись на девяносто-сто километров. «Не повторится ли Дюнкерк?» — спрашивали мы, ожидая на Висле совместного наступления на Германию.

Новый год мы отпраздновали в Мокшишуве. Польская елка ничем не отличалась от нашей, сибирской. Под поздравительной телеграммой из Новосибирска «подписалась», кроме мамы и Марии, еще и дочка. А тост всюду повторялся один: «С Новым годом — годом близкой победы!»

Продвижение немецких войск в глубь Бельгии усиливало напряжение. В эти дни, как стало нам известно потом, премьер-министр Англии Уинстон Черчилль встревоженно писал И. В. Сталину о тяжелых боях на Западе, спрашивал, когда союзники могут рассчитывать «на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте». В ответ Черчиллю говорилось о том, что в этом наступлении «очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации», но что для этого требуется «ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести

прицельный огонь». Однако, учитывая положение союзнических войск на Западном фронте, Верховное главнокомандование решило срочно закончить подготовку и, не считаясь с погодой, начать широкие наступательные действия. 7 января была обещана нашим союзникам помощь, а 8-го стоявшие у Вислы авиаполки уже получили приказ перелетать на сандомирский плацдарм, к самому фронту.

За два дня здесь все пришло в движение. Под покровом темноты войска перебирались за Вислу, уточняли планы, изучали район наступления. Вместе со своим штабом и я переехал ночью по вислинскому мосту.

Темень грохотала, дороги были забиты — к переднему краю шли танки, машины с боеприпасами, обозы. Грязь, ямы, колдобины, рев, треск, ругань и белый снежок на башнях, лафетах, спинах солдат, короткое мигание фар и — медленное продвижение вперед. За Вислу. Ничто не способно было остановить эту живую реку, слившуюся с ночью.

Задача нашей дивизии — прикрывать танковую армию П. С. Рыбалко. Эту слишком общую задачу надо было конкретно разработать вместе с оперативным отделом штаба танковой армии. Чтобы явиться к ним для разговора не с одними картами, я решил проехать на машине вдоль переднего края того участка, где танкисты будут прорывать вражескую оборону.

«Виллис» подбрасывает на мощенной бревнами дороге, он весь обрызган грязью и обмерз. У меня уже все болит внутри от тряски. Но до указанного нам пункта еще далеко. Упираюсь ногами, жмусь к спинке, остаюсь на весу, чтобы дать облегчение телу.

Проезжаем у самых огневых позиций артиллерийских батарей. Их вид заставляет забыть обо всем: орудие возле орудия, прямо на равнине. Снежок чуть припорошил их, вот и вся маскировка. Торчат стволы крупнокалиберных минометов. «Катюши» тоже стоят в ряд, нацеленные на запад.

Я тороплюсь к своим танкистам. Кажется, что вот сейчас прозвучит команда и грянет бой, а я останусь ни при чем, в стороне. Надо торопиться — на аэродромах ждут моих уточнений штабы полков, летчики.

Въезжаю в лесок — ни проехать, ни протиснуться. Танки, танки, танки… Ребята греются у костров. Точно такая картина, какую я наблюдал с воздуха осенью 1942 года, под Ростовом. Куда ни взглянешь — железо. Земли не видно. И вдруг спрашиваешь себя: почему так беспечно сгрудились танкисты, стоит на открытом месте артиллерия? Да потому, очевидно, что теперь у всех есть полное доверие к небу — оно стало их

надежной крышей.

В землянке штаба армии Рыбалко тепло, многолюдно. Знакомство короткое — мы уже «работали» вместе на поле боя, виделись на земле.

Разостланы огромные карты. Я посмотрел на длинные, мощно выгнутые стрелы, и меня взяла оторопь: вот оно — поле грядущей битвы, уже существующей в умах, в планах, в расстановке сил, в дремлющей где-то огневой мощи бомб, снарядов, мин. Один сигнал приведет сразу все в действие.

Мне рассказали, где, в каком месте танки вводятся в прорыв после артподготовки, какая ставится первая задача, вторая, третья. Они отмечены на карте, привязаны к местности.

— Каково ваше мнение? — спросил начальник штаба, обращаясь ко мне и переводя взгляд с карты на меня.

Мое мнение? Все замечательно, здорово, но дивизия, очевидно, сможет прикрыть танки только на главном направлении удара. Ведь ответвлений от него больше, чем веток на ином дереве. Мне очень подробно объясняют направление удара главной группировки танков, называют день и часы, когда она должна достигнуть определенных рубежей.

Мы, летчики, еще никогда так детально не согласовывали своих действий с танкистами. Теперь надо довести этот план в общих чертах до каждого командира эскадрильи, до каждого летчика. Они должны заранее представить себе, где проходят на земле эти мощные гнутые стрелы, изображенные на картах. Так ясно представить, чтобы потом, во время полета, всегда видеть их с воздуха.

Утром я расстаюсь с танкистами, чтобы вскоре встретиться с ними в иных условиях. «Виллис» опять тарахтит по мощеной, тряской дороге. Навстречу идут и идут колонны машин, и нам приходится иногда сворачивать и стоять, ждать «просвета».

Когда, наконец, добираюсь к своим, на аэродром, мне кажется, что я попадаю в совсем новый мир. У нас тишина, безмолвие. Медленно кружат снежинки и ложатся на крылья самолетов.

Я чувствую эту тишину и, как никто другой, знаю, насколько она обманчива. Скоро ее взорвут, растерзают в одно мгновение.

Тишина перед бурей. Той самой бурей, которую мы с нетерпением ждем.

23. Под нами Германия

Мы знали, что это будет прорыв на территорию Германии. Она именовалась логовом врага. О родине великих мыслителей, писателей, композиторов, художников, изобретателей говорили теперь только так, ибо нашей стране гитлеровская армия принесла неисчислимые страдания. Каждый фронтовик, кому судьба подарила счастье дойти сюда, до Вислы, в это январское серое утро поднимется из окопа. оглушенный канонадой, выведет свой танк из укрытия, взлетит в воздух, не видя земли из-за дыма и тумана, с кличем:

— На Берлин!

Поздно вечером 11 января в дивизию прибыл офицер связи из штаба корпуса и привез приказ: наступать завтра утром. Оставалось несколько часов тишины. Она по-прежнему надежно скрывала тайну командования. Наши полки были готовы к вылетам. У переднего края, рядом со штабом танковой армии, уже второй день находился представитель нашей дивизии Герой Советского Союза Вишневецкий вместе с радиостанцией.

…Грохот, вдруг возникший на рассвете, непрерывно нарастал, он напоминал нескончаемый обвал в горах. К нам на аэродром долетали только его звуки, а на позиции врага он обрушивался сокрушающим огненным смерчем.

Часам к девяти канонада начала утихать и отдаляться. Можно было выпускать самолеты на прикрытие танков, входивших в прорыв обороны врага, и на разведку.

Первую четверку повел Жердев. Он умел хорошо ориентироваться при низкой облачности, искусно маневрировать под обстрелом зениток.

Через час на аэродром возвратились трое. Сухов вылез из самолета и замер на месте. От напряжения глаза его были красными. К нему подошли летчики. Из его рук выскальзывал планшет, который он держал перед собой. Он заговорил подавленным голосом:

— Жердева подбили! Он врезался в землю, как снаряд. На их территории. Так все неожиданно произошло… Надо бить по зениткам!

Вот что принес нам первый вылет в этом наступлении! Прощай, наш дорогой соратник!

— Там сплошной дым, — продолжал Сухов. — Наши танки мы еле обнаружили: только пролетели над ними, наскочили на сплошной заслон зенитного огня. Сверху нас прижимали облака. Маневрировали, бросали машины в стороны.

…Малыми группами мы летали целый день.

Наступление разлилось на большом просторе. Этот простор наземным войскам дали неудержимые лавины танков, авиации — хорошая погода. На третий день штабы, полки, тылы, резервы двинулись вперед. Теперь наше взаимодействие зависело исключительно от оперативной связи, точной информации, быстро принятых решений. Все снялось с места, все в движении. Плечо соседа, рука поддержки должны ощущаться в каждом шаге.

Во время следования за штабом Рыбалко в пути погиб майор Вишневецкий. Я отправился на своем «виллисе» по разбитым, запруженным дорогам догонять нашу радиостанцию.

Черная развороченная земля, срезанные снарядами верхушки деревьев, вывороченные бревна… Это остатки оборонительных укреплений противника. Танки своими гусеницами здесь проложили первый след, и он быстро превратился в накатанную дорогу. Чуть сверни — подорвешься на минах или свалишься в воронку. Только по ней единственной я смогу настигнуть притаившиеся где-то под хатами или в лесу штабные машины Рыбалко. Этот умный, прославленный командарм, говорят, очень заботится о маскировке танков.

Я, наконец, настиг оперативную группу Рыбалко, разыскал своих. Рация снова превратила меня из щепки, которую несла река наступления, в командира.

В районы будущих атак танкистов идут группами «Петляковы», «Ильюшины». Истребители, поднимаясь с аэродромов, сразу связываются со мной. Нужно сообщить им обстановку. Навести на цель. Я слышу голоса Речкалова, Еремина, Лукьянова, Труда, Вахненко, Боброва и вспоминаю голос Клубова. Он чудится мне в гуле, в треске наушников. Не хватает Клубова. Он всегда был в самом пекле… Замолк навсегда и Жердев… Кто еще замолкнет в этих тяжелых, последних боях?

Истребители 2-й воздушной армии полностью овладели небом. «Мессершмитты» и «фокке-вульфы» появляются здесь очень редко. Завидев нас, мгновенно исчезают. Нашим ребятам приходится долго охотиться, чтобы перехватить хотя бы одного из них. Не рассчитывают ли немецкие генералы активизировать авиацию, когда мы удалимся от своих аэродромов? Эту уловку мы предвидим, и потому поиск и подготовка новых аэродромов на освобожденной территории — наша первейшая задача.

Я все время поддерживаю связь с авангардом танковой армии. Овладев городом Кельце, танкисты сообщили, что по пути к нему есть аэродром. Я немедленно передаю об этом в штаб корпуса и жду приказа о переброске полков. Но, оказывается, жду напрасно. Штаб армии сажает туда штурмовиков и

бомбардировщиков. Значит, надо самим где-то искать площадки, хоть среди поля.

Танкисты и пехота очистили от немцев новые города:

Радомско, Пшецбуж, Пиоткув, Ченстохов… Этим победам салютует Москва, славит пехотинцев, артиллеристов, танкистов и нас — летчиков.

На Ченстохов держит путь наша аэродромная команда. Ей придется прощупать там каждый метр летного поля миноискателем, засыпать воронки, подготовить жилища для летчиков и техников. Это задание иначе не назовешь, как боевое. Аэродромщики берут в путь запас патронов и гранат.

Ченстохов, наверное, хороший город. Я вижу его на расстоянии. Там высокие дома, прямые улицы, стрельчатые костелы. Но на окраине, где мы остановились, одни бараки, колючая проволока, рвы, могилы. И здесь огромный концлагерь. Дымом и тяжелым духом веет от бараков смерти.

Полки приземлились и сразу получили задачу — прикрывать танки, которые уже пробиваются к границе Германии! Летчики рвутся на задание. Каждый хочет увидеть землю врага, проштурмовать колонны удирающих домой, за Одер, фашистских войск. Захватчики, пролившие столько крови неповинных людей, получат расплату и на своей земле.

Я тоже не могу задерживаться в Ченстохове. Проезжаю по его забеленным, не очищенным от снега улицам, смотрю на окна — по ним, как по глазам человека, многое можно узнать, разглядываю людей. Они стоят на перекрестках, приветствуют машины с бойцами.

…Вот она, государственная граница. На столбе крупная надпись: «Дейчланд». Никто не тронул ее. Пусть замечает каждый идущий на запад, пусть вспомнит на этом рубеже войны весь свой трудный путь, свои раны. Пусть радость близкой победы придаст ему сил.

У дороги стоят высокие вышки со щитами. Они бегут дальше и дальше. Это линия беспроволочной связи. По ней уже ничего не могут передать фашистские генералы в Берлин, в ставку Гитлера.

Населенные пункты находятся в стороне от дороги — кажется, они прячутся от нас за холмами, в лесках. Те, кто уже побывал в деревнях, рассказывают на стоянках, что население ушло на запад. Только глубокие старики и старухи осмелились принять «муки» от большевиков.

Танкисты передали, что есть аэродром вблизи города Эльса. Я тороплюсь туда.

Да, аэродром здесь неплохой, на нем стоят немецкие самолеты, ангары тоже уцелели, надо только все разминировать.

Я остановился у края летного поля. Смотрю на застывшие брошенные «фокке-вульфы», на строения, и мне чудится, что я очутился где-то далеко от своих, совсем один, и что сейчас появятся немецкие солдаты, окружат меня. И вдруг я спрашиваю себя: «Правда ли, что я на немецкой земле, если вокруг — покинутые села, города, поля, аэродромы? Ее ли бросила армия, грозившая всему миру порабощением?»

Германия, Германия… Какой пустошью веет от всего оставленного людьми. Сколько черной тоски ты навеваешь! Ты еще защищаешься — остатками своей недобитой армии, минами, припрятанными где-то здесь, под снегом, но дни твои уже сочтены.

Эльс тоже достался штурмовикам — в штабе армии «Ильюшиным» отдавали предпочтение. Мне пришлось разыскивать еще один аэродром. А это оказалось не таким легким делом, особенно если поиски совмещать с управлением авиацией над полем боя. Штаб армии Рыбалко я догнал за Эльсом. Здесь обнаружилось, что в пути наша радиостанция сломалась. Где, у кого искать помощи? Конечно же, у танкистов. Над нами пролетают наши самолеты, их ведущие тщетно зовут своего «Тигра», чтобы он указал им цель. Утром я нашел генерала Рыбалко в доме, где он остановился накануне. Командарм был занят своим утренним туалетом — стоял перед большим овальным зеркалом в просторной спальне и преспокойно выбривал свой затылок. Увидев меня через зеркало еще за дверью, он окликнул:

— Давай сюда, Покрышкин!

Я представился.

— Та шо ты рапортуешь, разве я тебя не знаю! В гости ко мне или по делу?

— По делу, товарищ генерал. Сижу без радиостанции.

— Что случилось?

— С танком поцеловались на дороге.

Рыбалко поднял бритву над головой, рассмеялся.

— У танков с машинами любовь собачья. Грызутся шоферы с водителями страшно.

— На сей раз просто случай. Может, у вас есть рация, пока мне доставят?

— Рации отдельно от танка нет.

— Плохо.

— Почему ж плохо? А я тебе уступаю на время свою рацию и даю к ней танк в придачу. Садись на мое место, езжай, куда тебе нужно, и командуй своими орлами. Идет? — Он повернул ко мне свое широкое, загорелое лицо.

— Большое спасибо за выручку.

Я хотел удалиться. Но генерал задал мне несколько вопросов и пригласил на завтрак, после того как налажу связь с полками. Я поблагодарил и последовал за его адъютантом.

Рация на танке была мощная. Я включил ее, услышал знакомые голоса в эфире. Мы двинулись на высотку, под дерево. В смотровую щель танка мне видна была только земля.

— Самолеты! — крикнул водитель.

— Где?

— Там! — Он указал в броневой потолок над собой. Я выбрался из танка, чтобы увидеть самолеты. Микрофон взять с собой не смог — у него был слишком короткий шнур. «Фокке-вульфы» шли прямо на нас. Мне бы передать об этом нашим истребителям, но для этого надо опять залезать в танк.

— Повторяй за мной, что буду говорить! — кричу водителю. — Я «Тигр», я «Тигр», надо мной появились «фоккера»!

— Я «Тигр», надо мной появились «юнкера»!

— Не «юнкера», а «фоккера».

— Не «юнкера», а «фоккера»! — повторяет водитель.

Нет, рация в танке не для меня. Нужно немедленно исправлять свою машину. «Фокке-вульфы», стреляя по нас, как бы подтверждают мой вывод. Пришлось спрятаться в танке.

Позавтракать с прославленным генералом не довелось. В штабе Рыбалко я узнал новость: танковая армия меняет направление своего движения, поворачивает на юг, в Силезию. Ей поставили задачу внезапным ударом окружить оккупантов в промышленном центре Силезии — Катовице, не дать им разрушить предприятия. Мы попрощались с Рыбалко, он сел в свою машину, еще раз махнул мне рукой и отправился в дальний боевой рейд на юг.

Нашей дивизии приказали прикрывать наземные войска армии генерала А. С. Жадова. Она устремлялась дальше, на запад. К Одеру.

Мы с Василием, опытным шофером, который когда-то служил при штабе Красовского, медленно продвигались с потоком машин. У меня была карта с пометками тех мест, где, по данным нашей разведки, должны находиться аэродромы. Нам уже пора было сворачивать на Крейцбург, я ожидал развилки дороги, проселка. Наконец-то подвернулось гладенькое, без единого следа, припорошенное снежком асфальтированное шоссе в нужную нам сторону.

— Сворачивай, — сказал я шоферу. Василий притормозил, взял вправо и, только машина докатилась до нетронутого снежка, затормозил ее.

— Опасно, товарищ полковник.

— Поехали!

Василий думал о минах, я — об аэродроме. Три полка моей дивизии еще сидели в Ченстохове, а наземные войска на нашем направлении уже подходили к Одеру. Тащиться в обозе наступления, которое теперь шло на всех фронтах от Балтийского моря до Карпат, для летчиков было просто нестерпимо. Но полет к переднему краю и обратно забирал почти все время, для боев оставались считанные минуты. Новый аэродром нужен был до зарезу.

Машина помчала дальше. Василий, словно окаменев, смотрел только вперед. Дорога без следов извивалась по мелколесью и вскоре завела в густой, старый лес.

— Куда мы едем? — спросил скорее у себя, чем у меня, Василий.

Я еще раз сверил местность с картой. Все правильно:

Крейцбург находился где-то за массивом леса; не доезжая города, должен быть аэродром.

Я понимал Василия. Попадись одна мина под колеса, и мы погибли!

Глушь, безлюдье на враждебной земле настораживали. Увидеть хотя бы одного нашего солдата! Никого… Но где-то там, дальше, в поселке, должны быть люди. Там аэродром, который нам надо осмотреть до наступления темноты.

— Немцы!

Василий выкрикнул это слово и сразу сбавил газ. Машина гасила бег, катилась, казалось, уже не по своей воле. Я смотрел на солдат, стоявших кучей на дороге. Они были в шинелях, касках, с автоматами в руках. Какое-то время я видел только их, и они казались мне стеной, о которую мы сейчас разобьемся. Их было десятка полтора, нас двое.

Машина катилась приостанавливаясь. Я сначала не замечал этого. Но вдруг подумал: как быть? Если станем разворачиваться, нас обстреляют и убьют на месте. Ехать так, как едем? Нельзя!

— Гони! Полный газ! — крикнул я.

Василий, наверное, по моей интонации понял, на что я решился. Приказ был такой, что возражений и промедления не допускал.

Машина помчалась на полном газу. Я подался вперед, потянулся за пистолетом.

Солдаты расступились. Мы проскочили. Я ждал автоматных очередей в спину, но ни одного выстрела не последовало.

Немцы, наверное, были ошеломлены тем, что мы неслись прямо на них, и растерялись. А за это время нам удалось скрыться

за поворотом. Что удержало их от стрельбы? Скорее всего внезапность нашего появления.

Мы промчались несколько километров, не оглядываясь. Василий то и дело вытирал свои потные от волнения руки о ватные штаны. Не скоро и я вспомнил о своем пистолете и вложил его в кобуру.

Лес кончился. Показалась деревня. На улице, во дворах — ни единой живой души. Когда Василий повернул к воротам и мы направились с ним к стоявшему в глубине усадьбы домику, над которым вился дымок, нас оглушил какой-то невообразимый рев, доносившийся со всех сторон.

Скот! Брошенные в каждом дворе коровы, овцы, мычали, блеяли. Эти звуки усиливали впечатление опустошенности, от которой становилось неприятно.

В доме мы увидели старика, сидевшего у печки. При нашем появлении он поднялся. Его болезненно-красные глаза слезились, в руках он держал поленья. Хозяин смотрел на нас, неподвижный, замерший от страха. В доме все говорило о том, что отсюда в панике бежали все остальные его жильцы.

— Здравствуйте! — сказал я громче, чем нужно, почему-то решив, что старик глухой. И невольно улыбнулся при мысли, что в первом немецком доме встречаю лишь единственного, брошенного всеми, беспомощного деда.

Старик тоже улыбнулся и закивал головой, словно его вдруг отпустил давно сковывающий паралич. Руками, из которых он все еще не выпустил поленья, принялся протирать слезившиеся глаза.

Я стоял перед ним и силился вспомнить немецкие слова, которые когда-то заучивал. Услыхав родную речь, старик совсем ожил. Я путано спросил об аэродроме, о самолетах.

— Флюгплац дорт! — воскликнул старик и показал рукой на окно.

Я обрадовался — значит, аэродром есть — и пригласил старика поехать с нами. Он бросил поленья, надел поношенный плащ и пошел за мной к машине. Двинулись в том направлении, куда он указывал.

За ближайшим лесом мы очутились на поле, среди которого стояло несколько «фоккеров». Никакой бетонированной полосы здесь не было, но мне понравилось это поле, присыпанное снегом. Не знаю сам, почему я поверил, что здесь нет минных сюрпризов, и, несмотря на ворчание Василия, решил объехать аэродром.

Осмотрев взлетно-посадочную полосу, мы завезли старика домой и направились на большую дорогу. Нам опять предстояло проехать то место в лесу, где видели немецких солдат. Мы оба помнили об этом, но говорить об опасности было лишним — и я и

шофер одинаково сознавали, что означало для всей дивизии наше немедленное возвращение.

Некоторое время в пути я думал о старом немце, указавшем аэродром. Не очень ли доверчиво отнесся к нему?

Не сообщит ли он сразу на ту сторону, когда увидит наши самолеты? Тут же отмахнулся от этих подозрений. Его старческая фигура, скрюченные синие руки без перчаток, его суетливое старание, его одиночество в пустой деревне, среди жуткого рева скота вызвало во мне сочувствие к нему.

Кого он считает теперь виновным за то, что видит вокруг? Своих сыновей, которые бросили его здесь? Сыновей… Если они были, то, может быть, уже вдавлены гусеницами наших танков в землю или здесь, у Одера, или раньше — под Сталинградом. Он должен считать виноватым за свою судьбу Гитлера, фашистов, обманувших его, народ.

Вот и лес. Василий склонился к баранке. Я тоже смотрю только вперед. Поворот. Уже близко то место, где мы встретили вражеских солдат. На снегу по-прежнему виден один-единственный след нашей машины. Он вырисовывается в свете фар. Василий не сбавляет скорости, он понял меня по взгляду. Приближаемся и видим: в кювете перевернутый грузовик, дальше — второй. Ветровые стекла пробиты пулями. Рядом с машинами — несколько трупов.

Я не могу остановиться и узнать, чьи это грузовики. Нельзя еще раз испытывать судьбу. Я сообщу об этом нашим в первом же населенном пункте. А сейчас дай скорость, Василий! Такая участь — трупами лежать на снегу — была предназначена и нам. След других оборвался здесь. Наш пока стелется дальше. Нас ждут, Василий, десятки летчиков. Надо торопиться, чтобы воевать, добивать врага.

В Ченстохов мы вернулись в полночь. Утром вся дивизия перелетела на новую базу у Крейцбурга. В середине дня я отправился на передний край. Когда у летчиков есть удобный аэродром, «Тигр» не должен молчать.

Генерал А. С. Жадов, приняв меня в своем штабе, расположенном в домике над Одером, назвал самыми важными позиции корпусов Родимцева и Бакланова. Имена этих командиров напомнили мне о битве на Волге. Они стяжали себе громкую славу. Здесь их полки тоже отличились при форсировании Одера и в боях за плацдарм. Нашим летчикам надо было достойно поддержать прославленных пехотинцев. Мой КП на земляной дамбе. Поставив автомашину под деревом, я нашел местечко с широким обзором. Отсюда далеко видно. Внизу, на берегу, солдаты загружают лодки для переправы. Под облаками и

выше их беспрерывно гудят самолеты. В моих наушниках, не умолкая, кричат, зовут, приказывают, ругаются. Вражеская авиация пытается превратить Одер в рубеж решающей битвы: на наш плацдарм идут «фокке-вульфы» с бомбами под крыльями. У немцев заметная нехватка бомбардировщиков. Они заменяют их истребителями-штурмовиками.

С нашего аэродрома поднялась группа Цветкова. Я связался с ней на подходе. Через несколько минут наши самолеты прогудели надо мной, мелькнув в просветах облаков. С земли я раньше заметил «фокке-вульфов» и сразу же навел на них Цветкова. Наши молниеносно вынырнули из-за облаков. Атаковали всей восьмеркой.

Рвутся бомбы, режут воздух пулеметные очереди. Два «фокке-вульфа», загоревшись, пошли к земле. У противника нет ни преимущества в высоте — она за нашими, ни численного перевеса: их шесть, наших восемь. Они бегут с поля боя, прижимаясь к своей земле. Но собственные стены им не помогают.

Вот один бросился наутек почему-то не на запад, а в нашу сторону. Очевидно, рассчитывал таким маневром быстрее скрыться. Цветков действительно не заметил его. Я подсказал ему, и он сразу погнался за «фоккером».

Два самолета — вражеский и наш — приближаются ко мне. Вижу, как Цветков подстраивается для атаки. Очередь. Снаряды рвутся на земле, рядом со мной. «Фоккер» прет прямо на меня. Цветков бьет по нему, и мне приходится прижаться к дамбе.

— Подойди ближе! — кричу Цветкову. — Разве так?..

Закончить фразу не понадобилось: «фокке-вульф» задымил и тут же грохнулся на землю. Позади, за дамбой, грянуло многоголосое «ура». Я посмотрел на дамбу и замер: там стояла большая группа пехотинцев и следила за моими действиями. Трижды Герой на переднем крае — это ведь зрелище, все забыли о переправе. А тут еще воздушный бой разразился над ними. Было на что посмотреть. Я хотел сказать ребятам, чтобы они разошлись, — ведь река еще просматривается противником, но они начали аплодировать.

Вдруг послышался свист снаряда. Взрыв, за ним второй, третий… Теперь все бросились кто куда. Доаплодировались… Я остался на своем месте: неудобно летчику бегать от снарядов…

Час спустя ко мне пришел связной от командира дивизии Бакланова. Этого молодого, красивого, уже прославленного на войне генерала, в прошлом известного спортсмена, я знал и раньше, но совсем не подозревал, что он находится здесь, рядом. Зачем я понадобился ему?

Я нашел комдива в полуразрушенном доме. Бакланов встретил меня очень радушно.

— Я пригласил вас пообедать, — сказал он, — но, к сожалению, обед не может состояться. Из-за вас в мой КП попал снаряд. Он, как видите, не пощадил ни дома, ни кухни, ни повара.

Беседуя о положении на плацдарме, мы невольно следили за тем, как с потолка продолжала осыпаться «растревоженная» штукатурка. Бакланов рассказал мне об успешном продвижении наших войск в районе Бреслау, о том, что туда направляется часть сил танковой армии Рыбалко. «Если так, ~ подумал я, — скоро и нас туда перебросят».

Через несколько дней я возвращался на аэродром у Крейцбурга по памятной лесной дороге. Движение машин, дымки над домами в деревне, жители на улицах — первые признаки жизни совсем изменили этот уголок.

Дивизия получила новую задачу: прикрывать боевые действия армии генерала Коротеева севернее Бреслау. Даже по начертанию линии фронта на карте можно было сразу догадаться, что нас посылают на ответственный участок: острый клин, нацеленный на Дрезден, глубоко раскалывал позиции противника. Здесь фашисты будут, конечно, воевать с особым ожесточением.

Генерал Коротеев, когда я прибыл к нему, подтвердил мои догадки. Немецкие войска пытаются прорваться к городу Лигницу, сосредоточивают силы для контрнаступления с целью окружить нашу выдвинувшуюся далеко вперед группировку. Битые генералы, видимо, вспомнили, что они когда-то в начале войны (это было так давно!) неплохо умели окружать, брать в «клещи».

— Как у вас аэродром? — спросил Коротеев именно о том, что занимало мои мысли во время нашего разговора.

— Утром ничего, днем подтаивает.

— Надо искать бетонированную полосу, иначе вы нам не помощники.

— Верно. Но где ее взять?

Передний край теперь особенно нуждался в прикрытии истребителями. Противник уже смирился с нашим преимуществом в воздухе, он не пытался возвратить его, у него не было сил для больших сражений. Но он не уступал без боя рубежи на своей земле. К нашим позициям то и дело шли парами, четверками, шестерками «фоккеры», нанося удары бомбами по артиллерии, окопам, обстреливая с малых высот. Враг изматывал нас, на что-то надеясь, возможно на то «чудо-оружие», которое

продолжал обещать армии Гитлер.

Находясь на КП на переднем крае, я на себе испытывал частые штурмовки «фоккеров». Вызывал туда из дивизии группу за группой. Летчики готовы были беспрерывно находиться в воздухе — никто не щадил себя, не считал своих вылетов. Но в эти дни самым лютым врагом стала февральская оттепель. Колеса шасси увязали в грязи, машины ломали «ноги», винты. Это обрекало на бездействие.

Сначала мы попытались использовать на нашем аэродроме у Крейцбурга узенькую шоссейную дорогу. По ней нельзя было ни взлететь, ни приземлиться, но если бы расширить ее… Снимали плиты с тротуаров, подбирали кирпич из разрушенных домов, на фронтовой воскресник вышли техники, летчики, все подразделения БАО… Но большая, трудоемкая работа оказалась почти бесплодной — полоса вышла практически малопригодной. К тому же самолеты, свернув с нее, утопали в грязи.

А фронт ждал истребителей. На нашем направлении свободно разгуливали «фокке-вульфы» и «мессершмитты». Когда на переднем крае рвались бомбы, я слышал от пехотинцев одни укоры.

Возвращаясь в дивизию по широкой автостраде, я вдруг подумал, что можно посадить самолеты прямо на ней. Чем чаще попадались прямые участки дороги без мостов и других препятствий, тем больше я убеждал себя в реальности такого необычного выхода. Меня поддержал генерал Красовский.

Ночью команда отправилась на поиски подходящего места на автостраде. Только получили от нее сообщение, я со своим ведомым отправился на новый «аэродром».

По автостраде изредка пробегают машины. Изредка потому, что она где-то у Герлица обрывается окопами переднего края. Мы летим над дорогой, ищем перекрытый отрезок, но его нет и нет. Наконец находим прямо на асфальте посадочный знак, рядом с которым проносятся машины.

Что ж, надо выбирать момент и приземляться. Я пошел на посадку первым, Голубев — за мной. Только снизился — навстречу машина. Надо набирать высоту. Еще один заход — снова показалась машина. Но вот, кажется, уже никто не мешает. Только бы выдержать направление. Ширина полосы девять метров, размах крыльев самолета — двенадцать. Кто и где решался посадить машину на такой полоске? Вообще-то на фронте случалось всякое, но здесь речь идет об использовании дороги для каждодневной работы. Что получится из этой затеи?

Отвечать на этот вопрос надо самому, и совершенно конкретно — делом. Сяду я, сядет Голубев — значит, сядут и

другие.

Все в порядке. Крылья провисают над бегущей землей, над мелкими кустами, и вот уже колеса катятся по твердому, сухому асфальту. За мной благополучно садится Голубев.

Теперь можно пропустить автомашины (люди, ехавшие в них, раскрыли рты от изумления), самим осмотреть места стоянок, «съезды». Команда выбрала отрезок очень удачный — здесь рядом был грунтовой аэродром. Там есть служебные сооружения, лесок для стоянок и даже больше десятка крупных планеров, брошенных немцами при отступлении. К вечеру был заделан грунт между полосами, срублены мешавшие деревья.

Мы возвратились домой, я собрал командиров, летчиков.

— Аэродром есть, кто чувствует, что может приземлиться на автостраде, летит со мной!

Согласились все. Но несколько человек сразу же замялись.

— Кто не решается, для тех рядом есть грунтовая полоса. Перелетите вслед за нами.

Больше ста машин село на бетонной дороге без поломки. А три самолета, летчики которых не решились на это, загрузнули почти на том месте, где коснулись колесами земли.

Тракторы притащили сюда несколько немецких планеров. Ими можно перекрыть автостраду.

Кончается хлопотный, напряженный день. Самолеты надежно замаскированы в леске, жилища для летчиков и техников найдены и уже натоплены, всех ожидает ужин. Завтра начнем боевую работу. Для того чтобы побеждать врага в небе, летчику нужно многое на земле.

Утром, когда наши самолеты еще стояли в сосняке, над аэродромом появился «мессершмитт». С ним, видимо, что-то случилось, раз он оказался в воздухе один. Он не кружил, ни к чему не присматривался — для него было достаточно нескольких планеров в конце летного поля, чтобы узнать аэродром. Мы старались его не спугнуть. Он сел. Летчика обезоружили, как только он спрыгнул на землю. Беседовать с ним у нас было некому и некогда. Его отправили в штаб армии.

— А что с «мессером» делать? — спросил инженер.

— Осмотрите и заправьте. Я вечером испробую его в воздухе. Совершенно новая модель.

Я бы охотно слетал на нем и сейчас, но сегодня у «Тигра» очень много работы.

Базируясь на автостраде, я рассуждал так: даже если мы на таком «аэродроме» и поломаем несколько самолетов, польза от нашей близости к фронту перекроет это. Получилось же еще лучше. Поломки машин были единичными, а участие нашей

дивизии в боевых действиях наземных войск в районе Герлица, Пигницы, Загана помогло отбить контрнаступление немцев. Вскоре все здешние аэродромы, кроме Брига и нашего, стали непригодными для полетов. Немцы, которые действовали с бетонированных аэродромов, расположенных за Одером, чаще всего встречались в воздухе с нашими истребителями.

Когда я прибыл на командный пункт Коротеева с приятной вестью о надежном аэродроме, он сказал:

— Прикройте нас с воздуха, чтобы не бомбили, и на земле они не пройдут.

Снова микрофон в моих руках. Эфир наполнен гулом боевой жизни,

…"Рама» совсем беспечно повисла над городом Герлиц, корректируя огонь своей артиллерии. Я увидел ее, как только она появилась, и в это время услыхал голос Сухова:

— Иду на работу. Сообщите обстановку.

Мне было что сообщить ему.

Сухов парой шел значительно выше «рамы». Если его не навести, он мог долго кружить здесь и не заметить ее. Но вот наша пара уже стремительно падает с высоты. В поединках с вражескими корректировщиками Сухов не новичок. Он в нашей дивизии считается специалистом по «рамам». И на этот раз летчик, конечно, выдержит свою марку… Да, вот уже и наступила развязка: атака снизу — и вражеский самолет пошел горящим к земле!

В небе появились четыре немецких истребителя. Они сопровождали еще одну «раму». Мое сообщение об этом ведущий принял в момент стремительного набора высоты.

— Вас понял. «Фоккеров» вижу, — ответил Сухов.

Что же он решит? Сухов и его ведомый Кутищев были смелыми бойцами, приказывать им идти на врага, если они сами увидели его, излишне. Они, конечно, не допустят, чтобы на головы наших пехотинцев посыпались бомбы, им надо только занять выгодную боевую позицию.

Разворот. Молниеносное снижение. Атака на «раму» опять снизу. Меткий огонь. «Рама» горит! «Фоккеры» лишь теперь заметались. На выходе из атаки Сухов поджигает ведущего, Кутищев — ведомого. Оставшиеся два бросились наутек. Пара наших «сняла» за один бой четырех!

Но вот зенитки досаждали нам. Низкие облака, вынуждавшие нас ходить на малой высоте, были врагу на руку. Андрей Труд потерял самолет, подбитый зенитными снарядами.

Однажды Сухов возвратился на свой аэродром на изрешеченной, обгоревшей машине.

Я видел, как она то воспламенялась над полем боя, когда летчик уменьшал скорость, то сразу гасла, когда шел в атаку на «фоккера». Ему на выручку я вызвал из полка подкрепление. Через несколько минут услыхал в наушниках всегда бодрый, уверенный голос Графина:

— «Тигр», я «Граф». Иду на задание.

Появление в воздухе этого отважного летчика со своей группой всегда подымало настроение у товарищей, ведущих бой, сразу меняло самую сложную обстановку в нашу пользу. Графин имел собственный сокрушительный «почерк». Его любили, с ним охотно шли на задание.

И на сей раз «пиковый туз» со своим напарником быстро разогнал «фоккеров», наседавших на Сухова. Но когда наша группа уже оставляла район прикрытия, в самолет Графина угодил зенитный снаряд. Истребитель упал возле линии фронта. Вот и еще одного друга лишились мы почти на исходе страшной войны…

Вскоре, когда я находился под Герлицем, пришла весть о гибели грозного пикировщика генерала Полбина. Он водил группу на окруженный Бреслау, бил с пикирования по домам-крепостям. Зенитный снаряд попал в его самолет, он стал полого падать. Раненый Полбин пытался перетянуть за Одер, но сил у него не хватило. Самолет рухнул в реку… Подробности я узнал потом. Тогда, на фронте, меня омрачил сам факт: погиб Полбин. Он был одним из тех авиаторов-генералов, которые при высоком звании и служебном положении сохраняют профессиональную молодость, юношескую увлеченность делом. Командирские обязанности не лишили его этих важных качеств. Он летал, совершенствовал тактику, личным примером вдохновлял летчиков на подвиги. На сборах я всегда прислушивался к его высказываниям, присматривался к нему — образцу человека и летчика.

Проезжая в тот печальный день по дороге в стороне от Бреслау, я видел огромные тучи дыма, вставшие над этим злым, ненавистным вражеским пеклом. Оно проглотило чудесного человека. Наверное, мстя за своего командира, сегодня бомбардировщики обрушили на город тысячи бомб. Пусть враг запомнит этот день…

Бои за Герлиц ожесточились. Противник во что бы то ни стало хотел возвратить половину города, занятого нашими войсками. И он действительно немного потеснил наших. А атаки вражеских летчиков иногда оставляли впечатление безрассудной ярости и обреченности.

Как-то наша группа прикрывала наземные войска в районе

Бунцлау. Ей встретилась четверка «фокке-вульфов». Первой атакой наши обратили их в бегство. Но вот ведущий четверки вдруг возвратился на передний край и вызывающе пошел на сближение. Старший лейтенант Климов развернулся ему навстречу.

Лобовая атака, сколько наблюдал я за ней и сколько применял ее сам, всегда кончается тем, что самолеты, стреляя, расходятся в стороны, пусть даже на самом опасном расстоянии. Ведь в таком поединке каждый стремится сбить противника, стараясь сохранить себя. Здесь неминуемо наступает момент, когда ни тот, ни другой уже не имеют возможности воспользоваться выходом противника из атаки. Сближение прекращается.

На этот раз я впервые увидел, как два самолета на всей скорости неслись в лобовую атаку и столкнулись. Наш — без крыла, немец-без хвоста стали падать. Все, кто наблюдал за этим поединком с земли, замерли. Ожидали, что летчики выбросятся с парашютом. Но не тут-то было. Два самолета упали, два истребителя разбились на одном квадратном километре немецкой земли, уже политой кровью в недавних боях.

Я поторопился на автомашине к дымящимся обломкам. На окраине Бунцлау лежали они — по одну и другую сторону речушки. Наш летчик, очевидно, потерял сознание при ударе о «мессершмитт», немецкого — рассекло винтом.

Железные кресты фашистского аса были обагрены кровью. Его закопали здесь же, на месте падения. Нашего мы увезли, чтобы похоронить на своей земле.

…Весна была близко. Небо в тот день цвело синевой… А мы хлопотали о похоронах. Скорей, скорей надо кончать эту войну!

Наши войска, уступив немцам вторую половину Герлица, прочно закрепились на своих рубежах, и наступило затишье. «Тигр» имел право на время примолкнуть. Я возвратился в штаб.

За время моего отсутствия аэродром основательно улучшили. Выложенный кирпичом просвет между асфальтированными полосами автострады сделал его совсем удобным. Вокруг него стояли, окопавшись, батареи малокалиберной зенитной артиллерии. Непреодолимой оставалась проблема заграждения, которое вынуждало поток машин идти в объезд. Грузовики, обозы мирились с этим положением: они останавливались перед планерами и съезжали в грязь. Но когда к фронту шли танки…

Однажды какой-то отчаянный парень подмял гусеницами все наши заграждения, раскрошил несколько планеров и прогремел по автостраде. В это время садился самолет. Свернув в сторону, чтобы не разбиться о танк, он поломал винт, но, к счастью, не

скапотировал.

Аэродром на автостраде нас выручил в трудное время, но принес и немало неприятностей. Активность наших истребителей в дни боев за Герлиц вынудила немецкое командование усиленно разыскивать нашу близкую к фронту таинственную базу.

Однажды в феврале возле аэродрома был схвачен фашистский диверсант, спустившийся с парашютом. На допросе он сразу раскрыл свои карты. Его выбросили для того, чтобы он разведал, где мы находимся. Затем над базой начали изредка пролетать воздушные разведчики. Они, конечно, интересовались и продвижением войск по дороге и, без сомнения, загадочным аэродромом.

…Это был день напряженной учебы: посылая в воздух парами молодых и опытных летчиков, мы отрабатывали прицельную стрельбу и бомбометание. В небе беспрерывно гудели наши самолеты, а зенитчики тем временем благодушно сидели в своих землянках. Как тут услышишь противника, если над батареями кружат наши? Чужие звуки вплелись в привычный гул… Заметили поздно. По двухмоторному «мессершмитту» стрельнули лишь вдогонку.

Строгую нотацию зенитчики получили и от меня и от своего начальства, но этим своих дел мы не поправили. Где-то в штабах немецкого командования наш аэродром уже обозначался как объект для удара. Правда, понадобилось, очевидно, еще одно подтверждение: на второй день разведчик повторил полет по вчерашнему маршруту. На сей раз зенитчики постарались, и он домой не вернулся. Но его донесения уже действовали против нас.

В воздухе как раз был Сухов с четверкой. Самолеты, развернувшись вдали от аэродрома, приближались к нашему полигону. Гул моторов, наблюдение за своими отвлекли наше внимание, и появление «фокке-вульфов» для всех оказалось неожиданностью. Они сбросили так называемые ротативные бомбы, то есть целые контейнеры, начиненные маленькими бомбочками. Кое-кто из нас успел спрятаться в укрытие; кого тревога застала на летном поле, тот лег. Побежал только Цветков: близко была щель… Осколок попал ему прямо в спину и сразил его. Маленький кусок металла оборвал жизнь нашего летчика на немецкой земле.

Сухову понадобилось несколько минут, чтобы набрать высоту, и он все-таки успел свалить одного «фоккера». Самолет упал здесь же, возле аэродрома, вместе с летчиком.

С этого дня мы установили беспрерывное дежурство истребителей. Аэродром стал необычным не только своим летным

полем, но и тем, что на него почти ежедневно налетали немцы, оставляя здесь своих «фоккеров».

Совпадение обстоятельств бывает удивительным. Сегодня нам сообщили, что по автостраде будет проходить Войско Польское — его свежие части выдвигались на боевые позиции. Я приказал снять заставы и открыть дорогу машинам с пехотой, тягачам с артиллерией и танкам, избавить их от неудобств объезда.

У нас на аэродроме в ато время находилась большая бригада операторов кинохроники. Они приехали снимать боевые эпизоды. Когда Войско Польское вступило на аэродром, застрекотали кинокамеры, люди засмотрелись на длинную, нескончаемую колонну, на солдат с орлами на шапках-ушанках. Хорошие чувства вызвала братская помощь нам.

И вдруг в небе «фокке-вульфы». Вот они, над нами! Кинобригада, искавшая настоящую войну, на сей раз скрылась в щелях. Колонна остановилась. Дежурные истребители, как и полагалось им, быстро взмыли в воздух. Пока они набирали высоту, «фоккеры» успели проскочить восточнес и теперь разворачивались к нашему аэродрому. Но путь им преградили наши истребители. В небе под облаками завязался бой.

Уже колонна продолжала свой марш, а там, в стороне, не утихали рев моторов, стрельба. Мы на земле ждали развязки. И вот видим — падает один горящий самолет, за ним — другой.

— Кто из наших в воздухе? — спрашиваю Боброва.

— Луканцев и Гольдберг.

— Что же вы подбираете одних новичков для дежурства? — не сдержал я своего недовольства. — Гольдберг же не сбил еще ни одного самолета.

— Для практики, — неуверенно оправдывался Бобров.

Он тоже думал сейчас о том же: ни за что потеряли двух молодых летчиков и две машины. И кинооператоры приуныли: не засняли они горящих на земле «фоккеров».

Рокот моторов двух самолетов, дружно вынырнувших из-за облаков, сразу изменил наши мысли и настроение. Луканцев и Гольдберг возвратились из полета победителями. Кинооператоры помчались к месту падения вражеских самолетов.

Вскоре на аэродром доставили немецкого летчика, приземлившегося на парашюте. Это был награжденный Железным крестом командир истребительной части, на днях переброшенной с запада на наш фронт. Гитлеровцы бросали все свои военные силы против Советской Армии, чтобы не дать ей первой занять Берлин.

— Этот бой, а за ним и последующие, не менее успешные,

отучили немецкую авиацию от налетов на наш аэродром. Он стал неприступным.

К концу дня группа наших самолетов во главе с майором Петровым пошла на прикрытие переднего края. Вблизи фронта она столкнулась с невиданным явлением: истребители «фокке-вульфы» летели как бы верхом на «юнкерсах». Что за трюки?

Недолго думая, Петров пошел в атаку на эти чудища и одного сразу сбил. Почувствовав опасность, истребители начали выпускать из своих «лап» подвешенных «юнкерсов». На земле взметнулись огромные столбы от взрывов. Так вот это какие «юнкерсы»! Их начинили взрывчаткой. Группа Петрова заставила «фокке-вульфов» побросать свои летающие «бомбы» где попало. А предназначались они для колонны Войска Польского. Она шла, не маскируясь, днем, надеясь на наше прикрытие с воздуха. Небо уже было твердо отвоевано у врага.

Пришла весна. Просохла земля. Поля Германии этой весной вспахивались бомбами, снарядами, саперными лопатами, гусеницами танков, а не плугами, засевались не зерном, а костями и осколками.

Наша дивизия в марте оставила автостраду и полностью доверилась грунтовому аэродрому. Когда самолет разбегался и взлетал, оставляя на почве следы колес, мы смотрели на затвердевшие отпечатки и с грустью думали о здешней весне без хлебороба в поле, о нашей далекой родной земле, которую обрабатывали женщины, дети и старики. Думали о близком конце войны.

В конце марта повеяли теплые южные ветры, и небо Германии стало чистым, высоким, ласково-голубым. В это время в нем особенно отчетливо обозначались маршруты американских бомбардировщиков, совершавших свои челночные операции. Взлетев с аэродромов Италии или Франции с тяжелым бомбовым грузом, они шли на цель — города Германии, наносили по ним удар и продолжали свой маршрут через Польшу на Украину. В Полтаве совершали посадку, заправляли машины, отдыхали и возвращались на свои базы в Италию и Францию.

Однажды в ясный весенний день мы со своего аэродрома наблюдали за армадой «боинг-17», пролетавшей над нами. Самолеты шли дружным, плотным строем, поблескивая в лучах солнца. Вдруг один из них начал отставать. Ради одного группа задерживаться не могла. Вот он уже еле тащится, позади стелется дым. Очевидно, самолет был подбит над целью или у него что-то случилось с моторами.

Бомбардировщик горит. От него одна за другой стали отделяться черные точки, потом забелели купола парашютов.

Теперь нам надлежало организовать помощь американским летчикам. Недалеко от нас располагалась дивизия, которой командовал Горегляд. Я связался со своим коллегой, и мы разослали машины туда, где приземлялись американцы. Их было человек десять.

Вскоре нескольких привезли к штабу. Наши офицеры предоставили им необходимые удобства. Американцы быстро нашли с нами, авиаторами, общий язык, переговаривались как могли. Но когда собрались все вместе, кроме одного, которого никак не удавалось разыскать, выяснилось, что среди них есть выходцы из Западной Украины, живущие в Америке. Они и стали нашими переводчиками. После обеда и отдыха экипаж «летающей крепости» вылетел на нашем транспортном самолете в Полтаву. Мы пожелали ему благополучно добраться до своих.

Чудесные теплые дни, наступившие в начале апреля, торопили нас действовать.

Мы жили предчувствием торжества великой победы. Но эта радость была еще где-то там, за последними боями, за последним напряжением наших сил.

В Москве генеральный штаб разрабатывал план наступления на Берлин. Для этого были вызваны туда командующие фронтами и армиями главного направления.

Степан Акимович Красовский позвонил мне поздно ночью. Он спросил, чем я сейчас занят, что планирую на ближайшие два-три дня. Я доложил.

— А в Москву слетать хочешь? — вдруг спросил командующий.

— Кто откажется от такого удовольствия, товарищ генерал?

— Будешь при мне советником по истребительной авиации. Жду тебя завтра утром.

Совещание командующих было рассчитано на несколько дней, мое участие в нем ограничивалось одной беседой. Вечером, возвратясь в номер гостиницы, мы с Красовским засиделись за полночь, рассказывая друг другу о себе, о своих семьях. Степан Акимович окончил ту самую Качинскую авиашколу, в которой учился и я, у нас было много общих знакомых. Вспоминали товарищей, мечтали о послевоенной жизни. Когда я рассказал Степану Акимовичу о своей дочурке, которую еще не видел, как-то сам по себе возник разговор о возможности слетать в Новосибирск.

— За день туда доберешься?

— На рейсовых, на почтовых, среди мешков, а доберусь! — сказал я.

— Одни сутки дома и день на обратный путь. Три дня.

Уложишься?

— Да.

— Лети. Только, чур, не подводить.

— Есть, товарищ генерал!

Восход солнца я встретил в небе. Дома меня, конечно, не ждали. Марии не было, она ушла на почту послать мне письмо, мать держала на руках ребенка, убаюкивая.

— Чей это? — спросил я.

— Да это же твоя дочь!

Я принял из рук матери теплое розовое тельце, прижал к груди. Перехватило дыхание. Звонкое сердечко дочурки стучало рядом с моим.

Я не жалел, что ради этих минут меня целый день до тошноты болтало в самолете. Ради них я готов был пройти эти версты пешком.

В дверях остановилась Мария. Она не верила своим глазам.

— Я на один денек. Прилетел дочь посмотреть, — шагнул я навстречу ей с ребенком на руках.

Мне тоже не верилось, что за окнами был родной, звенящий апрельской капелью Новосибирск.

24. Последний бой

Я много видел городов, по которым прошла война. Руины Краснодара, Ростова, Мариуполя, Киева, Курска, Тарнополя, их черные, опаленные стены без крыш наводили ужас. А с высоты разрушенные кварталы производили впечатление кладбища.

Перед самым берлинским наступлением я снова пролетел от Новосибирска до фронта. Поднявшись на почтовом самолете с московского аэродрома, я еще раз обозрел поле великой войны. Смоленск, Минск… А вот показалась Варшава.

Столицу Польши трудно было назвать тогда городом. Ее, по существу, не было. Сплошное мрачное нагромождение развалин и обгоревших коробок. Я тогда подумал; веками народ создавал, украшал и благоустраивал свою столицу, собирал сокровища культуры, науки, зодчества. Фашисты уничтожили все это. Разве такое забывается?

Гнев народа могуч. Для врага, поправшего независимость, свободу и культуру другой страны, он, кроме всего, страшен.

Гитлеровская орда, отступившая к Берлину, будет сопротивляться с яростью затравленного зверя. Фашистские выродки страшатся гнева народов, хлынувшего в Германию. Они натворили столько зла, оставили на своем пути столько руин и невинно пролитой крови, что уже сейчас теряют рассудок в ожидании неминуемой расплаты.

Будет большая битва, но исход ее уже предрешен. И никто из тех, кто развязал войну, кто проводил тактику «выжженной земли» и уничтожал людей в страшных печах, не уйдет от возмездия.

…В Лигнице аэродром заставлен штурмовиками. Здесь все наготове. Нужно немедленно добираться к своим. Сложные задачи предстоит выполнять нам, истребителям. Немцы собираются применить новейшие реактивные бомбардировщики. Как мы будем справляться с ними — об этом следовало подумать.

Я направился в штаб, чтобы связаться по телефону с дивизией. Он размещался в одном из бараков, там же, где жили летчики. На крылечке я увидел солдата, видимо часового, который, поставив около себя винтовку, играл на маленьком нарядном аккордеоне. Хорошо играл. Заметив меня, он быстро отложил инструмент, взял оружие и по-уставному отдал честь. Такой мгновенный переход от музыки к службе вызвал у меня улыбку.

Я вошел в помещение. Здесь творилось что-то невероятное — не воинская часть, а консерватория. Играли буквально в каждой

комнате. Даже дежурный, склонившись над аккордеоном, старательно подбирал какую-то мелодию.

— Вы что, к концерту готовитесь? — спросил я, когда он повел меня к начальнику штаба.

— Почти, — с улыбкой ответил он. — Понимаете, наши ребята нашли на чердаке барака склад аккордеонов. Пусть народ поиграет.

— Правильно, — поддержал я его, зная, что через день-два для них и для всех нас загремит совсем иная музыка.

Дивизия перелетела к фронту, на песчаный, укатанный катками аэродром у Загана. Отсюда начнет свой стремительный бросок к юго-западным окраинам Берлина третья танковая армия Рыбалко, а мы будем прикрывать ее с воздуха. Вместе с нами сели полбинцы — пикирующие бомбардировщики.

Все знают, что бои за Берлин будут тяжелыми, кровавыми. Гитлеровцы перед гибелью постараются все поставить на карту. Они уже применяли против наших танков фаустпатроны, бросали самолеты, начиненные взрывчаткой, поговаривают, что у них есть какое-то оружие неимоверной разрушительной силы.

Но никого это не страшит. Теперь не сорок первый год и даже не сорок третий. Каждый своими глазами видит, сколько советских войск и боевой техники сосредоточено на подступах к Берлину. Такая силища сметет все на своем пути. Фашистов не спасут никакие ухищрения и подлости.

И вот наша могучая сила загремела, заклокотала, как взорвавшийся вулкан. Надо запомнить неповторимый этот день во всех его захватывающих подробностях.

Ранним утром после артиллерийской подготовки над рекой Нейсе пронеслись советские самолеты и поставили дымовую завесу. Саперы принялись наводить переправы. К берегу двинулись танки. Поднялись в воздух истребители.

Наши войска пошли вперед! Три оборонительных рубежа преодолели с ходу. Против нашей авиации ощетинилась вся оставшаяся в Берлине зенитная артиллерия, недобитые части когда-то могущественных военно-воздушных сил и свежие полки противовоздушной обороны.

С утра погода стояла хорошая. Наши летчики получили задание патрулировать над переправами южнее Котбуса. Первой взлетела группа Сухова: Голубев, Кутищев, Кудинов, Бондаренко, Душанин, Березкин и Руденко. Она сразу же приняла наш гвардейский боевой порядок, испытанный в сражениях на Кубани и на Украине: четверка ударная и четверка прикрывающая. Ведущий установил связь с «Тигром». Но со станции наведения в это утро было трудно вести наблюдение: дым пожарища плотным

слоем лежал на земле; летчики сами быстро обнаружили противника: четыре «фокке-вульфа» шли с бомбами к переправам. Опять истребители в роли бомбардировщиков. Да, критическое положение у фашистов.

Прикрытая четверкой Бондаренко, ударная группа идет в атаку. Сухов и Голубев сбивают по самолету. Оставшаяся пара удирает на высоту, но и там ей нет спасения — Бондаренко расстреливает ведущего, и тот камнем падает вниз.

Это было началом большой схватки. Сюда уже подходила шестерка «фокке-вульфов» и пара «мессершмиттов». Станция наведения своевременно предупредила Сухова об их появлении, и бой вспыхнул с новой силой.

Заметив на высоте четверку Бондаренко, туда полезли «мессершмитты». Да, когда-то они умели отвлекать и сковывать боем наше прикрытие. Они превосходили нас в силе и опыте. Но это было, кажется, очень давно.

Теперь наши истребители дружно навалились на «мессеров», и те нырнули вниз, в дымку, как в мутную воду. Бой приняли на себя «фокке-вульфы». Атаки, выходы с переворотом, лобовые встречи. Секунды, стоящие жизни, беспощадные погони.

Иногда противнику удается привязаться к нашему, но в каждый напряженный момент кто-нибудь вовремя приходит на выручку товарищу, и снова падает на землю самолет, защищавший Берлин, мигая в свете яркого солнца белыми крестами, желтыми коками…

Я наблюдал за боем, слушал его симфонию по радио. Когда вспыхивал очередной самолет, я забывал о тех, которые шли друг другу навстречу. Кто горит? Неужто наш?

Нет, наши все время находились в каком-то незримом сцеплении, как частицы чего-то целого.

Семь столбов черного дыма от упавших на землю самолетов потянулись в небо. Еще два горящих вражеских истребителя успели перетянуть на свою территорию.

Я от души радовался успехам Сухова, Березки на и Бондаренко. Увеличивая свои победы на последнем этапе войны, они становились Героями Советского Союза. Как выросли наши летчики, как отшлифовалось их мастерство, как окрепли их волевые качества!

При виде такого боя мне нестерпимо захотелось самому ринуться навстречу врагу. Пафос наступления звал в небо.

Микрофон станции наведения я оставил своему заместителю, недавно прибывшему в дивизию. Надо срочно вылетать. Уже хотя бы для того, чтобы найти новые аэродромы. Ведь наши танковые клинья глубоко вонзились в оборону противника.

Мы перебазировались под Котбус. Здесь воздушные бои участились. Никитин, преследуя «мессершмитта», расстрелял его в момент, когда тот, взбираясь на горку, совсем выдохся. Потеряв скорость, он свалился на наш самолет. Резкий рывок в сторону спас Никитина от гибели. Он едва сумел выброситься из изуродованной машины. Трофимов возвратился домой на изрешеченном истребителе: зенитки не дают покоя. Но нашим ребятам, кажется, даже нравилось, когда в воздухе появлялись вражеские самолеты, — было с кем сражаться!

Я повел группу на прикрытие наземных войск. Внизу проносились весенние поля, окутанные дымом города и села. Грустно и тяжело было видеть унылые, пустынные дороги, которые оживлялись лишь разрывами бомб и снарядов, тлеющими кострами танков и автомашин. Война справляла тризну на просторах Германии.

Ну, где же вы, нахальные гитлеровские молодчики — «боги» воздуха? Что-то не видно вас. Ага, вот показалась шестерка. Надо незаметно подкрасться, чтобы не спугнуть ее. Мы пошли на перехват. Но «фоккеры», заметив нашу восьмерку, сразу же скрылись.

Я возвратился на свой аэродром, так и не сбив ни одного самолета. Едва мы зарулили машины на стоянки, как послышался свист. Прямо на нас с высоты стремительно пикировал какой-то двухмоторный самолет. Что за невидаль? Неимоверная скорость, неизвестный профиль… Но рассматривать его было некогда: он уже открыл огонь. Я бросился к своему самолету. Чужак вышел из пикирования над самыми стоянками, на соседнюю машину упало несколько гильз от его снарядов.

«Это какая-то немецкая новинка», — подумал я. А потом вспомнил: реактивный двухмоторный самолет! О нем мы уже знали по альбомам.

Наш радиолокатор определил, что МЕ-162 пришел со стороны Праги. Если так, надо беспрерывно контролировать это направление.

О новом появлении реактивного «мессера» нам сообщили вовремя. Пара наших истребителей, ведомая Табаченко, бросилась ему на перехват. Но не тут-то было. Скорость у фашиста около восьмисот километров в час. Преследовать его совершенно невозможно. Если таких самолетов у противника много, они доставят нам немало хлопот.

…Наши танки были уже под Берлином. Штаб армии Рыбалко сообщил о только что захваченном аэродроме у Ютеборга. Я приказал Василию снарядить машину для продолжительной поездки. Со мной решил поехать начальник особого отдела. Мы

условились, что отправимся через полчаса. Мне требовалось еще раз переговорить со штабом армии, попросить, чтобы Ютеборг закрепили за нашей дивизией. В эти дни авиасоединения двух фронтов стремились занять аэродромы у самого Берлина.

Я заскочил на минутку в свой штаб и немного задержался на аэродроме, чтобы дать указания командирам полков. Когда, освободившись, направился к автомашине, меня встретил мой заместитель, только что возвратившийся со станции наведения. Это было очень кстати. Я стал перечислять, чем ему надо заняться в мое отсутствие.

— Разрешите мне поехать вместо вас, — вдруг заявил заместитель. — Сами знаете, с полками я еще мало знаком. Лучше займусь аэродромом.

Я понимал, что ему будет трудновато командовать полками — плохо знает людей. Подумал и согласился.

Два дня мы ожидали сообщений из Ютеборга. Соседние части уже снимались, а мы от своих посланцев не получили еще никакого известия.

На третий я сам полетел с Голубевым на наш аэродром. Погода была ясная. Заходя на посадку, мы видели вдали огромные облака дыма. Это был пылающий Берлин.

В Ютеборге находилась немецкая противовоздушная база. Здесь стояли сотни целехоньких «фокке-вульфов». Команда БАО уже привела в порядок летное поле и теперь ожидала полки.

Среди знакомых немецких самолетов я заметил несколько реактивных, в том числе двухмоторных. Может быть, один из них и обстрелял нас тогда у Котбуса.

Ко мне подошел солдат, чтобы указать стоянку. Я отрулил машину в сторону, поскольку вслед за мной садился Голубев, выключил мотор и спросил:

— Вы не видели здесь нашего майора с машиной?

— Видел, товарищ гвардии полковник, — ответил солдат, опуская глаза. — Они подорвались на мине.

— Как, где? — воскликнул я.

— Здесь на аэродроме. Только подъехали, свернули с дороги, тут и случилось. Вчера похоронили.

Словно осколки той самой мины хлестнули мне в лицо. Я не мог сдвинуться с места. Опять по счастливой случайности смерть пронеслась мимо меня. Нет, лучше сказать: майор прикрыл меня собой от вражеской мины. Ведь я тогда всеми мыслями был уже в пути.

Я снял шлемофон. Подошедший Голубев тоже. Мы смотрели на горизонт, на котором все выше поднималась в небо черная стена дыма.

На душе было нестерпимо тяжело. Но призрак Берлина на горизонте звал в бой. Мы дошли, дошли до тебя, чудовище! Ты уже ощущаешь на своих улицах нашу могучую поступь. Это от нее дрожит под тобой земля, осыпается твоя темная позолота, падают на камни и разбиваются вдребезги орлы, опиравшиеся своими когтями на свастику.

Через несколько часов в Ютеборге приземлился наш первый полк. Я взял группу и полетел туда — на Берлин. Мы отомстим за погибших товарищей.

Весенние легкие облака над городом смешивались с дымом и, тяжелея, застывали на месте. Линию фронта в этом полумраке можно было определить лишь по вспышкам выстрелов и разрывам снарядов. Жуткое и вместе с тем радостное зрелище! Мне, любящему жизнь и земную красоту, природу и творения рук человеческих, хочется встретить в небе фашистский самолет и вогнать его, горящего, в берлинскую землю. Этого просит, жаждет моя душа. Нужно сполна отплатить фашистским воякам за смерть родного брата, за гибель боевых друзей, за мальчика с распоротым животом, которого я видел в селе Малая Токмачка… Зачем мне стыдиться этого чувства? Я же человек!

Немецких самолетов пока нет. Но они могут быть, обязательно будут. Надо набрать высоту и подождать. Ведь западнее Берлина еще есть большие действующие аэродромы, оттуда каждый раз прилетают истребители. Наши ребята встречались с ними, сбивали их.

Я вижу, как под нами группа за группой идут «Петляковы» и «Туполевы». Они делают круг, выбирают цель и обрушивают на нее свой груз. Взрывы поднимают дома, разламывают их, и на землю валятся стены. Потом все окутывается пылью и дымом.

Берлин, по инструкции которого разрушались города и державы, теперь сам корчится в муках, но еще не сдается. Натворившие ужасов гитлеровцы преднамеренно затягивают капитуляцию, страшась расплаты.

В воздухе ни истребителей противника, ни наших самолетов. Наступила пауза. Мы поднялись повыше, но через несколько минут снова снизились. Увидели только «пешек», возвращающихся с задания. Теперь, возможно, появятся и «фоккеры». При отходе наших бомбардировщиков от цели они любят пристраиваться им в «хвост». У бандитов и тактика бандитская.

Подождав немного, мы спустились с высоты. Не успели пристроиться к бомбардировщикам, как сзади и выше из-за облаков вывалилась шестерка «фоккеров». Вот оно, боевое везение! Немедленно с набором высоты разворачиваюсь и иду на

сближение. Но немецкие «асы» не приняли боя, нырнули в облака и скрылись. Преследовать их было бесполезно.

Пока шли домой, я мысленно ругал себя за то, что рано приблизился к своим «пешкам». Задержись мы немного на высоте — и проучили бы немецких летчиков, как пагубно пользоваться одним и тем же приемом в начале и в конце войны. Жаль, не осуществилась мечта сбить фашистского стервятника над его же столицей. Но Березкин на следующий день постарался за себя и за нас. В одном бою он сбил трех «фоккеров».

Небо над германской столицей было уже поделено между авиацией двух фронтов: мы безраздельно владели им над южной половиной города, «белорусы» — над северной. Впрочем, наши полеты на Берлин носили уже почти экскурсионный характер.

Зато у нас хватало дел на земле. Окруженные немецкие войска большими вооруженными группами пробивались на запад сдаваться американцам. Они шли мимо нашего аэродрома. Мы держали здесь круглосуточную оборону.

При уничтожении вражеской группировки, окруженной в лесу у Котбуса, пришлось ввести в бой все наши полки. 16-й я повел сам. Лесные просеки были буквально забиты немецкой пехотой, пушками и обозами. Сначала мы снизились, чтобы выявить их намерения: не думают ли они сдаваться в плен? Но фашисты встретили нас огнем «эрликонов». Двигались они на запад. Пришлось штурмовать. Нельзя было допустить, чтобы такая масса войск прорвалась к дорогам, к нашим тыловым коммуникациям. И мы начали поливать просеки пулями и снарядами.

Когда я возвратился домой, техник, осмотрев самолет, опросил:

— Откуда взялась хвоя в коке винта и под головками заклепок?

Я вспомнил, как снижался во время штурмовки, и на душе стало неприятно. Если бы хоть раз спустился чуть пониже, то уже не поднялся бы.

У Ютеборга нашим авиаторам пришлось вести настоящее сражение с немецкими войсками. Весь технический состав командир полка Бобров выделил для наземной обороны, вооружив его пехотным оружием, а летчиков послал бомбить вражеские колонны.

Цепь за цепью двигались прорвавшиеся из лесу гитлеровцы. Но маленький гарнизон аэродрома встретил их дружным огнем. А сверху по ним непрерывно били истребители. К вечеру часть немцев откатилась снова в лес, а более трех тысяч сложили оружие и сдались в плен.

Теплый солнечный Первомай пришел к нам на Эльбу. Воины

Советской Армии, водрузив над рейхстагом Красное знамя, продолжали доколачивать остатки берлинского гарнизона. В этот день с наших аэродромов отправилось на задание очень мало самолетов. Лишь 1-й гвардейский истребительный полк рано утром поднял в воздух большую группу истребителей. Они взяли курс на Берлин.

Но на этот раз они выполняли необычайное задание. На борту одного из них было огромное красное полотнище со словом «Победа». Сделав круг над поверженным Берлином, летчики-истребители сбросили это символическое Красное знамя, и оно, расправляясь, стало медленно падать. Его увидели тысячи пехотинцев, танкистов и артиллеристов. Они горячо аплодировали авиаторам, рапортовавшим Родине о своей окончательной победе над военно-воздушными силами фашистской Германии.

2 мая берлинский гарнизон капитулировал. Наша дивизия, как и другие авиасоединения 2-й воздушной армии, получила приказ перелететь в район Дрездена. Там продолжалось наступление. Там еще шла война.

Войска Первого Украинского фронта, прошедшие большой и трудный путь до Берлина, задержались в нем недолго. Прогремев танками по его улицам, они вскоре покинули город. Поток автомашин, подвод и пехотных колонн из уцелевших кварталов Потсдама и Тельтова повернул на юг. В этой поспешной переброске войск чувствовалось что-то тревожное.

Широкая, двусторонняя автострада Берлин — Дрезден стала тесной для людей и техники. Ведь по ней двигались не только войска, но и нескончаемые вереницы вчерашних узников фашизма, освобожденных Советской Армией.

В небе большими группами проносились самолеты. 2-я воздушная армия перебазировалась на аэродромы, расположенные у самого предгорья Судет. Самолеты нашей дивизии приземлились у Гроссенхайна. Штаб, летчики, все офицеры разместились в аккуратных особняках чистенького городка. Из окон мансард видны синеющие вдали горы.

Мы получили задание прикрывать с воздуха танковую армию Рыбалко и другие наши войска, начавшие поход за освобождение Праги. Многотысячные группировки немецких армий «Центр» и «Австрия» продолжали удерживать в своих руках большую территорию Чехословакии.

Наши полковые радисты сразу после приземления в Гроссенхайне услышали призыв пражских патриотов оказать им помощь. В ночь на 5 мая они подняли восстание против немецко-фашистских оккупантов. Советские танкисты шли им на выручку.

Несколько дней мы вели боевую работу, однако нам приходилось чаще подсчитывать самолеты, брошенные немцами на аэродромах, чем встреченные в воздухе. Советские войска быстро продвигались на юг. Они с ходу взяли Дрезден и устремились дальше.

Наш городок очень скоро стал глубоким тылом, погрузился в мирную тишину. Жителей здесь было мало, а может быть, они еще боялись показываться на глаза. Все мастерские и магазины были закрыты. На воротах завода, рядом с которым я поселился, предприимчивый хозяин оставил предупредительную вывеску: «Имущество Швеции». Чтобы не возникло никаких недоразумений, я поставил у входа на завод часового, приказал ему никого не впускать и не выпускать.

Бои в Саксонии и на территории Чехословакии заставили нас, стоявших на Эльбе, на время забыть о торжествах, которые мы ожидали после победного штурма Берлина.

Встреча наших частей и войск союзников, молниеносное окружение и разгром остатков немецких дивизий, все события сами приводили к мысли о том, что Германия вот-вот должна объявить о своей полной капитуляции, а этого пока не было. Слово «капитуляция» теперь означало конец войне, оно должно было возвестить всему миру, что гитлеровской Германии больше не существует, что на земле начинается новая жизнь, что больше мы не будем взлетать в воздух, чтобы вести бои и подставлять себя под вражеские зенитные снаряды, что уцелевшие в этой страшной бойне могут сказать: мы живы!

8 мая вечером у меня на квартире собрались почти все мои боевые соратники. Выпили, вспомнили погибших друзей. Андрей Труд под аккомпанемент гитары запел нашу любимую полковую песенку «Ястребки». С неостывшим фронтовым энтузиазмом мы дружно подхватили припев «Завтра утром снова в бой», хотя знали, что никаких боев в воздухе завтра уже не будет.

Разошлись к полуночи. Я лег и очень быстро уснул. Сквозь сон услышал выстрелы. Не вставая, пытался понять, что бы это значило. Стрельба с каждой минутой нарастала. Она слышалась и совсем рядом и где-то далеко. «Что такое?» — спрашивал я себя, одеваясь в темноте. Неужели еще какая-нибудь бродячая группа немцев, выходя из окружения, напоролась на наш гарнизон? Не должно быть. А что, если перестрелка связана с этим заводиком?

Ведь я же запретил впускать и выпускать людей. А кто-то из владельцев, наверное, решил дерзнуть — силой увезти свое имущество.

Непонятное всегда настораживает, заставляет теряться в догадках. Я с опаской посмотрел на открытые настежь окна — не

залетели бы сюда шальные пули. Невелико удовольствие попасть под них, когда не сегодня-завтра наступит мир.

Слышу, уже стреляют из пулеметов, установленных на самолетах. А вот дудукнула пушка! Где-то, не в нашем городке, ей отозвалось орудие!

Настоящий бой… Видать, крупные силы выходят из окружения. Возможно, выброшен десант. Вот тебе и капитуляция. Я подошел к телефону и только поднял трубку, как в ней раздался сигнал. Я откликнулся.

— Товарищ комдив, война кончилась! — воскликнул молодой голос.-Мир, товарищ гвардии полковник! Мир!! Мир!!! Вы слышите?

— Слышу, — ответил я, чувствуя, как все мое существо начало освобождаться от чего-то незримо тяжелого, постоянно ощущавшегося все эти долгие военные годы. — Спасибо…

Я положил трубку, вздохнул и опустился на стул. Сознавал, что наступило то, чего все мы ждали с минуты на минуту, в чем не сомневались. И все же действие слов — «конец войне, мир» — было могуче, огромно, оглушительно!

Так почему же я сижу один, в темноте? Я бросился к выключателю, зажег лампу и выглянул в окно. Все небо было расчерчено трассами пуль, очередей, ракетами. Пальба изо всех видов оружия нарастала. Я тоже достал пистолет и несколько раз выстрелил из окна вверх.

Звонил телефон. Поздравляли из 16-го. Трубку передавали из рук в руки. Я слышал голоса Федорова, Трофимова, Сухова, Березкина, Труда, Вахненко, поздравлял их. Потом звонили Абрамович, Мачнев, Бобров, Вильямсон… Я пробился по телефону к Утину, Красовскому и тоже поздравил их.

Стрельба не утихала. Я вышел на улицу. Встречая знакомых и незнакомых людей, жал им руки.

Вскоре почти все летчики, работники политотдела и штаба сошлись в моем доме. Радость переполняла наши сердца, рвалась наружу, ее надо было разделить с друзьями. Вспоминали и тех, кто не дожил до этого дня, кого не было с нами.

Ночь, озаренная салютами, незаметно перешла в день. В великий День Победы.

9 мая и в последующие несколько дней летчики нашей дивизии еще выполняли задания командования, патрулируя в небе над Прагой. В один из таких дней Голубев, находясь в воздухе, увидел немецкий самолет «дорнье-217», шедший с запада на восток. Преследуя его, Голубев дал несколько предупредительных очередей, но тот летел дальше, отказываясь идти на посадку. Тогда Голубев поджег его, и он упал где-то в

горах. Это был последний вражеский самолет, сбитый нашей дивизией.

После того вылета все до единого снаряды и патроны каждого самолета были взяты на учет. Они перестали служить войне.

В середине мая наша дивизия перелетела из Гроссенхайна в город Ризу на Эльбе. На всей нашей жизни здесь сверкали отблески неугасаемого сияния Победы — праздника всех народов мира. На аэродромах дежурило только несколько летчиков и техников — остальные отдыхали, осматривали Берлин, Дрезден, Прагу.

Столица Чехословакии встречала нас как родных сынов. На улицах нас окружали толпы народа, девушки дарили цветы и улыбки, хозяева ресторанов угощали лучшими блюдами и винами, решительно отказываясь от денег. В Дрездене мы увидели страшные развалины, под которыми заживо погребены тысячи жителей. Нам рассказали, что этот красивый город был разрушен бомбами союзников всего за несколько дней до перемирия. Мы слушали и возмущались: зачем это было сделано?

В Берлине мы проехали по улицам, побывали в рейхстаге, увидели очереди голодных немцев у советских пунктов, раздававших пищу, осмотрели памятники, разбитый собор, парки. Не найдя, где можно было бы присесть и перекусить своими запасами, подались за город, на природу.

Где-то за Потсдамом мы остановили машины и расположились на травке потрапезничать. Только открыли консервы, нарезали хлеб, как из кустов высунулось несколько детских белобрысых головок. Их личики, выражение глаз говорили о том, что смотрели они на нас не из любопытства.

Кто-то из наших засмеялся над ними, назвав маленькими фрицами, даже намеревался пугнуть их, но другой остановил его:

— На ребятах своей ненависти к фашистам мы срывать не будем.

— Верно.

— Эти не пойдут с оружием. Они-то больше других поняли, что такое война!

Чувствуя на себе взгляды голодных детей, никто не мог есть. Мы подозвали их, они доверчиво подошли к нам. В подставленные руки и рубашки мы наложили хлеба, консервов. Потом мы еще долго разговаривали об осиротевших немецких детях, о тех, кто сделал их несчастными. Думали о том, сколько неизмеримо больших несчастий принесли гитлеровцы другим странам и особенно нашей Родине.

Подумали и о том, что простить такое нельзя! Никогда! Многие, конечно, затаились сейчас, пытаются разбежаться, как

тараканы. Но возмездие они должны получить. Рано или поздно, но — сполна!

В один из радостных майских дней, когда мы стояли на Ризе, я увидел около штаба двух людей в американской форме. Приблизившись, я в одном из них сразу узнал… своего друга юности — уральца Пильщикова. Иностранной форме я не придал никакого значения.

— Костя!

— Саша! — Пильщиков бросился ко мне.

Он представил мне своего товарища, и тот, довольный, что Костя встретил того, кого искал, сразу же покинул нас,

По их одежде и даже по лицам я догадался, что оба они находились в плену в американской зоне. Пока мы шли ко мне домой, Костя рассказывал, как он был сбит в Восточной Пруссии, как американцы освободили его из плена и задержали в Лейпциге, как обмундировали и собирались увезти с собой, как он убежал из-под охраны со своим товарищем, как разыскивал меня… Я слушал Пильщикова, смотрел на его стройную невысокую фигуру, худое, со впалыми щеками лицо, на американский берет, а перед глазами у меня стоял мой давний верный друг по военному училищу.

Это было тринадцать лет назад. Я приехал в Пермь с путевкой комитета комсомола учиться на летчика. Мне, как и другим ребятам, мечтавшим о крыльях, страшно не повезло: в школе этой осенью почему-то закрыли летное отделение и оставили только авиатехническое. Вот так! Вместо пилотов будем техниками. Мы, принятые, были поставлены перед уже свершившимся фактом. Большинство восприняло эту перемену молчаливо, а некоторые из нас начали писать рапорты. Среди этих настойчивых были уралец Костя Пильщиков и я.

Получив рапорты, начальник школы стал вызывать нас к себе на беседу. Он разъяснял, уговаривал, и ряды настойчивых заметно редели. Когда нас осталось очень мало, он дал нам за неугомонность по нескольку нарядов вне очереди, и мы тоже смирились со своим положением.

Костя сказал, что он все равно будет летать. Это мне очень импонировало, и нас крепко сдружила общность цели. Мы стали в школе энтузиастами планерного кружка. Почти каждый день мы таскали планер по полю, чтобы хоть разок «подлетнуть» на нем, а еще больше времени отдавали ремонту стареньких парителей. Все воскресенья подряд мы проводили в мастерских — строгали, крепили, клеили, красили, лишь бы потом подняться в воздух.

С Костей мы всегда ходили как связанные. И если, бывало, один из нас что-нибудь натворит, считалось, что мы виноваты

оба. Такое мнение особенно укоренилось после одного довольно смешного случая.

В первую же зиму школьной жизни мы с Костей отличились в беге на лыжах и были включены в команду Уральского военного округа, которая ехала на всеармейские соревнования. Однажды, после пятидесятикилометровой гонки с полной выкладкой и со стрельбой из боевого оружия, мы, усталые, вернулись в казарму, сняли гимнастерки и стали чистить винтовки. Во время этой работы нам очень мешали рукава больших, не по росту, нижних рубах, которые нам выдали после бани. Закатанные рукава все время сползали.

Костя, протирая маленьким кусочком ветоши затвор, на чем свет стоит проклинал скупого старшину, который выдал нам очень мало ветоши.

— Слушай, Костя, у меня идея. Давай ножницы. Сейчас мы очень просто решим обе проблемы.

Ножницы быстро нашлись, и наши мучения кончились. Однако операция не прошла незамеченной. Вечером, как только мы легли, нас срочно поднял дежурный и сообщил, чтобы мы шли к старшине роты.

— Снимите гимнастерки! — приказал старшина.

Он грозно уставился на наши укороченные рукава. Оправдываться было бесполезно, и мы отправились на гауптвахту.

Старшину у нас в роте не любили за мелкие придирки, подхалимаж перед начальством и высокомерное отношение к нам. Все были очень довольны, когда его убрали.

Последний раз мы виделись с Костей в 1934 году, когда разъезжались по частям с предписаниями. Потом, через несколько лет, я узнал, что он стал летчиком, а на фронтах войны уже командовал авиаполком.

Костя Пильщиков, друг золотых юных лет, так смелей же входи в мой домик над Эльбой! Как ты мог даже подумать, что я тебя не узнаю, а тем более не пожелаю признать в чужой военной форме? Снимай ее, Костя, облачайся в мою гимнастерку, галифе, ведь тебе даже звезд на погонах не надо уменьшать.

Все нашлось у меня для друга — и одежда, и пища, и добрые слова. Разговоры, воспоминания воскресили в памяти незабываемые годы, полные настойчивой пытливости, молодецких проделок и упорного труда во имя заветной мечты.

Костя погостил у меня всего один денек. Я помог ему добраться до города, в котором можно было сесть на поезд. Он торопился домой, на Родину. Там о его судьбе еще ничего не знали.

Рассказы Пильщикова о лагерной жизни в плену, о трудном

пути следования под охраной конвоя заставили меня думать о Бабаке, о его участи. Где он может быть? Если жив, то как его разыскать? И его тоже, наверное, после освобождения ведут под строгим надзором вооруженных часовых, заставляют спать на земле в лагерях для отдыха.

По дорогам Германии в это время следовало много колонн бывших военнопленных, гражданского люда, освобожденного из западных зон. Я и раньше не пропускал ни одной такой колонны, чтобы не спросить, нет ли среди них летчиков. Однажды мне передали в Ризу, что какой-то человек, шедший в длинной веренице военнопленных, крикнул проезжавшим навстречу летчикам: «Скажите Покрышкину, что Бабак в Чехословакии!»

Дошедший до меня через третьи руки этот возглас летчика ничуть не потерял своей трагической сущности. Я пригласил Трофимова, Сухова, и мы в воскресный день поехали на машине искать Бабака.

В Чехословакии объехали несколько лагерей, расспрашивали о летчике. Кое-где нам вообще не отвечали на наши расспросы, другие начальники конвоев, взглянув на мои погоны и на Золотые Звезды, искренне признавались, что такого — капитана, Героя Советского Союза — среди своих не замечали. К вечеру мы подскочили еще в один пересыльный пункт. Часовой, стоявший у ворот, не пропустил нас. Мы вызвали начальника.

— Летчики есть, — коротко сообщил он, — Один из них осточертел мне своими домогательствами. Выдает себя за Героя. Видали мы их!..

— Пригласите его к нам, — попросил я.

Начальник провел нас в свою резиденцию, сам отправился куда-то.

Бабак появился на пороге — оборванный, с черными струпьями от ожогов на лице, худой, изможденный. Увидев нас, он бросился к нам, но начальник конвоя преградил ему путь.

— Гражданин, назад! — заорал он.

Бабак остановился. В его глазах сверкнули слезы.

Мы подошли к Бабаку, обступили его.

Начальник притих.

— Я забираю капитана Ивана Бабака в свою часть, — сказал я ему. — Мне неизвестно, где вы были во время войны, по вас не видно, чтобы вы воевали с винтовкой в руках или на танке, а он сбил в воздухе свыше тридцати самолетов. Он заслужил любовь всего народа!

Мы все же увезли Бабака. В пути он рассказал нам, что с ним произошло тогда, в воздухе. Он пытался перетянуть через линию фронта на горящем самолете. Пламя слепило, обжигало лицо и

руки.

Летчик уже понимал, что сесть не сможет, и выпрыгнул в полной уверенности, что он на нашей стороне. Но на земле его сразу схватили немецкие солдаты. Больной, с обожженным лицом, он был брошен в лагерь. Лечили его сами военнопленные, чем было.

Мы слушали Ивана и радовались, что он с нами, вместе мчимся на быстром комфортабельном «хорхе», что вокруг нас зеленеют поля, цветут деревья, все дышит весной, жизнью. Мы помнили, что на Бабака было послано представление к званию дважды Героя Советского Союза, и считали, что его судьба теперь сложится счастливо: ему присвоят это высокое заслуженное звание, а беды и огорчения — их надо понемногу забывать… Перед нами только открывался необозримый простор жизни и труда. Мы ведь совсем молоды!

В Москве началась полоса приемов, праздников, подготовки к Параду Победы. Со всех фронтов в столицу были вызваны люди. Я оставил своих друзей в городе на Эльбе, чтобы не скоро встретиться с ними. К возвращению теперь не торопила война, не подгоняли наступления. Жизнь, такая дорогая, такая непостижимо прекрасная, вырванная нами из кровавых рук завоевателей, звала нас к деяниям, радостям, горению.

25. Во имя мира

И на сей раз в чудесное майское время мне снова довелось любоваться просторами нашей земли с подоблачной высоты. Давно моя душа тосковала по родной природе, по всему своему. Хотелось посмотреть на все вблизи, подышать воздухом нашей весны. Но самолет стремился к Москве.

Москва майская встречала нас оставленными со Дня Победы флагами, транспарантами, шумной, полнокровной жизнью, радостью ее тружеников. Она испытала на себе грозное дыхание войны, слыхала вой вражеских самолетов и взрывы бомб, она отдавала фронту своих сыновей и дочерей, все свои силы и разум и теперь принимала признание и горячую любовь всех советских народов, всех народов мира, искреннее уважение всех государств. Мы, фронтовики, возвращались в Москву, как возвращаются воины с поля битвы к своей ласковой и мужественной матери. Партия и правительство, столица нашей Родины чествовали победителей.

На встречах и приемах в Москве все говорило о величии свершившихся событий, о могуществе нашей армии и страны, о том, что наша победа над фашистской Германией добыта всеми советскими народами, сплоченными ленинскими идеями дружбы и братства. Принимая благодарность Родины, партии здесь, в Москве, мы в мыслях делили ее со всеми, кто в этот час стоял с оружием на рубежах Победы, кто отдал за нее свою жизнь.

В штабе ВВС мне сказали, что я и еще несколько летчиков из 2-й воздушной включены в состав сводного полка Первого Украинского фронта для участия в Параде Победы. Дата парада еще не была объявлена, его участники только начали съезжаться в столицу, и я снова решил повидать свою семью. У меня было дней пять, которыми я мог распорядиться как хотел.

Мне разрешили на это время выехать из Москвы. Накупив каких можно было подарков, я отправился в Новосибирск самолетом.

День был теплый, солнечный. Деревья, газоны, скверы в городе зеленели. Еще издали я увидел, что в нашем доме настежь раскрыты все окна, и весна, солнце залили все комнаты.

Как делали все фронтовики, я приехал домой без телеграмм и предупреждений. Да, нас каждый день ожидали родители, жены, дети. Впрочем, что касается меня, то дочь… Свете шел седьмой месяц. Когда я взял ее на руки, она начала отпихиваться, изо всех сил вырываться к матери. Но вскоре дочурка смирилась, привыкла ко мне.

Вечером сошлись друзья, близкие. За ужином секретарь парткома Алексей Иванович Шибаев предложил завтра же выехать «на природу». Идея была одобрена — лучшего отдыха для себя я не мыслил и, когда утром услыхал под окнами грохот колес по мостовой и зычный кучерский оклик: «Тпррр, стоять!», сразу догадался, что Алексей Иванович решил полностью оторвать меня на несколько дней от цивилизации и от современной жизни.

Пролетка, запряженная серой в яблоках лошадью с дугой и колокольчиком на ней, сиденья, застланные простым ковриком, ездовой во всей своей обычности — как все это не было похоже на то, чем я жил в последние годы, каким милым все казалось! Оно возвращало меня в Новосибирск моей юности.

Мария со Светой и я заняли заднее сиденье, Алексей Иванович приспособился вместе с кучером, и наша коляска затарахтела по улице, вызывая со дворов собачонок и обращая на себя взгляды всех прохожих.

Выехали за город, сразу же начался лес. Деревья смыкались над нами своими ветвями, иногда было почти темно и совсем прохладно, потом лучи солнца золотыми кинжалами разрезали зеленый полусумрак. Дочка испуганно глазела то на могучие стволы, проплывавшие рядом, то на нас.

— И куда ты вздумал трясти нас, Алексей Иванович? — спросил я Шибаева.

— Не далеко и не близко, верст за десять от города.

— Ничего себе!

— Почувствуешь родную природу, дружище, — говорил Алексей Иванович. — Окунешься в эту благодать, она всю накипь войны снимет, все, что на душе наслоилось. Только мать-природа, наша родная, это и может сделать.

— Верно сказываешь! — воскликнул кучер.

Пришлось терпеть и ждать, чтобы узнать, какой сюрприз приготовили нам земляки за городом.

Сосны разбежались в стороны, и перед нами открылась большая поляна. По ее краям, по всему кругу белели молоденькие, ясные-ясные, как сам солнечный свет, как облака в небе, березы. Их листья, недавно распустившиеся, светло-зеленые, какие-то прозрачные, нежные, еще не совсем закрывали верхние ветви, и белизна стволов сразу вся бросалась в глаза, вся — от основания до вершины. За ними темной стеной сдвинулись сосны. Зелень поляны была усеяна красными, синими, оранжевыми цветами.

— Ну, как местечко? — посмотрел на меня Алексей Иванович.

— Восхитительно! — восторженно ответила за меня Мария.

Мы ехали к какому-то домику. Возле него, чуть в сторонке, стояли ряды ульев. Окна дома были распахнуты, он весь был просвечен, налит этим солнечным зелено-голубым днем.

— Тпрр! Приехали.

Нас встретил крепкий еще, с большой белой бородой старик пасечник. Константин Константинович Бессонов. Он провел всех в свой дом, который и внутри производил такое же впечатление чистоты, простора, слитности с первозданной природой. Все здесь было вымыто, выскоблено до желтизны, все пахло сухим деревом, долголетием.

Старик показывал нам пасеку, принадлежавшую заводу, подводил к самым ульям. Пчелы жужжали вокруг, пролетали над головами. Затем пасечник завел нас в дом, указал, где кто может располагаться на жительство, показал свою библиотеку. Потом, угостив нас медовухой, пошел распоряжаться насчет обеда.

Мы с Алексеем Ивановичем отправились в баньку. Там были давно заготовленные дрова, мы затопили печь, принесли воды. Устроив себе настоящую парную, мы долго наслаждались ею. И действительно, прогретый резкой духотой, исполосованный веником, я здесь почувствовал то самое свое житье-бытье, которое знавал раньше, еще до выезда из города, настоящее, сибирское, простое, чистое, здоровое.

Мы пришли в дом, когда обед уже стоял на столе. После обеда мы все до позднего вечера бродили по лесу, иногда, выходили да другие поляны с такими же березами вокруг, с огоньками среди высокой буйяой травы. Здесь была совершенно своя, ни на какую другую не похожая девственная и могучая природа.

Переночевав, мы утром снова много ходили, смотрели, слушали. Но пора было уезжать.

Провожая нас, старик вынес из своей библиотеки книжку, подал ее мне и сказал:

— Я давно прочел эту книгу и уже все взял от нее для своей жизни. Пусть она послужит вам. В ней рассказывается о великих людях, которые никогда не отрывались от природы, любили простой труд.

Я поблагодарил старика, и мы тронулись в обратный путь.

Снова поплыли пленительно белые березы, запестрели в глазах цветы. Потом надвинулся сосновый бор.

За два дня, проведенных на пасеке, я словно необычайно обновился.

Через день я улетел в Москву. Улетел, чтобы снова надолго расстаться со своим родным городом и идти дорогой жизни,

которую мне указывают долг, Родина.

24 июня… Хмурое утро. Но свет красных знамен, блеск орденов на мундирах, блеск сабель и меди оркестров, звон и музыка курантов Кремля раздвинули небосвод, расцветили облака. Шагая в колоннах фронтов, в рядах победителей, ощущая локти и плечи соседей, мы чувствовали близость друзей, стоявших в эти минуты на далеких от Москвы рубежах.

Парад Победы — парад победителей. Наша страна принимала рапорт от своей армии и чествовала ее. В сводных полках фронтов шли генералы и солдаты, пехотинцы, артиллеристы, летчики, отмеченные Золотыми Звездами, орденами «Победа», Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Нахимова, Славы… Они несли знамена, овеянные славой многочисленных битв, сияющие лучами величайшей победы.

Мне поручено нести знамя Первого Украинского фронта. Сжимая его древко в своих руках, я думал и о знамени нашей дивизии, увенчанном четырьмя орденами Родины.

Когда колонны проходили мимо Мавзолея Владимира Ильича Ленина, все взоры и мысли были обращены к создателю великой партии. Под ее руководством мы победили. Слышались только четкие удары шагов, музыка, шелест знамени над головой. Когда мы прошли мимо Мавзолея, у меня взяли из рук знамя, пригласив встать вблизи, на трибунах для гостей, — посмотреть самому парад. В эти минуты я по-настоящему смог увидеть, почувствовать, воспринять это замечательное историческое торжество.

Двести солдат вплотную подошли к Мавзолею и бросили к его подножию двести знамен немецких армий, дивизий, полков. Позорных знамен агрессии, разбоя, насилия. Я видел прогрохотавшие мимо меня мощные самоходные орудия, танки, тягачл, машины — нашу силу, созданную руками народа. Я видел вблизи себя представителей армий стран, наших дружественных соседей.

Я смотрел на клокочущую Красную площадь, на плотную стену москвичей и думал: не забудет ли мир, человечество, чего стоила ему эта победа над гитлеризмом? Сделает ли человечество нашей планеты свой железный вывод из этой страшной — и для нас и для тех, кто ее затеял, — войны?

Не забудут ли люди, сколько за эти годы было пролито крови, сколько могил рассеяно по земле от Волги до Шпрее и на полях боев во многих странах Европы?

Не забудут!.. Не должны забыть!

Не забудут!.. Не должны забыть!